

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

ГЭСЭР

Народное творчество (Фольклор)

Гэсэр

«Public Domain»

1000

Народное творчество (Фольклор)

Гэсэр / Народное творчество (Фольклор) — «Public Domain»,
1000

Гэсэр — герой бурятского эпоса, небожитель, спустившийся на землю и превратившийся в человека, чтобы совершить подвиг добра. Он должен победить чудовище, угрожающее роду человеческому.

Содержание

Запев	6
Ветвь первая	7
Часть 1	7
Когда это было	7
Богатыри Западных небес	8
Богатыри Восточных небес	13
Срединное небесное царство	16
Часть 2	17
Болезнь дочери Солнца Наран-Гохон	17
Белый жаворонок исцеляет дочь Солнца	20
Хан-Хурмас отправляется на охоту	23
Хан-Хурмас посещает Срединное царство Сэгэн-Сэбдэга	28
Бой быков	32
Часть 3	37
О красоте царевны Сэсэг-Ногон	37
Богатыри Западных и Восточных небес собираются у Сэгэн-Сэбдэга	40
Поединки небожителей	44
Бухэ-Бэлигтэ отправляется в Срединное царство	51
Часть 4	57
Поражение Атай-Улана	57
Перевоплощение Атай-Улана на земле	61
На земле распространяются повальные болезни	64
Девяносто бесов хотят уничтожить людской род	67
Надзвездное собрание богатырей посылает Бухэ-Бэлигтэ на землю	71
Дочь Солнца превращается в старуху	77
Дочь Солнца становится земной матерью Гэсэра	79
Ветвь вторая	82
Часть 1	82
Второе рождение	82
Девяносто коварных бесов	86
Косоглазый лама	92
Мальчик уничтожает бесов	95
Семьдесят телят	98
Часть 2	104
Саргал испытывает своих сыновей	104
Облава на зверя	109
Встреча с царевной Тумэн-Жаргалан	113
Прибытие женихов	117
Четыре условия Баян-хана	123
ЧАСТЬ 3	131
Царевна Урмай-Гохон	131
Как Сопливец-Нюсата стал Абай-Гэсэром	139
Всадник на кроваво-рыжем коне	145
Еда забвения	154

Три дворца в долине Хатан	159
Ветвь третья	163
Ветвь четвёртая	202
Ветвь пятая	253
Ветвь шестая	277
Чудовище хочет истребить жизнь на Земле	277
Гэсэр отправляется на битву с чудовищем	280
Первая схватка с чудовищем	285
Манзан-Гурмэ вручает Гэсэру шерстобитный смычок	292
Вторая схватка с чудовищем	296
Торжество жизни	301
Ветвь седьмая	305
Часть 1	305
Часть 2	336
Ветвь восьмая	375
Часть 1	375
Часть 2	411
Ветвь девятая	458
Эпилог	543

Гэсэр

Запев

Тридцать стрел из колчанов
Извлечем и покажем.
Тридцать славилось ханов —
Об отважном расскажем.
Двадцать было ларцов,
Где хранили мы стрелы.
Двадцать было борцов,
А один – самый смелый!
Мы позвать не забыли
Старцев, живших до нас.
Стародавние были
Мы расскажем сейчас.
Как созвездия юга.
Пусть не гаснет рассказ,—
Только слезы у друга
Пусть прольются из глаз.
Будем петь до мгновенья,
Что рассвет нам принес,
Будем петь до забвенья,
До восторга и слез.
Будем петь, чтоб соседи
У окошка столпились,
Чтоб на нашей беседе
Люди в песню влюбились!
У священного дерева
Девять длинных ветвей.
Вот сказанье Гэсэрово —
Тоже девять ветвей.
Ствол у дерева серый,
Свечи в желтой листве,
А в стихах о Гэсэре —
Битва в каждой главе.

А-э-э! А-э-э!

Нам за ястребом в тучах
Почему б не погнаться?
Родословной могучих
Почему б не заняться?

А-э-у! А-э-у!

Перевод Семёна Липкина.

Ветвь первая История людских судеб

Часть 1

Когда это было

Это было, когда начало
Изначальное рассветало;
Загоралось первое зарево,
Созидалось первое марево;
Не всходила еще трава,
Не звучали еще слова
В первый раз поведанной былью,
И была еще легкой пылью
Наша твердая мать-земля,
А могущественная змея
Безобидным была червяком,
Грязной глины жалким комком,
А Сумбэр-гора – бугорком;
Великанша-рыба тогда
Незаметным была мальком;
Океан, что бушует кругом,
Что волшебным богат молоком,
Был ничтожной лужей тогда;
Бурных рек не шумела вода.

Это было, когда сандал
Благовоньем не обладал,
А пятнистая самка марала
Чистой нетелью пребывала;
Пребывало в недвижимой мгле
Все, что ныне растет на земле;
Исполинская лебедь была,
Словно слабый галчонок, мала;
Были грозные скакуны
Только что на свет рождены;
Не имелось в те времена
Ни обычных, ни ханских дорог;
Не гремела еще война;
Ни восточный, ни западный бог
Не знавали еще вражды;
Боевые свои ряды
Небожители не созывали,

А воители не воевали.

Это было до наших лет,
Сказ не сделался делом живым,
И от серого черный цвет
Был в ту пору неотличим;
Не была еще борода
Эсэге-Малана седа,
И была еще в те года
Мать Эхэ-Юрен молода;
Мощью смелою Хан-Хурмас
Небеса еще не потряс.

Это было еще до тех пор,
Как предание стало сказкою,
Как вступили в суровый спор
Краска белая с черной краскою.
Мир не знал, что на свете есть
Вековые ссора и месть,
Не был злобным еще великан,
Небожитель Атай-Улан.
Не кружились в круженье живом
Небеса с Белым Швом, с Белым Швом.
Не кипели еще день за днем
Небеса с Белым Дном, с Белым Дном;
На страницах времен, где блестело
Все, что ныне открылось для глаз,
Исполнялось заветное дело,
Совершался поведанный сказ...

Богатыри Западных небес

Был на Западе Хан-Хурмас,
В богатырской красе боевой,
Над властителями главой:
Над пятьюдесятью пятью
Небожителями главой.
Как родился он в горнем краю,
С ним играл, веселясь и шутя,
Поднимал к подбородку дитя,
Убаюкивал и качал
И воспитывал-поучал,
Чтоб могучим рос мальчуган,
Тот отец Эсэге-Малан,
Что владыкой был девяти
Запредельных небесных стран.
Сотворил он светлую твердь,

Сотворил он и жизнь и смерть
Запредельных семи держав.

О Хурмасае начнем, сказав:
С первых дней обмывала его,
Дорогим называла его,
У груди согревала его,
Пеленала, растила его,
Чтоб возвысилась сила его,
Магушка Эхэ-Юрен,
Что была началом тепла,
Что опорой вечной была
Тысячи белых небес.

Над пятьюдесятью пятью
Небесами глава-владычица,
Утвердившая волю свою,
Чтобы мудрость могла возвеличиться,
Небожителей госпожа,
Бабушка Манзан-Гурмэ
Восседала, в руке держа
Чашу разума и добра,
Сотворенную из серебра.

Хан-Хурмас был войска главой.
С жизнью жизнь, голова с головой
С ним сроднилась Гэрэ-Сэсэн,
Разостлавшая войлок-потник,
Даровавшая света родник,
Наставлявшая сыновей,
Воспитавшая дочерей,
Не скрывавшая ясного облика,
А служило ей зеркалом облако!

Хан-Хурмас был счастливым отцом
Трех здоровых сынов-силачей,
Чернобровых трех дочерей,
Был главой тридцати и трех
Многомошных богатырей,
И трех братьев – земных царей,
И трех сотен знатных вождей,
И трех тысяч ратных людей.

Старший сын его, белый сын,
Знаменитый и смелый сын,
Обитал на вершине горной.
Был, как ястреб, конь его сер,
Был быстрее, чем ветер черный.
Богатырь Заса-Мэргэн

Много сделал хороших дел,
Много дел дурных разглядел,
Разгонял он тьму и туман,
Побеждал он зло и обман.

Средний сын его, красный сын,
Обитал на одной из вершин,
Где прозрачные облака.
Был он крепкий и сильный воин,
С шеей толстой, как у быка,
Был он телом упруг и строен,—
Мощноруких, широкоплечих,
Не страшился в сраженьях-сечах
Богатырь Бухэ-Бэлигтэ!

Младший сын его, третий сын,
Обитал среди горных теснин,
Обладал бездонным умом,
Обладал соловым конем.
Он, как беркут, на подвиг летел,—
Для великих рожденный дел,
Богатырь Хабата-Герэл.

Белоцветная старшая дочь
Всем стремилась в державе помочь.
Воскрешала она мертвецов,
Вдохновляла она храбрецов,
Исцеляла она больных,
Вразумляла она дурных,
Одаряла бедных людей,
В силачей превращала детей
И в могучих коней – жеребят.
Об Эржэн-Гохон говорят:
Для мужчин – блаженством была,
Среди жен – совершенством была!

Красноцветная средняя дочь,
Красоты своей власть утверждая,
Чувства чувствующих возбуждая,
Думы думающих пробуждая,—
Всех чистейших из всех сторон
Превзошла своей чистотою,
Целомудренной, молодою,
Дочь владыки Дуран-Гохон.

А последняя, младшая, дочь
С колыбельных дней, с первых дней
Всех прилежней была и умней,
Работящая, с доброй улыбкой

И с походкой плавной и гибкой.
Белый цвет в чистоте берегла,
И ягнят берегла без числа,
И старалась, чтоб зелень росла,
Молодая Сэбэл-Гохон.

Чтобы дальше вести рассказ,
Мы на землю взглянем сейчас.
Там трех братьев Хурмаса найдем,
Трех властителей в мире земном.
Был из младших старшим – Саргал.
Книгу белых указов держал.
Белолиц и белоголов,
Он скакал на белом коне,
Обитал он в Белой Стране,
Где дороги – белей облаков.

Средний брат жил в стране Сурагта,
Где неведома доброта,
Где дороги полны черноты,
Словно черные облака,
Где указы полны клеветы,
Словно сердце клеветника.
Обладал он черным конем
И душой с черно-мутным дном,
А на дне – и злость и обман.
Имя хана – Хара-Зутан.

С чистой, честной душой властелин,
Третий брат жил в стране Тэгэшин,
Где дороги издалека
Голубели, как облака.
Сэнгэлен был славен повсюду.
Конь его был равен верблюду.
Книга синих указов его
Почиталась, подобно чуду.

А среди тридцати и трех
Небожителей-богатырей
Всех важнее и всех смелей
Был могучий Буйдан-Улан.
Был отцом его – Холод-Буран.
Грудь его была широка,
А спина – спина смельчака.
Был он мощным и сильноруким,
Обладал он упругим луком,
В тучах тающею стрелой.
У него был скакун-иноходец,
Что меж небом летел и землей.

А второй из тех силачей
Был грозой для коварных мечей.
Был грозой для громил и задир,
Изумлял он отвагою мир.
То – Бургы-Шумар, чей отец —
Белоликий Заян-мудрец.
Был он с делом битвы знаком,
Был он самым метким стрелком.
Рядом с красной зарей, в вышине,
Над простором земных дорог,
Он скакал на гнедом коне,
Что от выстойки был тонконог.

Третий воин – строг и суров,
Третий воин – страх для врагов.
То был с крепкой костью стрелок,
То был с меткой злостью стрелок,
Чья стрела, как звезда, быстра.
Он скалу превращал в песок,
И, как пыль, рассыпалась гора,
Если гору толкал он ногой.
Был у воина конь лихой,
Масть коня – как сама заря.
Этот воин – Эржен-Шумар,
Сын Ойдбла-богатыря.

А четвертый был крепок станом,
Назывался Бэге-Буйланом.
Трепетали пред ним враги.
Был он отпрыском Бударги,
Исполина белых небес.
Все дробил он, что грязно и серо,
Все измерил, чему есть мера,
Взвесил все, что имеет вес.
Возвышаясь, подобно скале,
И сражаясь на правом крыле,
Он и левое видел крыло.
Сокрушал он подлость и зло.

Пятый, песнями знаменитый,
Был от всякой беды защитой,
Был броней от всякой опасности.
Столько в песнях его было властности,
Что, когда он пел, вдалеке
Закипала вода в реке.
Так был звучен его напев,
Так богаты мыслью слова,
Что на голом камне трава

Разрасталась, зазеленев.
Доставлял он много услад.
Получал он много наград —
Богатырь Нэхур-Нэмшэн.

А шестой – совсем молодой
Богатырь, пятнадцати лет —
Был покрыт железной броней,
Был в кольчугу и панцирь одет.
Были мышцы его сильны.
Он, как вихрь, летел на просторе —
Обладатель могучей спины
И груди широкой, как море.
А его богатырский лук
Был изделием Бухары.
Были желтые стрелы остры.
Золотым был его колчан.
Этот воин, Эрхэ-Манзан,
Был хозяином друга-коня
Цвета крови и цвета огня.

Было тридцать и три удалыца:
Если речь мы начнем о них,
Никогда не дойдем до конца.
Рассказали о шестерых,
Не забудем и остальных:
Девять сильных стояли у горна,
Девять было лихих кузнецов,
Девять молотом били упорно,
А всего – двадцать семь храбрецов.

Богатыри Восточных небес

На востоке, в заоблачной шири,
Тоже были богатыри,
Повелители и цари.
Было сорок их и четыре.
Возглавлял их Атай-Улан...
Чтобы крепким рос мальчуган,
С ним играл, веселясь и шутя,
Поднимал к подбородку дитя,
На коленях его держал,
Поучал, на бой снаряжал
Тот отец Абарга-Саган,
Что верховных владыкою был
Запредельных тринадцати стран,
Что явился на свет, когда

Зарождались месть и вражда.

С первых дней для сына была
Родником любви и тепла
Матушка Хара-Манзан,
Та, что мальчика согревала,
Пеленала и обмывала.
Было сладким объятие ее,
Щегольским было платье ее,
С тонкой кисточкой шапка была,
А сама круглолицей была,
Госпожой, царицей была!

С ним составив семью и племя,
С ним слила на вечное время
Сердце, душу свою и уста
Та, чья дума была чиста,
Мать могучих трех сыновей,
Наилучших трех дочерей,
Госпожа Гунгэр-Сэсэн.

Был Атай-Улан удальцом,
Был он трех сыновей отцом.
Трех красивых имел дочерей.
Возглавлял он богатырей,
Чье число – шестьдесят и шесть,
Ремесло – смертный бой и месть.
Возглавлял Атай-Улан
И шесть сотен знатных вождей,
И шесть тысяч ратных людей.

Старший сын его – белый сын.
С ним сравниться не мог ни один
Из господ небесной страны.
Оценить его? Нет цены!
Были мышцы его сильны,
В три обхвата широкая грудь.
Беломастным владел он конем,
Белизною сверкал его путь.
Говорили всюду о нем:
Славный воин Саган-Хасар
Не осилит его верховод,
Не догонит его скороход!

Средний сын, красноцветный сын,
Был превыше горных вершин,
А глаза его были как сталь,
Подчинялись им близь и даль,
Был глубокий ум у него,

Подчинялось ему колдовство.
По багровой скакал стороне
На пятнисто-буланом коне
Красноцветный Шара-Хасар.

Самый младший, последний сын
С крепкой костью был исполин,
С шеей толстой, как у быка.
Мощь его была велика.
Только в черное был он одет,
Признавал только черный цвет,
Только в серый цвет проникал,
А скакун его черноногий
По одной лишь дороге скакал —
По туманной, черной дороге.
Вот каков был Хара-Хасар!

Всюду славилась старшая дочь
Как великая мастерица.
Круглолица была, белолица!
Девять – с воротом – одеяний
Вышивала из шелковой ткани,
Что была, как ладонь, мала,
Вышивала из шелковой ткани,
Что не больше пальца была,
Двадцать – с воротом – одеяний.
И художеством и мастерством
Всех затмила в мире живом
Та царевна Алтан-Хурабша.

На ладонях нежных своих
Десять хитрых волшебств держа,
И на кончиках пальцев своих
Двадцать мудростей тонких держа,
Прославлялась и госпожа,
Повелителя средняя дочь.
Так была собой хороша
Та царевна Мунган-Хурабша,
Что причиной раздоров была,
Что предметом споров была
Для небесных богатырей.

Всех считалась умней и добрей
Повелителя младшая дочь,
Чья походка плавной была.
Ослепляла она зеркала,
Та царевна Уен-Сэсэн!
И скромна была, и мила,
В небольшом она доме жила,

Но зато обладала большой,
Как безбрежное море, душой.

Срединное небесное царство

На небесном своде высоком
Между Западом и Востоком,
Меж могучими посередине,
В голубой, счастливой долине
Жил почтенный Сэгэн-Сэбдэг.
Отвергал он Запада власть,
Не желал пред Востоком пасть.

Он травой, скотом был богат,
На Сэсэн-Уган был женат.
Жил народ его благодатно:
В день питался он троекратно,
Наслаждался у всех на виду
Троекратным счастьем в году.
В незабвенное это время
Утверждаться начало племя
Белых западных небожителей.
В это время на небе восточном
Становилось мощным и прочным
Государство черных воителей.
У Сэсэн-Уган в это время
Округлялось желанное бремя:
Между двух враждебных сторон
Родилась у Сэгэн-Сэбдэга
Дочь-царевна Сэсэг-Ногон.
Над владением Серединным
Каждый стать желал господином:
Хан-Хурмас и Атай-Улан,
Властелины небесных стран,
Силу пробовали свою,
Но пока еще не в бою:
Ханы спорили десять лет —
Шел обман за коварством вслед,
Ханы спорили двадцать лет —
Вслед за хитростью шел навет.
Ханы трижды прошли вокруг
Мироздания нового, юного
И четвертый проделали круг
От простора земного до лунного.

Часть 2

Болезнь дочери Солнца Наран-Гохон

В эти дни у Наран-Дулана,
У противника мглы и тумана,
В доме Солнца-богатыря,
Побеждавшего черную ночь,
Вырастала сама заря,
Вырастала красавица дочь.

А в руках у Атай-Улана
Двадцать два было страшных дурмана
И двенадцать волшебных сил.
Эти силы он в дело пустил,
И, рожденная Солнцем царевна,
Стала чахнуть Наран-Гохон,
Стала кашлять она каждодневно...
Дочь три года уже больна,—
Нет у Солнца-отца лекарства,
Нет спасенья от колдуна
Из Восточного государства!

...В стародавнем рукописанье
Изначальных, первых времен
Было грозное предсказанье:
Коль погибнет Наран-Гохон,
То восточные сорок четыре
Небожителя власть свою
Утвердят в заоблачном мире
Над пятьюдесятью пятью
Храбрецами Западной части —
И не будет конца этой власти.

Храбрецы – пятьдесят и пять —
Стали девушку врачевать,
Но старанья были впустую —
Не смогли исцелить больную.
Не умея царевну спасти,
Не найдя к исцеленью пути,
Пятьдесят и пять лекарей —
Небожителей-богатырей —
Обратились к той, что была
Их верховною госпожой,
Обладавшей мудрой душой,
Чашей разума и добра,

Сотворенной из серебра,—
К бабушке Манзан-Гурмэ.

Над пятьюдесятью пятью
Небесами глава-владычица,
Утвердившая волю свою,
Чтобы мудрость могла возвеличиться,
Бабушка Манзан-Гурмэ
Заглянула в книгу священную.
То, что нужно, найдя сперва,
Охватила мыслью вселенную
И такие сказала слова:

«На северо-западе
Верхних небес,
Где солнца рассветного
Блещет навес,
Где никто не видал очага,
Вьется жаворонок Азарга.
На груди – древних букв серебро,
Тонко вывело буквы перо,
И сверкает на солнце спина —
Золотые на ней письмена.
Если поймана будет птица,
Сразу девушка исцелится:
Приложите к спине спиной,
И к груди – другой стороной, —
Возвратите здоровье больной!»

Восседая, сказала сказ
И, привстав, отдала приказ
Бабушка Манзан-Гурмэ,
Чтоб явился к ней в тот же час
Без других храбрецов, один,
Богатырь, чей отец – Хурмас,
Средний сын его, красный сын,
Удалец Бухэ-Бэлигтэ.
И старуха богатыря
Похвалила за послушанье
И поведала предсказанье,
Слово истины говоря:

«Коль погибнет Наран-Гохон,
То погаснет, зайдет заря.
Над пятьюдесятью пятью
Храбрецами в Западной шири
Станут властвовать сорок четыре
Властелина Восточных небес.
Если ж выздоровеет царевна

И возрадуется душевно,
То заря будет ярко сиять.
Храбрецы – пятьдесят и пять,—
Исполины Западной части,
Обретут желанное счастье.
Надо Солнцем рожденную дочь
Исцелить – и низвергнуть ночь,
Чтоб избавить нас от напасти.
Наступил испытанья час.
Воин, выслушай мой наказ.

На северо-западе
Верхних небес,
Где солнца рассветного
Блещет навес,
Вьется тот, кто спасет от врага:
Белый жаворонок Азарга.
На груди – древних букв серебро,
Тонко вывело буквы перо,
И сверкает на солнце спина —
Золотые на ней письма.
Если поймана будет птица,
То Наран-Гохон исцелится,
Но должна быть птица живой.
Ты ее не срази стрелой,
Целься в жаворонка умело,
Постарайся, чтобы в глазки
Наконечника птица влетела,
А когда совершишь это дело,
Мы приложим к царевне больной
Эту птицу – к спине спиной,
И к груди – другой стороной.
Только так, при этом условии,
Возвратится к царевне здоровье».

Поучала среднего внука
Бабка мудрая и седая,
И нелегкой была наука.
Удивляясь, недоумевая,
Вопросил Бухэ-Бэлигтэ:

«Над пятьюдесятью пятью
Небесами глава-владычица,
Утвердившая волю свою,
Чтобы мудрость могла возвеличиться!
Я, охотясь, по небу мчался,
Обошел и леса и луга,
Но ни разу не повстречался
С белым жаворонком Азарга.

Где находится эта птица?
Где летает и где гнездится?»
И от бабки он слышит наказ:
«У отца спроси, говорит,
Пусть ответит тебе Хурмас».

Средний сын, красноцветный воин,
Словом бабки своей расстроен,
Задаёт Хурмасу вопрос.
Тот подумал и произнес:
«В молодые, смелые годы
И позднее, в зрелые годы,
Эту птицу встречал я порою —
Там, где ночь расстается с зарею,
На северо-западе Верхних небес,
Где солнца рассветного
Блещет навес,
Белый жаворонок трепетал.
Я серебряные читал
На груди его письмена,
Мне сверкала его спина —
Золотые на ней письмена.
Вместе с ним трепетал я, читая,
Открывалась мне то золотая,
То серебряная страница.
Но исчезла с тех пор эта птица,
Не встречал я ее нигде...»

Средний сын, Бухэ-Бэлигтэ,
В путь-дорогу решил отправиться,
Птицу жаворонка поймать,
Чтобы вылечилась красавица.
Он достал свой лук и колчан,
Поскакал, сквозь рассветный туман,
На отцовском гнедом коне
К неизведанной стороне.

Белый жаворонок исцеляет дочь Солнца

Конь Бэлыгэн, скакун удалой,
Между небом летел и землей,
Там, где дали густеют и меркнут,
То как белка мелькал, то как беркут.
Вдруг замедлил он бег торопливый,
Будто сразу почувял усталость:
Там, где с ночью заря расставалась,
Где дрожали ее переливы,

На северо-западе Верхних небес,
Где солнца рассветного
Блещет навес,
Белый жаворонок трепетал,
Трепетал-напевал, взлетая,
Наизусть две страницы читая:
На спине у него – золотая
И серебряная – на груди.
Погляди, богатырь, погляди,
Эта птица не просто ловится:
То былинкой она становится,
То, в пылинку величиной,
В синеве пропадает сквозной.
Но ее изловить готовится
Сын Хурмаса, Бухэ-Бэлигтэ.

Богатырь, свой стан наклоня,
На развилке дорог небесных
Останавливает коня.
Он у предков помощи просит:
Вызывая сверканье огня,
Он заклятие произносит
Над хангайской черной стрелой.
Вызывая тяжелый дым,
Над ее опереньем густым
Причитание произносит:
Пусть, пернатая, счастье приносит,
Пусть стрела как следует прянет,
Но чудесную птицу не ранит,
Чтоб живым трепетанием тело
Трепетало, чтобы в глазки
Наконечника птица влетела!

Принялся богатырь за дело.
Он пустил из лука стрелу.
Поднялась стрела, засвистела,
И пронзила она облака.
«У стрелы быстрота – от стрелка,
У коня – от его седока».
Так подумал он, выжидая...
Засвистела стрела Хангая,
Возвратилась назад стрела
И, охотника радуя смелого,
В наконечнике принесла
Птицу – жаворонка белого,
Невредимого и целого!

Сын Хурмаса, Бухэ-Бэлигтэ,
Средний сын, что был краснолик,

Утверждает: «Я цели достиг!»
Воскликает: «Сделано дело!»
На отцовском гнедом коне
До родного домчался предела.
Вот и коновязь золотая.
Вот и бабка Манзан-Гурмэ
Возвышается, восседая,
С чашей разума и добра,
Сотворенной из серебра,—
Над пятьюдесятью пятью
Небесами глава-владычица,
Утвердившая волю свою,
Чтобы мудрость могла возвеличиться!
Богатырь пред ней предстает,
Молча бабке своей подает
Птицу – жаворонка белого,
Невредимого и целого!

Бабушка Манзан-Гурмэ,
За старанье благодаря,
Похвалила богатыря.

А затем от недуга-врага
Белым жаворонком Азарга
Начала царевну лечить.
С дивной птицей, дарующей милость,
Над Наран-Гохон наклонилась,
Приложила к спине спиной,
И к груди – другой стороной.
Белый жаворонок Азарга
Исцеленье приносит больной,
Будто всасывает в себя
Яд болезни ее затяжной.
Перестала кашлять царевна,
Поправляется каждодневно:
День за днем и за ночью ночь
Крепнет Солнца юная дочь,
А болезнь убирается прочь!

И седая Манзан-Гурмэ
Весела всей великой душой,
Рада радостью самой большой,
Птицу – жаворонка Азарга,
Благодарная, осветила
Долговечным своим молоком
И на волю, ввысь отпустила,
И увидели все кругом,
Что царевна юная снова
Весела, красива, здорова,

Что на Западном небе опять
Храбрецы – пятьдесят и пять —
Стали радостно жить-поживать,
А воители неба Востока
Стали западным издалёка
Битвой-мestью грозить-угрожать.

Хан-Хурмас отправляется на охоту

Дальше сказывается сказ.
Произнес как-то слово Хурмас,
Повелитель богатырей:
«Что мне мясо баранье и бычье?
Мне другой захотелось добычи —
Поохочусь на диких зверей.
Погляжу на стада-табуны,
На людей мне подвластной страны,
Погляжу на свою державу,
А потом, говорит, на славу
Я устрою охоту-облаву».

Хан-Хурмас произнес это слово,
Стал коня снаряжать гнедого.
Возвышался Бэльтэн, как гора.
Как у зайца, уши остры.
Недоуздок из серебра,
И блестит серебро узды.
Принялся богатырь за труды.
Он повел коня по камням,
Чтоб копыта стали тверды,
Он по льду повел скакуна,
Чтобы круглыми стали копыта,
А потом с утра дотемна
Стал поить его черной водой,
На равнине его стреножил,
Чтобы ястребом взвился гнедой,
На вершине его стреножил,
Стал кормить прошлогодней травой,
Чтобы конь свою мощь умножил,
Чтоб как сокол парил боевой!

У коня из бархата холка,
А потник – из лучшего шелка.
Скакуна седлают седлом,
И сверкает оно серебром,
И нагрудник из серебра,
И нахвостник из серебра.

Перетянута туго-туго,
За подпругой видна подпруга,
Крепкий повод, красивый, тугой,
За седельной закинут лукой,
За седельной подушкой – плеть,
Хороша ее рукоять...
На таком бы коне сидеть,
На таком бы коне скакать!

Скакуна, что дышал привольем,
Хан-Хурмас к серебряным кольям,
К светлой коновязи привязал,
Посмотрел на него и сказал:
«Он готов для охоты вполне —
Приготовиться надо и мне!».

Облачил он в сорочку тело,
А холстина, как снег, блестела,
Из парчи он рубаху надел,
На одежды свои поглядел
И отменные выбрал штаны,
Из лосиной сшитые кожи,—
Словно печень, они черны,
И на замшу они похожи.
А потом сапоги натянул,
Что из рыбьей сделаны кожи,—
Черной юфти она дороже.
А потом на плечи надел
Из парчи накидку-дэгэл —
Богатырское облаченье.
Только пальцем большим шевельнул
И все семьдесят медных застежек
Сразу пальцем одним застегнул!
Он потом свой стан затянул
Кушаком извитым, прославленным,
Серебром и золотом оправленным.
Он кольчугу надел и щит —
Ничего их не устрасит:
Ни равнин дожди многодневные,
Ни дружин вожди многодневные!

Он соболью шапку надел,
Что казалась огромной копной,
Кисть была словно холм травяной
И дрожала от ветра дорог.
Нацепил он на правый бок
Закаленный булатный меч,
Сотворенный для ратных встреч:
Он на восемьдесят шагов

Удлинялся при виде врагов
Иль сжимался на восемь шагов,
И при этом он был таков:
Острие – хитрей колдуна,
На ребре видны письмена.
Он привесил налучник стальной
Шириною в простор степной,
Нацепил он колчан, шириной
Равный узкой долине речной.
Он упрятал в налучник свой
Желтоцветный лук боевой
С крепкой шелковой тетивой,
С завитками из козьих рогов
И опасный для грозных врагов.
«Все готово, – подумал Хурмас, —
В путь-дорогу пора в добрый час».

Он выходит на двор, величавый
Повелитель небесной державы.
Открывает хангайскую дверь
Из чистейшего перламутра,
Без соринки, светлый, как утро,
Позади оставляет порог —
Белоснежный мрамор Хангая,
И по лестнице из серебра,
Ни ступеньки не пропуская,
Он спускается со двора.
А попробовали б спуститься
Жеребенок и кобылица!
А пошли бы за смельчаком
Кобылица да с лончаком!

Подошел он к серебряным кольям,
Где стоял на привязи конь,
Наслаждаясь небесным раздольем.
Хан-Хурмас погладил гнедого,
Приласкал коня удалого.
Взял он повод в левую руку,
Взял он плетку в правую руку,
Быстро ноги вдел в стремяна,
На гнедого вскочил скакуна
И уселся крепко в седло
Из якутского серебра,
Возвышаясь, точно гора.
Круг проделал он, повторяя
Светлый солнечный круговорот,
И, как вихрь, помчался вперед —
Только пыль взметнулась густая,
Только шапки высокая кисть

Трепетала нитями алыми,
Развевалась над серыми скалами.

Путь Хурмаса давно ли начат,
Долго ль, коротко ль едет-скачет,
А до северной стороны,
Где паслись стада-табуны,
Доскакал властелин страны.
Оказался несметным скот,
Лошадям был потерян счет,
И китаец белобородый
Охранял овец и коней
Наилучшей, ценной породы.

Поздоровался с ним Хурмас,
И, насколько хватал его глаз,
Он увидел стада-табуны:
Овцы тучны, а кони сильны,
Не убавились овцы в числе,
Не убавились кони в числе,
Стало больше их, стали крупней.
И решил небожитель Хурмас:
«Напою овец и коней».
И к великой реке тогда,
Где черна, кипуча вода,
Он погнал табуны-стада.
То покрикивал криком тонким,
То покрикивал криком звонким,
То покрикивал громко, в голос,
И от криков степь раскололась
Под ягненком и жеребенком!

Он пригнал бесчисленный скот
К необъятной черной реке.
Стадо, вырвавшееся вперед,
Жадно воду чистую пьет,
А стоящее вдалеке
Лижет камни, тонет в песке.

Хан-Хурмас поскакал на юг.
Сколько пастбищ было вокруг,
Сколько было коров и быков
На зеленом просторе лугов!
Охранителем этих стад
Был китаец черноголовый,
И при нем быки и коровы
Приумножились: их число
С каждым днем росло и росло!

Говорит глава смельчаков:
«Напою коров и быков!»
И к реке он погнал стада,
Где желта и обширна вода.
То скрипучий крик издавая,
То могучий крик издавая,
То склоняясь к коню, то вставая,
Он пригнал бесчисленный скот
К необъятной желтой реке.
Стадо, вырвавшееся вперед,
Жадно воду чистую пьет,
А стоящее вдалеке
Лижет камни, тонет в песке.

Вот, оставив стада-табуны,
Хан-Хурмас поскакал то степью
Непомерной длины-ширины,
То сухой недотрогой-пустыней,
То крутой дорогой нагорной.
До тайги доскакал он синей,
До тайги он добрался черной.
Только тех промышлял зверей,
Кто побольше был, пожирней,
Малых, тощих он отпускал.
Долго он по тайге скакал,
Он и соболя изловил,
И стрелюю сразил бобра,
Что белее был серебра.

На коня он навьючил добычу.
Навострил свои уши гнедой
И, внимая походному кличу,
Из тайги помчался домой.
Если тихо всадник скакал,
Замедляя бег скакуна,
Пыль вздымалась, мутна и черна.
Если с шумом всадник скакал,
Убыстряя бег скакуна,
То под ним сотрясался дол
И взлетали тяжелые комья,
Что размером были с котел.

Прискакал стрелок и храбрец,
Прискакал Хурмас во дворец.
Возле коновязи своей
Придержал он коня гнедого.
Сбросил влево одних зверей,
Сбросил вправо других зверей,
А потом сказал свое слово:

«Чтобы шубы сшить, отберите
Тех, которые попышнее,
Чтоб людей накормить, сварите
Тех, которые повкуснее!»

Вот хозяйка Гэрэ-Сэсэн
В богатырском небесном чертоге
Попросила мужа присесть
За широкий стол восьминогий,
Пригласила попить-поесть,
Насладиться отменной едой,
Что на скатерти золотой
Стали ставить пред ним повара,
А на скатерти из серебра
Тоже было немало пищи!
Небожитель, поев, достает
Из похожего на голенище,
Из кисета на правом боку
Горсть легчайшего табаку,
И табак он бросает в трубку,
Что размером с детскую шубку,
Высекает кресалом искры,
А кресало – что крупный лось.
И как только пламя зажглось,
Закурив, стал сосать он трубку,
Поднимал он шум, как вулкан,
Стлался горький дым, как туман.

Хан-Хурмас посещает Срединное царство Сэгэн-Сэбдэга

Так подумал властитель страны:
«Осмотрел я стада-табуны,
Я устроил охоту-облаву,
На коня я сяду опять,
Погляжу на свою державу».
Он отправился к северным жителям
Своего небесного края.
Прибыл в гости, милость являя,
Подошел к старикам предводителям.

Словно старший, одних приветствовал,
Словно младший, других приветствовал.
Тем, кто спрашивал, он отвечивал,
А потом он и сам расспрашивал,
Он учтивостью разукрашивал
Благосклонную, умную речь,—
И сердечней не было встреч.

«Здесь, на Севере, ваш народ
Лучше прежнего ныне живет,
Он теперь богат и велик»,—
Так сказал ему главный старик.
Вот, внимая напутствиям дружным,
Хан-Хурмас повернул коня,
И, отраду в душе храня,
Он отправился к подданным южным.

Долгим был его путь иль коротким,
А Хурмасу был он знаком.
Как с ровесником-одногодком,
С главным встретился стариком.
Вот подходят учтиво друг к другу,
Подают они правую руку,
Жаждают в сердце дружбу сберечь.
У обоих – честная речь,
И правдив у обоих язык.
Так поведал главный старик:
«Здесь, на Юге, ваш добрый народ
Лучше прежнего ныне живет,
Стал сильнее во много раз».

И возрадовался Хурмас,
Возвратиться решил назад,
Но внезапно он бросил взгляд
На дворец, что виднелся в тумане,
В дымке-мареве утренней рани.
А владел им Сэгэн-Сэбдэг,
Тот, кто горя не знал вовек,
В голубой проживая долине,
Меж могучими посередине,
Между Западом и Востоком,
Тот, кто жил на небе высоком,
Отвергая Востока власть,
Не желая пред Западом пасть,
У кого было много стад,
Чей народ, красив и богат,
Беззаботно жил, благодатно,
В день питался он троекратно,
Наслаждался у всех на виду
Троекратным счастьем в году.

Хан-Хурмас на синий дворец
Посмотрел своим взглядом острым,
И решенье воитель-мудрец
Принял в сердце своем черно-пестром,
В богатырском сердце своем:
Повстречаться пора с царем,

С благородным Сэгэн-Сэбдэгом,
Что приветлив был и умен,
И проведать Сэсэг-Ногон.

Конь гнедой под всадником взвился.
Тот помчался небесной тропой
И, замедлив, остановился
Возле коновязи золотой,
На приколе коня поставил
И шаги во дворец направил.
Вот поднялся он по богатым,
По сереброцветным ступеням —
По таким бы взбегать с нетерпеньем
Кобылицам и жеребяткам!

Он дошел до ворот дворца,
Он взбежал к серебру крыльца,
Ни ступеньки не пропуская.
Подошла б дорога такая
Кобылице и лончаку!
Дверь – сокровище из Хангая —
Уступила путь смельчаку.
Ни соринки не оставляя
На пороге, белом как снег,
Входит гость во дворец расписной,
А навстречу – Сэгэн-Сэбдэг
С благородной своей женой,
И приветствуют гостя учтиво,
С уваженьем и красноречиво.

На почетное место справа
Приглашают богатыря,
Чья грозна, обширна держава:
«Вы садитесь повыше нас!»
И садится могучий Хурмас.
Было крепким рукопожатье,
Было радостным их занятье,—
Восемь дней продолжался пир.
Разливались во время встречи
И вино, и умные речи,—
Девять дней продолжался пир.
На десятые сутки веселий
Оба гостя отяжелели
И дышали уже с трудом,
Угощаясь едой и питьем.
Говорят: «Надо знать и честь —
Столько можно ли пить и есть?»

На прощанье Хурмас к Сэбдэгу

Обратился с речью такой:
«Подчинись мне по доброй воле,
Стань мне преданным, верным слугой,
На своем оставаясь престоле».

Но к Сэбдэгу Атай-Улан
Обратился с речью другою:
«Стань отныне моим слугою,
Ты отринь пятьдесят и пять
Небожителей Западной части,
Ты пойми: чтоб найти свое счастье,
Ты мое обязан признать —
Властелина Востока – господство
И моих сорока четырех
Небожителей превосходство!»

Так ответил Сэбдэг владыкам,
Двум небесным царям великим:
«Я не знаю, кому подчиниться,—
Пусть на это ответит страница
Из священной Книги Судеб.
Прочитав, узнайте: по праву
Кто получит мою державу?»

Ищут, желтую книгу листая,
Ищут, вещие строки читая,
Два верховных царя небес,—
Оказалось, что книга святая
Отказала им наотрез:
«Никакая не вправе рать
У Сэбдэга страну отобрать!»

Но Хурмасу-богатырю
Так была та страна желанна,
Что упрашивать стал он Улана:
«Ты послушай, что я говорю.
Нам с тобою спорить негоже,
Я постарше, ты помоложе,—
Уступи мне эту долину!»

Хоть восточному властелину
Не понравилась просьба такая,
Уступил он Хурмасу все же,
С ханом ссориться не желая:
Тот постарше, он помоложе —
И Хурмаса в гости позвал.
Десять дней у него пировал,
И вино вкушая и счастье,
Повелитель Западной части.

Говорит довольный Хурмас
Властелину Восточной страны:
«Я к себе приглашаю вас
На десятые сутки луны».
И, простясь, на гнедом коне
Поскакал к родной стороне.

Бой быков

Было радостным возвращенье,
Но, забыв о своем приглашенье,
За собою не зная вины,
На десятые сутки луны
Тестя вздумал Хурмас навестить —
И отправился погостить.

Но в назначенный прибыл срок
Тот, кому подчинялся Восток,—
Небожитель Атай-Улан.
Вот пред ним высокий чертог
На небесном воздвигся просторе,
Но ворота все на запоре,
Не дымятся холодные трубы...

Рассердился Атай-Улан,
Заскрипели белые зубы,
Встали дыбом белые волосы
На горячей его голове,
Он пошел – и глубокие полосы
Протянулись в высокой траве,
И дворец, где не встретил дружбы,
Обошел он тринадцать раз,
Обошел постройки и службы
Он тринадцать и десять раз,
Закричал и – страхом объятых —
Пятьдесят кочевий потряс,
Будто десять сотен сохатых
На лесистых вскрикнули скатах,
Будто подняли громкоголосье,
Испугавшись, лосихи и лоси!

Он приехал к властителю в гости,
Ожидая высокой чести,
А уехал он полный злости,
А уехал он полный мести.
Прискакал он к Сэгэн-Сэбдэгу
И с коня ему крикнул: «Ты – мой,

А не то не дожить мне до старости!»
И, дыша тяжело от ярости,
Возвратился к себе домой.

Возвратился к себе домой
И Хурмас от отца жены,
Позабыв, что позвал он гостя
На десятые сутки луны.
Вышла к мужу Гэрэ-Сэсэн
И, с обидою на супруга,
Проронила, дрожа от испуга:
«Здесь один из твоих побывал,
Тот, кого ты в гости позвал,
Но, тебя не застав, рассердился,
Твой дворец прокляв, удалился,
Обойдя его много раз».

«Пригласил я Атай-Улана, —
Сразу вспомнил седой Хурмас,—
Он и прибыл в назначенный час,
Без меня приехал сюда —
Небольшая это беда!»

Хан-Хурмас отправил к Сэбдэгу
Трех надежных, быстрых послов,
Чтобы пять поведали слов:
«Ты под властью моей отныне».

Но послы в голубой долине,
Между двух держав посредине,
Носом к носу столкнулись неожиданно
С храбрецами Атай-Улана,
Три посла против трех послов!
Два посольства тогда поссорились,
И одна сторона и другая
Пред хозяином опозорились,
Грубой бранью друг друга ругая,
И прогнал их Сэгэн-Сэбдэг:
«Я ничьим не буду вовек!»

Хоть и вызвали в нем недовольство,—
Возвращались к нему троекратно
Двух небесных владык посольства
И ни с чем уходили обратно.
Поспешили к своим дворам
По небесным светлым просторам,
Доложили двоим царям,
Что прогнал их Сэбдэг с позором.

В это время в стране Сэбдэга
Повстречались быки двух владык:
Хан-Хурмаса могучий бык
С темно-синей пятнистой шкурой,
И второй – бугай красно-бурий,
Мощный пороз Атай-Улана.

Два быка – два врага.
Чьи острее рога?
«Бык, скажи, не робей:
Ты ль сильнее и храбрей?»
Рев раздался еще раз.
«Ты ль сильнее, бурый пороз?»
Выйдя издалека,
Сходятся два быка.

Два быка, два царя,
Будто в бой не решаются,
Исподлобья смотря,
Тихо, грозно сближаются.
Сначала коснулись
Друг друга боками,
Друг с другом столкнулись
Большими рогами, —
Дрожа, всколыхнулись
Холмы под быками,
И вихри взметнулись
У них под ногами!

Длится бой восемь дней.
Кто смелей? Кто сильнее?
Девять дней длится бой,
Полный злобы тупой.
Забелел день десятый —
Ослабел староватый,
Головою поник
Синий – с пятнами – бык.
Рыхлым сделалось тело,
В жилах кровь загустела.
Постепенно слабея,
Начала гнуться шея,
Как лоза, как лоза,
И, недвижно темнея,
Потускнели глаза.

С ревом бык пестро-синий
Убежал от врага.
Он топтал в котловине
И леса и луга.

Он бежал сквозь кочевья,
Он бежал сквозь тайгу,
Вырывая деревья
И кусты на бегу.
И тропа распоролась
Под бегущим быком,
А неистовый пороз
Гнался вслед за врагом.

Два противника разъярены
И не могут остановиться...
Вот и Западной стороны
Перед ними рубеж-граница.
Здесь увидел обоих быков
Хан-Хурмас, глава смельчаков.
Стал он пороза бить булавой,
И отпрянул горячий бык
С красно-бурою головой:
Повернул красно-бурый бок,
Побежал назад, на Восток.

За быком Хан-Хурмас помчался,
Вот Сэбдэга страна за курганом,—
Там воитель с Атай-Уланом
Неожиданно повстречался.
До поры столкнувшись, до времени
Носом к носу и стремя к стремени,
Друг на друга два божества,
От полднего часа до темени,
Стали бранные сыпать слова.
Так ругались они, что трава
Тех ругательств не вынесла бремени,
Так ругались они, что сухие
Дерева рассеклись пополам,
Так ругались они, что сырые
Дерева стали падать к ногам.
Перепуталась полночь с рассветом,
Перепутались небыль и быль,
И над миром, в туман одетым,
Поднялась пугливая пыль.

Гром гремел голосами раската,
Вспыхнув, сразу же гасла зарница,
От козы отбились козлята,
И птенцов потеряла птица.
Поостыли два главаря,
Перестали ругаться-браниться
Два небесных верховных царя.
И, поставив коней на приколе,

Где береза белая в поле
Упиралась в сверканье зари,
Сели, ноги скрестив, цари,
Сели друг против друга спокойно,
Разговаривать стали достойно.

Много дней прошло в разговоре,—
До тех пор, что вспенилось море,
До тех пор говорили слова,
Что на голом камне трава
Неожиданно зазеленела,—
А никак не сделают дела,
А никак не свершат раздела
Голубой Срединной страны.
Наконец пойти порешили
Непреложным путем войны
И назначили день похода:
Через год и еще полгода.
Тот, кому суждена победа,
Завладеет страной соседа.

Часть 3

О красоте царевны Сэсэг-Ногон

Благородный Сэгэн-Сэбдэг,
Что владел Срединной страной,
Со своей почтенной женой
Так воспитывали царевну:
На нее, как на солнце, смотрели,
Самым теплым теплом колыбели
Согревали Сэсэг-Ногон,
На руках царевну качали,
К подбородку ее подняв,
На коленях ее держали,
Охраняли, чтобы печали
И тревоги над ней не повеяли,
Так растили ее, так лелеяли,
Чтобы к ней не пристала грязь,
Чтобы пыль над ней не взвилась,
Что при конском вздымается топоте,
Чтоб не выпачкалась она
Ни в грязи, ни в песке, ни в копоти...
Есть у нас поговорка одна:
«С колыбели отважен мальчонок,
А девчонка красива с пеленок».
Как царевне исполнился год,
Начала розоветь, как восход,
И румянцем живым наливаться;
Как второй исполнился год,
Начала лепетать-смеяться;
Как ей семь исполнилось лет,
Расцвела, как весенний цвет,
Стала звонко петь-заливаться;
Как ей восемь исполнилось лет,
Стала в пляске плыть-изгибаться;
Как ей стало десять без малости,
Позабыла детские шалости,
За хозяйством стала приглядывать,
Ко всему свои руки прикладывать,
Золотой разгораясь зарею,
Молодой наслаждаясь порою.

Ей работа казалась забавой:
Указательный палец правый
Подружился-сроднился с наперстком,
С левым глазом сдружилась иголка.

Из кусочка тонкого шелка,—
Ткань была, как ладонь, мала,—
Десять шила она одеяний,
А из тонкой шелковой ткани,
Что не больше пальца была,
Двадцать шила она одеяний —
Для сражений, для славных деяний.

Стала радость дочь доставлять
И Сэсэн-Уган и Сэбдэгу.
Говорили отец и мать,
Что рука к их рукам прибавилась,
Что нога к их ногам прибавилась,
Что помощница-дочь прославилась
И в хозяйстве и в рукоделье,
Что пышнее трава закудрявилась,
Что настало в их доме веселье...

Как чудесный цветок весенний
Средь обычных цветов и растений,
Вырастала Сэсэг-Ногон.
Как подснежник перед весной,
Озаренная новизною,
Расцветала Сэсэг-Ногон.
Расцветала и вырастала,
Несравненной девушкой стала.

Вот идет она и садится,
И движенья так величавы,
Что не могут с нею сравниться
Наливающиеся травы.
Вот встает она и ложится,
И как будто издали слышится,
Что, желая с ней подружиться,
На лужайке трава колышется.

Вот походкою совершенной
По тропе идет-изгибается
И почти тропы не касается,
И тринадцать красок вселенной,
Золотой и благословенной,
Изумляясь, переливаются.
Побежит – и душистая зелень,
Разноцветье долин и расселин,
Мир подлунный, что беспределен,
Заволнуется, заулыбается.

Светом правой щеки просияв,
Затмевает сиянье небесных,

Мощных Западных стран-держав.
Светом левой щеки просияв,
Затмевает сиянье небесных,
Неоглядных Восточных держав.
На сверкающий взглянешь лик —
И рассвета увидишь двойник.
Ты посмотришь на круглую шею —
В восхищенье придешь перед нею,
Скажешь: новый месяц возник.
Ты посмотришь на лоб высокий,
На ее румяные щеки,
На ресницы дивной длины,
На глаза, что черным-черны,
И на косы, что в три обхвата,
И воскликнешь: она – божество,
Что для нашего мира всего
Навсегда драгоценно и свято!
Нет, воскликнешь, она – изваянье,
Излучающее сиянье!
Нет, – горит она белой звездой
Над вселенною молодой!
Нет, – луны и солнца прелестней,
Эта девушка сделалась песней,
И разносится песня широко
По небесным державам Востока,
А для Западных стран и племен
Стала счастьем Сэсэг-Ногон,
Им сияющим издалёка!

Совершенного вида и нрава,
Стала девушка всюду известной,
Как волна, разлилась ее слава
По сверкающей выси небесной,
Над горами и над полями
Загорелась она, как пламя,
Как волшебная песнь, полетела
И земного достигла предела.

Много тысяч небесных бурханов,
От ее красоты поглупев,
Превратились в задир и буянов.
Много тысяч отважных воителей,
Небожителей-повелителей,
Именитых и знатных сыны,
Были вестью возбуждены:
Всех манил их цветок волшебный,
Все друг другу стали враждебны.
Приходил за бурханом бурхан
Из небесных Западных стран,

Шли, красавицу возжелав,
Удальцы из Восточных держав.
Приходили небесные жители —
Их с почетом встречали родители.
Были здесь удалые стрелки
И несметных дружин предводители.
Истомились одни от тоски,
А другие, как дураки,
Сердцу-разуму вопреки
Собирались в кучи и кучки,
В нетерпенье тряслись, как в трясушке.

Богатыри Западных и Восточных небес собираются у Сэгэн-Сэбдэга

И Сэсэн-Уган, и Сэбдэг,
Из веков выбрав лучший век,
Постигая годов череду,
Самый лучший выбрали год,
Самый лучший месяц в году,
На великое пиршество-сход
Пригласили богатырей,
Населявших небесный свод, —
И стрелков, и их главарей:

Были здесь именитые боги,
Что владели дождем и огнем,
И такие, что, духом убоги,
Одурманены были вином,
Что курили до одурения
И шатались от злого курения.
Но совсем рассудок утратили
Многих княжеств завоеватели,
Про свое забыли главенство
И величье своих племен —
Лишь увидели совершенство
Непорочной Сэсэг-Ногон!

Устоять не могут на месте
Воевавшие ради мести,
Усидеть не могут на месте
Побеждавшие ради чести.
Поднимаются сотни желаний
В сердце каждого храбреца,
Закаленные в пламени брани,
Сладострастьем кипят сердца.
Сразу головы всем вскружила,

Всех царевна приворожила,—
И воителей-смельчаков,
У которых широкие плечи,
И прославленных, метких стрелков,
Несравненных в военной сече,
Храбрецов, наделенных величьем,
С толстой шеей и горлом бычьим,
С крепким луком и крепким телом,
С твердой дланью и взглядом смелым,
С крепкой, словно крепость, спиной,
С грудью, что в океан шириной,
С богатырской одеждой-броней,
С боевой кольчугой стальной,
С черноцветной хангайской стрелой,
С серебряными колчанами,
С воронными конями, с буланями,
С неустанными и бодрыми,
С потниками, шелком ткаными,
С изогнутыми седлами,
С мечами, что ладно кованы, —
И, царевною очарованы,
То встают они, то садятся,
И в наряде своем боевом,
Похваляются и гордятся
Богатырством и удальством.

Обитатели неба – сыны
Белой, Западной, стороны —
Собрались как единая рать,
Чтобы правую руку поймать,
Чтобы верное слово сказать.
А Восточного неба сыны
Собрались, для борьбы сплочены,
Чтобы левую руку поймать,
Чтобы верное слово сказать.
Возвышаясь, подобно твердыне,
Словно стрелы, бросают слова,
Задирают носы в гордыне
И засучивают рукава.

Восседая у очага,
Грозно вглядывается Хурмас:
Он выискивает врага,
Не спуская с витязей глаз.
Влажным взглядом всех обводя,
Здесь толпятся владыки дождя,
Потрясают халатов подолами,
Что полны облаками тяжелыми,
Что полны туманами-ливнями,

Затяжными и непрерывными.

Средь гостей радушного дома
Три стрелка, три властителя грома,
Держат, в жажде вражеской крови,
Стрелы-молнии наготове.
То кричат они, то хохочут,
И все прочие небеса
В дрожь бросает, едва прогрохочут
Их сердитые голоса.

Ищут места в доме чужом
Небеса с Белым Швом, с Белым Швом,
Что белеет, как молоко,
И вступают взволнованно в дом
Небеса с Белым Дном, с Белым Дном,
Распростершимся широко.
Честный воин, ликом угрюмый,
Проницателен и суров,
Замышляя новые думы,
Входит в дом повелитель ветров.
Белоликий Заян-мудрец,
Запредельной жизни творец,
Ничьему не подвластный велению,
Знаменитый своею ленью,
С опозданием летит во дворец.
Небожитель каштановокудрий,
Быстрый разумом, сердцем мудрый,
Сотворивший коров-лошадей,
Со своим старшим сыном белым,
Молодцом могучим и смелым,
Входят в гушу небесных вождей.

Богатырь, чье лицо вечно молодо,
Белоснежный властитель холода,
С опозданием дойдя до ворот,
Пробирается все же вперед,
Всех отталкивая плечом:
Сан иль возраст – ему нипочем!

В той толпе оказавшись тесной,
Самый белый витязь небесный
Порешил: «Где моя родня,
Там и место есть для меня».
И нашел он широкостанного,
Что всех ближе ему и родней;
Этот бог с головою каштановой
Сотворил и быков и коней.
Вот и взяли друг друга под руки,

Сообщают друг другу новости,
А кругом не смолкают отроки,
Старцы смотрят взором суровости.

Разлились толпою широко
Многомощные богатыри
Черноцветных небес Востока.
Там, вперяя глаза свои острые,
Их белки поворачивал пестрые
Завидуший Атай-Улан.
С небесами подвластными вместе
Он обдумывал дело мести,
В ход пуская хитрость, обман.
Черным шумом шумел черноликий
Богатырь, в чьих руках – туман,
А в свирепых глазах – мрак великий.

За спиною Атай-Улана —
Мглистых дымов и тьмы владыки.
Полный яда и полный дурмана,
В пляс пустился безумный и дикий
Небожитель Черное Марево.
А за ним – цвета красного варева —
Зашумели, враждою горя,
Три кровавых богатыря,
Забряцали доспехами ратными.
А за ними – серое с пятнами
Небо, ненавистью дыша,
Думу думая темную, злую,
Подступило, на битву спеша,
К властелину Улану вплотную.
А за ним – небосвод, полный злобы,
Желтый с пятнами, низколобий,
С черным словом и хитрым взглядом,
Стал с жестоким Уланом рядом.

Три Ветра – три светлых воина,
Чья сила порывом утроена,
Противники дыма и тьмы,
Кричат: «Нам еще неизвестно,
На чьей стороне бьемся мы,
Но биться мы будем совместно!»

Три Неба – три юных конника,
Три веющих тихо шелоника,
Что по Западу реют и Югу,
Быстро на ухо шепчут друг другу:
«Надо прочных друзей нам найти»,
И приплясывают на пути.

Грязно-серые, с сердцем нечистым,
Клопоча, кипя и дымясь,
Подползают к серо-пятнистым,
Доказав с ними давнюю связь.
«У ствола – тень одна, говорят,
Вместе с братом кочует брат!»

Небеса, что темны и туманны,
Что известны везде, как шаманы,
Приседая, приплясывая
И присловья разбрасывая,
Всё глядят, но не прямо, а вбок,
То на Запад, а то на Восток.
Увидав небосвод с Белым Дном,
Закричали: «Брат-побратим,
Мы всегда за тобою пойдём,
Воевать мы с тобой не хотим!»
И, уверенны с виду и пылки,
Но почесывая затылки,
Стали тихо ползти-подползать,
Обнимать и ласкать-лобызать
Небосвод с Белым Дном, с Белым Дном,
Что и ночью белеет и днем!

Говорили гордо сыны
Белой, Западной, стороны:
«Вместе с нами – правда святая.
Мы пойдём по дороге войны,
Справедливость и честь утверждая!»

И Восточные небеса
Поднимали свои голоса:
«Для мечей у нас пояса!
Мы пройдем сквозь огонь и дым,
Справедливость и честь утвердим!»

Поединки небожителей

Вот Заса-Мэргэн белоликий,
Старший сын Хурмаса-владыки,
Порешил подтвердить в бою
Золотую клятву свою,
Правоту своих слов подтвердить —
И для этого победить!
Наполнять он стал до предела
Грозной мощью сильное тело

И напряг, как орлиные крылья,
Богатырские сухожилья.
Приосанясь, он вышел вперед,—
Если глянешь, так страх берет!
Раздвигал он богов толпу,
Пробивал он себе тропу.
Старший отпрыск Атай-Улана,
Белоцветный Саган-Хасар,
Тоже вышел в одежде бранной,
Чтоб врагу нанести удар.

Гневом гневаясь и клокоча,
Как мехи, раздувал он грудь,
Чтоб противника силой плеча
Одолеть и к ногам пригнуть.
Непоборная твердость меча
Утвердилась в костях силача.
Волоса поднялись в беспорядке,
В предвкушении жаркой схватки
Жаждой мести насытился взгляд,
Стало слышно, как зубы скрипят.

Эти двое – витязей цвет
И всегда восседают справа,
Потому что громких побед
Им досталась военная слава.
Эти двое уже не раз
В знак победы пускались в пляс.
У обоих – стрелы парящие
И бухарские желтые луки,
У обоих – копыа разящие
И железные, круглые руки,
У обоих – сотни наград...
«Будет схватка! – все говорят. —
Будем смелых судить без пристрастья!...»
И, на две разделившись части,
Для борьбы расширяют круг.

Чтобы силу и крепость рук
Двух отважных борцов увидеть,
Чтобы ловкость и храбрость двух
Удальцов-гордецов увидеть,
Чтобы меткость, проворство двух,
Чтобы единоборство двух
Смельчаков-храбрецов увидеть,
Поединка жаждущих грозного,—
Из чертога светлого, звездного
Плавно вышла навстречу взглядам
Восхищенных враждебных сторон,

Красоту приукрасив нарядом,
Молодая Сэсэг-Ногон.

Небожители Западной части,
Подчиняясь девичьей власти,
Пробиваться стали вперед,
И сыны другой стороны,
Очарованы, ослеплены,
Пробивают в толпе проход.
Перепутались стороны обе,

Позабыв на мгновенье о злобе.

Словно скалы, в бой снаряженные,
Иль утесы вооруженные,
Словно горной страны вершины,
Возвышались те исполины.
У могучих – широкие груди,
У бесстрашных – упругие спины,
У проворных – сабли булатные
И колчаны в богатой оправе,
Луки витязей необъятные
С окаемом соперничать вправе.
Каждый витязь небесного края
Возбужден, восхищен, потрясен,
И толкается каждый, желая
Посмотреть на Сэсэг-Ногон.

Безупречна, как изваяние,
Перед ними предстала тогда
Излучающая сияние
Целомудренная звезда,
А глаза у нее – озерная
И таинственная вода,
И черны, как черемуха черная,—
Нет в тайге вкуснее плода,
А ресницы ее точно молнии,
Благодатного пламени полные.
По спине с затылка высокого
Косы шелковым льются потоком.
Так, причиной спора жестокого
Между Западом и Востоком —
Перед всеми предстала царевна,
Та, чья прелесть везде славословится,
И воители шумно и гневно
К состязанию стали готовиться.
Сильный, смелый Заса-Мэргэн,
Мощнотелый Саган-Хасар,
Чтобы право свое утвердить,

Чтобы сердце свое усладить,
Чтоб добыть победу себе,
Состязаться стали в борьбе.
Волей воинской вооружаясь,
То за твердь, то за прах держась,
По движению солнца кружась,
Как изюбры, землю взрывают,
Точно коршуны, в небо взмывают,
То дерутся, как лоси рогатые,
То как соколы реют пернатые.
Этот – недруга в прах поверг,
Тот взметнул противника вверх,
Но не падают с вышины —
У обоих силы равны,
Поднимаются из глубины,
Пуще прежнего разъярены.
Из-за той богатырской ссоры
Облака дождем пролились,
Сотряслись тяжелые горы,
Зазвенела просторная высь.

Для воителя Западной части,
Удалого Заса-Мэргэна,
В этой схватке – восторг и счастье:
Хочет он победить непременно.
Словно ястреб – сильные крылья,
Он напряг свои сухожилия,
Он Саган-Хасара схватил,
Он под мышкой его скрутил,
Побежал и на всем бегу
Он о Западную тайгу
Храбреца-великана ударил,
Поражение нанес врагу,
Повернув на Восток, о тайгу
Сына хана Улана ударил,
Вверх подбросил и наземь сбросил.
Тот сначала обезголосел,
А потом, как стрела, засвистел,
Словно камень, вниз полетел
И на землю, средь выжженных скал,
С распростертого неба упал.

Он упал в голодном краю,
В позабытом, безводном краю,
Где неведомы ловля, охота,
Где урочище Хонин-Хото
Словно вывернуто наизнанку,
Где гуляют ветра спозаранку,
Где земля и суха и бестравна,

Где бессолнечна жизнь и бесславна.
Оказался Саган-Хасар
На земле, где пыль и пески,
Старшим ханом Желтой реки.
Так вступил он в земной предел,
Принял имя Саган-Гэрэл.

Громко радовался Заса:
«Гляньте, Западные небеса!
Одолел я могучего воина,
Ныне сердце мое успокоено!»
Он, красуясь, пустился в пляс,
Небывалой победой хвалясь.

Сын Улана, Шара-Хасар,
Средний сын, силач красноликий,
В сердце гнев почуял великий.
Встали волосы, зубы скрипят —
Отомщен будет старший брат!
Небожителей слышатся крики,
Сотни тысяч богов собралось,
Но прошел он толпу насквозь,
Подскочил, как рогатый лось,
Наскочил на Заса-Мэргэна.

Долго длилась эта борьба.
То взлетали, как ястреба,
То, как волки, грызли друг друга.
Началась в морях крутоверть,
Застонала, как бы от испуга,
Распростертая синяя твердь.
И была до самого дна
Вся вселенная потрясена.

У Заса-Мэргэна, у воина,
Битвы жаждущего всегда,
От борьбы отвага утроена,
А Шара-Хасару – беда:
Ослабели сердце и тело,
И сама душа ослабела.
Вот-вот сломится толстая шея,
Бычье горло вот-вот оторвется,
И согнется спина, и, тускнея,
Жалкий разум заснет – не проснется,
Восемь ребер станут как крошево
У воителя, на небе росшего!

Несравненный в деле войны,
Воин Западной стороны

По-лосиному вскинул рога,
По-орлиному взмыл на врага.
Он за пятки возьмет – не устанет,
За колени возьмет – и потянет!
А восточный витязь Шара,
Возвышавшийся, как гора,
Извивается, как былинка,
Изгибается, как тростинка.
То скрипит, словно ветвь сухая,
То без смысла глядит, затихая.

Небожитель Заса-Мэргэн
Исполина берет в обхват
Так, что кости врага хрустят,
И бросает Шара-Хасара,
Чье лицо краснее пожара,
На седьмое дно мироздания,
Эту месть задумав заранее.

И Шара полетел, словно искра,
Словно пыль, он понесся быстро,
С распростертого неба упал
И среди голых и острых скал
На земле начал жизнь свою
В позабытом, безлюдном краю,
Словно вывернутом наизнанку.
Наконец он нашел стоянку
На урочище Хонин-Хото,
Где кочкарники да болота,
Где шумит река водопадами,
Гулко бьется с тремя преградами,
Где промчатся трудно стреле.
Стал Шара-Хасар на земле
Средним ханом Желтой реки.
Три преграды он одолел,
Принял имя Шара-Гэрэл.

Увидав, что старшие братья,
В бой вступившие без понятия,
Превратились в недвижимые вьюки,
Как попали противнику в руки,
Младший отпрыск Атай-Улана, —
Так воскликнул Хара-Хасар:
«Я приму на себя удар,
Ибо должен его принять я:
Ведь надеялись старшие братья
На меньшого, на милого братца,
Что как следует буду я драться,
Что для братьев я стременем стану,

Их опорой со временем стану».

Так сказав, налетел мгновенно
Богатырь на Заса-Мэргэна.
Словно волк, что жаждет добычи,
Словно бык, напрягаясь по-бычьи
И приплясывая, как марал,
На врага Заса заорал.
Тучи севера, южные тучи
На ходу он сбивал, могучий,
Опрокидывал на ходу
Облаков тяжелых гряды,
Он туманы бил по бокам,
Поднимая пыль к облакам.

От орлиц отбились орлята,
И от коз отбились козлята,
Хамниганы ' в таежной глуши
Потеряли свои шалаши,
И, покинув юрту, монгол
Своего жилья не нашел —
Потерял посреди равнины!

Вот-вот хрустнут упругие спины,
Вот-вот сломятся толстые шеи,
Но становится тверже, сильнее
И ловчее Заса-Мэргэн.
Мощь и воля его не истратятся!
То он за ноги ловко ухватится,
То как дернет врага за пятки!
А Хара-Хасар в этой схватке
Оказался слабее врага:
То одна, то другая нога
Над клубящимся прахом взметнулись,
Восемь ребер его изогнулись
И уже – ни жива ни мертва —
Горько свесилась голова,
И, как плети, повисли руки —
Испытал он тяжкие муки.

А Заса-Мэргэн, небожитель
И свершитель многих побед,
Вдруг противника опрокинул
И за старшими братьями вслед
Вверх ногами его низринул
На седьмое дно мироздания,
И в земной, неизведанный прах,
Где рожденья и смерти свидания,
С головой погрузился враг.

Так Хара-Хасар оказался
В том бестравном, бесплодном краю,
В том бесславном, голодном краю,
Где неведомы ловля, охота,—
На урочище Хонин-Хото,
Где навыворот все живое,
Где безлюдие ветровое,
Где река ниспадает с отрога,
Через три пробиваясь порога,
Где не знают прохлады дневной,
Где засушливый, душный зной,
Где пространство поникло во мгле.
Стал Хара-Хасар на земле
Младшим ханом Желтой реки.
Он высокой горой завладел,
Принял имя Хара-Гэрэл.

Из небесных краев три пришельца,
Шарагольские три владельца,
Повелители Желтой реки,
Обратив свои думы к насилью,
Обладая желтою пылью,
Обладая черным туманом,
Стали трем тэгэшинским ханам
Ядовитой злобой вредить,
Чтоб господство свое утвердить.

Бухэ-Бэлигтэ отправляется в Срединное царство

Так подумал Заса-Мэргэн:
«Знаменитого силача
Победил я силой плеча».
И к царевне Сэсэг-Ногон,
Целомудренной и прекрасной,
Нежным сердцем ее покорен,
Одержимый любовью страстной,
Он проталкивается вперед
И за правую руку берет,
Говорит ей правдивое слово
И за левую руку берет,
Говорит ей счастливое слово.

Ратоборцы блуждают вокруг,
А иные – толпятся кучами,
Перепутались недруг и друг,
Маломощные боги с могучими,

И нигде не найдут себе места,
И шумят они грозно и гневно,
Потому что должна, как невеста,
Дом родной покинуть царевна.

И едва лишь Заса-Мэргэн,
Небожитель Западной части,
Обретя мечтанье свое,
Ловко на руки поднял ее,
Чтоб делить с ней горе и счастье, —
Все бурханы, что прибыли в гости,
Заскрипели зубами от злости.

И, себя позабыв, небожители
Заблудились в небесной обители.
Все, что было черным, – сгустилось,
Все, что было белым, – скатилось,
Все, что было серым, – закуталось,
Все, что было синим, – запуталось.

Разгорелись у витязей страсти,
Собираются биться жестоко
Небожители Западной части
С небожителями Востока.

В это время Атай-Улан
Прискакал на буланом коне.
Мысли мечутся, точно в огне,
Словно конь, полосатыми стали:
«Задушевными сватами стали
Я и славный Сэгэн-Сэбдэг,
Породниться решили навек, —
Двадцать лет прошло с той поры!
Десять лет прошло с той поры,
Как мы головы соединили
Двух детей, не спросясь никого,
Как торжественно мы вступили
С многочтимым ханом в родство.
Для детей в этот памятный миг
Расстелил я постель-потник.
Сын Хурмаса Заса-Мэргэн
Отнял право мое святое,
Чтобы день торжества померк.
Он законы попрал и низверг
Установленные устои!

Если стал конем жеребенок —
Должен всаднику покориться,
Если воином стал ребенок —

Должен старшему подчиниться.
Шуба шьется с воротником,
Младший следует за стариком.
О небесные и поднебесные
Храбрецы, повсюду известные!
Охраняйте Сэсэг-Ногон,
Да не будет нарушен закон!»

От навета и злобы лжеца
Закипели бурханов сердца.
«Верно, верно!» – кричат в ответ
Сотни тысяч бурханов Востока,
А противники: «Это навет,
Мы расправимся с вами жестоко!»

Богатырские голоса
Заставляют дрожать небеса,
Достигают земной глубины,
Где их отзвуки в недрах слышны.
Со враждой и гневом великим
Встретил хана Улана Хурмас,
Закричал – и могучим криком
Небожителей он потряс.
Говорит, повествует сказ,
Что была его речь такова:

«Вы послушайте наши слова.
Обещали отец и мать
Несравненной Сэсэг-Ногон
Эту девушку в жены отдать
Сыну старшему моему.
Я других речей не приму.
Честно, правильно слово мое,
А слова Улана – вранье!»

Боги Западной стороны
Закричали, возбуждены:
«Разве мудрому Хан-Хурмасу
Возражения слово найдешь?
Превосходному мягкому мясу
Разве надобен острый нож?»

Двух сторон богатырский спор,
Разгоревшийся с давних пор,
Закипел, ядовитый, вновь,
Заиграла горячая кровь.
На средину собрания вышел,
Чтобы каждый его услышал,
И сказал почтенный Сэбдэг:

«Не бывало такого вовек,
Чтобы я обещал Улану, —
Мол, ему я родичем стану,
И ни десять, ни двадцать лет
Не могло миновать с тех пор,
Ибо выдумка – сей договор.
К вам, собравшимся на совет
Небожителям и бурханам,
Как могу я выйти с обманом?
С Хан-Хурмасом мы тоже не сваты.
Вы запомните наперед:
Будет пойман тот, кто соврет,
И от вора не ждите платы!»

На высоком собрании-встрече
Услыхав эти твердые речи,
Что исполнены были достоинства,
Рассердились небесные воинства.
Мысли черные, громко бахвалясь,
Скопом хлынули, клопоча.
Закипели, заволновались
Мысли серые сгоряча.
Облаченное в синеву,
Загрещало небо по шву,
Задрожали земные просторы,
Содрогнулись долины и горы.
Все, что было черным, – сгустилось,
Все, что было белым, – надвинулось,
Синецветное запропастилось,
Сероцветное опрокинулось!

Разошелся воитель Хурмас,
Разойдясь, он пустился в пляс,
Ищет битвы с достойным борцом,
А широкая грудь – колесом.
Небожитель Атай-Улан,
Темной яростью обуян,
Тоже вышел, вступая в спор:
Он противнику даст отпор!

Повествует старинный сказ:
Богатырь, чей отец – Хурмас,
Тот Бухэ-Бэлигтэ красноликий,
У которого разум великий,
Понял в этот тревожный час:
Будет биться его отец,
Раздосадованный вконец,
С ненавистным Атай-Уланом...

Пожелал он – и стало багряным
Солнце утра, напевное солнце.
Пожелал – и одел синевой
Молодое, полдневное солнце,
И в костер превратил живой
Он вечернее, гневное солнце.

Как настало полночное время,
Сунул ногу в походное стремя,
К двум отправился станам спорящим,
Что стояли великим сборищем.
Отправляясь в далекий путь,
Он сначала решил заглянуть
К седовласой Манзан-Гурмэ.
С благодатной чашей добра,
Сотворенной из серебра,
Над пятьюдесятью пятью
Небесами глава-владычица,
Утвердившая волю свою,
Чтобы мудрость могла возвеличиться, —
Бабушка Манзан-Гурмэ,
Слово ласки ему говоря,
Посадила богатыря
У огня и спросила внука:
«Мой бесценный стрелок из лука,
Видно, в дальний ты едешь путь?
Пусть он будет счастлив и светел!»
Ей Бухэ-Бэлигтэ ответил,
Восседающий у огня:
«Я Бэлыгэна, гнедого коня,
Порешил испытать копыта».

Развернула Манзан-Гурмэ,
Чтоб изведать то, что сокрыто,
Стародавнюю Книгу Времен
И узнала, ее читая,
Что душа и дыханье Атая
Притаились в пальце большом,
В пальце правой его ноги,
Чтобы их не сгубили враги.

Распростился с бабушкой внук,
И копыт послышался стук,—
Богатырь на гнедом коне
Поскакал к Срединной стране.
С расстояния в три пробега
Он увидел в чужой стороне
Государство Сэгэн-Сэбдэга.
Он увидел издалека,

С расстояния в три пробега,
В небе тающий, как облака
Светозарный дворец Сэбдэга.
Въехал всадник отважный в ворота,
Спрыгнул около поворота,
Там, где коновязь серебрилась.
Привязал он к ней скакуна
И пошел, и пред ним открылась
И своих и чужих сторона.

Часть 4

Поражение Атай-Улана

Хан-Хурмас и Атай-Улан,
Властелины небесных стран,
Порешили бойцов собрать
И померяться силой военной,
Чтобы та и другая рать
На просторах столкнулись вселенной.
Собирает Атай-Улан
На войну, на крепкую месть
Смельчаков шестьдесят и шесть,
И шесть сотен знатных вождей,
И шесть тысяч ратных людей,
Небожителей сорок четыре,
Знаменитых в заоблачном мире.
Все вокруг него сплочены,
Заслужили его доверье.
Распахал он дорогу войны,
Распахнул он сражения двери.

Снарядил в этот грозный час
Тридцать три смельчака Хан-Хурмас,
Пятьдесят и пять небожителей,
И три сотни полков предводителей,
И три тысячи верных воителей
И поклялся, что в битве прославится,
Навсегда с врагами расправится.
Загорелся над миром день.
Оба войска ринулись в бой,
И легла огромная тень
На небесный свод голубой,
И густая великая мгла
На земные просторы легла.
Каждый насмерть бился с врагом.
Покатился над миром гром.
Обагрила утесы кровь.
Те, что вечером были убиты
И лежали, травой сокрыты,
Поутру оживали вновь,
А убитые до зари
Знаменитые богатыри,
Что легли, где растет камыш,
Разбудив полночную тишь,—
В лисьей тьме оживали опять,

Чтобы недругов убивать.
Вот, обиды вспомнив былые,
Насмерть бьются в сумраке мглистом,
И звенят их мечи боевые,
И летят их стрелы со свистом.
Хан-Хурмаса богатыри —
Именитые тридцать и три,
Пятьдесят и пять небожителей,
И три сотни вождей-предводителей,
И три тысячи верных воителей —
Одолели Атай-Улана
Шестьдесят и шесть удальцов,
И шесть сотен вождей военных,
И шесть тысяч обыкновенных,
Но выносливых, смелых бойцов.

Победили их в жарком бою
И низвергли с небесных высот.
Оказались они в краю,
Где гора над горою встает,
В том бесславном, бесплодном краю,
В том бестравном, голодном краю,
Словно вывернутом наизнанку,
Где услышишь ветров перебранку,
Где река, разбита преградами,
Вниз бросается водопадами,
Где кочкарники да болота!
На урочище Хонин-Хото
Храбрецы, что в битвах прославились
На земле, словно лед, расплавились,
Поубавились, как луна,
Поистерлись они, как колеса.
А на небе многоголоса
И кроваво длилась война.

Хан-Хурмас и Атай-Улан
Злую гибель сулят друг другу.
То, как коршуны, реют по кругу,
То, как лоси, друг друга хватают,
То, как беркуты, крылья сплетают,
То как ястребы, гордо взлетают.
Обопрутся руками вперед —
Прямо в бездну столкнут небосвод,
Обопрутся руками назад —
Небеса позади загудят
И с гудением в бездну скатятся.
Началась на небе сумятица,
Изменился времени ход,
Перепутался с годом год.

А противники бьются все злее,
Чтоб друг другу свернуть бычьи шеи,
Напрягают свои усилья,
Чтоб друг другу рассечь сухожилья.

На молочном своем просторе
Взволновалось великое море,
И Сумбэр-гора загудела,
Распростертая без предела,
Зазвенела небесная высь,
И земли задрожало тело,
И холмы над ней затряслись.
Чашу жизни древняя месть
Переполнила, закипая.
Попиралась гордая честь.
Разгоралась вражда вековая.

Хан-Хурмас и Атай-Улан,
Два небесных войск полководца,
Как на небе начнут бороться,
Так не падают с вышины:
У обоих силы равны,
А начнут на земле бороться —
Одинаково оба сильны.
Хан-Хурмас устал от войны,
Трудно дышит Атай-Улан,
Но решимости твердой полны
Боги Западной стороны,
А Восточного неба сыны
Жгучей злобой напоены.

Бьются насмерть противники смелые,
Властелины небесных стран
Хан-Хурмас и Атай-Улан.
Поднялись их волосы белые,
Изогнулись их спины, как луки,
Ослабели могучие руки,
И зубов их слышится скрежет.
Над вершинами солнце брезжит, —
Появился из-за вершин
Сын Хурмаса, Бухэ-Бэлигтэ,
Средний сын, красноцветный сын.
Там, где трудно, там, где опасно,
Там всегда Бухэ-Бэлигтэ!
Сжал он саблю крепко и властно,
Богатырь с бесстрашной душой,
Пред которым трепещут враги,
Размахнулся – отсек большой,
Сильный палец правой ноги

Властелина Атай-Улана,
И тотчас душа улетела
Из куска рассеченного тела.

Хан-Хурмасу силы прибавилось,
И плечо его мощно расправилось.
Как плетью, он руками хлещет,
Полный ярости боевой,
И врага, что зубами скрежешет,
Он о скалы бьет головой.
Если вправо удар нанесет —
То на Западной стороне
Сотрясается небосвод,
Если влево удар нанесет —
На Востоке дрожит небосвод.

И на Западе и на Востоке
Жаркой крови помчались потоки,
Ураган поднялся, и вскоре,
Зашумев, нахлынуло море
На дрожащее мироздание,
И низверглось молний блистание,
Родила эта битва грозу,
Загудело вверху и внизу,
И с небес низринул град —
Всегубительный камнепад.

Приуныла восточная рать,
Не осталось решимости боле,
И, лишенная мысли и воли,
На Восток повернула вспять,
Воскликая: «Несчастье! Несчастье!
Нет надежды вблизи и вдали!
Небожители Западной части
Поражение нам нанесли!
Наше воинство обессилело,
Нам бесславная жизнь опостылела!»

Но, познав желаний свершенье,
Одержав победу в сраженье,
Подошел к царевне Заса,
Грозной рати мощь и краса,
Небожитель Западной части.
Посадил он Сэсэг-Ногон
На коня ястребиной масти,
И быстрее ветра и вести
Он с прекрасной царевной вместе
Поскакал к родной стороне
На своем крепконогом коне.

Победители в трудной войне,
Небожители Западной части,
Что извели бранное счастье,
Поздравляя друг друга по праву,
Поскакали в родную державу.

Перевоплощение Атай-Улана на земле

Свой клинок Хан-Хурмас прославил —
Он противника обезглавил,
И отрубленная голова
Властелина Атай-Улана
Начала ворочать сперва
Тридцать раз глазами-белками.
То ль жива она, то ль мертва?
Из ноздрей вырывалось пламя,
И покрылись уста его пеной,
И саженную косу его
Развевали ветры вселенной.

Эту круглую голову черную,
Что познала участь позорную,
Пнул ногой властелин Хурмас,
И она покатила тотчас
С гор скалистых к просторной пустыне
И повисла как раз посредине
Между небом и твердой землей.
Был таков удел ее злой:
Не под силу ей на небо двинуться
И на землю не может низринуться.
Превратилась она в чудовище
По прозванью Архан-Шудхэр,
Что повсюду ищет становище
И все время исходит слюной:
Проглотить хочет солнце с луной.

Хан-Хурмас рукою своею
Отсекает от тела шею,
Поднимает ее на клинок,
И кидает без сострадания
Он опорный ее позвонок
На седьмое дно мироздания.

На земле, в стороне восточной,
Далеко от воды проточной,
Где неведомы ловля, охота,
На урочище Хонин-Хото,

В землях, вывернутых наизнанку,
Где ветра шумят, спозаранку,
Где река ниспадает с отрога,
Через три пробиваясь порога,
Где бестравье и суховеи
На просторе главенствуют диком,—
Позвонок богатырской шеи
Стал шулмусом огненноликим,
По прозванью Гал-Нурман-хан.

На его широкой груди
Было сорок раз по сто глаз,
Было десять по тысяче раз
Завидующих глаз позади,
На спине, повествует сказ.
А на лысой его голове
Был один-единственный глаз.
Так пылал воинственный глаз,
Будто злая звезда зажглась.
Был во рту один только клык.
Гал-Нурман, в превращеньях велик,
Стал причиной мук и мытарств,
Стал началом всех непотребств.
Он две тысячи ведал коварств,
Три и тысячу ведал волшебств.
Силой рук все сворачивать мог
И ломать мощной силою ног.
Говорят: на земле возродясь,
Чародейством жестоким гордясь,
Он поклялся в кромешной темени:
«Чуть позднее позднего времени,
При слиянии двух времен,
Я устрою погибель племен!»

Хан-Хурмас, дыша горячо,
Довершал богатырское дело.
Руку правую по плечо
Он отсек от безгласного тела,
И Улана руку недвижимую
Ниспроверг он на землю нижнюю.
Ожила рука на земле,
На горе, на Сумбэр-скале,
Стала тигром рука врага,
По прозванию Орголи,
Подчинилась тигру тайга
Всей далекой, полночной земли,
И была страшна его власть.
Как раскроет алчную пасть,
Так проглотит он все живое.

Лезут в пасть деревья тайги —
От корней до зеленой хвои.

Хан-Хурмас не кончил еще
Богатырского, грозного дела.
Руку левую по плечо
Он отсек от безгласного тела,
И отрубленная рука
Сквозь прозрачные облака
На холмистую землю слетела.
И, покинув небесную твердь,
На земле, где гора высока,
Где с рождением встречается смерть,
Та отрубленная рука
Превратилась в чудовище злое
По прозванию Шэрэм-Мината.
Это чудище, злобой богато,
Весь людской ненавидело род.
У того чудовища злого
Был большой, трехсаженный рот,
Был язык ровно в пять четвертей,
Пожирало оно детей,
С каждым днем становясь лютей.

Не хотел Хан-Хурмас отдохнуть.
Отрубил он Атай-Улана
Пустотелую, черную грудь,
Чтоб на землю ее швырнуть.
Пустотелая грудь великана
Оказалась на той земле,
Где долины и горы – во мгле,
Где навыворот все живое,
Где безлюдие в душном зное,—
На урочище Хонин-Хото,
Где кочкарники да болота,
Где, с тремя воюя преградами,
Ниспадает река водопадами,
Где и слово еще не звучало,
Где не смеет подняться росток,
Где реки желтоцветной начало,
Где реки черноцветной исток.
Отсеченная черная грудь
Стала алчным, свирепым чудовищем,
Людам злую погибель готовящим
И в коварстве своем неизменным,
А звалось Абарга-Сэсэном.

Хан-Хурмаса острый и жалящий
Вновь сверкнул на мгновенье клинок,

У Атай-Улана седалище
Отрубил он до самых ног,
И на землю оно полетело
И достигло вскоре предела
Семигорья, безводной земли,
Тьмы и горя бесплодной земли,
Где ветров и песков обиталище,
Иссушенное долгим зноем.
Стало чудищем это седалище,
Диким Лойро-Лобсогодоем,
Что несло по горам и пустыням
На железном коне светло-синем.

А потом на землю слетели
Две отрубленных жалких ноги
И упали средь горных ущелий
В том краю, где не видно ни зги,
Где ветра пролетают с воем,
Где кругом – бестравный простор.
Рядом с черным Лобсогодоем
В трех его превратилось сестер,
И полны были злобы тупой
Эти три сестры Енхобой.

Части тела Атай-Улана,
Как на землю, отрублены, прибыли,
Стали черным источником гибели,
Ибо жаждали постоянно,
День за днем и из года в год,
Истребить человеческий род.
В небесах, в распростертой бездне
Расстилались едким туманом,
Разносили они болезни
По земным, обездоленным странам.

На земле распространяются поварьные болезни

Позвонок богатырской шеи,
Превращенный в Гал-Нурман-хана,
Всех чудовищ сильней и хитрее,
Стал главою бесовского стана.
Вот он черную клятву дает:
«Пусть умрет человеческий плод!
Станет мальчиком? Пусть умрет!
Станет девочкой? Пусть умрет!
Пусть людской прекратится род!
Я покончу с враждебными ханами:

Будет ночь – нападут на них,
Будет день – падут бездыханными,
Трех владык уничтожу земных!»

Эту клятву сказав, Гал-Нурман,
Чья опора – обман и дурман,
Грозно двинулся к Желтой реке,
Начинавшейся в желтом песке.
Он удобное место нашел там,
На крутом побережий желтом.
Сотворил он в той желтизне
Желтых бесов, тридцать числом.
Все нечистые – с желтым хохлом,
Каждый бес – на желтом коне,
Всех снабдил он желтым котлом,
Все питаются желтою гнилью,
Все окутаны желтою пылью.
Он пустился в дорогу опять
И добрался до синей реки.
Были воды ее широки.
Камни синие стал собирать.
Сотворил он из синих камней
Синих бесов, тридцать числом.
Дал им тридцать синих коней,
Всех украсил синим хохлом,
Всех снабдил он синим котлом,
Всех кормил он тухлятиной синею,
Одарил их синей пустынею.

Он в дорогу пустился опять
И добрался до черной реки.
Были воды ее глубоки.
Стал он гальку там собирать.
Сотворил он из мелких камней
Черных бесов, тридцать числом.
Дал им тридцать черных коней,
Всех украсил черным хохлом,
Всех снабдил он черным котлом,
Приказал питаться шулмусам
Черной пищей с гнилостным вкусом.

Девяносто бесов тлетворных,
Желтоцветных, синих и черных,
Стали делать зло на земле,
Чтобы люди погибли во зле.
В воду яд бросали жестокий,
Чтобы рек погибли истоки,
Наполняли корни отравками,
Чтоб луга не блистали травами.

Там, где горы и доли цвели,
Расплодились гадюки и змеи,
На богатые страны земли
Налетели, вопя, суховеи,
Потому что хотели злодеи,
Чтобы люди смерть обрели,
Чтоб живое было отравлено,
Ядовитым туманом придавлено.

Никогда не болевшие люди
Разве думали, ведали разве
О чуме и о страшной язве?
А теперь неожиданно, скоро
Погибали от язвы и мора.
Не болевшие никогда
Табуны, отары, стада
По долинам и косогорам,
На просторах несчастной земли,
Бездыханные, полегли,
Побежденные язвой и мором.

В свете дня и в полночной мгле
Все живое уничтожая,
Воцарилась на всей земле
Язва страшная, моровая.
На бескрайнем просторе земном
Умирили ночью и днем
Люди, звери, птицы, растенья.
Наступило время смятенья.

Племена трех земных вождей,
Неисчетные толпы людей,
Бесконечной печалью печальных,
От болезней страдая повальных,
Вопрошали, друг к другу взывая,
Удивлением удивлены:
«Как нам жить? Из какой стороны
Эта язва пришла моровая,
От которой гибнет больной,
От которой не знаем лекарства?
Кто же стал этих бедствий виной —
Чье злодейство и чье коварство?»

Обратились люди к шаманке,
К той прославленной Шайнархан,
Что лечила от лихоманки,
И в грядущее заглядывала,
И по запаху угадывала,

Где какая убоина жарилась,—
Чтоб над скорбью людскою сжалилась,
Чтоб узнала: по чьей вине
Гибнут люди в каждой стране,
Чье злодейство, чье чародейство
Губит все племена и семейства?
Пригрозили шаманке при этом:
«Если к нам не придешь с ответом,
Не поведаешь о причине
Той беды, что творится ныне,
Мы повесим тебя на осине,
Жадным воронам на обед.
Так ступай, принеси ответ».

Девяносто бесов хотят уничтожить людской род

Шайнархан собрала тогда,
Чтоб развеялась эта беда,
В деревянной надломленной чаше
Слезы женские, слезы мужские,
Скорби-горести, муки людские.
Деревянную чашу крутя
С человеческими слезами,
Неподвижными глядя глазами,
К небу Запада их обратя,
Застывая, как изваяние,
Зашаманила заклинание:

«Поднимись, деревянная чаша,
О несчастной поведай земле,
Покрутись, покрутись на столе,
Чтоб тебя увидела наша
Дорогая Манзан-Гурмэ,
Та, что в Западном горнем краю
Над пятьюдесятью пятью
Небесами глава-владычица,
Та, что волю воздвигла свою,
Чтобы мудрость могла возвеличиться,
Та, что держит чашу добра,
Сотворенную из серебра».

Прокричав слова заклинания,
В распростертые небеса,
Вверх закинула чашу стенания,
Чашу слез, что светлы, как роса.
Облака насквозь пробивая,
Эта чаша, где скорбь живая,

Наконец на столе очутилась
Мудрой бабки Манзан-Гурмэ
И внезапно пред ней закрутилась,
Закрутилась – остановилась.
И тогда-то Манзан-Гурмэ
Удивленьем большим удивилась:
Что еще за беда нагрянула?
Вот в волшебное зеркало глянула,—
В мире верхнем царил покой,
А на нижнем земном просторе,
Там, где род пребывал людской,
Увидала горькое горе.

Девяносто бесов-уродцев,
Чьи противны крики и вопли,
Чьи носы вроде старых колодцев,
Толщиною в два пальца сопли,
Чьи грязны и черны котлы,
А еда – чернее смолы,
Чьи слюной наполнены рты,
Чьи унты не знают подошв,
Чьи без тульи шапки мохнатые,
Чьи бесхвосты кони горбатые,
Чьи глаза как затхлое гноище,
Чьи тела утратили тень,—
На земле устроив побоище,
Серой мглою окутали день.

На земной простор напустили
Черноцветные тучи пыли.
По земле расползаясь, как змеи,
Словно мухи, с жужжаньем летя,
Всех детей убивали злодеи
И закапывали дитя,
Если девочкой был ребенок,
Глубоко под грудой пеленок,
Если мальчиком был ребенок,
То закапывали дитя
Под замолкшей его колыбелью —
Лишь с одной-единственной целью:
Чтоб земля зачахла во мгле,
Чтоб не стало людей на земле.

Язва страшная, моровая
Совершала свой путь жестокий,
Семигорный мир заставляя
Горьких слез проливать потоки.
Громким плачем сменялся крик
В трех державах земных владык.

Зашаталась жизни опора.
Все живое гибло от мора.

Там, где мертвые в прахе валялись,
Там, где правила смерть, веселясь,
Девяносто бесов, бахвалясь
И кривляясь, пускались в пляс.
Как былиночку круговерть,
Так людей уносила смерть.
Постепенно, как снег и лед,
В трех державах таял народ.
Только бесы одни ликовали
На равнине, на перевале,
И в степях, и на шумных морях,
У ручьев и в каждом ущелье,
И безумное это веселье
Всем внушало губительный страх.

И, узнав о язве-чуме,
Рассердилась Манзан-Гурмэ:
«Как на землю упал позвонок
Богатырской шеи Улана,
Что коварен был и жесток, —
Превратился тот позвонок
В завидущего Гал-Нурман-хана.
Из обмана и злого дурмана
Сотворил на земле чародей
Девяносто бесов-грабителей,
Истребляющих бедных людей,
Разорителей-погубителей,
Учиняющих всюду разбой,
Угрожающих язвой-чумой
Трем большим сопредельным странам,
Трем земным тэгэшинским ханам.
И повальная эта беда
Так с людским воевала родом,
Что он стал убивать стада,
Табуны и отары с приплодом
И съедать загубленный скот:
Все равно, мол, скоро помрет,
Одолеть невозможно заразу!»

И тогда, сорвав с себя сразу
Два платка из разных шелков,
Опираясь на посох длиною
В девяносто широких шагов,
Рассердилась Манзан-Гурмэ,
С низко согнутою спиною
Устремилась к отцу богов,

К Эсэгэ-Малану пошла,
Чтоб найти спасенье от зла.

Но уже о бедствии этом
Знал отец Эсэгэ-Малан,
Ибо разум служил ему светом.
К многомудрой Эхэ-Юрен
Обратился он: «Слушай, жена,
Что скажу я, – по всем приметам,
На Хурмаса лежит вина.
Он Улана рассек на части,
Оттого и земли злосчастье.
Пусть Хурмас на землю сойдет,
Где людской терзается род,
Пусть врагов-лиходеев раздавит,
Пусть людей от бедствий избавит».

Лишь замолкло слово Малана,
Как явилась Манзан-Гурмэ,
Перед ним предстала нежданно
С чашей разума и добра,
Сотворенной из серебра.
Говорит ей чета седая:
«Вы займите место повыше,
Вы откушайте нашего чая».
И, напитком ее угощая
Из серебряного кувшина,
Перед бабкой стоят они чинно.
И, отведав того напитка,
Успокоилась бабка немного
И сказала, какая тревога
Семигорную землю гнетет:

«Сиротлив человеческий род,
А терзают наших сирот
Девяносто бесов тлетворных,
Желтоцветных, синих и черных:
Ежедневно грабят и губят,
Еженощно режут и рубят.
То ломают людей, как камыш,
То их скрутят, как тонкую нитку.
Как на муки земли поглядишь,
Так не сможешь терпеть эту пытку.
Убивают седых домоседов,
Убивают и юных в пути.
Говорю я, горе изведав:
Где виновника нам найти?
На тебе, на тебе вина,
И на детях твоих, и на внуках!

Искупи ее: разве должна
Жизнь земная погибнуть в муках?»

Словно туча, лицо нахмуря,
И грозна, как осенняя буря,
И темна, как ночная мгла,
Негодую, она ушла.
И, ее проводив с почетом,
Приказал Эсэгэ-Малан,
Чтоб гонцы, десять сотен счетом,
Чтоб гонцы, двадцать тысяч счетом,
Полетели на север и юг:
«Созовите богов и бурханов,
Повелителей бурь и туманов!
Соберем небожителей в круг.
Мы над звездами дело обсудим,
Как помочь страдающим людям,
В круг собравшись над светом луны,
Будем правдою вдохновлены!»

Повинуясь ему, гонцы
Устремились во все концы
По заоблачным весям и странам —
К властелинам, богам и бурханам.

Надзвездное собрание богатырей посылает Бухэ-Бэлигтэ на землю

Пятьдесят и пять небожителей,
Рати западной предводителей,
Самым старшим приглашены,
Над сияньем звезд и луны
Собрались, мудры и воинственны,
Ради правды, во имя истины.
Эсэгэ-Малан, всех старей,
Много лет не ходил из-за старости
На собрания богатырей,
Но теперь, забыв об усталости,
На собранье явился надзвездном,
На собранье надлунном и грозном.
Прислонившись к спинке сиденья,
Окруженный бурханами важными,
Он глазами дымчато-влажными
Озирал их и ждал их сужденья.

Здесь теснились небесные воины,
Что победами были прославлены,—

Богатейшие чем-то расстроены,
И нойоны чем-то подавлены.
Есть у всех владенье-имущество,
Только нет былого могущества.

Шум летит из конца в конец,
Различаются в шуме слова:
«Эсэгэ-Малан, наш отец,
Наш великий, верховный глава,
Чтоб свои передать права,
Чтобы нам пожаловать милость,
И величье, и власть, и достоинство,
Повелел, чтоб сюда явилось
Небожителей славное воинство!»

Хан-Хурмас, обдумав заранее,
Предстоящее трудное дело,
Открывает это собрание
И ведет его властно, умело.
И, созвездьями окружена,
Там, внизу, сверкает луна.
Каждый бес на земле – убийца,
Расплодилось их девяносто,
Нет охотников с ними биться,
Нет охотников с неба спуститься,
Потому что это не просто.
Небожители говорят:
«Если спустимся мы на землю,
Никогда не вернемся назад.
Если мы в болоте застрянем,
Никогда уже ввысь не прянем,
Мы погибнем в тине земной.
Никогда не собратья собраньем
Нам над звездами и луной».

Слушал их Эсэгэ-Малан,
Слушал, взвешивал каждое слово
И смотрел на них гневно, сурово.
Он сказал: «Вашим возгласам внемлю,
А душа моя скорби полна.
На Хурмаса лежит вина.
Пусть же сам он сойдет на землю,
Пусть искупит свою вину,
Против бесов начнет войну».

И старик удалился домой,
Опираясь на посох владыки,
В девяносто саженей длиной,
И опять послышались крики...

Многомощны и белолики
И сошедшие с каждой звезды,
Эти воины храбро сражались,
Но теперь они не решались
Землю вызволить из беды.
Приводили разные доводы
Молодые и старики,
И ревели они, как быки,
Будто их искушали оводы:

«Если бесы бесчинства творят,
Если в этом Хурмас виноват,
Пусть он сам на землю сойдет,
Пусть спасет человеческий род.
Неужель по вине чужой
Будем жертвовать нашей душой?
Почему вины своей бремя
Порешил он свалить на нас?»

Расшумелось небесное племя.
Хочет слово сказать Хурмас —
Не дают ему говорить.
Гул становится громче, сильнее,
И нойоны и богатеи
Не дают ему рта раскрыть.

Возмущение умножалось,
И к отцу почувствовал жалость
Средний сын, Бухэ-Бэлигтэ.
Он сказал: «К чему наши споры?
Если нам на земные просторы
Надо с горней сойти синевы,
Есть для этого две головы.
Если старший мой брат откажется,
Если младший робким окажется,
Средний сын, я на землю сойду,
Я развею людскую беду!»

Так сказал он немногословно,
И Хурмас на среднего сына,
Красноцветного исполина,
Посмотрел по-отцовски любовно.
«Верно!» – возгласы были слышны
Над сиянием звезд и луны.

И тогда небожитель Хурмас
Посылает отцовский наказ
Сильнорукому старшему сыну,
Что в своей скалистой, стране

Обиталищем сделал вершину,
Что на сером, как ястреб, коне
Обгонял и буран и ветер,
Что в сраженьях был впереди:
«Ты на нижнюю землю сойди!»
Но Заса-Мэргэн так ответил:

«Разве этому есть причина,
Что вы гоните старшего сына,
Чтобы я на земле изнемог,
Под дождем семидневным промок?
Мне, по правде сказать, недосуг
Наблюдать, как пронзят меня вдруг
Оперенных семьдесят стрел.
Ваш наказ не могу принять я.
У меня есть младшие братья —
Их пошлите в земной предел!»

С гневом Хан-Хурмас посмотрел,
И за младшим послал он сыном,
Мол, на землю сойди, помоги нам.
Но сказал Хабата-Гэрэл:
«Что случилось, отец? На меня
Посмотрите с любовью в очах:
Я рожден быть стражем огня
И поддерживать ваш очаг!»

Огорченный речью такою,
Обратился к Бухэ-Бэлигтэ
Хан-Хурмас с великой тоскою:
«Я печалью печалюсь людскою,
Я повинен в ужасном зле —
Гибнет род людской на земле.
Смерть приблизилась к старым и юным.
Как мне быть? С надзвездным, надлунным
Мне собранием спорить нельзя.
Если помощи людям не будет,
То меня наш отец осудит,
Мне позором вечным грозя!»

Наступила тогда
Наверху тишина.
Речь Бухэ-Бэлигтэ
Стала ясно слышна:
«Все, что я попрошу,
Мне дадите ль сполна?»
А Хурмас: «Все отдам —
На погибель врагам!»

Средний сын говорит:
«Правда в сердце горит,
Ваш приказ я приемлю,
А раз так – то на землю
Мне придется сойти.
Не страшусь я пути,
Но, отец мой, сперва
Мне скажите слова.

Отдадите ли мне
Брата, старшего брата,
Что летит на коне,
Чья порода крылата?
Старший брат мой Заса —
Богатырства краса,
Он бесстрашен в бою».
Отвечает Хурмас: «Отдаю! Отдаю!»

«Отдадите ли мне
Трех красавиц небесных,
Трех сестер, всем известных
В нашем звездном краю?»
А Хурмас: «Отдаю».

«Отдадите ли мне,
Под седлом и в броне,
Вы Бэлыгэна гнедого,
Скакуна удалого,
Мощь, опору свою?»
А Хурмас: «Отдаю!»

«Мне четыре волшебных
Отдадите ли посоха,
Мне на море потребных,
Чтоб ходил, будто посуху,
С пеной синею споря,
Беспредельного моря
Побеждая струю?»
А Хурмас: «Отдаю!»

«Мне аркан отдадите ли,
Чтоб на поприще брани
Оказались воители
В этом крепком аркане,
Видя силу мою?»
А Хурмас: «Отдаю!»

«Отдадите ли мне
Вы частичку сандала,

Чтоб в чужой стороне
Боль мою исцеляла,—
Отдадите иль нет?»
«Отдаю!» – был ответ.

«Отдадите ли сыну
Красный камень вождей,
Что прольет на долину
Десять тысяч дождей.
Отдадите иль нет?»
«Отдаю!» – был ответ.

«Мне, отец, отдадите ль
Вы царевну Наран?
К ней придя как спаситель,
Я развеял дурман,
Исцелил от недуга —
Ближе нет у ней друга.
Отдадите иль нет
Дочь могучего Солнца,
Что нежна, как рассвет?»
«Отдаю!» – был ответ.

Получив обещанье отца,
Был Бухэ-Бэлигтэ готов
Долг исполнить свой до конца,
Мир земной спасти от врагов.
Порешило собранье надзвездное
Небожителей-богатырей:
«Предстоит сражение грозное.
Пусть на землю сойдет поскорей
Сын Хурмаса с небесных высот.
Пусть людей от смерти спасет.

На земле он вкусит земного,
На земле он родится снова.
Чтобы долю познать бедняка,
В самой бедной семье он родится
У старухи и старика,
И тогда-то он воплотится,
Человеческий ум обретя,
В человеческое дитя».
Так в надзвездном, надлунном чертоге
Порешили воители-боги,
И, решеньем своим успокоены,
По домам разъехались воины.

Дочь Солнца превращается в старуху

Между облачной белизной
И небесной синью сквозной,
Что не знала конца и предела,
Дочка Солнца, Наран-Гохон,
Серым жаворонком звенела,
Совершая свое паренье
В переливчатом оперенье.

Богатырь Бухэ-Бэлигтэ
Не сумел ее взять с собою,
Он добрался к той высоте
Не сумел небесной тропюю.
Приготовившись к долгому бою,
Он оружие взял, чтоб сражаться,
Взял коня, чтоб, как ветер, мчаться,
Взял он брата и трех сестер,
На земной опустился простор.
В это время нойон Саргал,
Что земных владык возглавлял,—
Среди трех был старшим нойон,—
Необычный увидел сон:
Там, где север суров и сер,
Где восходит гора Сумбэр,
Между облачной белизной
И небесной синью сквозной
Чудный жаворонок пролетал,
Словно блеском зари трепетал.

Если б жаворонка достать
И на землю спустить удалось,
На земле б родилась благодать,
Благоденствие б родилось
На земле трех тубинских стран...
И, проснувшись, ударил Саргал
В золотой, боевой барабан,
Свой полночный народ созвал,
И в серебряный барабан
Он забил, потрясая дол,
Чтобы южный народ пришел.

Три вождя трех племен земли
Племена свои привели
К перевалу горы Сумбэр.
Увидали они: вдали,
Там, где север суров и сер,

Над вершинами острых скал
Звонкий жаворонок трепетал,
Совершая свое паренье
В переливчатом оперенье.

«Если б жаворонка поймать
И спустить на землю живым,
Пролилась бы на нас благодать,
Засияло бы счастьем земным
Племенам трех тубинских стран!»
Так воскликнул нойон Саргал,
Но коварный Хара-Зутан,
Усмехнувшись злобно, сказал:
«Не хватает силенок вам, что ли,
Птицу-жаворонка поймать
Ради вашей счастливой доли?»»

Достает он стрелу Хангая
И, сначала ее пропуская
Меж ногами хромого пса,—
Перед тем, как метнуть в небеса,
Чтоб достигла заветной цели,—
Он стрелой коснулся постели
Черноликой бездетной вдовы,
Заклинаньем стрелу заклиная.
И взметнулась, и в глубь синевы
Устремилась стрела стальная.
И, стрелюю замороженной
Так предательски пораженный,
С неба жаворонок слетел,
На земной опустился предел.

И увидели все неожиданно
Дочь-царевну Наран-Дулана,
Ту, что Солнцем на свет рождена,
И увидели все, что она —
Украшенье стран и племен,
Та царевна Наран-Гохон.

Молвил слово Саргал-нойон:
«Возвестил мне мой вещий сон:
Хоть светла и прекрасна царевна,
Хоть мила и близка нам душевно,
Ради счастья стран и племен
Надо сделать ее одноокой,
Надо сделать ее однорукой,
Надо сделать ее хромой,
Надо сделать ее женой
Сэнгэлэна, старца-нойона.

Надо быстро и потаенно
Поселить их в лачуге нищей,
Превратить царевну в старуху,
Пусть пасут корову-чернуху,
Молоко пусть им будет пищей,
Что заквашено в старом котле!
Счастья нам не видать на земле
И веселья в доме человеческом,
Если мы этих двух стариков
Не прогоним, не искалечим!»

Был ответ Сэнгэлэна таков:
«Не могу, не найду в себе силы
Изуродовать облик милый,
Иskalечить Наран-Гохон!»
Черной злобою обозлен,
Никого на земле не любя,
Восклицает Хара-Зутан:
«Это я возьму на себя!»

И жестокая сталь заблестала,
И тогда однурукою стала,
Одноокой и хромоногой,
Горемыкой старой, убогой
Дочка Солнца, Наран-Гохон,
Что была мечтою племен,
Благодатью солнечноликой!
Сэнгэлэна с той горемыкой
Сочетали и сразу прогнали,
И они побрели в печали.

Дочь Солнца становится земной матерью Гэсэра

У старухи и старика
Нет мальчишки-озорника,
Чтоб его на коленях качать,
Чтоб ласкать, – нет у них потомка,
Нет собаки, чтоб лаяла громко,
Нет овец, чтоб землю топтать.
Возле жалкой своей стоянки,
Где безлюдье, ветер и холод,
Черемшой утоляют голод
И выкапывают саранки.

От небесной отчизны вдали
Дни земные текли и текли
В том краю, где безлюдно и глухо.

Много ль, мало ль прошло недель,
Просыпается как-то старуха,
Перетряхивает постель:
Показалось ей, что колышется
И волнуется одеяло,
Что ей голос младенца слышится!
И царица Наран-Гохон
Вновь красивой и юной стала.
У нее, у жены старика,
Исцелились нога и рука,
Стало, зрячее, видеть далёко
Сталью выколотое око.

В удивленье, в счастливом испуге
Выбегает она из лачуги,
Видит дочь небесной страны:
Снег лежит, белизной сияя,
А у двери следы видны
Убегающего горностая.

Побежала по этим следам,
По глухим, безлюдным местам —
Потерялись следы горностая,
Превратились в следы колонка.
По звериному следу ступая,
И внимательна и чутка,
Поднимается, молодая,
На вершину Сумбэр-горы.
Там, в сиянье рассветной поры,
Увидала дворец величавый,
Белостенный и белоглавый,
Потерялись следы колонка —
Превратились в своем движенье
В человечесьи следы саженьи,
И вели они во дворец.
Заглянула в дверной проем, —
Эсэгэ, всех богов отец,
За широким сидел столом.
Говорил ему Хан-Хурмас,
Очищая шубу от снега:
«Наконец я дождался ночлега.
Я прошел, чтоб увидеть вас,
По сугробам такой высоты,
Что насквозь промочил унты».

И возрадовалась царица,
Небожителей увидав,
Повелителей горних держав,
Что беседовали задушевно.

Дочка Солнца подумала так:
«Это – добрые весть и знак».
Возвратилась она в лачугу,
Возвратилась она к супругу
И старухой стала опять,
Стала жить и радости ждать.

Пролетело нужное время
Над старухой и стариком.
Показалось царевне – семя
Превратилось в желанное бремя,
Грудь белым полна молоком.
Показалось: судьба, блистая,
Будет к ней добра неизменно,
И отцовская золотая
Будет коновязь благословенна...

Так нойон Сэлэнгэн-старик
И царевна супругами стали,
Расстелили постель-потник,
Две свои головы сочetaли,
И в краю, где снежные дали,
Вместе жили и радости ждали.

Перевод Семёна Липкина.

Ветвь вторая Три царевны

Часть 1

Второе рождение

Ствол у дерева серый,
Свечи в желтой листве,
А в стихах о Гэсэре —
Битва в каждой главе.
Нам за ястребом в тучах
Почему б не погнаться,
Родословной могучих
Почему б не заняться?

Девяносто бесов-уродцев,
Чьи противны крики и вопли,
Чьи носы вроде старых колодцев,
Толщиною в два пальца сопли,
Чьи без тульи шапки мохнатые,
Чьи бесхвосты кони горбатые, —
Облетали трижды вокруг
Неокрепшей земли необъятной,
Север, запад, восток и юг
Облетали четырехкратно,
Совершали зло на земле,
Чтоб земля погибла во зле.
Черноцветные тучи пыли
Напустив на лесные края,
Погасить они порешили
Праздник жизни, свет бытия.

В это время в безлюдной местности,
Где шумела тайга каждой веткой,
В одиночестве и в неизвестности,
В бедной юрте, низенькой, ветхой,
Над которой в серый денек
Робко вился-курился дымок,
У подножья Сумбэр-горы
Жили-ждали лучшей поры
Сэнгэлэн, седовласый нойон,
Со старухой Наран-Гохон.

У старухи и старика
Нет мальчишки-озорника,
Чтоб его на коленях качать,
Чтоб ласкать, – нет у них потомка,
Нет собаки, чтоб лаяла громко,
Нет скота, чтобы луг топтать,—
Ни коня у них, ни овечки.
То поставят вершу на речке,
Ловят рыбок-мальков поутру,
То в их петельку в темном бору
Попадут тушканчик иль заяц...
Так живут, от мора спасаясь,
Черемшой утоляют голод
И выкапывают саранки
Возле жалкой своей стоянки,
Где безлюдье, ветер и холод.

Сэнгэлэн как-то утром ранним
Порешил пойти на охоту,
Но его, в другую заботу
Всей душою погружена,
Отговаривала жена:
«На последнем я месяце ныне.
Ты подумай о будущем сыне,—
Видишь, тело мое налилось,
Платье спереди поднялось,
Сзади платье мое повисло.
Затруднилось дыханье мое.
Покидать в эту пору жильё,
На охоту идти – нету смысла:
Если пищу упустит волк,
То, как бешеный, он завоюет,
Если муж нарушит свой долг,
То позором себя покроет!»

Но ушел упрямый старик,
А старуха в таежном затишьи
Разостлала войлок-потник,
Подложила подушку повыше.
Что ей день сулит впереди?
Если дочь родится – баюкать
Будет девочку на груди,
А родится сын – будет мать
На коленях его качать.

Закричал внезапно ребенок
Из ее материнского чрева.
Этот голос был ласков и звонок,
И была в нем нежность напева.

Говорил ребенок, взывая:
«Приподнять прошу я, родная,
Белый шлем, на тебя надетый,
Полный яркого звездного света».

Разве знала старуха пред тем,
Что надет на ней звездный шлем?
Но как только Наран-Гохон
Шлем блестящий приподняла,
В тот же миг от ее чела
Высоко устремился вдруг
Чистый дух, светоносный дух.

Яркий шлем на голову плотно
Натянула правой рукой,
Но из правой подмышки другой
Взвился дух – светло, быстролетно.
Потянулась – и левой рукой
Заслонила подмышку правую;
Слева, с яркостью величавою,
Третий дух воспарил сильнокрыло.
Натянула шлем и застыла,
Сразу обе подмышки прижав,—
Дух четвертый из пуповины
Ввысь взлетел, где синел небосклон.

Потемнела от боли-кручины,
Загрустила Наран-Гохон:
Потеряла четыре плода,
И не стать им детьми никогда!
Но из чрева снова раздался
Голосок Бухэ-Бэлигтэ:
«Я, последыш, в чреве остался!
Я медлителен, вот беда,
Я опаздываю всегда!
Но, по крайней мере, теперь,—
Ты, родная моя, поверь,—
Нарожусь в урочное время:
Ты недаром носила бремя,
Не напрасно меня зачала!»

Светлый дух, от ее чела
Устремившийся к высоте,—
Был Заса-Мэргэн, старший брат
Храбреца Бухэ-Бэлигтэ.
Дух второй, красив и крылат,
Воспаривший в сиянье добра,—
То Бухэ-Бэлигтэ сестра,
То Эржэн-Гохон белоцветная.

Третий дух, воспаривший туда,
Где светла облаков гряда,
Где звезда сияет рассветная,—
То сестра Бухэ-Бэлигтэ,
То Дуран-Гохон красноцветная.
Дух четвертый, из пуповины
На небесные луговины
Воспаривший, блестя, как денница,
То Бухэ-Бэлигтэ сестрица,
Молодая Сэбэл-Гохон.

Вот, удачей своей вдохновлен,
Сэнгэлэн, охотник седой,
Возвратился с добычей домой.
Но добыча жене не нужна,
Но кричит-бранится жена:

«Говорила тебе: „Не ходи!“
Говорила тебе: „Погоди!“
Где шатался, блудливый бык?
А пока ты шатался, блудник,
Я четыре души упустила.
Ох, с тобою мне жизнь постыла!
Если завтра уйдешь опять —
Одинокими станем снова,
Без ребеночка дорогого
Будем век вдвоем доживать!»

Так старуха стонала-рыдала,
Превращаясь в добрую мать.
Вот и утро в тайге настало.
Не пошел на охоту старик:
Ни к чему ему брань и крик!
А старуха лежала, ноя,
Ибо ныло все костяное,
Все запуталось волосяное!
Истрадалась Наран-Гохон,
Не лежалось ей, не сиделось.
Вдруг похлебки ей захотелось,—
И малыш, исполненный гнева,
Некрасивый, вышел из чрева.
Из себя извергал он кал,
Сопли из носу выпускал.

Вместо счастья у матери – горе:
Вот какой уродился сынок!
И ребенка, в тоске и позоре,
Оттолкнула ступнями ног.
Но старик его на руки взял,

Спеленал дитя и сказал
Он жене слова укоризны:
«Вот какого ты мне сынка
Родила на закате жизни!
Но хотя он соплив и грязен,
А с лица – сердит, безобразен,
Нам с тобою он послан судьбой,
Мальчик, выношенный тобой.
Из детей лучше всех – это сын,
Из птенцов лучше всех – желторотый!»
Дожил старый нойон до седин,
С поздней-поздней отцовской заботой,
Он баюкал родное дитя,
Радость новую обрета.

Девяносто коварных бесов

Повествует старинный сказ:
Крепкий мальчик вышел из чрева.
Был открыт его правый глаз,
Был прищурен глаз его левый.
Ногу левую мальчик согнул,
Руку правую ввысь протянул.

Удивляется старая мать,
Сэнгэлэну она говорит:
«Это как же нам понимать?
Правый глаз у него открыт,
И прищурен был глаз его левый.
Что за дитяtko вышло из чрева!
Ногу левую мальчик согнул,
Руку правую ввысь протянул».

Услыхав такие попреки,
Начал речь крепыш краснощекий:
«Ввысь протянутой правой рукой
Силу зла повергну в сраженьях,
Чтобы праздновал род людской
Праздник жизни в лесах весенних.
Я под правой своей ногой
Справедливую власть укреплю,
Защищая мир и покой.
Распрямив свою левую ногу,
Всех предателей раздавлю!
Чтобы верную видеть дорогу,
Будет правый мой глаз открыт.
Чтобы видеть, за часом час,

Тех, кто ложь, кто измену творит,
Будет левый прищурен глаз!»

Так сказал здоровяк-сопленок,
Что родился в безлюдном лесу.
Исходила вонь от пеленок,
Не кончались и сопли в носу.
А старик и старуха жена
Вкруг младенца с утра до темна
Суетились, души в нем не чая,
И, друг друга опережая,
Омывали дитя-крепыша.
Утомясь и с трудом дыша,
Укачали дитя в колыбели,
Отнесли в правый угол его,
Предназначенный для того,
Чтобы справа гости воссели,—
Он изгадил почетное место.
Уложили его поскорей
В колыбель возле самых дверей,—
Он испачкал просторное место!
И ребенка, измучась вконец,
Вместе вынесли за порог
В колыбели мать и отец
И поставили на бугорок.

Но когда небеса потемнели,
Лисья полночь нависла кругом,
Мальчик выскочил из колыбели
И по лесу – ползком-ползком.
Сплел он семьдесят петель-силков,
Их расставил среди кустов,
И заплакал крепыш краснощекий.
Услыхали тот плач на востоке,
В позабытом, безлюдном краю,
Словно вывернутом наизнанку,
Где гуляют ветра спозаранку,
Где, свою низвергая струю,
Гулко льется река водопадами,
Бурно бьется с камнями-преградами,
Где кочкарники да болота,
Где урочище Хонин-Хото.

Девяносто бесов спросонок
Услыхали, что плачет ребенок,
И сказали: «Мы слышим плач
Не того ли, чье сердце просторно,
И чей взгляд, как пламя, горяч,
И чью кровь нам испить не зорно?»

И мышей эти бесы зловредные
В край погнали далекий, лесной.
У мышей были морды медные,
Ну а сами – величиной
Были мыши с быков-трехлеток.
Вот ползут меж кустов и веток,
Все вынюхивают вокруг,
Все высматривают вокруг,—
И в силки попадают вдруг!
Уничтожить ребенка хотели,
А малыш не спешил умереть:
Мальчик выскочил из колыбели,
Взял из красного дерева плетъ,—
А застежек на ней восемнадцать,—
И с мышами давай расправляться!
Всех, чьи морды – зеленая медь,
Чьи свирепы и подлы обличья,
Чьи тела похожи на бычьи,—
Ударяла крепкая плетъ.
Но хотелось им уцелеть,
И наполнилась ими река.
А мальчишка воскликнул: «Впредь,
В отдаленнейшие века,
Вы не будете ростом с быка,
Обретете из мяса морды!»
Так сказал он, победой гордый,
И прогнал из леса мышей.
«В первый день новой жизни моей
Одного одолел я врага,
И спокойною стала тайга».
Так сказав, он заснул в колыбели,
А над ним деревья шумели.
Прискакал жеребенок гнедой,
Чтоб травой наслаждаться густой.
Вот проснулся день молодой,
Загорелась заря, блестя,
И старик со старухой вместе
Вносят в юрту свое дитя,
Чтоб лежал на почетном месте,—
Но изгадил он место почетное.
Уложили его поскорей
В колыбель у самых дверей,—
Он испачкал место вольготное!
Можно ль вытерпеть эту вонь?
И туда, где стоял их конь,
Колыбель они вынесли снова
И поставили на бугорок,
И рожденный в тайге ветерок

Обвевал и дитя и гнедого.

Вот заснул в затишье лесном
Крепкий мальчик завидным сном.
Девяносто бесов тлетворных
Не дождутся своих мышей.
Посылают воронов черных,
Чтоб достигли тех рубежей,
Что зовутся таежным краем,
Чтоб напали на мальчика с граем,
Чтоб они на лицо его сели,
Чтобы выклевали глаза,
А потом в жестоком веселье
Унеслись за луга и леса.
Будто вымазанные в дегте,
Эти вороны были черны.
Из безлюдной они стороны,
Из железа их клювы и когти!

Но в младенце сила была:
Он схватил их за два крыла
И сказал, глазами сверкнув:
«Ради зла родились эти двое,—
На земле истребят все живое
Их железные когти и клюв!»

Он у птиц, — для них бесполезные, —
Вырвал клювы-когти железные,
Вставил клювы им роговые,
Вставил когти им ногтевые
И сказал: «В одно из времен
Поздних дней наступит черед,
И тогда весь вороний род
До едина будет снабжен
Клювом крепким, но роговым,
Когтем цепким, но ногтевым!»
Отпустил он воронов прочь.
На тайгу опрокинулась ночь.
Новой жизни два дня прошло
Одолел он второе зло.

В колыбели заснул малыш,
Жеребенок его — на лугу,
И кругом — таежная тишь...
Разбудило утро тайгу,
Вышел старый нойон за порог
И поднялся на бугорок.
Он к груди прижал малыша,
Он домой унес крепыша.

Мальчик в юрте поел охотно
И спокойно весь день, беззаботно
Он лежал на месте почетном.
Но когда небеса потемнели,
Он заплакал в своей колыбели,
И таким наполнил он смрадом
Все жилье, издавая крик,
Что стоять не могли с ним рядом
Ни старуха мать, ни старик.

Раз в ребенке такой порок,
Колыбель они вынесли снова
И поставили на бугорок,
Посреди затишья лесного
Мальчик плакал, и плач его громкий
В содроганье привел потемки.
Девяносто бесов тлетворных,
Девяносто злых и трусливых,
Не дождавшись воронов черных,
Комаров собрали кусливых.
Что пред ними весь род вороний?
Комары велики, словно кони!

Комары прилетели со звоном,
Лапки – больше конских копыт.
Закружились над мальчиком сонным,
Притворился малыш, будто спит.
Вьются-кружатся, тонко звеня,
Но готова для них западня:
Хоть, как лошади велики,
Комары попали в силки,
Комары в силках ослабели!

Мальчик выскочил из колыбели,
Взял из красного дерева плеть,
Чтоб расправиться с ними, как с мошками.
Восемнадцать бил их застежками,—
Комары перестали звенеть,
Услыхали ребенка приказ:
«Я, пожалуй, помилую вас,
Но сперва поклянитесь, что впредь
Мелкой мошкой станете вы,
Чтоб висеть на верхушках травы!»

Клятву взяв, он прогнал комаров —
Каждый был размером с коня!
Потемнел небесный покров.
Новой жизни прошло три дня —

Трех врагов одолел мальчуган...
Вот растаял рассветный туман,
И старик со старухой снова
Взяли на руки сына родного,
Принесли в шалаш травяной.
Мальчуган покушал отменно
И заснул, обретя покой.
Просветлела душа Сэнгэлэна,
Он сказал старухе седой:

«Чтобы радовать нас, есть ребенок,
Чтоб зимой согреть, есть очаг,
Чтобы встретить нас, есть жеребенок,
Чтоб за нами бежать, есть лончак!»
И спокойно заснули втроем
В шалаше таежном своем.

Поутру закричали спросонья:
Задыхаются от зловонья!
Старец крикнул: «Ублюдок наш
Травяной испоганил шалаш,
На весь мир от ребенка смердит!»
За порог он вышел, сердит.
Следом с мальчиком вышла мать,
На супруга стала кричать:

«Нас кормить этот мальчик не будет,
Повзрослеет – о нас позабудет,
Нашу старость не станет жалеть.
Унеси ты его в берлогу,
Где сидит в черной шубе медведь».
Сэнгэлэн знал к медведю дорогу,
И унес в медвежий тайник
Своего ребенка старик.

День проснулся, прогнав дремоту.
Сэнгэлэн пошел на охоту.
Он, росой обрызганный свежей,
Подошел к берлоге медвежьей.
Видит: мальчик его ненаглядный,
Без штанишек, грязный и смрадный,
По тропинке ползет травяной.
И, взглянув на отца, рассмеялся
Сэнгэлэна сынок озорной.
Он к седому отцу приласкался,
А за ним на траве распластался
В черной шубе хозяин-медведь:
Недвижим, он лежит, не дыша,
Он раздавлен рукой малыша.

До чего же силен, озорник!
Сына к сердцу прижал старик
И унес ребенка домой.
Ох, вкусна была замечательно
Эта свежая медвежатина!
И старик со своей женой
Пищей лакомились мясной:

«Нам небесными властелинами,
Видно, мальчик этот дарован.
Поднебесными исполинами
Нам на радость мальчик дарован.
Он для подвигов приуготован.
Так не будем плакать в кручине,
Пусть, как хочет, живет отныне!» —
Говорили они о сыне.

Косоглазый лама

Обгоняя в тайге все сроки,
Стал расти крепыш краснощекий:
Богатырская грудь широка,
И крепка и могуча рука.
За ночь так мальчуган выростал,
Что ему становился мал
Из овечьей шкуры тулупчик.
За день так выростал голубчик,
Что ему становилась тесна
Даже шуба из бычьей кожи,
И просил он другой одежи.
А в тайге звенела весна,
Мальчик прыгал среди разнотравья,
Напевал, юной жизни рад,
То гнусавя, то шепелявя,
То влопад, а то невлопад.
В это время вожак злотворных
Бесов синих, желтых и черных
Двадцати волшебствам дал приказ
По ладони пуститься в пляс,
А потом по перстам пустил
Десять людям враждебных сил
И постиг жестоким своим
Постижением колдовским:

«Небесами земле заповеданный
И земле неокрепшей преданный,

Появился для блага людей
Исполин, богатырь, чародей.
Уничтожим его, покуда
Этот мальчик не возмужал,
А не то будет бесам худо!»

Злобных бесов собрал вожак,
И они порешили так:
«Уничтожим того чародея,
Что, неслыханной силой владея,
Ради радости бедного люда,
Возмужав, дойдет и досюда.
Уничтожим его, покуда
Он не вырос еще, не окреп!»

Вот вожак, хитер и свиреп,
Напрягает свой черный разум,
Погубить замыслив дитя...
В человека себя превратя,
Стал он ламою косоглазым.
Из безлюдной страны Хонин-Хото,
Где кочкарники да болота,
Где живое гибнет бесславно,
Где земля бесплодна, бестравна,
Будто вывернута наизнанку,—
До таежной чащи густой
Пробирался паломник святой
И нашел Сэнгэлэна стоянку.
Поклонился он, сладкоголос,
И моление произнес.

Косоглазого старца святого
Привечает Наран-Гохон.
Всем, что в юрте было готово,
Угощает Наран-Гохон.
Вопрошает учтивый нойон
Косоглазого старика:
«Далеко ли, близко ль живете?
Далеко ли, близко ль идете?
Как, скажите, зовется река,
Из которой вы воду пьете?
Как название той страны,
Где вы были на свет рождены?»

Источает из уст обман,
Облачает слова в туман
Косоглазый лама в ответ:
«На востоке рожден я на свет,
Возле устья Желтой реки.

Я – искатель чистых путей,
Воспитатель малых детей,
Я их пестую в ранние дни,
А когда подрастают они,
Я учу их ёхору-пляске.
Я теперь узнал, что у вас
Появилось дитя в добрый час,
Я пришел, исполненный ласки».

Старики тогда приосанились,
От смущения зарумянились,
На душе у них посветлело.
А ребенок в люльке кричит,
А ребенок плачет навзрыд,—
Неужели дитя заболело?
Старый лама забеспокоился:
«Почему он все время плачет?
Может быть, желудок расстроился?
Я узнаю, что это значит!»

Лжепаломник с коварной целью
Наклонился над колыбелью,
Но разумный младенец постиг,
Кто таков косоглазый старик.
Прекратив свои сладкие речи
И отринув лик человеческий,
Принял облик свой истинный бес,
В колыбель с головою залез,
Порешил: младенца убьет,
Порешил: мальчугану в рот
Он вонзит непомерный клюв.
Но ребенок, дело смекнув,
Ухватил ручонкою тонкой
За огромный железный клюв,
Он ударил детской ножонкой,
Но со всею силой своею,
Косоглазого ламу в шею.

Отскочила от плеч голова
И за дверь покати́лась, мертва.
Был издохший бес изувечен,—
Вместе с легкими вырвалась печень,
Опрокинулась грудь пустая,
И в чащобу она поползла,
Где трава зеленела густая...

На неожиданную гибель зла
Старики с удивленьем смотрели.
Мальчик выскочил из колыбели,

Мать с отцом повел за собой.
Увидали в чащобе густой,
Средь кустов и веток бесчисленных,
Бездыханного вожака
Девяноста бесов зломысленных.

У отца из-за кушака
Мальчик выхватил острый топор.
Зашумел разбуженный бор.
Сэнгэлэн и мальчик вдвоем
Порубили в лесу густом
И сырые стволы, и надежные,
Вместе с ветками, вместе с корнями.
Порубили деревья таежные,
Развели высокое пламя.
На костре сожгли среди леса
Ламу ложного, злобного беса,
Превратили его в золу,—
Да не будет победы злу,
И осиновою лопатой
Этот пепел собрали проклятый,
А березовую лопатой
По тайге черный пепел развеяли,—
Для людей это дело содеяли.

И сказал Бухэ-Бэлигтэ:
«Как вступил я в земной предел —
Трех противников одолел,
И четвертый враг сломлен мной
В день четвертый жизни земной!»
Так сказав, он уснул в колыбели,
А старик со старухой женой
Улыбнулись, повеселели:
«Прелесть девочке с детства дана,
Сила мальчика с детства видна!»

Мальчик уничтожает бесов

Много ль, мало ли минуло времени,
Мальчик в юрте рос без доуки.
Достают его ноги до стремени,
И до вьюков – округлые руки.
А у Желтого моря далекого,
У истока Желтой реки,
Где желты и пустынные пески,
Тридцать бесов нашли себе логово:
Пляшут, скачут, визжат, желтоликие,

Да заводят игрища дикие.

Загрязнили Желтое море,
Развели в нем гадов-червей,
Напустили они суховей,
Иссушили, всем тварям на горе,
Воду пресную Желтой реки,
Заглушили ее жестоко,
Задушили ее с истока,
Загубили траву с корнями,
Едкой пылью, большими камнями
Завалили источник каждый,
Чтоб народ погибал от жажды,
Напустили язву и мор,
Чтоб земной обезлюдел простор:
Что ни день – гибнет сотня людей,
Что ни день – гибнет сто лошадей.

Мальчуган Бухэ-Бэлигтэ
Наилучшей дождался поры.
Он сработал из желтой коры
И коня, и огромный котел,
А потом искрошил, измолол,
Будто желтую шкурку беличьё,
Травку желтую с галечной мелочью.
Он до Желтого моря дошел,
До истока Желтой реки,
Где без края желтели пески.
Он присел на желтой земле,
Стал готовить в желтом котле
Измельченную желтую снедь,
Стал на желтую воду глядеть.

Вдруг из желтой морской пучины,
Из потока Желтой реки
Разом вышли на берег пустынный,
Побежали вперегонки
Тридцать бесов желтого цвета,
Закричали вместо привета:
«Что за пищу ты варишь, малыш?
Может, завтраком нас угостишь?»

Вьются бесы, тридцать числом,
Перед желтым толпятся котлом,
Все нечистые – с желтым хохлом.
Им сказал Бухэ-Бэлигтэ:
«Небожителями Востока
Я направлен к вам издалёка.
Вижу, вам живется несладко,—

Ни избытка у вас, ни порядка.
Я вам другом-помощником стану!»

Не поверили бесы обману
И ответили мальчугану:
«Нам взаправду ль на помощь пришел ты?
Не такой ты, как мы, ты не желтый!
Из древесной коры твое мясо,
И, сдается, из масла – кости.
Если к нам ты пришел без злости,
Чтобы нашим стать сотоварищем,
С нами, желтыми, не лукавящим,
То на желтого сядь лончака,
Да сожми ему крепко бока,
И вокруг Желтого моря помчись,
И, пока мы глазом моргнем,
Ты на это же место вернись!»

Но не знали бесы о том,
Что он хитрым был колдуном!
Он на желтого сел лончака
И назад, где желтела река,
Желтым бесам глаза повернул.
Каждый бес только глазом моргнул,
А мальчишка на лончаке
Сделал вид, что вернулся к реке,
Что объехать успел неоглядное,
Желтоцветное море громадное!
Тридцать желтых бесов решили:
«Ты отныне – в нашем числе!»
Вшей собрали, подбросили гнили.
Стали пищу варить в котле.

Вот наелись они до отвала,—
Вся орава с урчанием встала.
Говорит Бухэ-Бэлигтэ:
«Тот, кто знает дороги вдоль моря,
Пусть меня за собой поведет».
С сотоварищем новым не споря,
Тридцать бесов пошли вперед,
Мальчугана ведя за собой.
Ближе, ближе морской прибой,—
И привстал на луке седла
Мальчуган, чьи хитры дела,
Сжал он плети своей рукоять —
Восемнадцать застежек на ней,—
Стал он Желтое море хлестать:
Желтых бесов, громко смеясь,
В пыль втоптал он, в желтую грязь!

Он сказал: «Ваши кончились козни!
Срок наступит близкий иль поздний
Вы не встанете больше со дна
Желтоцветного моря великого:
Это слово – на все времена!»
И сандаловою, целебною,
Тонкой палочкою волшебною
Он погладил Желтое море,
И оно очистилось вскоре,
И, сверкая своей желтизной,
Побежала волна за волной.

В путь пустился в тиши ночной,
И дошел, с наступленьем рассвета,
Он до моря синего цвета.
Не знавал он места пустынное,
А шулмусы там жили синие.
Чтоб живое спасти от хвори,
Синих бесов загнал он в море,
Придавил их синей скалой...
Новый день взошел над землей,
И до моря черного цвета
Он дошел с наступленьем рассвета
Черных бесов он истолок
И втоптал их в гальку-песок.

Язва страшная, моровая,
Праздник жизни уничтожая,
Нависала желтым туманом,
Трем грозя сопредельным странам.
Но в сосульку из серебра
Он вобрал туман ядовитый,
Выдул весь в океан ледовитый
Ради блага, ради добра!

Семьдесят телят

Старший брат Сэнгэлэна, Саргал,
Тот, что в Белой Стране обитал,
Где дороги белей облаков,
Белолиц и белоголов,
С книгой белых указов в руке, —
Порешил навестить Сэнгэлэна,
Что в изгнании жил вдалеке.
Оказалось, в тайге забвенной
Сын родился у старика!

Радость дяди была велика:
«Наступило благое время,
Начинает людское племя
Праздник жизни праздновать вновь,
Торжествует теперь любовь!
Ты, мой брат, со своей женой
Возвращайтесь ко мне домой,
Где пышна, многоцветна долина,
И отдайте мне вашего сына».

Сэнгэлэн и Наран-Гохон,
Столько лет проведя в глуши,
Были рады от всей души
Своему к домочадцам возврату.
Сына отдали старшему брату.

Голова Саргала бела,
А душа Саргала светла.
Вот он скачет к Белой Стране
На могучем белом коне,
И покой на земле у него,
И племянник в седле у него!

Но племянник неладно сидел;
Он изгадил накидку-дэгэл,
Измарала его пачкотня
Белошерстое тело коня...

У Саргала, страны властелина,
Было два сильноруких сына:
Старший воин – Алтан-Шагай,
Младший воин – Мунгэн-Шагай.
Говорит старик белоглавый
Сыновьям и всем домочадцам:
«Я приехал к вам с младшим братцем,
Он рожден для битвы и славы.
Но без имени храбреца,
Но без прозвища удалыца
Не бывает в доме отца».

Вот Саргал собирает в круг
Стариков и важных старух,
Собирает друзей и сверстников,
Сотоварищей и наперсников.
Он откормленных за девять лет
Режет жирных коров и быков,
Ибо пищи прекраснее нет
Для пирующих стариков.
Тридцать дней веселье идет,

Длится пиршество целый год,
А не могут люди достойные, —
Сообразно его уму,—
Выбрать имя сопливцу тому,
Чьи глаза – словно раны гнойные.

Но Саргал восклицает с болью:
«Нет без имени храбреца,
Нет без прозвища удальца!»
Он размером с шапку соболью
Ставит мясо средь пира веселого,
Ставит масло размером с голову,
Да еще со словами такими:
«Это мясо отдам тому,
Это масло отдам тому,
Кто племяннику моему
Наилучшее выберет имя!»

Белоглавый поднялся гость,
Опираясь на белую трость.
Посерел от годов старик
Дай ростом был невелик.
Много видеть ему довелось!
Головы его седина
Малахай пробила насквозь,
Ногти, чья непомерна длина,
Проросли сквозь его рукавицы.
Так сказал старик мудролицый:
«Он соплив, твой малыш озорной,
Некрасив, и в глазах его – гной,
Так Сопливцем – Нюсата-Нюргаем —
Мы отныне его называем».

«Верно! Верно! – кричат на пиру.—
Это имя будет к добру!»
Получил старичок седой
Масло с голову величиной,
Мясо величиной с малахай,—
Да растет Нюсата-Нюргай.

У Саргала скота немало,—
Охраняли три сына Саргала
Ровно семьдесят красных телят.
Старшим братьям сказал младший брат:
«Мы за стадом идем да идем,
Возвратимся ли скоро назад?
Так попробуем, братья, втроем
Мы съедим одного из телят».
Возражает Алтан-Шагай:

«Мы нарушим отцовский приказ».
Упрекает Мунгэн-Шагай:
«Будет мать сердиться на нас».
Отвечает Нюсата-Нюргай:
«Понапрасну волнуетесь вы!
Мы нарвем прошлогодней травы
Да набьем ею шкуру телячью.
Обещаю вам, братья, удачу:
Эту шкуру с истлевшей травой,
Как живую, пригоним домой».

Захотелось и старшим убоины,
По свежинке соскучились воины,
Но теленка зарезать боялись,
Мальчугану в ответ рассмеялись:
«Как ты знаешь, так поступай».
Побежал Нюсата-Нюргай
И схватил теленка за хвост,
Размахнулся до самых звезд,—
Эх, была в нем, как видно, силенка
И содрал он шкуру с теленка,
И набил ее старой травой.
Приказал: «Скачи да беги ты!»
И теленок, травую набитый,
Стал скакать, как будто живой.

Вот уселись они пред костром,
Был огонь и высок и светел,
И надели мясо на вертел,
И, как волки, наелись втроем.
От Сопливца двум старшим – почет:
Отдает им куски пожирней,
А себе похуже берет...
Много ль, мало ли минуло дней,
И сменялись ли быстро недели,—
Братья счет вести не хотят,
Не заметили сами, как съели
Шестьдесят и девять телят.
А вокруг пастухов этих сытых
Скачут, старой травой набитых.
Шестьдесят и девять телячьих
Красных шкур, немых и незрячих!

Старшим братьям сказал младший брат:
«Вы и сами, видать, не заметили,
Как изжарили мясо на вертеле,
Как вы, старшие, съели подряд
Шестьдесят и девять телят.
Нам остался семидесятый,

Да боюсь наказанья-расплаты».

Но хотелось двум старшим убоины,
И, не ведая удержу, воины
Закололи семидесятого,
Нежным мясом и жиром богатого.
Шкуру старой набили травой,
И теленок семидесятый
По приказу Сопливца-Нюсаты
Стал скакать, как будто живой.
Возвращаются братья домой,
Гонят семьдесят красных теней,
Прошлогодней набитых трухой.

Пастухи стали телом плотней,
А у мальчика вздулся живот:
Воду пьет он, и пьет он, и пьет...

Рассердилась мать: «Что с тобой?
От воды заболеешь сырой!»
Он в ответ: «Мои губы горят,
Все во мне сожжено до нутра,
Из семидесяти телят
Мы последнего съели вчера.
Слишком жирным то мясо было,
И от жажды я изнемог...»

«Говоришь ты неправду, сынок!
Только что я коров доила,
Все телята сосали вымя!»
«Не вернулись они живыми:
Мы наполнили шкуры травой
И погнали их с криком домой».

Удивилась добрая мать,
Ничего не могла понять,
На телят поглядеть захотела.
Поглядела и обомлела,
Не поверив глазам сперва:
Из телячьего каждого зада
Выползала труха-трава,—
Вот каким оказалось стадо!
А как выдернула траву —
Наземь семьдесят шкур повалилось!
Рассердилась мать, разозлилась,
Стала бить сыновей своих,
Вместе с младшим — и старших двоих.

Но Саргал пожалел сыновей,

И, едва отвернулась старуха,
Стал старик покашливать глухо,
Их из юрты увел поскорей.
А в душе старика – отрада:
«Сыновья растут у меня —
От врагов завидущих ограда,
От врагов загребущих броня!»

Часть 2

Саргал испытывает своих сыновей

Рано утром проснулся Саргал,
Напоил он Алтан-Шагая
Полной чашкой горячего чая,
К пяткам шило и нож привязал,
Посадил на четырехгодовалого
Необученного быка:
Испытать порешил он стрелка —
Сына старшего, доброго малого.

Говорит он сыну: «Вдвоем
На быках поедем верхом,
На деревья-кусты утром ранним,
На посевы китайские взглянем».
Едут-едут. Со всех сторон
К ним подходит тайга вековая.
Вот Саргал, белоликий нойон,
Вопрошает Алтан-Шагая:
«Для чего нам нужна тайга,
Чем для нас она дорога?»
И Алтай ответствовал: «Тут
Деревя для того и растут,
Для того и пригодны весьма,
Чтобы строить чертоги-дома».

Едут-едут. Со всех сторон
Обступает их ширь степная.
Вот Саргал, белоликий нойон,
Вопрошает Алтан-Шагая:
«Посмотри-ка на ровное поле.
Чем земля его хороша?»
Старший сын сказал не спеша:
«Распахать бы это раздолье
Да посеять бы добрую рожь:
Право, лучшей земли не найдешь!»

Едут-едут безлюдной тропой
И въезжают в ельник густой.
Вот Саргал говорит Алтану:
«Здесь на отдых с тобою стану.
Деревянный сделай котел.
Моего быка мы зарежем
Да насытимся мясом свежим».

Старший сын на землю сошел,
Деревянный сделал котел, —
А котел вместе с мясом сгорел.
Старец, мясо изжарив на вертеле,
Хорошо и сытно поел...
Старший сын на отца смотрел,
Старший сын остался голодным...
Так вдвоем на одном быке
Устремились к полям плодородным.
Вот хлеба встают вдалеке,
Нет посевам края-предела!
Вдруг Хитару-птица взлетела
Из высоких спелых хлебов.
Белолиц и белоголов,
Вздригнул старый как бы с перепугу,
И на всю заорал он округу.
То ли шилом, то ли ножом
Он быка уколол под лопатку.
Красный бык, в малолетстве своем,
Был еще не приучен к порядку,
Он взревел и пустился бегом,
Сбросил сына вместе с отцом.

Вверх тормашками лег Саргал,
Вкруг него в тоске зашагал
Безутешный Алтан-Шагай.
Умолял он: «Отец, вставай!»
То в ногах его, то в изголовье
Он рыдал, обливаясь кровью,
То назад идет, то вперед,
Как помочь отцу – не поймет.
А Саргала дума тревожит:
«Видно, старший сын не таков,
Чтоб защитой стать от врагов,
Он беду одолеть не может!»

Он со старшим вернулся домой.
Снова утро вошло над землей, —
Стал испытывать среднего сына,
Но отца охватила кручина:
«Не сумеет Мунгэн-Шагай
Защитить отеческий край
От могучих, злобных врагов!»

Белолиц и белоголов,
Недовольный, вернулся домой.
Третье утро вошло над землей, —
Начал старец, гласит преданье,

Сына третьего испытанье.

Добрались до высоких берез,
До лесов, где листва густа.
Задал сыну отец вопрос:
«Что ты скажешь про эти места?»

«Всю березовую чащобу
Надо выкорчевать без остатка.
Коль обрушит враг свою злобу,
Будет поле ровно и гладко,
Пригодится для правой войны.
Чтобы были враги сметены,
Чтобы мы одержали победу...
С этой мыслью, разумом слаб,
По местам березовым еду».

Вот погнались дальше быка,
Доскакали до сосняка,
Где прекрасны багрец сосновый,
Твердых лиственниц высота.
И отец вопрошает снова:
«Что ты скажешь про эти места?»

«Надо нам, чтобы жить в тиши,
Нашу землю обезопасить.
Эти лиственницы хороши,
Чтоб врагов завидующих дубасить,
Пригодится нам и сосна,
Если с недругом будет война».

Едут-едут, заботы отбросив,
Добрались до высоких колосьев:
Нет посевам края-предела!
И Хитару-птица взлетела
Из хлебов, что поспели вокруг.
Красный бык испугался вдруг,
Побежал, четырехгодовалый,
Стал топтать деревьев завалы,
Сбросил двух седоков, и упал
Вверх тормашками старый Саргал:
Затвердели белки его глаз,
Смерть неожиданная, что ли, стряслась!

Встал Нюсата, глядит удивленно
На недвижимое тело нойона.
Он кричит: «Поднимись, отец!»
Но Саргал молчит, как мертвец.
Трижды сын повторил свой крик,—

Ничего не слышит старик.
Стал тогда размышлять Нюсата:
«Как затмилась отцова судьба?
Если б здесь, где земля богата,
Не взрастили соседи хлеба,
Не вспорхнула б Хитару-птица.
Если б здесь не могла гнездиться,
То быка не повергла б в испуг.
Если б бык нас не сбросил вдруг,
Не скончался бы мой отец!»

К этой мысли придя наконец,
Красной плетью взмахнул он умело,
Из древесных она ремней,
Восемнадцать застежек на ней!
Препоясал могучее тело
Он березою, рослою, белой,
Вырвал лиственницу для опоры
И подумал: «Время пришло,
Чтоб свершить заповедное дело.
Перед тем как в землю зарюю,
Я воздам почет властелину:
Серебром его плечи покрою
И покрою золотом спину».

Две полы завернул за кушак,
До локтей засучил рукава
И отправился юный смельчак,
Чтоб свои защитить права,
В государство китайского хана.
Шел и шел – и пришел утром рано
В государство китайского хана.
Во дворец он вступил старинный,
Молвил хану среди дворца:
«Ваши подданные повинны
В том, что я потерял отца.
Я теперь его в землю зарюю,
Но сперва, как следует сыну,
Серебром его плечи покрою
И покрою золотом спину».

Согласился властитель державы
С ясной речью: «Мы были неправы,
Ведь на вашей земле мой народ
Сеет злаки из года в год.
Ты получишь в этот же день
Серебро и червонное золото.
Своего отца ты одень
В серебро и червонное золото.

Разукрась его тело богато
Да в могилу зарой в горький час.
А теперь я составлю указ,
И с тобой, лишь его составлю,
Наших поданных я отправлю».

Испугались люди Китая,
Нагрузили они, не считая,
На возы серебро и золото,
С ними вместе поехал Нюсата.
До китайских добравшись колосьев,
Яму вырыл он острой лопатой,
Рядом шапку дырявую бросив.
Удивляются люди Китая,
Серебро и золото кидая:
«Не наполнится шапка никак!»
Преподносят они кушак,
Расстилают шелк-чесучу,
Говорят с мольбой силачу:
«Нас, что ради посевов пришли,
Со своей не гоните земли!»
В путь пустились – и скрылись вдали.

Исполняя сыновний долг,
Дорогого отца Нюсата
Облачил в чесучу и шелк,
Облачил в серебро и золото,
Порубил он деревья лесные
Вместе с ветками, вместе с корнями
И сухие стволы, и сырые,—
И разжег высокое пламя.
Заплясал огонь, засверкал,
От огня отшатнулся Саргал,
Закричал: «Ой, смерть горяча!»
Побежал, и с его плеча
Стали падать шелк, чесуча,
Серебро и червонное золото.
Младший сын старика поймал
И воскликнул: «Я помню свято,
Что беда для всего живого,
Коль мертвец оживает снова».

Он отца поднимает опять,—
Он сейчас в огонь его бросит,—
Но отец умоляет-просит:
«Ты не должен меня сжигать,
Я не мертв, прости мне причуду,
Притворяться больше не буду!»

Так старик просил Соплячка,
Перетряхивая кисет.
Сын кивнул головой в ответ.
Нагрузили они быка
Шелком, золотом, серебром,
А потом уселись вдвоем
И быка погнали домой.
Так подумал Саргал седой:

«Младший сын у меня растет,
Для народа – броня-оплот.
Всех врагов одолеть он может,
Все напасти он уничтожит».

Облава на зверя

Было радостным возвращенье:
Младший сын испытанье прошел!
Вот хозяйка свое угощенье
На серебряный ставит стол,
Накрывает стол золотой,
Угощает питьем и едой.
Вот уселись они впятером:
Старики – за одним столом,
За другим столом – сыновья.
Вдоволь пищи, вдоволь питья!
Как насытился старый Саргал,
Погрузился он в размышленья.
Он любимую трубку достал,
Что казалась не меньше тюленя,
Серебром в руке поиграв,
Из огромного, как рукав,
Темно-бархатного кисета
Трубку красным набил табаком:
Будто всыпал копну целиком!
Он огнивом жемчужного цвета
Высек яркие искры огня —
Пламя вырвалось из кремня.
Затянулся он куревом чистым,
Начал с шумом, выдул со свистом,
А как выдул дымок, был он цвета
Загорающегося рассвета.

Солнце желтое скрылось во мгле.
Серый сумрак настал на земле.
Лег старик на высокое ложе,
Чтобы нежиться в мягком тепле.

Соболиное одеяло
И бобровое одеяло
Хорошо укрывали Саргала!

Вот и новое утро настало,
Нежно-нежно лучи заблестели.
Все, покинув свои постели,
Вышли в лес – духovitый, густой.
Родниковой умылись водой,
Причесались и приоделись.
Сели вместе за стол золотой,
Вкусной, сытной пищей наелись,
За серебряный сели в радости,
Ели сахар и всякие сладости.

Вот Саргал, отраду вкушая,
Посылает Алтан-Шагая
К дяде, к черному Хара-Зутану:
«Ты поведай дядюшке-хану:
Опротивела мне бычати́на,
И я вспомнил, что замечательно
Лишь таежного зверя мясо.
Так начнем же с этого часа
На таежного зверя облаву,
Поохотимся вместе на славу!»

Старший воин был сыном послушным,
Перед дядей своим криводушным
Он предстал с отцовским наказом.
Был доволен Хара-Зутан:
То он шурился хитрым глазом,
То причмокивал языком:
Он мечтал об известье таком!
Вверх посмотрит – громко смеется,
Вниз посмотрит – в кашле трясется.

Наилучшего из коней,
Что откормлен был для облавы,
Сто и двадцать неспешных дней
Поедавшего сочные травы,—
Он поймал среди чащи густой
Недоуздом из серебра.
Обуздал вороного уздой,
Сотворенной из серебра.
На коня, что к походам привык,
Он из шелка накинул потник,
Оседлал вороного седлом,
Что сверкало литым серебром.
Для коня, чья скачка быстра,

Есть нагрудник из серебра
И подхвостник из серебра:
За стремительных десять лет
Не ослабнут они на нем.
Подтянул он на вороном —
Да за двадцать стремительных лет
Не ослабнет она на нем —
С двадцатью ремешками подпругу.
Место поводу-полукругу
За седельной нашел он лукой.
Там и место для плетки тугой.

Он лицом становится к югу,
Он в серебряный бубен бьет,
Собирает южный народ,
В золотой он бьет барабан —
Население северных стран
Собирает Хара-Зутан.
Ловчих кличет он слева и справа,
Говорит, красноречьем блистая,
Что на зверя пойдет облава,
Что поедут по склонам Алтая.

В этот самый миг прискакал,
Позади усадив Нюсату,
К черноликому младшему брату
На коне белоснежном Саргал.
Для привета-рукопожатья
Заключил он брата в объятия,
И решили радостно братья:
«Пусть другие едят на здоровье
Мясо бычье, мясо коровье,
Мы желаем с этого часа
Только зверя таежного мясо.
На заре и в молчанье ночном
Мы таежничать вместе начнем
На алтайских тринадцати склонах,
На высоких отрогах зеленых!»

Вот по северным склонам Алтая
Поскакал по таежной земле
Хан Саргал, зверей настигая,
Младший сын – у него в седле.
На охоте мальчику любо
Драгоценных ловить соболей,
Бить медведей-богатырей:
Пригодится черная шуба!
Удивлялась тайга вековая:
Ребра-спину медведям ломая,

Предлагал он спутникам мясо,—
Так, оставшихся без припаса,
Он кормил людей своих свежим —
Прямо с вертела – мясом медвежьим,
Отдавая встречным излишки.

Был Хара-Зутан огорчен:
Даже из носу черной мышки
Капли крови не пролил он.
Где теперь его красноречье!
Он Саргала спросил при встрече:
«Старший брат, по какой причине
Без добычи еду я ныне,
А твоей добычи – не счесть,
Так и хочется всю ее съесть!»

Был доволен добрый Саргал,
Стал расхваливать младшего сына:
«Не досталась и мне дичина,
Я и сам ничего не поймал,—
Ловок, зорок, удачлив Нюсата,
И добыча его богата».
Умоляет старшего брата
Криводушный Хара-Зутан:
«Пусть поможет мне сын твой младший,
Без него мне не будет удачи!»
Пожалел Зутана Саргал,—
Сыну младшему приказал,
Чтобы с дядей охотился вместе...

Только сел Соплячок в седло —
Из-под мальчика потекло
И по ребрам коня, и по шерсти.
И, почуяв зловонье резкое,
Сотоварищем смрадным брезгуя,
Отшатнулся Хара-Зутан,
И племянника к брату отправил,
От зловонья себя избавил.

Посреди густолиственной тени
Мальчугана к себе на колени
Усадил белоглавый Саргал,—
Мальчуган коня измарал.
Но глядит Саргал: то не кал —
Испускает щедро Нюсата
Серебро и червонное золото!

Испугает ли всадника вонь,
Если белый, сияющий конь

Весь – от гривы до крепких копыт
Серебром и золотом покрыт!
Так, довольный охотой-облавой,
Ярким золотом-серебром,
Мчался-ехал Саргал белоглавый
С тем удачливым сыном вдвоем.

Встреча с царевной Тумэн-Жаргалан

От владений Саргала вдали
Там, где северо-запад земли,
Гордый хан Турушхэй-Баян
Объявил указ-приказанье:
«Кто, участвуя в состязанье,
Три награды сумеет взять,
Тот в мой дом да вступит как зять,
Назовет мою дочь женою!
Так Тумэн-Жаргалан светла,
Что лица своего белизною
Наполняет все зеркала,
А ее походкою плавной
Околдован дворец мой славный,
И на многие тысячи лет
Ей ниспосланы счастье и свет!»

Как дошло до Сопливца неожиданно
Повеленье могучего хана,
Порешил Нюсата-Нюргай
В полуночный отправиться край
И участвовать в состязанье.
Испросил Соплячок у отца
Изволю-благопожеланье
В ту далекую землю отправиться,
Пусть женой ему станет красавица!
Порешила Тумэн-Жаргалан
Поскакать в это время весеннее
На моление-поклонение,
Блиzkих родичей навестить,
Погостить у них беззаботно.
Вот из бычьей кожи суму
Нагрузила золотом плотно,
Вот из конской кожи суму
Серебром нагрузила бессчетно,
Поклонилась отцу своему,
Чтоб сказал ей напутствия слово,
Скакуна снарядила гнедого
С тридцатисаженым хребтом,—

Поскакала знакомым путем.
Прозорливым умом обладая,
Догадался Нюсата скоро,
Что спешит из далекого края
Конь гнедой, с быстротой облета:
Расстоянье в три кругозора,—
И помчался навстречу царевне.
Там, где путь пролегает древний,
На дороге владык малолюдной,
На дороге народа простого
Он коня увидел гнедого,
Повстречался с красавицей чудной,
Он учтивую речь произнес,
Он ей вежливо задал вопрос:

«Вы какого племени-роду?
Из какой реки пьете воду?
Как зовут вашу добрую мать?
Как отца почтенного звать?
Кто ваш хан? Где ваше жилье?
Назовите мне имя свое!»

Соплячку удивилась царевна,
Но сказала спокойно, безгневно:
«Я из дальних приехала стран.
Мой отец – Турущхэй-Баян.
Я царевна Тумэн-Жаргалан.
Там, где сходится север с закатом.
Во дворце родилась я богатом...
Из каких вы едете мест?
Для какого скачете дела?»

Вновь красавица поглядела,—
Никого не видно окрест,
Лишь наглец поперек пути —
Не проехать и не пройти!
И сказала, дрожью объята:
«Мне поручено вам привезти
Серебро и червонное золото».

Так, напугана тем Соплячком,
Две сумы, набитых битком,
Отдала ему ханская дочь,
Чтоб Сопливец убрался прочь!
На коня навьючил Нюсата
Серебро и червонное золото:
«Милой матушке дар я доставлю
И направлю обратно коня.
Здесь, красавица, жди ты меня».

Поскакал домой мальчуган,
А царевна Тумэн-Жаргалан
У родных обрела приют,
И снедала ее досада...
Возвратился назад Нюсата,
А слова его жалят и жгут:

«Если женщина нравом беззлобна,
То в дому ее дети шумят.
Если женщина суке подобна,
То она производит щенят.
Удивительны в мире дела:
Дочка хана щенка родила!
Род – высокий, а нрав-то – сучий:
Нехороший, неслыханный случай!»

И Тумэн-Жаргалан, чья краса
Озарить могла небеса,
От позора-стыда запылала,
Потеряла власть над собой
И упала к ногам зубоскала,
Обратилась к нему с мольбой:

«Всех людей, чьи чисты сердца,
Превзойдите делами благими!
Вы мое не позорьте имя!
Как дойдет до хана-отца
Эта злобная черная весть,
Молодой головы мне не снести!»

Так в смятенье, в тревоге душевной,
Умоляла его царевна,
У Сопливца валялась в ногах,
Обливая слезами прах.
Крепко сердце Нюсаты забилося,
Докрасна оно раскалилося,
Излучая сияющий свет.
Он сказал царевне в ответ:
«Разве я тебя опозорю?
Твоему помогу я горю,
Если стану тебе родным,
Если головы соединим,
Две судьбы сольем воедино».

Дочь Баяна, дочь властелина,
Простодушна была и невинна,—
Согласилась царевна с ним:
«Как созреем для этого дела —

Для единой судьбы-удела,—
Наши головы соединим».

Речь заводит Нюсата снова:
«Коль сказала ты верное слово,
Коль дала обещанье святое,
То вручи мне кольцо золотое,
Что на правой ты носишь руке,
Что на пальце твоём безымянном».

От родных и друзей вдалеке,
На дороге, повитой туманом,
Растрялась Тумэн-Жаргалан,
И кольцо она с пальца сняла
И Сопливцу кольцо отдала.
«За тобою примчусь: жди меня
У себя через два-три дня»,—
Так Нюсата сказал озорной,
Провожая царевну домой.
Произнес он эти слова,
И при помощи колдовства
Превратился он в муху черную.
Как царевна поводья взяла
И пустилась дорогой торною,
Сел он к ней на луку седла.

Разгадал ее думы Нюсата:
Дочь могучего хана сочла,
Что она грешна, виновата
В том, что верное слово дала,
Отдала золотое кольцо.
Было скорбным ее лицо:
«На него противно смотреть.
Стать Сопливцу женою – горе.
Лучше мне сейчас умереть,
И с утеса я брошусь в море».

На скалу взобралась крутую,
Чтоб низринуться в бездну морскую,
Вдруг Нюсата схватил гнедого
За его шелковистый хвост
И сказал душевное слово:
«Не иди ты путем обмана.
Не пристало дочери хана
Обещанье свое нарушать!» —
И коня повернул он вспять.
Испугалась дочь властелина:

«Здесь, где моря шумит пучина,

Захотелось мне умереть,
Но дала я верное слово
И его не нарушу впредь».
И к пределам края родного
Погнала царица гнедого,
А Нюсата вернулся домой.

Кончен горный путь и степной,
И предстала она перед ханом,
Пред отцом Турушхэй-Баяном,
О неожиданной поведала встрече.
Хан Баян, услышав эти речи,
Приласкал, успокоил ее,
Пожелал ей счастья и мира,
Приказал, чтоб для праздника-пира
Приготовили яства-питье.

Прибытие женихов

До Зутана дошел в некий час
Турушхэй-Баяна указ.
Порешил криводушный хан,
Что пора добыть ему счастье,
В состязанье принять участие,
В жены взять Тумэн-Жаргалан.
Он велел коня черной масти
Снарядить в поход поскорей —
Пусть к царевне свой бег направит,
И решил Зутан, что возглавит
Триста воинов-богатырей.
Стал просить Нюсата-Нюргай:
«В этот северо-западный край
Вместе с вами, дядя, поеду,
Может быть, я добуду победу».
Рассердился Хара-Зутан,
И не внял он просьбе-желанью,
А прогнал племянника с бранью.

Возвратился Нюсата домой.
Там, на тоненьких ножках, худой,
Серой масти плелся лончак,
Замедлял ослабелый шаг.
Вот и лошадь для Соплячка!
Серомастного лончака
Он седлает седлом дрянным
С потником, но волосяным.
Был из шкурок мышинных – подхвостник,

Был из сусличьих шкурок – подгрудник,
А подпруга, хотя и крепка,
Да из шкурок была колонка,
А из шкурки бурундука
Он к седлу приделал подкладку.
Он сказал: «Снарядил скакуна,—
Хоть на праздник помчится, хоть в схватку,
Но и мне одежда нужна,
Снаряжусь и я для порядку».

Позаботился он об одежде,—
Он мышинные шкурки надел.
Застегнул накидку-дэгэл
Из обрезков-лоскутьев кожи.
Малахай, на колоду похожий,
Он на голову натянул.
Он из ивового куста
Лук и стрелы сработал спроста.
Был в глазу его правом гной —
В бабку конскую величиной.
Был в глазу его левом гнойник
Как пчелы разбухшей двойник.
Он, прищурясь, оглядывал разом
Запад неба своим правым глазом,
А прищурив левое око,
Он высматривал небо востока.
В путь, который ему был неведом,
На трепещущем лончаке
Он за дядей отправился следом,
А Зутан скакал вдалеке.

Край родной – за его спиной,
В горный край он вступает чужой,
А не видно Хара-Зутана.
Вдруг примчались три великана:
Глянешь спереди – горные кряжи,
Если сзади посмотришь на них,
То не сыщешь сравнения даже!
Лица алые – цвета заката,
Каждый зуб во рту – как лопата.
Имена этих трех силачей;
Нагадай-Мэргэн-дэгэй,
Солнца светлого сын молодой,
И Сэсэн-Мэргэн-дэгэй,
Тот, который рожден звездой,
И Сайхан-Мэргэн-дэгэй —
Крепкостанный отпрыск луны.

Трех светил удалыцы-сыны

Громко крикнули, вопрошая:
«Эй ты, черная тварь земная,
Средь безлюдных гор и равнин
Далеко ли ты едешь один?»

«Еду в край Турушхэй-Баяна,
Чтоб жениться на дочери хана,
На прекрасной Тумэн-Жаргалан».
В гнев и ярость три великана
От такого ответа пришли:
«Ах ты, черная тварь земли!
Удальцы, что тебя почище,
К ней не смели приехать в дом!» —
И огрели Нюсату кнутом
С тамарисковым кнутовищем,
И, помчавшись, над горным хребтом,
Словно горы, они возвышались,
За вершины порою держались,
И верхушек деревьев касались,
И деревьями сами казались.
Вслед за ними – Нюргай, и неожиданно
Он догнал нойона Зутана,
Но поплелся с опаскою сзади,
Побоялся приблизиться к дяде.

Так приехали в те места,
Где ни дерева, ни куста.
Холод в этой глуши окаянной!
У нойона Хара-Зутана
Все замерзло: и меч, и броня,
И в колчане стрелы, и тело,
И одежда на нем задубела,
А согреться нельзя: нет огня!

Не горюет Нюсата отважный:
Он с собой взял огонь очажный.
У огня, посреди дороги,
Греет руки и греет ноги.

А Зутан, увидев дымок, —
В чем тут дело, понять не мог.
Повелел он воинам: «Надо
Расспросить и услышать слова:
Где Сопляк раздобыл дрова?» —
И послал половину отряда.
Прискакали сто пятьдесят,
На огонь с удивленьем глядят.
Говорит им Нюсата невинно:
«Там, за горным хребтом, – седловина,

Там простерлась Долина Седла.
Значит, седла мы там добудем,
Так к чему же хорошим людям
Замерзать-пропадать без тепла?
Я свое разрубил седло
И разжег-раздобыл тепло».

Удивились сто пятьдесят,
Обогрившись, вернулись назад:
«Нам сказал Соплячок озорной,
Что Долина Седла – за горой,
Значит, седла найдутся для нас,
Так зачем же мерзнуть сейчас?
Он свое разрубил седло
И разжег-раздобыл тепло».
Хан ответил своим удальцам:
«Я об этом подумал и сам.
Надо седла скорее рассечь,
Надо пламя пожарче разжечь!»

Засверкало утро багряно,
Осветились зарей облака.
Встал Нюсата-Нюргай раным-рано,
Не дождавшись Хара-Зутана,
Оседлал седлом лончака,
И в Долину Седла, за горой,
Поскакал, облитый зарей.

А за ним копыта гремят:
То Хара-Зутана отряд
Поскакал в Долину Седла.
Там и оторопь всех взяла:
Ни для воина, ни для владельца
Ни седла не видать, ни седельца!
Происшествием этим расстроены,
В путь без седел двинулись воины
И достигли места ночевки.
Посмотрели – Сопливец ловкий
У огня, наслаждаясь, прилег,
А над пламенем вьется дымок.

Прискакал к Сопливцу отряд.
Удальцы, дорогой измучены,—
«Где огонь раздобыл?» – говорят.
А Нюсата: «Возле излучины
Мы увидим Долину Лука.
Там окончится наша мука,
Там отыщем и лук и колчан,—
Потому-то поджег я стрелы».

Как услышал Хара-Зутан,
От мороза осатанелый,
Те слова, он сказал удальцам:
«Догадался об этом я сам,
Ведь племянника я поумней!
Разрубите стрелы и луки,
Разведите огонь посильней, —
Отогреем ноги и руки!»
Триста воинов-богатырей
Разрубили луки и стрелы,
Развели веселый огонь, —
Да согрется ослабелый
Каждый воин и каждый конь!

Вот поели, спать улеглись.
Разбудил их рассветный туман, —
На конях вперед понеслись.
Поутру и Нюсата встает.
Все при нем – и лук и колчан.
Устремился и он вперед.
Вот синее речная излука.
Он вступает в Долину Лука.
Как он въехал в нее, посмотрел
На несчастных воинов дяди:
Нет ни седел, ни луков, ни стрел,
Нелегка их дорога к награде!

Хоть страна Турушхэй-Баяна
Далека была и пространна,
А достигли ее наконец,
А доехали быстрой рысью.
Увидали под самой высью
Удивительный ханский дворец:
Золотая сзади стена,
Озаряет ярко она
Полуночные племена,
А серебряная стена,
Та, что спереди возведена,
Озаряет с утра допоздна
Все полдневные племена.
Сотни окон ярусов верхних
Свет небес вбирают в себя.
Сотни окон ярусов нижних
Свет земли вбирают в себя.
На лугах тучнеют отары
И пестреют стада-табуны,
Веселятся малый и старый, —
Весь народ огромной страны.

Вот Хара-Зутана отряд
Достигает дворцовых врат.
Триста воинов верховых
Привязали коней боевых
К яркой коновязи из золота.
Привязал и Сопливец-Нюсата
Неказистого лончака,
Чьи совсем отощали бока.
На племянника Сопляка
Родич-хан рассердился тогда,
Закричал предводитель отряда:

«Эй, источник зловония-смрада,
Для чего ты приехал сюда?
Или желтой своей пачкотней
Шелк наш хочешь измазать цветной?
Или наши решил имена
Ты унижить на все времена?
Иль задумал низвергнуть в грязь
Нашу славу, что ввысь вознеслась?
Нашу власть не засыплешь ли перстью?
Нашу честь не покроешь ли шерстью?»
Так племянника дядя порочит,
Так он гонит племянника прочь.
Уходить Нюсата не хочет,
Взять он хочет ханскую дочь!

В это время в страну Баяна
Прискакали три великана,
Сыновья светил вековых.
Все увидеть хотят, всем желанно
Состязание пятерых!
У дворца, на зеленом пространстве,
В наилучшем, нарядном убранстве,
Любопытный толпится народ:
Из пяти кто прославится в ханстве,
Кто из них три награды возьмет?

Горла бычьи, толстые шеи,
Стрелы – птиц, парящих быстрее,
У троих – округлые руки,
У троих – бухарские луки,
У троих – налучник изогнут,
Их сердца в поединке не дрогнут,
У троих – багряные лица,
Будут насмерть воители биться!

Четыре условия Баян-хана

Три стрелка, отвагой горды,
Дети солнца, луны и звезды,
Во дворец Баян-хана вошли.
Вслед за ними вступил четвертый —
Хан Зутан, властитель земли,
Далеко отселе простертой.
Вслед за ним появился пятый:
Наступил черед и Нюсаты.

Он хангайскую дверь толкнул,
Чьи жемчужины как росинки,
Через порог он перешагнул
Бело-мраморный, без соринки.
Перед ханом предстали все пять.
Кто из воинов – будущий зять?
Возгласили привет по-хански,
Поздоровались по-хатански,
Турушхэй-Баян величаво
Встретил воинов пятерых,
Посадил их с почетом справа
И степенно спросил у них:

«Далеко ли ваша держава?
Из каких вы пришли долин?
Кто над вами хан-властелин?»
«Я – могучего солнца сын,
Нагадай-Мэргэн-дэгэй».
«Я – луной рожден молодой,
Я – Сайхан-Мэргэн-дэгэй».
«Я – рожден высокой звездой,
Я – Сэсэн-Мэргэн-дэгэй».
«Я – глава тэгэшинских людей,
Именитый Хара-Зутан,
Знаменитый делами своими».
«Я – пастух тэгэшинских коней,
И Нюсата-Нюргай – мое имя».
«Для чего вы пришли издалече
И о чем поведете вы речи?»
«Мы приехали для сватовства,
О женитьбе скажем слова», —
Так воскликнули впятером.
Был ответ Баян-хана таков:
«Мы из множества скаунов —
Отберем с ветерком в ногах.
Мы из множества женихов —

Отберем с огоньком в глазах.
Эй, мои силачи-воители,
Эй, глашатаи-возвестители,
Объявите слова указа:
Кто победу одержит три раза —
Силой, ловкостью или оружием,—
Станет ханской дочери мужем!»

Крепкостанны, широкоплечи,
Возгласили глашатаи речи,
Чтобы каждому было внятно:
«Богатырь, победив троекратно,
Ханским зятем станет с тех пор.
Вот он, первый великий спор:
Камень, величиною с быка,
Чьи черны и гладки бока,
Надо так прострелить красиво,
Надо вдребезги так разбить,
Чтоб хороший кремень для огнива
Из огромного камня добыть.
И второго великого спора
Вслед за тем наступит черед:
Там, где ширь степная, привольная,
Там и листовница крепкоствольная
Одиноко в поле растет.
Чья стрела, устремясь вперед,
Этот ствол в щепу разнесет?
И великого третьего спора
Вслед за тем наступит черед:
Кто стрелой меткой пробьет
Золотой росомахи нору,
Тот и выиграет игру!»

Возвестили ханский указ.
Раздались веселые крики:
«Состязанье начнется сейчас!
Кто же станет зятем владыки?»

Услыхав условия хана,
Растерялись три великана,
Друг на друга глядят, смущены,
Трех светил удалые сыны.

Натянул тогда Соплячок
Жалкий ивовый свой лучок.
«Всем ли можно принять участие —
Испытать в состязании счастье?» —
Задаёт он хану вопрос.
Рассмешил он людей до слез,—

Разрывались от смеха на части.
«Посмотрите, какие страсти!
Тварь ты черная, молокосос!
На сопливый взгляните нос!» —
Издеваясь, кто-то орет.
«На слюнявый взгляните рот!» —
Кто-то громко, долго хохочет.
«Победить в состязании хочет,
А взгляните на правый глаз, —
Он повернут на запад сейчас!»
«Нет, взгляните на левое око, —
Смотрит око на небо востока!
Право слово, и смех и грех,
До чего же парень беспечен!»
Так смеялись в толпе, что у всех
Разорваться могла бы печень.

Отпрыск солнца, чья мощь велика,
Нагадай-Мэргэн-дэгэй
Стал стрелять раньше всех мужей
В камень, величиною с быка,
Но стрела о камень разбилась,
И стрелка охватила унылость.
Вот Сайхан-Мэргэн-дэгэй —
Сын луны – стрелу побыстреей
Направляет издалека
В камень, величиной с быка.
Пораженья не знал он доселе,
Но упала его стрела
В десяти сажнях от цели.
Вот Сэсэн-Мэргэн-дэгэй —
Сын звезды – стрелу поскорей
Направляет издалека
В камень, величиной с быка,
Но сквозь камень ей не пройти:
В прах зарылась на полпути.
Загрустили сыны трех светил.
Криводушный Хара-Зутан,
Прошептав заклинанье, пустил
В черный камень стрелу Хангая,
Но пробить она цель не могла,
Но расплющилась эта стрела, —
Только пыль поднялась густая.
Наступает Нюсаты черед.

Он сказал, выступая вперед:
«Кто храбрец-богатырь прирожденный,
Тот получит красавицу в жены!»
Натянул он лучок из ивы

И стрелу приложил, сопливый,
Вытер губы и вытер нос,
Заклинание произнес
Над стрелой, над ее опереньем,
Он своим заклятьем-моленьем
Вызвал дым и сверкающий пламень:
«Ты пронзи, стрела, черный камень,
Послужи мне, мой слабый лук!»

Смех, издевки слышны вокруг,
А Сопливец-Нюсата вдруг
Распрямил во всю мощь плечо,
И стрела взвилась горячо,
Из-под пальцев взлетела двух —
Указательного и большого,
Шумом-свистом наполнила слух.
Раздробила она, искромсала,
Превратила в кремень для кресала
Камень, величиною с быка,
Чьи черны и гладки бока!

По степи полетела привольной,
В сердце лиственницы крепкоствольной,
Одиноко растущей, вошла, —
И в щепу ее превратила
Неказистая эта стрела!
Загудела на вешнем ветру,
Засвистела она, и пробила
Золотой росомахи нору,
И упала во внешнее море,
И, омыв свою спину и грудь
Распрямив на вольном просторе,
Устремилась в обратный путь,
И в колчан полезла со звоном,
На глазах у владыки страны,
Пред народом его изумленным:
Сопляком, невесть где рожденным,
Великаны посрамлены!

Не хотел Турушхэй-Баян-хан,
Чтоб царевна Тумэн-Жаргалан,
Чтоб красавица стала женой
Сопляку, в чьих глазах – желтый гной
Он четвертое, сдвинув брови,
Полушепотом ставит условие:
«Я тому отдам свою дочь,
Кто сумеет всех превозмочь,
Кто, сварив, разделит барана
И, пока мы глазом моргнем,

Кто накормит сидящих кругом
Десять сотен подданных хана».

Так Хара-Зутан порешил:
«Мне для этого хватит сил!»
Приложил он свое старанье
И короткого мига быстрей
Разделил он мясо баранье
Между тысячью ханских людей,
Всем по равной он выдал доле.
На крыльцо вышел хан Баян:
«Хорошо ли зарезан баран,
Разделили его хорошо ли?»
А Нюсата-малец: «Хан-отец,
Иль у ваших баранов-овец
Есть у всех по тысяче ляжек?
Посмотрите, что мне дано!» —
И баранье он поднял стегно.
Покачал головой хан Баян:
«Видно, плохо разрезан баран!» —
И пошел к себе во дворец.
А Нюсата-малец: «Хан-отец,
Каждый вправе ли в этом собранье
Попытать уменье и счастье —
Во мгновение мясо баранье
Разделить на равные части,
Накормить десять сотен людей?
Докажу вам свою умелость!»
Властелину страны не хотелось,
Чтоб добыл награду Нюргай,
Но сказал: «Раздели и раздай».

И моргнуть не успели глазом,
Как на тысячу равных частей
Разделил он барана разом,
Разделил, накормил людей:
Победил Соплячок-чудодей!
Делать нечего: должен хан
Дочь-царевну Тумэн-Жаргалан
По словью отдать Нюсате...
О таком ли мечтал он зяте!
Некрасиво его лицо,
Но на пальце его безымянном
Хан узнал золотое кольцо.
Нет, жену он добыл не обманом!

Тесть и зять пожали друг другу
Богатырскую правую руку,
Изрекли слово правды и чести,

В вечной верности поклялись,
На охоту отправились вместе,
Соболей они били и лис,
А потом за столами воссели,
Всех позвали на свадьбу-веселье.

Восемь дней пирование длилось,
Девять дней страна веселилась,
На десятое утро, едва
После пиршества-торжества
Все пришли в себя понемногу,
Собираться стали в дорогу
Обитатели разных стран:
Север звал к себе северян,
А южане пустились на юг.
И когда опустело вокруг,
Начал думать Нюсата-Нюргай
Об отъезде в родимый край,
Тестю молвил он, полный томленья:

«Как пятнистый детеныш оленя
Загрустит, потеряв свою мать,
Так, покинув свой край родной,
Человек, даже самый дурной,
На чужбине начнет горевать.
Может лося берцовая кость
Уместиться в малом котле?
Человек, даже если он гость,
На чужой уживется ль земле?»

Говорит в ответ ему тесть:
«Ум и правда в словах твоих есть».
На две части он делит народ,
Половину людей царевне
Он в приданое отдает.
Он велит в арбу из железа
Иноходцев-коней запрягать, —
Да воссядут царевна и зять!
Проводив их за три кругозора,
Хан Баян вернулся назад.
А Нюсата восторгом объят:
Он увидит родину скоро!

Четырех победив удальцов,
Он вкушает почет и славу.
Пред собой выставляет заставу,
А в заставе – десять бойцов.
За собой выставляет заставу,
А в заставе – двадцать бойцов.

Вместе с ним – стада-табуны,
И народ его юной жены
Наполняет холмы и долины.
Он в пределы родной страны
Возвращается из чужбины!

Вот и путь на исходе длинный,
И жене говорит супруг:
«Там, где мною начертан круг,
Будет дневка вам, остановка,
Где черту увидите вдруг,
Там и будет ваша ночевка».
Так сказав, простился с женой,
Поскакал поспешно домой.

Как приехал он в край родной,
Обо всем отцу рассказал.
Был доволен старый Саргал.
Вот он в бубен серебряный бьет
Созывает южный народ,—
Вот он бьет в золотой барабан
Созывает старик северян.
Он велит, чтоб лилось вино,
Как широкая влага озерная,
Чтобы, словно вершина горная,
Было мясо вознесено!

Наполняя земную ширь,
Шли богатые, шли убогие.
Приводил слепца поводырь,
На конях приезжали безногие.
Прибывал любопытный люд
Из далеких и близких стран:
Все в одеждах праздничных ждут
Дочь Баяна Тумэн-Жаргалан.

А она продвигалась вперед,
И стада ведя и народ.
Где черту наметил супруг,
Там красавица ночевала.
Где Нюсата вывел свой круг,
Останавливалась для привала.
Вот узнал белоглавый Саргал,
Чистотой сияя душевной,
Что уже недалёко царевна,
И навстречу ей поскакал.

Так Тумэн-Жаргалан и Нюсата
Сочетали две головы.

Пир гремел с утра до заката
Посреди зеленой травы.
Сэнгэлэна благословенье
Услыхала эта чета:
Да упрочится соединенье
И да будет их жизнь чиста!

ЧАСТЬ 3

Царевна Урмай-Гохон

Лончака оседлал Соплячок,
Взял он ивовый свой лучок
И отправился в Хул-Монгол.
Вдруг почувал: трясется дол.
Он увидел Алтан-Шагая:
Тот измучился, в небо кидая
Молот весом в сорок пудов,
Он устал от этих трудов,
А не мог поймать его снова —
Мимо падал многопудовый!

Подъезжает к брату Нюсата,
Вопрошает старшего брата:
«То ли битвы ждешь ты большой,
То ли малый предвидится бой?»
Слышит слово Алтан-Шагая:
«Не предвидится битва большая,
Не готовлюсь и к малой войне.
Надо силу испробовать мне:
Говорят, у хана Сажгая
Есть Урмай-Гохон, дочь-красавица.
К ней-то я порешил отправиться».

Распростился Нюсата с братом,
Поскакал по увалам-скатам.
Запестрела долина другая —
Он увидел Мунгэн-Шагая,
И седок удивился наш:
Тот обхватывал северный кряж,
Поднимал и ставил на юг.
Южный кряж обхватывал вдруг,
Поднимал и на север ставил.
Дело делал иль душу забавил?

Подъезжает к нему Нюсата,
Вопрошает среднего брата:
«Силу пробуешь плеч мужских,
Силу множишь ли пальца большого?»
Средний брат возглашает слово:
„Я не знаю, что мне пригодится,—
Мощь плеча или сила перста!
Есть у хана Сажгая девица,

Знаменита ее красота.
Я поеду к Урмай-Гохон,
Но проверить я должен сначала,
Впрямь ли мощью я наделен...“

Много, мало ли дней миновало,
Вот Нюсата-Нюргай с перевала
В третий дол спускается вскачь.
Там небесный глупец-силач
В поединке сошелся шумном
С исполином земным безумным.
Как покрепче соперники схватятся —
Опрокинут южную гору
И назад в смятенье попятятся!
Начинается тут сумятица,
И толкают они друг друга,
Валят черную гору юга —
На траву, на густые пески.
То сохатых у них натуга,
То бодаются, как быки!
Вопрошает, подъехав, Нюсата
У безумца и у глупца:
„Для того ль вы сошлись, два борца,
Чтобы все, что черно, уничтожить,
Или боретесь вы без конца,
Чтобы все, что бело, приумножить?“

– Убирайся-ка, тварь земная,
Прочь с дороги, молокосос!» —
Не ответили на вопрос
И прогнали, борьбу продолжая.

Дальше едет сопливый малец —
То дорогою ханской, торной,
То дорогой всеобщей, черной.
Издалёка белый дворец
Перед ним засверкал наконец.
Он сверкал, небес достигая,
Этот звездный чертог Сажгая.
Верхних окон несметно число,
Солнце их своим светом зажгло,
В нижних окнах отражена,
Золотилась, светилась луна.

До дворцовых доехал врат
И увидел седок: аргамаки
Возле коновязи стоят.
Он увидел за рядом ряд
Возвышаются богатыри,

Поражая видом-величьем,
Толстой шеей и горлом бычьим,
Похваляясь деяньями смелыми,
Похваляясь колчанами-стрелами,
Восхваляя луки могучие,
Что сработала Бухара,
И налучники наилучшие,
Что из золота-серебра!

Неприметный, – такого от века
Не считают за человека,—
Отовсюду толпой зажатый,
Затерялся в народе Нюсата.
Вышли вестники, возглашая
Три условия хана Сажгая:
Тот получит Урмай-Гохон,
Кто, отвагою вдохновлен,
Победит – простой или знатный
В состязании троекратно.
Первый спор: взметнуть до небес
Молот – сорок пудов его вес,—
Так, чтоб он на ладонь вернулся,
Но при этом земли не коснулся.

Победили из многих – шесть,
Им досталась первая честь:
То Алтан-Шагай сильноплечий,
То Мунгэн-Шагай, грозный в сече,
То небесный воин-глупец,
То безумный земной боец,
То гордынею упоенный,
Криводушный Хара-Зутан
И Нюсата, племянник нойона.

Приступили к второму спору,
И заахали все вокруг:
Поднимают на севере гору,
Переносят ее на юг,
Поднимают южную гору,
И на север ее переносят,—
На пути при этом не сбросят!
Криводушный Хара-Зутан
Первым выбыл из этого спора:
Ослабел от натуги скоро!
Победителей вышло пять,
А награду некому дать:
Тот, кто третий спор переспорит,
Кто соперников переборет,
В дом владыки вступит как зять!

Кто добьется славы борца?
Тяжело состязанье такое!
Охватило волнение сердца,
Что всегда пребывали в покое.

Вот выходит Алтан-Шагай,
Брата среднего вызывая,
Вот схватились, песок взрывая,
Шум раздался: Мунгэн-Шагая
Бросил наземь Алтан-Шагай.
Начинается схватка вторая,—
И приходит ей скоро конец:
Был небесный силач-глупец
Побежден земным сумасшедшим,
Для награды сюда пришедшим.
Вот выходит новый борец,
В третью схватку смело вступая:
Обхватил Нюсата-малец,
Бросил наземь Алтан-Шагая.

Время схватки четвертой пришло.
Попирая прах тяжело,
С мощной грудью, с широкой спиной —
Выступает безумец земной.
Хан Сажгай слова произносит:
«Кто борца – безумца земного
Одолеет и наземь бросит,
Станет мне вместо сына родного,
Затем вступит в ханский дворец!»

Вышли двое: Нюсата-малец
И земной безумец борец,
То дерутся, как лоси рогатые,
То бодаются, как быки,
То как соколы реют пернатые,
То взмывают, как ястребки.
Им друг друга нравится мучить!
На верблюда обоих навьючить,—
Одинаковым будет их вес,
На коня посадить их вдвоем,
Перевеса ни в ком не найдем!

Верх берет над безумцем Нюсата,—
У врага, видно, сил маловато!
Бьется сердце, что серо-пестро,
Гнется маленькое ребро.
Как Нюсату назад оттолкнет,
Так на землю бессильно присядет,
Как потянет Нюсату вперед,—

Упадет, а с малым не сладит.
То, как войлок-кошма, свернется,
То, как старый потник, согнется,
То на травку ляжет, как тень,
То веревкой длинной завьется,
То растянется, как ремень!

Великан-безумец Нюсату
Хочет крепко схватить за кушак,
Не найдет местечка никак.
Хочет воин прижаться к скале —
Нет опоры ему на земле.
Крепче схватит – ему же хуже:
Нет возможности устоять,
А сожмет Нюсату потуже,—
Ослабев, отпустит опять.

Не слабеет Нюсата в боренье,
Не слабеет в тяжелой схватке.
Он безумца берет под колени,
Он безумца хватает за пятки,
Покрутив непомерного слева,
Он его о каждое древо
Ударяет в левой тайге,
А потом, покрутив его справа,
Силача безумного нрава
Он кидает к правой тайге.
Две тайги превратились в корчевья,
Повалились сухие деревья,
Подкосились сырые деревья,
Будто грозный лесоповал
Все растущее с прахом сравнял!
Гневом-яростью клокоча,
Мальшок того силача
В три вогнал подпочвенных слоя, —
Где безумца бахвальство бывшее?
В прах глубокий ушел он глухо,
Лишь два пальца торчат и два уха!

Этим делом обеспокоены,
Прибежали ханские воины,
Кто с лопатой, кто с копьем,
Говоря: «Если станет зятем
Этот малый с умом-понятьем,
То помощника в нем найдем!»
Поднатужились сообща
Да и выкопали с трудом
Сумасшедшего силача.

А Нюсата за руку правую
Взял девицу Урмай-Гохон,
И к тому, кто владел державою,
Подошел и промолвил он:
«Трижды я победил в состязанье,—
Подтвердите свое указанье!»
Но Сажгай отвратил свой взор,—
Не был он расположен к Нюсате:
О таком ли мечтал он зяте!
Он четвертый придумал спор:
«Тот, чей конь прибежит всех быстрее,
Станет мужем дочки моей!»

Выступает, к скачкам готовый,
Ханский конь, тонконогий, соловый:
Воин хана у всех на виду
Вывел резвого на поводу,
А скакун – словно быстрый плясун:
Давит воина хана скакун!
Скаковые кони готовятся
Мчаться-гнаться во весь опор.
С десяти побегут они гор,
Побегут – и не остановятся!

Вот сокрылись они вдалеке,
И тогда, с расстоянья трех дней,
Соплячок на худом лончаке
Догоняет отборных коней.
Позади половина дороги,—
Показался Хара-Зутана
Черноцветный конь быстроногий,
И летят, его обгоняя,
Конь соловый хана Сажгая,
Сына ханского конь буро-пегий,—
Состязаются в быстром беге —
Ухо в ухо и в гриву грива.
Трех коней обгоняет Сопливый,—
Показался конь Асабая,
Властелина полночного края,—
Обладатель копыт стальных.
Закричал Соплячок, потрясая
Семь пределов нижних земных,
Заорал малышок, сотрясая
Восемь верхних небесных держав,
Лончака его топот и ржанье
Облака привели в содроганье,
Обогнал он коня Асабая,
Черной пылью его обдавая,
Раньше всех вернулся назад!

А нойоны шумят-галдят:
«Кто пришел раньше всех? Непонятно!»
Возвратились кони обратно,
Им навстречу нойоны-ханы:
«В состязании кто победил?
Конь соловый? Пегий? Буланный?»
И от всадников слышат слово:
«Оседлав лончака худого,
Позже всех поскакал Нюсата,
Раньше всех прискакал Нюсата,
Победил сопливый малец,—
В том поклясться мы можем свято!»
Если так, то делу конец,
Наградить пора смельчака!
И Нюсата к царевне повел
Худосочного лончака,
Он к Урмай-Гохон подошел,
Посмотрел на красавицу сбоку,
Приласкал ее левую щеку,
Поцелуем потом обжег
Щеку правую Соплячок.

Устыдилась Урмай-Гохон,
Что целует ее безобразник,
Ей противным сделался он,
Ей и праздник теперь не в праздник,
И задумала в сердце зло,
Ей дурное на ум пришло.
У красавицы из очей
Слезы в две потекли струи,
И, бровевыми рукавами
Утирая слезы свои,
Дочь-царевна с такими словами
Обращается к хану Сажгаю:
«Счастья я никогда не узнаю,
Если там, на земле чужой,
Я Сопливицу стану женой.
Я умру, – говорю заране,—
Коль отдашь меня этой дряни!»

Вверх посмотрит, горем объятая,—
Запоет, вниз посмотрит – заплачет.
Что же хан присудит-назначит?
Он условие ставит пятое:
«Драгоценный перстень девицы,
Ясноокой Урмай-Гохон,
Пусть наденут на луч денницы.
Будет зятем тот наречен,

Чья стрела, взлетев над землей,
Этот перстень пробьет золотой».

Все, чей палец большой могуч
И мощны широкие плечи,
Стали стрелы метать издалече,
Стали целиться в солнечный луч,
На который был перстень надет.
Но мешал им утренний свет,
В цель попасть им не удалось.
Натянув из ивы лучок,
Стал стрелу метать Соплячок, —
Прострелил он перстень насквозь!

Засияло лицо Нюсаты.
«Вот и спор я выиграл пятый!» —
Победитель сказал молодой.
Хан Сажгай на него с враждой
Посмотрел и весьма удивился:
На глазах Сопливый двоился!
То он юной сверкал красотой,
То своим поражал безобразьем,
То он падал, маленький, наземь,
То во весь исполинский рост
Он вставал, поднимаясь до звезд.

Хан Сажгай на него смотрит пристально:
Где же кривда его, где же истина?
То охватывал хана испуг,—
По спине его дрожь пробегала,
То в себя приходил он вдруг,
И, казалось, душа отдыхала.
В золотой он бьет барабан,
Северян собирает хан,
Он в серебряный бубен бьет,
Собирает южный народ.
С наступленьем светлого часа
На столах ставят горы мяса
И выносят напитков озера.
Пьют неспешно, едят нескоро.
Восемь дней пирование длится,
Девять дней страна веселится
И едва-едва отрезвляется:
Хорошо на свадьбе гуляется!

Вот и день наступил десятый,—
Хан услышал слово Нюсаты:
«Может лося берцовая кость
Уместиться в малом котле?»

Чужеземец, хотя бы и гость,
На чужой уживется ль земле?
Возвращусь я в края родные,
К той воде, что испил впервые.
Вашу дочь снарядите в путь!»

Хан вздыхает, не возражает:
Обещания не вернуть!
Он царевну в путь снаряжает.
Он выводит коня на тропу,
Он коня со звездой на лбу
Драгоценным седлает седлом.
Он сверкающий серебром
Разрисованный дарит колчан,
Дарит стрелы желтые хан
И бухарский лук золотой...
Так Нюсата помчался домой
Со второй прекрасной женой,
С ясноокой Урмай-Гохон.
Был доволен Саргал-нойон,
И утешил сынок Сэнгэлэна
Этой радостью вожденной.

Как Сопливец-Нюсата стал Абай-Гэсэром

Обладатель двух жен, ни с одной
Соплячок не ложился женой.
От вечерней поры, когда
В серый цвет одеваются листья,
До рассветной поры, когда
Темнота разрывается лисья,
Спал он в юрте, в дальнем углу,
В бычьей шкуре, на грубом полу.

Озадачены, поражены
Две его красивых жены:
«Если мы ему не нужны,
Для чего нас доводит до слез,
Для чего сюда нас привез
Этот оборотень-колдун?
Врозь проводим каждую ночь,
Мы на разных постелях спим.
А приятно ли спать в одиночку?
Для чего связались мы с ним?»

Сумрак падает за крыльцом.
Что Нюсату-Сопливца тревожит?

Только с матерью и отцом
Он в постель своих жен уложит,
Как из юрты выходит прочь,
Где-то бродит целую ночь.
Две красивых его жены
Были страшно поражены.
«Впрямь ли в юрте он спит в углу?
Что ни ночь встает и выходит
Он в таежную черную мглу,
Где-то бродит он, колобродит:
Может быть, во мраке лесном
Занимается колдовством?
Надо путь его проследить.
Как заснет, – привяжем к подолу
Шелковистую тонкую нить:
Только сумрак спустится к долу,
Мы неслышно за ним пойдем»,—
Две жены решили вдвоем,
Отвергая долю девичью.

Серый сумрак сошел с небес,
И под грубую шкуру бычью,
Чтоб заснуть, Нюсата залез.
Две красивых его жены,
Притворясь, что на разных постелях
В сновидения погружены,
Поднялись в непроглядной мгле,
Осторожно к его поле
Привязали нитку из шелка
И опять улеглись тихомолком.

А Нюсата-Нюргай огляделся,
Встал бесшумно, беззвучно оделся,
Вышел в лес под покровом ночным.
Две жены его – следом за ним,
Не уйдет муженек-хитрец:
Нитки шелковой держат конец!
Наступила полночи пора.

Перед ними – Сумбэр-гора.
Смотрят жены, а их супруг
Превратился в ястреба вдруг
И поднялся, как сумрак сер,
На вершину горы Сумбэр.

Две красивых его жены
Не могли достичь поднебесной
Той вершины, той вышины,—
Пред скалой остались отвесной

И застыли, изумлены
Дивным обликом, статью чудесной.
Что за свет нисходит с чела?
То ли гордая эта скала,
То ль из рода людей существо,—
Есть и губы и нос у него!
Кто бы в тайну его проник?
У него – темно-красный лик,
И просторна грудь и мощна,
И сильна, упруга спина,
И могуч затылок саженный.
Как лопаты – зубы во рту.
Кто поймет его глаз пестроту?
Кто постигнет сей облик священный?
Голова его – точно снег.
То не отпрыск земли – человек,
То властитель заоблачных стран,
То отец Эсэгэ-Малан!

Прилетел к нему ястреб Нюсата,
А при нем – белолобый баран:
Жертвой стать – его назначенье.
У владыки богов Нюсата
Стал просить за свое подношенье
Для похода – вооруженье
И коня для езды и войны.
Две красивых его жены
Поспешили вернуться назад,
По дороге скорбят-говорят:

«Наш супруг – волшебник великий,
Что пред ним земные владыки?
Он могущественный чародей,
Самый сильный он из людей!
Почему же он мучает нас,
Отвергает с нами сближенье,
Держит жен своих в небреженье!
Мы обмануты хитрецом,
Мы отринуты гордецом,
Ничего для мужа не значим!»
Возвратившись, предстали с плачем
Перед старым свекром-отцом.

Десять тысяч небесных богов,
Властилинов небесных лугов,
Запредельных просторов лесных,
Услыхали: Нюсата-Нюргай
Стал супругом двух женщин земных,
И его осудили строго:

«Средний сын могучего бога,
Славный отпрыск небесных царей,
Взял он в жены земных дочерей.
Стал добычей праха и скверны,
Ибо грех совершил беспримерный!»

Так сказав, небожители ввысь
К прародителю поднялись,
В горний край Эсэгэ-Малана.

А Нюсата, чья мощь несказанна,
На вершину горы Сумбэр
Белолобого поднял барана,
Чтобы в жертву его принести
Всем пятидесяти пяти
Небожителям – белым бурханам.
Пред самым Эсэгэ-Маланом,
Пред верховным небесным главой,
Он предстал с молитвой живой:
«Ты опора моя и охрана»,—
И принес ему в жертву барана.

И достиг всех небесных долин,
Всех нагорий и побережий
Запах мяса бараньего свежий.
Эсэгэ-Малан, властелин
Девяти небесных держав,
Запах мяса почуяв, узнав,
Вопросил: «Кто моление вознес,
Кто нам жертву-даренье принес?»

С высочайшей небесной тверди
Оглядел он земной предел,
На вершину горы посмотрел
И Нюсаты увидел усердые.
Красный сын, средний сын Хан-Хурмаса,
В дар принес ему свежее мясо
И вымаливал за приношенье
Для похода – вооруженье,
Скакуна для быстрой езды,
Для войны и для дел державных
Тридцать три воителя славных,
Триста опытных ратных вождей:
Всех богов, что его заставили,
Бросив небо, спасать людей,
Что на землю его отравили,—
Умолял, воззвав к доброте,
Богатырь Бухэ-Бэлигтэ.

Собрались в назначенный час
Эсэгэ-Малан, Хан-Хурмас,
Многознающие бурханы,
Чьи владенья – небесные страны,
Собрались поднебесные боги,—
Были солнца над ними чертоги,
А под ними был звездный свет.
Стали мудрый держать совет.

Порешили: Бухэ-Бэлигтэ,
Что на землю сошел с небосвода
Ради блага людского рода,
Чтобы землю спасти от беды,
Пусть получит коня для езды
И оружие – для похода.
Для войны и для дел державных —
Тридцать три воителя славных,
Триста ратных вождей – для побед.
В час, когда моление-обет
Возносил их отпрыск-потомок,
На горе Сумбэр средь потемок
Приношение жертвы свершал,—
Ветерок задышал-прибежал,
С небосвода спустился конь,
На лету высекая огонь.
Этот конь был гнедым Бэлыгэном.
Обладал он мощью костей
И хребтом тридцатисаженным.
Хвост его был в тридцать локтей,
Были уши его в три аршина,
Содрогалась под ним вершина,
И была у гнедого красива
В три воза шириною грива.

Счастлив был Нюсата, что снова
Увидал своего скакуна!
Он за повод поймал гнедого,
Он в серебряные стремяна,
Вспомнив прежние времена,
Ловко вдел могучие ноги,
Сел в седло, что сработали боги
Из якутского серебра.
Богатства настала пора!

Был Бэлыгэн несравненным конем:
Он взлетел на простор небесный —
Удержался всадник на нем.
Он в земные низринулся бездны —
Удержался всадник на нем.

Слышит всадник вопрос от коня:
«Ты какой обладаешь силой,
Что решил вскочить на меня?»
Молвил всадник: «Запомни, гнедой,
Обладаю силой такой:
Если б вдруг оказалась ручка
У великой тверди земной,
Я бы ручку эту рванул,
Я бы землю перевернул!
А теперь скажи мне слова,
Ты, исполненный хвастовства:
У тебя-то мощь какова?»

«Я умею бежать так скоро,
Что, пока три горсточка сора
Средь земного простора горят,
Я легко – туда и обратно —
Вкруг земли пробегу тоекратно»,
Седоку ответил гнедой.
«Если так, мы должны с тобой,
Мой гнедой скакун, подружиться!»
Так сказав, ездок удалой
На гнедом помчался домой.
А гнедой Бэлыгэн, словно птица,
Между небом летел и землей,—
То ли соколом, то ли беркутом,
Мимо туч, по камням низвергнутым.

Сотрясается твердь земная,
Небеса трепещут просторные,
Рассыпаются горы черные,—
Только пыль чернеет густая.
Красных гор не стихают обвалы,—
Только прах взмывается алый.
Видит всадник: победно скача
Горной чащей лесной, горным лугом,
Приближаются друг за другом
Славных тридцать и три силача,
Приближаются, говорят:
«Ты – великий Абай-Гэсэр,
Наш хозяин и старший брат!»
Вверх посмотрят они – засмеются,
Вниз посмотрят – прольют слезу.
Небеса без них остаются,
Их земля поджидает внизу!

Так Нюсата, среди мрака ночного,
Получил на горе Сумбэр
Для величия – имя Гэсэр,

Для езды – скакуна гнедого,
Для гнедого коня – снаряженье,
Для сражения – вооруженье,
Для войны и для дел державных —
Тридцать три воителя славных,
Принял истинный облик свой.

Богатырь поскакал домой,
Возвратился он в край родной,
В тот, чья почва благословенна
И светла, благодатна река.
Увидал он отца Сэнгэлэна,
И стояли вокруг старика
Триста опытных знатных вождей
И три тысячи ратных людей.
Сэнгэлэн восхищен, изумлен,
Говорит он: «Саргал-нойон
Приглашает на пир гостей
В свой серебряный, белый дворец, —
Тучных режет быков и овец».
Ставят мясо – кряжи нагорные,
Ставят вина – воды озерные.
Бьет Саргал в золотой барабан,
Созывает на пир северян,
Он в серебряный бубен бьет,
Созывает южный народ.
Восемь дней пирование длится,
Девять дней страна веселится
И сама себе удивляется,
На десятый день – отрезвляется!
Молодого Гэсэра ханом,
По обычаю, нарекли:

Да земным он послужит странам,
Да защитою станет земли!
А у хана для дел державных —
Тридцать три воителя славных,
Триста опытных, знатных вождей
И три тысячи ратных людей!

Всадник на кроваво-рыжем коне

Вот однажды, когда в тумане
Просыпалась земная ширь,
В золотящейся утренней рани
Встал Гэсэр, сказал богатырь:
«Мне баранье мясо и бычье

Опротивело, не по нраву.
Я хочу таежной добычи,
На Алтае начнем облаву».

На Бэлыгэне Гэсэр поскакал
По великим просторам Алтая,
То мелькая средь голых скал,
То в лесные чащобы вступая.
Без ночевки-дневки три дня
И три ночи он гнал коня.
Но с кургана ли, с горной ли вышки,
Даже из носу черной мышки
Он и капельки крови не пролил,
Кто же эти края обездолил?

«Думал я, что алтайские горы,
Что великие эти просторы
Изобильны зверями с клыками,
Что я встречу сохатых с рогами,
Оказалось, – ни робкого зверя
И ни хищного нет и в помине!» —
Так сказал он, глазам не веря
И ругаясь в таежной долине.

Он взобрался на горный отрог,
Удержаться от крика не мог:
Там, где дол цветами разубран,
Он увидел красавца изюбра!
Глухоманью, в безмолвии диком
За изюбром помчался он с гиком,
Но заметил: наперерез,
Там, где гуще листвы навес,
Скачет всадник в булатной броне
На кроваво-рыжем коне.
Красным солнцем лик обожгло,
Рдеет киноварью седло,
Косы черные – в целую сажень.
Сразу видно: всадник отважен!

На Гэсэра не глядя, стрелок
Из колчана стрелу извлек,
И, прицелясь, метнул ее
Из бухарского лука богатого,
И пронзил изюбра рогатого.
Повезло удалому стрелку!
Он добычу схватил на скаку
И, Гэсэра не замечая,
Ускакал по лесной стороне
На кроваво-рыжем коне.

Рассердился Гэсэр, и слез
Он с гнедого и сдвинул брови:
«Эта наглость и дерзость мне внове.
Мне он выскочил наперерез
И, добычу мою отняв,
Ускакал от меня стремглав!
Разве женщина я, чтоб и впредь
Оскорбленья такие терпеть?»
Так воскликнул, и в грозный пляс
Он пустился, гневом объятый.
Он зубами скрипел, разозлясь,—
Были зубы его как лопаты!

На гнедого он сел опять,
Поскакал, но не мог догнать
Неизвестного верхового
На кроваво-рыжем коне,
И не слышал на крик никакого
Он ответа в лесной тишине,
Хоть кричал он криком то властным,
То пронзительным, то громогласным
Догони такого, поймай!
Взял он в рот красный камень задай,
Искрошил сорока зубами,
Бросил крошево на небосвод
И развеял за облаками.
И разверзлось сто непогод,
И жара упала такая,
Что замолкла река, высыхая,
Закипел лошадиный навоз.

«Экий сильный нагрязнул мороз!
Я замерзну в чужой стороне!» —
Крикнул всадник на рыжем коне.
А потом поплотней натянул
Малахай из лисьего меха,
И, привстав на коне, запахнул
Он доху из волчьего меха,
И умчался за перевал,—
Белый иней его покрывал.

Тут-то понял Гэсэр, что жара
Не страшна незнакомому мужу,
И он вызвал ужасную стужу,—
Холодов настала пора.
Налетела такая пурга,
Что ломались бычьи рога,
У лисиц отрывались хвосты,

Каменели под снегом кусты.

«Ах, какое жаркое лето! —
Крикнул всадник, который скакал
На коне кровавого цвета. —
Задыхаюсь от зноя в меху!»
Сбросил шапку, скинул доху
И надел из шелка рубашку,
Да притом еще нараспашку, —
Мол, пылает земля горячо!
Палку-жердочку из сандала,
Ту, что чарами обладала,
На свое поставил плечо,
Поскакал, да при этом еще
Расстегнул на скаку воротник, —
Мол, к жаре такой не привык!

Не успели три горсточки сора
Средь земного сгореть простора —
Вкруг земли молодой, необъятной
Проскакал Гэсэр троекратно.

Не успели сгореть в этом мире
Сора-мусора горстки четыре
Обозленный Абай-Гэсэр
Быстро круг проделал четвертый
Вкруг земли, широко простертой,
А догнать верхового не мог.
Он от ярости изнемог,
По бедру ударил Бэльтэна.
Вздрыгнул конь и взвился мгновенно
Между небом и юной землей.
Поскакал Гэсэр удалой
Там, где южные дебри-чащобы,
Там, где северные сугробы,
По вершинам гор белоглавым,
По степным сгорающим травам,
По верхушкам скрипучих дерев,
По опушкам дремучих боров.

Вот раскинулось Желтое море —
Он примчался к бурливой волне,
Вдруг низринулся в Желтое море
Ловкий всадник на рыжем коне
И сокрылся в его глубине,
Лишь клубилась желтая пена.
Как тут быть? И Гэсэр торопливо
Соскочил с коня, и Бэльтэна
Он к боярышнику привязал,

Что у моря темнел сиротливо.
Он к луке седла привязал
Богатырское вооруженье,
Он приподнял морское течение,
Подперев его черным копьем,
Рукава засучил потом,
Две полы заткнул за кушак,
И вошел он в Желтое море,
Опустился на дно смельчак.

Оказалось: в морском просторе,
Как на суше, есть горы и доли,
Буйной зелени гомон веселый,—
Светом солнечным осиянно
Государство Уса-Лусана!
А дворец подводного хана
Достигал поднебесья морского,
Северян озаряла стена,
Что была из золота литого,
А кочевий южных страна
Освещалась южной стеною,—
Серебра ее белизною.

Вот Гэсэр подошел поближе.
Пред глазами кроваво-рыжий
Конь мелькнул, а всадник-наглец
Спрыгнул наземь, вбежал во дворец.
Но пустил Гэсэр-чародей
Десять чар по ладони своей,
Он по пальцам своим пустил
Двадцать мудрых волшебных сил,
Словно войлок, он завернул
Землю хана Лусана с окраин,
Хан и глазом еще не моргнул,
А Гэсэр широко шагнул
И во двор вступил как хозяин.

Возле коновязи, чье пестро
Разукрашено серебро,
Конь стоял, привязанный к ней
Крепким поводом, шелковым, алым,—
Этот конь был крови красней,
Он косился глазом усталым.
Ни соринки не оставляя,
Через белый мрамор Хангая,
Славный воин перешагнул,
Он жемчужную дверь толкнул
И вошел величаво, сурово
Во дворец властелина морского.

Из-за двух завес-покрывал
Двух людей разговор услышал.
Приоткрыл он полог слегка:
За столом сидел человек
С бородою белой как снег.
Укоряла того старика,
То сердясь, то горько рыдая,
Смуглоликая дочь молодая:
Оказался девушкой всадник,
Что скакал на рыжем коне
По алтайской лесной стороне!

Говорила: «Родившись на свет,
Я ни разу, с младенческих лет,
Не знавала, что значит испуг,
А теперь испугалась я вдруг.
То не вы ли, день изо дня,
Мой отец, убеждали меня:
Нет на свете коня такого,
Чтоб догнал моего коня,
Нет ни пешего, ни верхового
На надводной тверди земной,
Что сравнялся бы силой со мной?!
Видно, речь-то была пустая!
Я охотилась в чащах Алтая,
Убивала сильных зверей,
И щадила тех, кто слабей,
И увидела удальца.
Он, хотя некрасив с лица,
Был могуч, и статен, и строен.
Если сзади посмотришь – воин
Возвышается, как утес,
А посмотришь на рот и нос —
В этом всаднике молодом
Различишь человека с трудом.

Чтоб в горах испытать его мощь,
Я три дня из чащоб и роц
Всех зверей от него гнала,
Даже из носу мышки черной
Кровь пролить ему не дала.
Удивлялся охотник упорный:
„То великих небес колдовство
Или мать-земля никого
Мне не хочет отдать – ни сохатых,
Ни лисиц, ни медведей косматых?“
Он от злости был сам не свой.
Так скакали мы целые сутки

И внезапно в тайге вековой,
В самом пестром ее промежутке,
Там, где дол цветами разубран,—
Показались рога изюбра.

Не успел прискакать стрелок —
Я изюбра стрелой пронзила,
Он стрелы еще не извлек —
На коня я добычу взвалила.
Властной силою колдовской
Вызвал всадник неслыханный зной,
А меня он догнать не мог.
Он заклятие произнес —
Он неслыханный вызвал мороз,
А меня он поймать не мог.
Но уже его конь гнедой,
Четырех не жалея ног,
За моею дышал спиной,—
Я спаслась от него едва,
Я с трудом прискакала домой!»

Услыхав такие слова,
Удивился владыка морской,
И Зерцало Судеб он взял,
Посмотрел в него и сказал:
«На великой тверди надводной,
Твердо знаю, до этого дня
Не имелось такого коня,
Чтоб сравнялся с твоим конем
Цвета крови и багреца.
На великой тверди надводной
Не имелось еще храбреца,
Чья с твоей сравнялась бы сила.
Но иная пора наступила,—
На великой тверди надводной
Появился Бухэ-Бэлигтэ,
Хан-Хурмаса сын благородный!

Вспоминается старина —
Стародавние времена.
Был устроен большой тайлаган.
Властелин Эсэге-Малан
И хозяин Хангая Баян
Там подарками тороватыми
Обменялись и стали сватами.
И на празднестве том счастливом
Вслед за ними я и Хурмас
Обменялись ножом и огнивом,
Сочетали детей в добрый час.

У кого широкие плечи,
Тот добудет себе одеянье,
У кого правдивые речи,
Тот добудет себе пропитанье.
Храбрецам не к лицу обман,
Мы сильны благими поступками.
Как закончился тайлаган,
Обменялись мы – с ханом хан —
Серебром покрытыми трубками,
Да и выкурили с Хурмасом,
Да одним насытились мясом,—
С одного его съели вертела:
Сердце сердце верное встретило.

С колыбели мальчик – мужчина,
С детских лет девчонка – жена.
Ты с Бухэ-Бэлигтэ воедино
Сочеталась в те времена:
Так советовал сделать Заян —
Созидатель жизни земной.
Родилась ты с такою судьбою —
Стать Бухэ-Бэлигтэ женой.
Это он скакал за тобою,
Это он спустился с высот,
Чтоб над всеми воссесть владыками,
Чтоб спасти человеческий род
Светлой мыслью, делами великими
От болезней, печалей, невзгод.

Твой скакун бежал, несомненно,
От его гнедого Бэльгэна,
Наверху, на земных дорогах,
Из созданий четвероногих —
Из бегущих, – нет никого,
Чтоб догнал коня твоего,
Не найти на земле среди двуногих
Силача, чтобы мог превозмочь,
Победить, превзойти мою дочь:
Так я думал, пока Хан-Хурмаса
Средний сын с небес не сошел!

Не забуду я состязаний
На торжественном тайлагане:
Всех коней Бэльгэн обошел,
А Бухэ-Бэлигтэ силой длани
Всех мужей-борцов поборол,
Богатырское званье обрел.
Это с ним, с женихом своим, суженым,

Повстречалась ты, молодая,
По просторам Алтая скача,
Бегом-топотом конским разбуженным.
День желанный благословен!»
Так царевне Алма-Мэргэн
Говорил властитель морской.
Но утратила мир и покой
Та воинственная царевна
И отцу говорила гневно:
«Я впервые слышу от вас,
Что невеста я и жена.
Иль узнали вы только сейчас,
Что я девушкой рождена?»

Я на горку пойду в день мой горький,
И веревку найду я на горке,
На веревке повешусь пестрой,
На утес поднимусь я острый,
И с утеса я брошусь в море,
Утоплю с собой свое горе,
Будет срок моей жизни недолог!»

Побежала царевна с плачем,
Распахнула тяжелый полог,—
И обжег ее взглядом горячим
Крепкостанный Абай-Гэсэр.
Убежать пыталась далече,
От земли отрываясь, она,—
Но схватил царевну за плечи
Тот, чья мощь велика и грозна.
Убежать от Гэсэра хотела.
К небесам взвиваясь, она —
Удержал ее девичье тело
Тот, кто славен на все времена.
И когда поутихла немного
Та царевна, та недотрога,
Богатырь ей сказал слова:

«Ты свой долг исполни сперва.
Из далекой страны человека
Пригласи ты к себе домой,
Ты с далекой реки человека
Напои прозрачной водой».

Так царевну Гэсэр заставил
Возвратиться назад во дворец,
Он шаги вслед за ней направил,
А навстречу им – хан-отец,
Сам Уса-Лусан седоглавый

С белой-белою бородой.
Властелину морской державы
Поклонился Гэсэр молодой,
Поздоровался с ним по-хански,
Поприветствовал по-хатански.

Оказал ему старец честь,
Встретил радостно-величаво:
Предлагает Гэсэру воссесть
На почетное место справа.
А царица Алма-Мэргэн
Накрывает стол золотой,
Чтобы старый и молодой
Ели яства, пили напитки,
Накрывает серебряный стол,
Ставит пищу-вино в избытке.

Хан Лусан и Гэсэр вдвоем
Разговор повели о былом, —
И о том, что записано в книгах,
И о том, что узнали изустно.
Говорили они так искусно,
Так умно и проникновенно,
Что на темной воде морской
Заиграла белая пена,
А на камне взошла трава:
Созидали жизнь их слова!
Посветлела Алма-Мэргэн,
Угощала гостя на славу:
Ей Гэсэр пришелся по нраву.
Хан-Лусан, властелин океанский,
Прозорливым разумом светел,
Приголубил Гэсэра по-хански,
По-хатански его приветил.

Еда забвения

Вот Гэсэр и властитель морской,
Руку левую с левой рукой
Сочетав, дали клятву друг другу,
Руку правую с правой рукой
Сочетав, дали клятву друг другу, —
И Гэсэр получил супругу.
Постелили постели-ковры,
Чтобы две головы с той поры
Сопряглись-слились воедино,
И Лусан обнял зятя, как сына,

Восемь дней пировали сваты,
Девять дней продолжалось веселье,
Вот и день забелел десятый,
И с трудом наступило похмелье.
Обращается к тестю Гэсэр:
«Чужеземец тоскует вдали
От родимой своей земли.
Вспоминает охотник-скиталец
Всех родных, что дома остались.
Сироте-жеребеночку снится
Молодая мать-кобылица.
Даже гостю дома богатого
На чужой не живется земле,
И берцовая кость сохатого
Не уместится в малом котле.
Мне пора на простор земной:
Я задумал вернуться домой».
Недовольная речью мужа,
Огорчилась Алма-Мэргэн,
Огорченья не обнаружив,
Притворилась Алма-Мэргэн,
Что довольна она, весела,
И супругу преподнесла
Колдовскую еду забвенья.
Он отведал ее и забыл,—
Все забыл он с того мгновенья:
Как пришел сюда, кем он был!

Он от левой не мог руку правую
Отличить, одурманен отравой,
А глаза его из-за дурмана
То безумно глядели, то пьяно.
Год прошел, настала весна,
Родила ему дочку жена.
Так три года он жил у Лусана,
Лошадей его рыжий пастух.
А живот его вздулся и вспух.
Он забыл о земле, на которой
Он родился в назначенный срок,
Он забыл о реке, из которой
Сделал первый когда-то глоток.

Дни сменялись и ночи множились,
Небожители растревожились:
«Где Гэсэр с быстроногим конем?
Почему на просторе земном
Нам Гэсэра не слышно дыханье.
Нам не слышно коня его ржанье?
Неужели пропал он, исчез?»

И тогда пятьдесят и пять
Властелинов закатных небес
Порешили на землю послать
Трех Гэсэровых умных сестер:
Пусть обыщут земной простор!

Три сестры по дорогам земли
По холодным следам пошли,
По горячим следам пошли,
Трижды землю кругом обошли,
Обошли ее четырехкратно,
А Гэсэра нигде не нашли.
Две сестры вернулись обратно,
На сияющий небосклон,
Но сказала Эржэн-Гохон:
«Может, брата с его скакуном
Отыщу я на дне морском?
Может, брата со дна я достану?
Я отправлюсь к хану Лусану!»

В путь пустилась Эржэн-Гохон
То степной, то лесной тропой.
Вот и Желтого моря прибой,
Перед нею – копье Гэсэра,
И вонзилось оно в песок,
Подпирает морской поток,
Будто этот поток – потолок.
Больно стало сестрице до слез!
Сиротливо боярышник рос,
Был к нему привязан гнедой,
Отощавший, слабый, худой.
Он от голода изнемог,
На груди его вырос мох,
Разрослась на спине ракита,
Были выпасть уже готовы
Все четыре его копыта
И все сорок белых зубов.
Он уже умереть был готов!
До того он сделался тонок,
Будто снова Бэлыгэн – жеребенок,
Будто сделался вновь лончаком,
Будто остовом стал Бэлыгэн!..

Чтоб царица Алма-Мэргэн,
Обладавшая колдовством,
Небожительницу не узнала,
Порешила Гэсэра сестрица
В лебедь белую превратиться.
Два крыла она распластала,

Погрузилась в Желтое море,
Увидала: на косогоре,
На траве сидит ее брат,
Он пасет коней-жеребят,
Тьма в его блуждающем взоре.
Он отравою напоен,
Одурманен и опьянен...
Облик истинный свой приняв,
Села рядом Эржэн-Гохон,—
На нее Гэсэр и не взглянет,
Он невнятно поет-шаманит.

Чтоб вернуть ему разум здравый,
Ударять его стала сестра
То по левой щеке, то по правой.
Началась у Гэсэра зевота,
Началась у Гэсэра блевота,
Изо рта Гэсэра тогда
Потекла забвенья еда.
А сестра, в чашобе густой
Духовитых листьев нарвав,
Из десятка целебных трав
Для него сотворила настой,
Напоила Гэсэра водой
Девяти таежных ручьев,—
Стал он снова разумен, здоров.
И сказала Гэсэру сестра:
«Нам на землю вернуться пора.
Я – сначала, а ты – за мной».
Белой лебедью стала снова,
Воспарила к тверди земной.

А Гэсэр пошел, и большого
Подстрелил он лося рогатого,
И берцовую кость сохатого
Он сварил в лесной тишине.
Ничего не сказав жене,
Кликнул дочку двухгодовалую,
Приласкал он девочку малую,
Приказал ей: «К деду пойдя,
О порог споткнись, упади
И заплачь, и деду-царю
Ты отдай берцовую кость,—
Сделай так, как я говорю».

Внучка малая к деду седому,
К величавому царскому дому
Побежала, как ветерок,
Спотыкнулась она о порог

И заплакала, – горе стряслось!
Перед дедом держит в руке
Кость берцовую крупного лося.
Дед погладил ее по щеке:
«Что ты плачешь, дитя чужеземное,
От отчизны своей вдалеке?
Чужеземец – хоть милый он гость
На чужой уживется ль земле?
Может лося берцовая кость
Уместиться в малом котле?
Сироте-жеребеночку снится
Молодая мать-кобылица,
Человек тоскует вдали
От своей родимой земли,
И влекут его думы живые
В отчий дом, что отселе далек,
К той реке, из которой впервые
Он когда-то сделал глоток!»

Понял старый властитель морской,
Что Гэсэр должен ехать домой,
Что разлука теперь неизбежна.
Внучку малую обнял он нежно,
Кликнул дочку и отдал ей
Половину овец и коней,
Половину имущества-золота,
И Гэсэра вместе с женой,
Вместе с внучкою озорной, —
Да пребудет их счастье молодо! —
Он с почетом отправил домой.

Как поднялся Гэсэр на сушу,
Обожгло ему болью всю душу:
У боярышника гнедой
Изнемог, – ослабелый, худой,
На едва обтянутый кожей
Неподвижный остов похожий.
Снять бы надо с гнедого седло,
Да оно к потнику приросло,
Снять потник тяжелее вдвойне:
Он прирос, он прилип к спине!
Боль Гэсэра стала больнее.
Он погладил Бэлыгэна по шее,
Будто конь – жеребеночек малый
Или слабый лончак годовалый,
И, в слезах, он к гриве приник
Сотоварища боевого.
Осторожно с коня гнедого
Снял Гэсэр седло и потник,

Грудь очистил от мха густого,
Напоил скакуна водой,
Накормил травой духовитой,—
И поправился конь знаменитый,
Мощь и крепость обрел гнедой!

Стал выдергивать воин свое
Подпиравшее море копьё,
Но оно укрепилось в песке,
И птенцов своих на древке
Начала уж высиживать птица,—
Здесь понравилось ей гнездиться!
Но Гэсэр ее снял с копья —
Улетела птичья семья.
Ухватился Гэсэр за древко,
И копья острие легко
Воин вытащил из песка.
Сел в седло, сжал коню бока,
И окрепший, сильный Бэлыгэн
Поскакал в долину Морэн,
К побережью вечного моря.
Так Гэсэр с царевной-женой,
Вместе с дочкою озорной,
Возвратился в свой край родной,
Возвратился не ведая горя.

Три дворца в долине Хатан

Счастлив был Сэнгэлэн, и Саргал
Седовласый возликовал.
Слезы радости льются из глаз.
Приглашают троих в добрый час,—
Да войдет в их дом дорогая
Третья ханша, царевна морская!
В золотой они бьют барабан,
Собирают-зовут северян,
И серебряный бубен зовет
Собирает южный народ.
Возвышаются горы мяса,
Разливаются реки вина,
И пирует на свадьбе страна,
И дрожит вся тайга от пляса.
Сэнгэлэн и Саргал седой
Сочетали племянника-сына
С третьей ханшей, с царевной морской, —
Да сольются они воедино!

Только масло в огонь подлила
Третья ханша Алма-Мэргэн,
Меж подставками для котла
Вырос красный ствол золотой.
Сэнгэлэн и Саргал седой
Угощали невестку и сына.
Восемь дней пиновала долина,
Девять дней продолжалось веселье,
На десятый настало похмелье.
В путь пустился пирующий люд,
Возглашая благопожеланье.
Северяне на север идут
И на юг уходят южане.
Стали жить-поживать без забот.
Вот могучий Гэсэр зовет
Триста славных своих воевод,
Тридцать трех силачей-храбрецов
И три тысячи ратных бойцов:
Крови нет, если их проколоть,
Прострелить, – бессмертна их плоть!
Эти люди Гэсэру верны,
Им живые в бою не страшны:
Словно волки, они упорны
И тверды, словно камень горный.
К тридцати и трем храбрецам
И к трем тысячам ратным бойцам,
И к тремстам вожакам суровым
Обратился Абай-Гэсэр
С задушевым, радостным словом:
«Я хочу в долине Хатан,
Там, где вечный шумит океан,
Три воздвигнуть прекрасных дворца,
Чтобы радовали сердца,
Чтоб они достигали небес».
За Гэсэром отправились в лес
Тридцать три силача-храбреца,
Триста грозных знатных вождей
И три тысячи ратных людей.
Где тайга свободно росла,
Там, дерев нарубив без числа,
Обстругали крепкие бревна
И пригнали друг к другу любовно.
Не жалели ни сил, ни труда, —
Возвели три дворца, три гнезда,
Упирившиеся в небосвод, —
Да сверкают из рода в род.
Им подобных не ведали раньше:
По чертогу-дворцу – каждой ханше!
Показаться могло: с небосклона

На земное твердое лоно
Три сияющих капли скатились
И чертогами засветились!
Были стены покрыты наружные
Серебром, и казалось, что вьюжные
Ослепляют снега белизной,
Было золото стен их внутренних
Ярче зорь златоцветных утренних,
Споря блеском с ханской казной.
Было нижних семь тысяч окон,
И семь тысяч вечных планет
Им дарили вечерний свет,
Было множество верхних окон,
Что сияли, свеченье вобрав
Девяти небесных держав.
Серебро облекло-покрыло
Балки, пол, потолок, стропила.
Люди радовались, построив
Девяносто без двух покоев
И навесив восемь дверей,
Что казались зеркал светлей.
А была еще дверь наружная,
Дверь хангайская, дверь жемчужная,
А порог – белый мрамор Хангая,
И, серебряная, витая,
Красовалась ручка дверная.
Доски каждым светились ребром,
И косяк был покрыт серебром,
И крыльцу дано серебриться,
И ступени все – в серебре:
С жеребьями кобылица
Здесь могли бы в запуски бегать,
Здесь могли бы играть на заре!

Для супруги Тумэн-Жаргалан
Был в верховье долины Хатан
Драгоценный дворец возведен.
Для супруги Урмай-Гохон
Был в середине долины Хатан
Драгоценный дворец возведен
Для супруги Алма-Мэргэн
Был в низовье долины Хатан,
Обладающий крепостью стен,
Драгоценный дворец построен.

Так небесный властитель и воин,
Сын Хурмаса Бухэ-Бэлигтэ,
На великую землю сошел,
Чтоб ее избавить от зол.

Он сперва был Сопливцем-Нюсатой,
Он скакал по урочищам диким,
Но, умом и отвагой богатый,
Был он назван Гэсэром Великим.
Чтоб тринадцать ханов возглавить,
Он спустился на землю с небес,
Чтоб людей от страданий избавить,
Он спустился на землю с небес.
Он спустился на землю с неба,
Чтоб народ не ведал невзгод.
Он спустился на землю с неба,
Чтоб спасти человеческий род,
Чтоб узнала людская семья
Праздник жизни, свет бытия!

Хороши его земли-становища,
Три жены у него, три сокровища!
«Кто красивей: Тумэн-Жаргалан
Иль рассвет, что горит сквозь туман?
Кто светлее: Урмай-Гохон
Или утренний небосклон?
Что заре мы найдем взамен?
Но прелестней Алма-Мэргэн!»
Так без горя пел-напевал,
Так у моря жил-поживал
В трех дворцах Гэсэр величавый, —
Подчинялись ему три державы.

Перевод Семёна Липкина.

Ветвь третья О борьбе Гэсэра с дьяволом Арханом

Девять ветвей у священного дерева,
Каждая ветвь листвою повита.
Девять сказаний древних,
В каждом сказаньи – битва.
В бобра,
Что драгоценнее всех зверей,
Почему не пустить стрелу?
Великому роду богатырей
Почему не воздать хвалу?

Когда
Хан Хурмас, божественный властелин
Пятидесяти пяти западных небесных долин,
Атая-Улана, божественного властелина
Сорока четырех небесных долин,
В ожесточеннейшей схватке победил.
Когда
Победитель Хан Хурмас
Побежденному Атай-Улану голову отрубил,
Когда Хан Хурмас
Отрубленную черно-круглую голову ногой пнул,
Когда Хан Хурмас
Волосато-круглую голову вниз столкнул,
Большая круглая голова закрутилась.
Между небом и землей остановилась.
Вверх возвратиться – так сил уж нет,
Вниз опуститься – желанья нет.
Словно на веревке с неба спускается,
Словно на подпорке над землей поднимается.
Превратилась она меж звездных сфер
В черного дьявола Архан-Шудхэр.

То медленно вращается,
То метеором несется,
Намеревается проглотить и луну и солнце.
Черным вороном каркает,
Черным злословием харкает,
Светлое небо руганью загрязняет,
Чистое небо проклятьями засоряет.
Ясное небо туманом дымится,
Земля под небом пылью клубится.

А люди на земле

В это время благоденствуют,
Бесчисленные племена на земле
В это время блаженствуют.
Из месяца в месяц, из года в год
Становится многочисленнее земной народ.
Из сопливого жидкого семени
Возникают племя за племенем.
Из мальчишек вырастают мужчины,
Из девчонок вырастают красавицы.
У мужчин у всех – могучие спины,
Все красавицы – улыбаются.
Все красавицы – чернооки,
Аргмаки все – быстроноги.
А охотники все – обучены,
А народы все – благополучны.

При виде этого
У черного дьявола Архана,
Происшедшего из Атай-Улана
Лохматой большой головы,
Злые замыслы
Подобно туману подплыли.
Серые замыслы
Как в котле забурлили,
Чудовищные замыслы
Клубиться стали,
Отвратительные замыслы
Заклокотали.
Волосы его поднялись дыбом,
Челюсти его сжались с дымом,
Зубы его скрежещут,
Ноздри его трепещут.

Высокое просторное небо
До краев содрогается,
Низкая просторная земля
До глубин сотрясается.

Обуян нестерпимой местью,
Черный дьявол по небу мечется.
То на месте кружится, то несется,
Намеревается проглотить и луну и солнце.
Просторную добрую землю Улгэн
Хочет он захватить в безвозвратный плен.
Племена, населяющие землю Улгэн,
Хочет он превратить в пыль и тлен.

Из широкого рта
Изрыгает он красное пламя,

Из широких ноздрей
Выдувает он черный ветер.
Навис он над мирными племенами,
Подобно неотвратимой смерти.
По небу черный туман расплывается,
По земле желтый туман расстилается.
В это самое время,
О котором идет у нас речь,
В это самое время,
О котором рассказу нашему течь,
Части Атай-Улана, мечом раздробленные,
Куски Атай-Улана, по земле разбросанные,
Валяются, гниют, высыхают,
Черное зловоние порождают.
Распространяются от них гниль и плесень,
Расползаются от них все болезни.
Возникшие из них дьяволы,
Черти, колдуны и всякая нечисть
Быть бы сильными, а не слабыми,
Собираются они вместе.

Раньше раннего,
Позже позднего
Произносят они
Клятву грязную.
На всех земных людей
Наводит болезни и мор,
На все земные края
Напускать нищету и разор,
Напускать холод, голод и тьму,
Напускать язву, оспу, чуму,
Напускать распри, слезы и кровь,
Чтоб забыли люди жалость, любовь...

Узнав об этом,
Главный дьявол Архан-Шудхэр
Сильнее завертелся меж звездных сфер.
Он обрадовался, возвеселился,
Закуражился, загордился.
Белые зубы скалит,
Глазными белками сверкает.
Силы у него прибавляется,
Коварство у него умножается.
Прежде чем солнце и луну проглотить,
Прежде чем землю Улгэн испепелить,
Прежде чем народ на земле истребить,
Он высокое небо раскачивает,
Он широкую землю растрясывает,
Он глубокое море разволновывает,

Он Сумбэр-гору потрясает,
Жадный ветер на волю выпускает.
Сквозняками мир продувает,
Ядовитым туманом глушит,
Едкой пылью сушит и душит.

Напустивши пыли, ветров и тумана,
Дьявол Архан-Шудхэр,
Происшедший из головы Атай-Улана,
Из головы лохматой, черной, большой,
Стал гоняться за солнцем и за луной.
Три дня и три ночи он их преследует,
Три дня и три ночи он за ними гоняется,
Но проглотить их – не получается.
Все усилия его бесполезны:
Ни луна, ни солнце в глотку не лезут.
Измучился дьявол – хоть вешайся,
Разозлился дьявол – до бешенства.
Сердито надул он щеки,
Брови его – как щетки.

Тогда обратился он, бывший их господин,
К властелинам сорока четырех восточных долин.
Чтобы тэнгэрины его увидели,
На небесную встал он кромку.
– Помогите! – кричит им издали,—
Пособите, – кричит им громко,—
Язык мой ноет,
Гортань моя сохнет,
Глаза ослабли,
Силы иссякли.
Вы внутренности мои соберите,
Части тела моего воссоедините,
Пусть приму я тот,
Мой прежний вид,
Как трава растет,
Как камыш стоит.
Я на мир тогда
Огонь напущу,
За годы стыда,
За позор отомщу.
На просторах земли Хонин-Хото
Я устрою тогда великий потоп,
С Ханом Хурмасом схвачусь опять,
Как веревку его скручу,
Западных небожителей пятьдесят пять
Вдрызг растопчу.

Только внутренности мои соберите,

Части тела моего воссоедините.
Пусть приму я тот,
Мой прежний вид,
Как трава растет,
Как камыш стоит.

Сорок четыре восточных небожителя
Голос бывшего Атай-Улана слышали,
Издали они его увидели,
Из жилищ наружу все вышли.
Собрались они быстро в кучу,
Началась между ними буча.
Всю черноту-клевету собрав,
Они ругаются,
Всю серость-мерзость собрав,
Они толкутся,
Между собой они тягаются,
Между собой они дерутся.

Наконец Агсаргалдай,—
Главный черный батор,
Широтой груди своей хвастаясь,
Толщиной костей своих бахвалясь,
Начинает деловой разговор.

– Послушайте, – говорит, —
Что я скажу сейчас.
Нас, восточных небожителей,
Обидел западный небожитель Хан Хурмас.
Нашего славного Атай-Улана
В ожесточеннейшей схватке он победил.
Тело нашего славного Атай-Улана
На семь частей он мечом разделил,
Разбросал он эти части по земле, где тайга,
В одном месте шея валяется, в другом нога.
А отрубленную черно-круглую голову
Ногой он пнул.
Волосато-круглую голову
Вниз толкнул.
Большая круглая голова закрутилась,
Между небом и землей остановилась.
Вверх возвратиться – так сил уж нет,
Вниз опуститься – желанья нет.
Словно на веревке с неба спускается,
Словно на подпорке над землей поднимается.
Превратилась она меж звездных сфер
В черного дьявола Архан-Шудхэр.
Во все стороны дьявол мечется и бросается,
Солнце и луну проглотить старается.

Но усилия его бесполезны,
Луна и солнце в глотку не лезут.
В это время
Части Атай-Улана, мечом раздробленные,
В это время
Куски Атай-Улана, по земле разбросанные,
Валяются, гниют, высыхают,
Черное зловоние порождают.
Распространяются от них гниль и плесень,
Расползаются от них все болезни.

Богатая жизнь людей стала бедной,
Жирная жизнь людей стала скудной.
За что ни схватятся люди – вредно,
За что ни возьмутся люди – скучно.
Болезни, о которых никто не знал,
Людей косят.
Болезни, о которых никто не слышал,
Стада косят.
Люди плачут и голосят.
Людей, которые счастья достойны,
Разоряют бедствия, войны.
Люди мучаются, люди мрут,
В горе-горьком они убиваются,
Слезы людские Рекой-Ангарой текут,
Слезы людские Леной-рекой разливаются.

Услышав об этом бедствии,
Западные небожители решили действовать.
Чтобы все обсудить заранее,
Собрались они на собрание.
Собрание надзвездное, мудрое,
Собрание надлунное, утреннее,
Все до тонкости обсудило
И твердейше постановило:

«Хана Хурмаса, небожителя и властелина,
Среднего, Красного сына,
Бухэ-Бэлигтэ батора,
Согласно добровольному уговору,
На низменную землю спустить.
В краю, где темно и глухо,
В семье старика со старухой,
Людей безвредных,
Живущих бедно,
Их сыном его родить».

Как собранию тому хотелось,
Так оно все и сделалось.

На краю земли, средь болот и гор
Народился Бухэ-Бэлигтэ батор.
Вырос он в краю убогом и сером,
А называться он стал Гэсэром.

Вырос он, лисицами не обнюханный,
Вырос он, быками не боданный.
Землю, где живут старик со старухой,
Считает он теперь своей родиной.
Хочет он, решительно действуя,
Избавить народ от бедствия.

Сорока четырем восточным небожителям
Под одним солнцем с ним не жить нам.
Могуществом большого пальца
Предстоит с ним тягаться.
Силой плеча помериться,
В мощи спины увериться.
Жечь его нашим красным огнем,
Чтобы больше нам не слышать о нем.
Кончилось время бояться,
Настала пора сражаться.

Черный дьявол Шудхэр-Архан
Обратился за помощью к нам: —
Все усилия мы приложим
И ему сообща поможем.
Тело доблестного Атай-Улана,
Что страдает, мстью томим,
Соберем мы, обшарив все страны,
И в единое соединим.
Придадим ему прежний вид,
Пусть опять зубами скрипит.
На могучие ноги поставим,
Новой силы ему прибавим,
Чтоб из дьявола черного, лешего,
Хана Хурмаса не победившего,
Стал он вдвое сильнее прежнего,
Стал он втрое сильнее бывшего.
Берегись тогда, Хан Хурмас,
Что задумал идти против нас.
Вместе с сыном твоим Гэсэром
Из тебя мы лепешку сделаем.
И всех западных небожителей
Из пятидесяти пяти долин,
Расточители и разрушители,
Превратим мы в коровий блин.

Их старуху Гурмэ-Манзан

Кинем мы в кипяток, в казан.
Всех врагов мы расквасим вдрызг,
Не останется даже брызг.
Будет нашим западный край,—
Похвалялся Агсаргалдай.

В это время чернее черного
Голос подал со стойбища черного
Небожитель другой – Балай.
Говорил он тоже напыщенно,
Но слова его были услышаны,
Все решили: Балая слово
Своевременно и толково.

– Если витязь родился ловким,
Если витязь родился сильным,
Надо убить его, пока он в пеленках,
Изрубить, пока он плаксивый.
Если он на колени встанет,
До него уже не достанешь,
Если на ноги витязь встанет,
То его уже не затронешь,
А до стремени он дотянется,
То его уже не догонишь.

Найти,
Извести,
Спугнуть,
Догнать,
Изрубить,
Скрутить,
Согнуть,
Изломать!

Чтобы величайшего из врагов победить,
Чтобы быстрейшего из жеребят перегнать,
Чтобы переднее назад заворотить,
Чтобы заднее наперед загнуть,
Чтобы неломаемое сломать,
Чтобы непугаемое спугнуть,
Чтобы сор без остатка вымести,
Чтобы обиды горькие выместить,
Чтобы одержать нам победу полную,
Чтобы, победив, мы чаши наполнили,
Чтобы на пиру победителей радоваться,
Вот что, небожители, надо нам.

Тринадцать бойцов самых ловких и быстрых
На низменную землю сразу же выпустим.

Будет там великое побоище...—
Говорил Балай с черного стойбища.

В это время
Черный-пречерный Хирхаг,
Из черной головы своей мысли беря,
Из черного рта своего слова даря,
Говорил-кричал примерно так:

– Из локтевой кости Гэсэра
Рукоятку для плетки сделаем,
Из берцовой кости Гэсэра
Кнутовище сделаем,
Из круглой головы Гэсэра
Дымящуюся головешку сделаем!

Атая-Улана
Разрубленные куски соберем,
На небо поднимем, воссоединим,
Жизнь и силу в него вдохнем,
Оживим и оздоровим!

Третий оратор Хара-Оеор
В другую сторону повел разговор.
Стал он дальше вспоминать,
Стал он давнее ворошить.
Гладко-гладкое стал он мять,
Цельно-целое стал крошить.

– Вспоминать разве мы не должны,
Что ведь сам Атай-Улан
Развязал узелок войны,
На дорогу сраженья встал,
Разве он не пускал стрелу?
Разве он копья не ломал?
А теперь он упал во мглу,
А теперь он в беду попал,
Для чего заботиться нам?
Пусть вину искупает сам.

Когда два человека дерутся,
Люди смотрят со стороны.
Когда два бугая сойдутся,
Хозяева наблюдать должны.

Тут вышел, мрачен и хмур,
Черный шаман Боолур,
В которого вселилась Атая-Улана душа,
Вышел он, одеждами звякая и шурша.

Начал он шаманить,
Начал он бормотать-завывать.
– Восточных шэнгэринов сорок четыре,
Западных шэнгэринов пятьдесят пять.
Несправедливость творится в мире,
Западные восточных начали притеснять.
Начали нас оплетать-винить,
Начали нас угнетать-чернить.
Все колющее они точат,
Всем рубящим они машут.
Обижают нас кто как хочет,
Ни о чем нас не спрашивают.

Бывало,
Там, где мы боялись,
Атай-Улан храбростью нашей был.
Бывало,
Там, где мы поддавались,
Атай-Улан опорой нашей был.
Бывало,
Там, где мы сомневались,
Атай-Улан душой нашей был.
Думайте день,
Думайте ночь,
Атай-Улану надо помочь.

Тело доблестного Атай-Улана,
Что страдает, мстью томим,
Соберем, обшарив все страны,
И в единое соединим.

На могучие ноги поставим,
Новой силы ему прибавим.
Чтоб из дьявола черного, лешего,
Хана Хурмаса не победившего,
Стал он вдвое сильнее прежнего,
Стал он втрое сильнее бывшего.
Все заклятья с него мы снимем,
Возвратим его доброе имя.
Все задуманное решится,
Все желаемое совершится,
Все препятствия одолеем,
Все преграды пройти сумеем.

Всех западных небожителей
Из пятидесяти пяти долин,
Расточители и разрушители,
Превратим мы в коровий блин.
Всех врагов мы расквасим вдрызг,

Не останется даже брызг.
Тех, кто нынче сверкает перлами,
Раскидаем по ветру перьями.
И на небе мы будем первыми,
И над небом мы будем первыми.
Так закончил Боолур шаманить —
Так закончил он бормотать-завывать:

– Найти,
Извести,
Спугнуть,
Догнать,
Изрубить,
Скрутить,
Согнуть,
Изломать!

Новому оратору говорить пора,
Вышел небожитель Уняар-Хара.
Сильно он рассердился,
Щеки надул,
Говорил-горячился,
Что пришло на ум.

– В припасенный аркан
Шею свою продевать не будем.
В наостренный капкан
Ногую свою мы ставить не будем.
Земные несчастья
Нас не касаются,
Атай-Улана части
На земле пусть валяются...

Тут столпились небожители в кучу,
Началась между ними буча.
Всю черноту-клевету собрав,
Они ругаются,
Всю серость-мерзость собрав,
Они толкутся,
Между собой они тягаются,
Между собой они дерутся.
Среди неба большого, просторного,
Разделились они на две стороны.

В это самое время,
О котором речь у нас идет,
В это самое время,
О котором рассказ наш течет,
Самый западный из западных небожителей

Хухэрдэй-Мэргэн,
А с ним витязь-царевич
Хултэй Тайжа
Вышли от бабушки Манзан-Гурмэ,
Вышли от батюшки Эсэгэн-Малан
С наказом, который был им дан.

Едут они откуда, средину неба видать,
Едут они откуда, середина земли видна,
Едут они, где встречаются солнце и луна.

Этого места достигнув, Хухэрдэй-Мэргэн
Повод синего коня натягивает,
Синего коня своего останавливает,
Синий конь ему подчиняется,
Батор Хухэрдэй-Мэргэн на синих стремях
Синего серебряного седла
Приподнимается.

Черный дьявол Архан-Шудхэр,
Происшедший из лохматой головы Атай-Улана,
Витязей этих издалика разглядел,
За черное колдовство приняться хотел,
Чтобы напустить какого-нибудь тумана,
Но испугался он свыше всяких мер,
Устыдился он свыше всяких мер,
Колдовство его прерывается,
За спину золотого солнца спрятаться он успел,
За грудью нежно-прекрасной луны он скрывается.

Богатырь Хухэрдэй-Мэргэн
И царевич Хултэй Тайжа,
Два витязя славных,
Оба витязя равных,
Догадались,
Что солнце Алтай-господин,
Догадались,
Что луна Алма-госпожа
Черного дьявола собою прикрыли.
Очень они рассержены были.

Хухэрдэй-Мэргэн
В широкую грудь полнеба вдохнул,
Хухэрдэй-Мэргэн
Щеки свои сердито надул,
Крик оглушительный издает,
Как тысяча лосей одновременно ревет.
Крик сотрясающий издает,
Как десять тысяч лосей одновременно ревет.

Солнце Алтана-господина
Он обвиняет,
Луне Алма-госпоже
Он пеняет:
– Архана – черного дьявола
Вы зачем за собою спрятали?
Вы зачем его
Своей золотой спиной защитили?
Вы зачем его
Своей нежной грудью прикрыли?
По доброте своей это вы сделали,
Или черт Архан показался вам страшен?
Или вы такие уж смелые,
Что хотите врагами стать нашими?

Услыхав эти дерзкие речи
И словами им не переча,
Солнечный сын Нагадай-Мэргэн дегэй
И лунный сын Сайхан-Мэргэн дегэй
Оседлали своих коней,
Бухарские желтые луки взяли
И колчаны, что стрел полны.

– Посмотрим, – они сказали,
Что там бродят за крикуны.—
Кони у них хоть разные,
Но оба огненно-красные.
За гривы они хватаются,
В седла они садятся,
Сразиться они собираются,
Никого они не боятся,
Оба они красивы,
В плечах у обоих – сила.
Пальцы рук у них цепки,
Сухожилия крепки.
Они схватки достойной жаждут,
Силу-ловкость они покажут.

Между тем
Атая-Улана лохматая голова,
Хоть и чертом ставшая, но умная,
Все смекнула, все поняла
И коварство свое задумала.
Вышел дьявол
Из-за солнечной золотой спины,
Вышел дьявол
Из-за лунной нежной груди,
Где он прятался и таился.

Оказался он у витязей на пути,
Смирным, добреньким притворился.
Нагадаю-Мэргэн дегэю
И Сайхан-Мэргэн дегэю
Как бы нечаянно
Он навстречу идет.
Как с друзьями с ними встречается,
Сладкие речи ведет.

– Ах, вы витязи мои, витязи,
Ах, дегэи мои, дегэи,
Наконец-то мы свиделись,
Глазам поверить – не смею.
Мы ведь так же сродни,
Как жир и масло,
Нашей дружбы огни
Пусть не гаснут.
Давайте
На десять белых лет
Сватьями станем.
Давайте
На двадцать светлых лет
Кумовьями станем.
Давайте
На тридцать сияющих лет
Братьями будем,
Соединим наши судьбы.

Так витязям коварный Архан говорит,
А сам полосатым глазом вбок косит.
Он взглядом своим блукает,
Он клыками своими сверкает.
Называя витязей братцами,
Зубами своими клацает.
Думает он, что улыбается,
А выходит, что огрызается.

Витязи все увидели,
Ждать себя не заставили.
Стрелы хангайские вынули,
В пасть Архана направили.
Натянули луки бухарские,
Целят в бельмы арханские.
Но дьявол Архан схитрил и тут —
Из глаз у Архана слезы текут.
Как коза кричит пронзительно,
Как ягненок блеет просительно.
Стал он витязей уговаривать,
Обещаньями стал задаривать: —

Ах, вы, витязи мои, витязи.
Ах, дегэи мои, дегэи,
Не стреляйте в меня вы, витязи,
А уж я услужить сумею.

Ты, солнечный сын, Нагадай-Мэргэн,
Ты, лунный сын, Сайхан-Мэргэн,
Опустите луки свои до колен.
Когда будете вы в дальнем пути,
Я помогу вам скакать-идти.

Когда будете дневную землю обогреть,
Я буду вам помогать,
Когда будете ночной земле светить,
Я буду лучи блестить.
Впереди у вас
Видимость улучшать я буду,
За спиной у вас
Я крепостью буду.
Дела решать – советником буду,
В пути ночевать – товарищем буду.
Коней ловить,
Деревья рубить,
Скот пасти терпеливо буду.
Давайте
На десять белых лет
Сватыями будем,
Давайте
На двадцать светлых лет
Кумовьями будем.
Давайте
На тридцать светящихся лет
Братьями будем,
Соединим наши судьбы.

Солнечного сына Нагадая-Мэргэна дегэя
Обмануть речами не удалось.
Посмотрел он на дьявола не робея
И увидел его насквозь.

– Днем,
Когда мы ходим по небу,
Сопровождать не надобно нас.
Ночью,
Когда мы ходим по небу,
Тысячи звезд окружают нас.
Ни в полдень ясный, сияющий,
Ни в полночь, ни в дождь, ни в туман
Не нужен нам в спутники и в товарищи

Черный дьявол Архан.

Между тем
Лунный сын Сайхан-Мэргэн
К дьяволу как будто прислушивается,
Дьяволу как будто сочувствует,
Дьявола как будто жалеет,
Защитить его собирается,
Приголубить намеревается.

– Когда днем по небу ходить мы будем,
Тенью нашей он будет.
Когда ночью по небу ходить мы будем,
Дополнительным светом будет.
Сделаемся с ним мы сватьями,
Станем с ним кумовьями.
Соединим наши судьбы.
Нас никто не осудит.
Станем с ним побратимами,
Всюду славными, всюду чтимыми.
Будем с ним мы как сверстники,
Будем с ним как ровесники.
Для веселья и боя
Лучше трое, чем двое.

Дьявол даже ушам своим не верит,
Рот растянул шире чем двери.
Громко хохочет, клыками сверкает,
С новой речью к витязям подступает.

– Если мы стали уже побратимыми,
Давайте меняться вещами любимыми:
Кресалами, трубками, кошельками,
Кисетами, плетками, кушаками.
Сядем мы на винно-черной реке,
У каждого чаша с вином в руке.
Говорить будем,
Пока сметана на чистой воде не образуется.
Беседовать будем,
Пока трава на голом камне не вырастет.
Помогать друг другу мы обязуемся,
Общий дом на троих мы выстроим.
На десять белых лет
Сватьями будем.
На двадцать светлых лет
Кумовьями будем...

Чем больше
Лунный сын Сайхан-Мэргэн

Про дружбу с дьяволом плел и пел,
Тем больше
Солнечный сын Нагадай-Мэргэн
Лицом мрачнел.

Начали витязи спорить,
Вспоминать хорошее и плохое,
Начали они вскоре
Ссориться между собою.
Каждый камень переворачивать,
Каждое слово переиначивать.

В конце концов
Нагадай-Мэргэн, солнечный сын,
Поехал дальше один.
А черный дьявол Архан
Тотчас полез в карман,
Достает из кармана за предметом предмет,
Кресало, трубку, кисет.
Все это Сайхану в руки сует,
А его вещи себе берет.

– Раз уж стали мы, – говорит, – побратимами,
Обменяемся вещами любимыми.—
Взяли они трубку, величиной как пень,
Взяли они кисет, величиной как олень.
Кисет этот, набитый табаком, они открывают,
Трубку эту резаным табаком набивают,
Кресалом белым, как зимний день,
Искры жаркие высекают.
Трубку они сосут шумно,
Дым они выпускают клубно.
Говорят,
Пока сметана на чистой воде не образуется,
Говорят,
Пока трава на голом камне не вырастет.
Помогать друг другу они обязуются,
Общий дом собираются выстроить.

Тем временем
Дорога Нагадая-Мэргэн дегэя
Прямо ли идя,
По сторонам ли кружа,
Встретилась с дорогой батора Хухэрдэя
И царевича Хултэя Тайжа.
Рассказал им
Нагадай-Мэргэн – солнечный сын,
Почему он оказался один.
Рассказал он им,

Что лунный сын Сайхан
И черный хитрый дьявол Архан
На десять белых лет
Сватьями стали,
На двадцать светлых лет
Кумовьями стали.
Что сидят они там и братаются,
Помогать – дружить обещаются.

– Начали было мы с ним спорить,
Вспоминать хорошее и плохое,
Но из-за этого вскоре
Перессорились между собою,
Каждый камень переворачивали,
Каждое слово переиначивали.
Я с тех пор одиноким стал,
Я с тех пор, как тень потерял.

О таком услышавши деле,
Оба витязя обалдели.
Стоят, не понимая, стоят ли,
Сидят, не понимая, сидят ли.

Рассердились, щеки надули,
Огорчились, луки согнули.
Посылают стрелу к Сайхану,
Посылают стрелу к Архану.
Полетели, шурша опереньем,
Эти стрелы с предупреждением.
Не увидеть Сайхан не мог,
Как воткнулись стрелы у ног.
Вниз он в землю глядит, мрачнеет,
Вверх он в небо глядит, бледнеет.
Догадался в конце концов,
Что глупец он из всех глупцов.

Хухэрдэй-Мэргэн не долго думая
Хангайскую стрелу достает,
Хухэрдэй батор не мудрствуя
Черную стрелу на тетиву кладет.
Он ногами землю притаптывает,
Он глазами небо проглядывает,
Над острием стрелы он нашептывает,
Над опереньем стрелы наговаривает: —
Ты лети, стрела,
Легка и остра,
Не в небе пропасть,
Не в поле упасть.
Ты лети, стрела,

Шархану в пасть!
Черного дьявола
Насквозь пронзить,
Мохнатую голову
На куски разбить.

Боевой свой лук
Он так натянул, что дым пошел.
Бухарский свой лук
Он так натянул, что огонь пошел.
Вырвалась стрела, полетела,
Зашуршала и засвистела.
Силой большого пальца закрученная,
Ловкостью указательного пальца пущенная,
При полете звук роящая,
Звук по воздуху носящая.
Нацеленная стрела молниеносно летит,
Хангайская стрела неотвратимо звенит.
Желто-черная стрела в цель попадает,
Жилы-мускулы разрывает,
Кости крепкие раздробляет,
Душу с мясом разъединяет.

Высокое, просторное небо
До краев содрогается,
Низкая, просторная земля
До глубины сотрясается.
По небу черный туман расплывается,
По земле желтый туман расстилается.
Сун-море волнуется,
Сумбэр-гора качается,
Ветер жадный беснуется,
Клубами пыль поднимается.
Атай-Улана большая лохматая голова,
Которую Хан Хурмас ногой пнул,
Которую Хан Хурмас вниз толкнул,
Которая летела, крутилась,
Которая между небом и землей остановилась,
Которой вверх возвратиться – так сил уж нет,
Которой вниз опуститься – желанья нет,
Которая словно на веревке с неба спускалась,
Которая словно на подпорке над землей поднималась,
Которая превратилась меж звездных сфер
В черного дьявола Архан-Шудхэр.

Теперь эта голова, сшибленная стрелой,
Полетела вниз, завертелась юлой,
Полетела голова на землю вниз,
По вселенной всей раздается свист,

Будто камень шуршит, будто стрела звенит,
Будто коза орет пронзительно,
Будто козленок блеет просительно.

В это время
Тринадцать бойцов самых ловких и быстрых
Восточные небожители на землю выпустили,
Чтобы черного дьявола защитить,
Чтобы быстрее из жеребят перегнать,
Чтобы переднее назад заворотить,
Чтобы заднее наперед загнуть,
Чтобы падающую голову успеть подхватить,
Не дать ей упасть, а на небо вернуть.

Полетели они к сухой земле,
Полетели они наперерез стреле.
Полетели они, как молния,
Шумом-вихрем землю наполнили,
Но хангайская стрела заговоренной была,
Быстрее молнии оказалась стрела.

Летел Архан, раскрывши пасть,
Летел Архан, оскалив клыки,
Летел Архан, чтоб на землю упасть,
У желтого моря, у желтой реки.
Крепкие скалы начали рушиться,
Высокие горы начали колебаться,
Вода речная льется на сушу,
Вода морская горой поднимается.

Недалеко от широкой желтой реки,
Недалеко от места, где водопой,
В морские воды, что глубоки,
Свалился дьявол вниз головой.
Первое время он недвижно лежал,
Но силы собравши, натужился, встал.
В себя приходить он начал,
Встретясь с черной землею, с матерью,
Море вокруг поворачивая,
Землю он всю осматривает.
Все видно ему, как на блюде,
Леса и горы, стада и люди.

Вдруг,
У подножья горы под названием Хан,
На берегу реки под названьем Хатан,
Увидел он дворцы Абая Гэсэра,
С испуга дьявол сделался серым,
Скорее голову он пригнул,

В глубокое море на дно нырнул.
У дна морского он притаился,
В густые водоросли забился.

А Хухэрдэй-Мэргэн батор,
Стрелу пустивший,
Черного дьявола Архана стрелой сразивший,
Победителем называться стал,
Покровителем и людей и стад.
«Жеребятки пусть растут и резвятся,
Люди пусть живут и плодятся»,—
Такое пожелание высказал,
А сам трубку с кисетом вытащил.
Берет он свою трубку из чистого серебра,
Толщиной с рукав,
Открывает он свой бархатный кисет,
Величиной с мешок,
Красно-резаным табаком
Трубку он свою набивает,
Кресалом, величиной с озерко,
Искры жаркие высекает,
Мягко-пушистый трут,
С матерого лося величиной,
Махая им, раздувает.
Дым от трубки пошел,
Как речной туман,
Изо рта дым пошел,
Как дымит вулкан.
Трубку сосет он шумно,
Дым выпускает клубно.
Архана – черного дьявола
Убитым он посчитал,
Всех несчастных земных людей
Спасенными он посчитал,
Всех прекрасных земных зверей
Сохраненными он посчитал,
Золотое солнце с нежной луной
Защищенными он посчитал,
Необъятный простор земной
Очищенным он посчитал,
Свои дневные желанья
Исполненными он посчитал,
Свои ночные мечтанья
Совершенными он посчитал.
Поэтому, трубку свою докурив,
Поэтому, коня своего накормив,
В западные небесные пределы,
К пятидесяти пяти небожителям
Отправился, поскакал.

В это самое время,
Повод – в руку, а ногу – в стремя,
Живущий в долине Сорогто,
Имеющий быстро-синего жеребца,
Имеющий черно-злые мысли,
Имеющий погано-вонючую душу,
Ездящий по грязно-жидкой дороге,
Хранящий клеветническую книгу законов,
Хара-Зутан-Ноён,
Зная, что скот его не поен,
К желтому морю Манзану
Через лесные и степные поляны,
Накормленного свежей травой,
Весь скот свой пригнал на водопой.
У впадения в море
Реки, под названьем Хан,
У степного подножья
Горы, под названьем Манхан,
Быстро-синего жеребца Хара-Зутан останавливает,
За загривок жеребца ухвативши, на землю соскакивает,
Обе полы халата неторопливо отряхивает,
Место, куда приехал, оглядывает.
И видит он, что у самого водопоя
Деревце выросло золотое.
Золотые листочки, золотой ствол,
Хара-Зутан к деревцу подошел.
Осинка приветно зашелестела.
Веточки к нему наклонились.
Сердце у Хара-Зутана вскипело,
Черные мысли зашевелились.
«Наверное, это Абай Гэсэр
Чары свои напустить успел.
Наверное, это его колдовство,
Его бахвальное волшебство».
Черные мысли Хара-Зутана кипели,
Серые помыслы переливались.
А листочки осинки все шелестели,
А ее веточки все склонялись.
Хара-Зутан
Полы халата за кушак заткнул.
Хара-Зутан
Рукава халата до локтей завернул.
Золотую осинку, нежную и покорную,
Ухватившись за ствол, вырвал с корнем он,
Золотые веточки изломал,
Золотые листики истоптал.
Манзар – желтое море заволновалось,
Манхан – высокая гора засодрогалась.

Черный ветер подул со свистом,
Черный смерч завертелся быстро,
Желтый туман поплыл, поплыл,
Заклубилась едкая пыль, пыль.
Точно ли в это время – сказать нельзя,
Из желтой морской воды
Показались огромные красные глаза,
Показалась над водой морская трава,
А в траве – лохматая голова.
Чудовище страшное озирается,
Чудовище к берегу приближается.
Хара-Зутан
Все черные мысли свои рассорил,
Хара-Зутан
Все серые помыслы позабыл.
А черный дьявол Архан, злодей,
Вышел из воды земли черней.
Около золотой осинки сажился,
К Хара-Зутану он обратился:

– Дверь, не тобой закрытую,
Ты зачем открыл?
Дверь, не тобой открытую,
Ты зачем закрыл?
В дверь, из которой не выходил,
Ты зачем вошел,
Из двери, в которую не входил,
Ты зачем вышел?
Кто ты сам? Где твой дом-крыша?
Звериный ли ты сын?
Птичий ли ты сын?
Овечий ли ты сын?
Человечий ли ты сын?
Если слово имеешь – сказывай,
Если речью владеешь – рассказывай.
Не то,
Начиная с рук откусывать – изжую.
Не то,
Начиная с ног откусывать – проглочу.
Раскрыло чудовище пасть свою,
Каждый клык подобен копыю-мечу.
Раскрыло чудовище огромный рот.
Всю землю проглотить норовит:
Верхними клыками небо скребет,
Нижними клыками горы скоблит:
Множество людей,
В гору поднимающихся,
Слизнуть намеревается;
Множество людей,

С горы спускающихся,
Схлебнуть собирается.
У Хара-Зутана
С испугу в глазах зарябило;
У Хара-Зутана дыхание перехватило.
Поджилки трясутся, озноб забил,
Имя свое и то забыл.
Хара-Зутан за последнее ухватился,
Чудовищу страшному погрозился:

– Хоть бы ты меня, дьявол, с костями съел,
Но придет мой племянник-внук. Абай Гэсэр,
Вид твой страшный ему нипочем,
Он тебя на куски изрубит мечом.
Он за дядю-деда тебе оплатит,
Сил у него на это хватит.

Архан – черный дьявол,
По-прежнему зубы точит.
Архан с раскрытой пастью злобно хохочет:

– Что это у тебя за внук-племянник такой,
Чтобы сумел совладать со мной?
Где он возьмет такую мощь,
Чтобы тебе, бедняге, сумел помочь?
Где он возьмет такую прыть,
Чтобы меня, черного дьявола, сумел победить?

Хара-Зутан, чтобы душу свою сберечь,
Чтобы кожа с него была не содрана,
Заводит о Гэсэре хвалебную речь,
Говорит толково и собранно:

– Хана Хурмаса, небожителя и властелина,
Среднего Красного сына,
Бухэ-Бэлигтэ батора,
Западные небожители на землю спустили,
Согласно добровольному уговору,
Всем необходимым его снабдили.

Спустился он для решительных действий,
Избавить народ от бедствий.
С указанием из пяти священнейших книг
Он спустился,
Превратить вечность в единый миг
Он спустился.
С заданием благополучие возвратить
Он спустился,
С заданием порядок восстановить

Он спустился.
С желанием веселье возродить
Он спустился.
С мечтаньем всю нечисть истребить
Он спустился.
С надеждой успокоить людей земных
Он спустился.
С решеньем счастливыми сделать их
Он спустился.
С мудростью для семидесяти мудрецов
Он спустился.
С основой для семидесяти языков
Он спустился.

От черных замыслов, злых врагов
Державно-булатный меч он имеет,
От нападения злостно-черных врагов,
Сделанный из семидесяти козых рогов,
Сокрушающе-желтый лук имеет.
Если над острием стрелы пошепчет,
Красное пламя появляется,
Если над опереньем стрелы, пошепчет,
Синее пламя возгорается.
Если выпустит он стрелу свою в цель,
Никто от нее не останется цел.

Так говорил Хара-Зутан
В надежде, что испугается, дьявол Архан.
Но дьявол Архан был коварен и зол,
К душе Ноёна он ключик нашел.

– Абая Гэсэра ты справедливо хвалил,
Ведь он двух невест у тебя захватил.
Двух прекрасных девушек, двух нежнейших принцесс,
Отобрал у тебя Гэсэр-молодец.
Имя твое он навек обесчестил,
Слава твоя покрылась шерстью.
Ты его хвалишь, как будто невесту,
А сам от тоски не находишь места,
Душа твоя сохнет от злости и ненависти,
Весь ты пылаешь от жажды мести.
О Гэсэре хвалебные речи заводишь,
А сам в одиночестве ходишь-бродишь.
Когда в дальний путь соберешься,
В спутники кого ты возьмешь?
Когда отомстить-навредить соберешься,
Товарища себе где ты найдешь?
Давай
На десять белых лет

Друзьями будем.
Давай на двадцать светлых лет
Товарищами будем.
Давай на тридцать наиболейших лет
Побратимыми будем.
Абая Гэсэра сообща погубим.
Впереди у тебя
Видимость улучшать я буду,
За спиной у тебя
Я оградой буду.
Дела решать – советчиком буду,
В пути ночевать – товарищем буду.
Десять длинных лет отведем для отмщенья,
Пока сметана на чистой воде не образуется,—
Дьявол Хара-Зутана уговаривает,—
Пока трава на голом камне не вырастет,—
Он его раззадоривает,
Против внука Гэсэра деда настраивает,
Перед самим собой его опозоривает.

Черного дьявола Аркана Хара-Зутан слушает,
Серо-грязные слова запали в душу.
Они душу смрадом-вонью наполнили,
Злые мысли у Ноёна вскипают,
Пораженья свои он припомнил,
Неудачи свои вспоминает.
Так, желающие мстить-вредить,
Они друзьями становятся,
Так, желающие мутить-чернить,
Они родными становятся.

Был Хара-Зутан-Ноем достойным,
Стал Хара-Зутан-Ноем разбойным.
С черными мыслями,
С серыми помыслами
Хара-Зутан-Ноем,
Аркана дружок новоявленный,
Мечтой об отмщении упоен,
Говорит этому черному дьяволу: —
Когда все на небе уснет,
Когда все на земле замрет,
В середине ночи кромешной
Приходи к Гэсэру не мешкая.
Где что лежит у него, я знаю,
Все оружие его заранее изломаю.
Хангайскую, черную стрелу
Я вдоль расколю,
Оперение на стреле
Я все растреплю,

Желтый лук его,
Из семидесяти козых рогов,
Разломаю я на семьдесят кусков,
Все куски разбросаю,
Тетиву искромсаю.
Меч его,
Не тупящийся о кости изюбра,
Меч его, никогда не ржавевший,
Я с обеих сторон зазубрю
И на прежнее место повешу.
А ты, мой друг, наготове будь,
Ко дворцу Гэсэра отыщешь путь.
По задворкам серебряного дворца
На животе проползешь,
У ступенек золотого крыльца
До полуночи подождешь,
Когда будешь до полуночи дожидаться,
Поразмысли, как с Гэсэром сражаться.

У Архана страх по спине ползет,
У Архана страх сердце сосет.
– Ты, Хара-Зутан, мой друг новоявленный,
Если я ослабею,
Победить не сумею,
Поспеши на подмогу мне, дьяволу.
Если мы победить сумеем,
Убьем Гэсэра или захватим живьем,
Если до утра уцелеем
И до полнолуния доживем,
Сумеем неперегоняемого жеребенка перегнать,
Сумеем неседланого жеребца оседлать.
Если я в эту ночь своего добыюсь,
Наперекор небесам, наперекор судьбе,
То на царевне Урмай Гохон – сам женюсь,
А царевну Тумэн-Жаргалан отдам тебе.
Будем мы с тобою, два брата,
Жить и счастливо и богато.
Будет много у нас добра,
Будет мяса у нас – гора.
А наложницы наши, красавицы,
Будут нежиться, будут ластиться.—
Два злодея, сообщника,
За правые руки взялись,
Два разбойника, заговорщика,
В верности поклялись.

Так Хара-Зутан
Со своими черными мыслями,
Со своими серыми помыслами,

Замысел в сердце лелея злой,
Скотину с водопоя пригнал домой.

Дома радуется, мечтает,
Удовлетворенье испытывает,
Имущество Абая Гэсэра в уме перебирает,
Скотину Абая Гэсэра в уме пересчитывает.
Пусть богатства идут одно к одному,
Пусть добро присоединится к добру,
Всех людей Гэсэра себе возьму,
Всю скотину Гэсэра себе заберу.
Все мне в доме понадобится,
Все в хозяйстве мне пригодится...
Радостью великой он радуется,
Весельем великим он веселится.

А когда на небе все успокоилось,
Когда на земле все уснуть успело,
Хара-Зутан, превратившись в разбойника,
Пошел во дворец Абая Гэсэра.
Во дворец он тайно пробрался
И за черное дело принялся.

Хангайскую, черную стрелу
Он вдоль расщепал,
Оперенье на стреле
Он измял, изорвал,
Боевой желтый лук
Из семидесяти козых рогов
Разломал на семьдесят мелких кусков,
Все куски по сторонам разбросал,
Тетиву искромсал.
Державный меч,
Не тупящийся о кости изюбря,
Меч достойнейший, незапятнанный,
Он с обеих сторон зазубрил
И, за полог заткнувши, спрятал.
Все, что крепкое, он ломает,
Все, что сильное, ослабляет,
Все что острое, он затупливает,
Снаряжение все перепутывает.

В это время,
О котором речь тут идет,
В это время,
О котором рассказ течет,
Абай Гэсэр, благополучен и благодушен,
Дневной охотой слегка утомлен,
Находился у прекрасной Урмай Гохон.

Самую сладкую пищу вкушая,
Самое крепкое питье попивая,
Самое древнее припоминая,
О дальнем, будущем рассуждая,
Наслаждаясь, они сидели,
А потом уж пошли к постели.
С Урмай Гохон,
Подобной солнышку, красивой, доброй,
Улеглись они в мягкое, теплое,
Одеялом легким и теплым они оделись,
Друг от друга они согрелись,
Сбросив все одежды и платья,
Заключили они друг друга в объятия.

Полночь пришла,
А луны на небо не выплыло,
В темном небе ни светлой щелочки,
У каменно-черных ворот как будто скрипнуло,
У буро-каменных ворот как будто шелкнуло.

Тридцать три богатыря
Все вповалку спят,
Триста грозных воевод
Все подряд храпят.
Только собаки, сторожевые, верные,
Тревогу подняли первыми,
Подняли они лай со всех сторон,
Пробудилась от сна Урмай Гохон.
Прекрасным умом она все поняла,
Живым умом во все углубилась,
Растолкала Гэсэра и подняла,
Опасеньями с ним поделилась:

– Вокруг дворца не черта ли трескотня,
В подвалах дворца не дьявола ли возня,
Мой витязь славный, Гэсэр Абай,
Враги во дворце, скорей вставай.
Проснулся Гэсэр, поднялся он,
Не понимает, что это значит,
Большим удивлением удивлен,
Задачей большой озадачен.

Со всей силой и ловкостью рук
Первым делом хватается он за лук,
За хангайскую стрелу он хватается,
Больше прежнего удивляется.
Стрела, упреждающая другие стрелы,
Вместе с луком не уцелела.
Хангайскую упреждающую стрелу

Кто-то вдоль расщепал,
Боевой неизменяемый лук
Из семидесяти козьих рогов
Разломан на семьдесят кусков,
Тетива у него перерезана,
Все, что острое, все железное,
Все ломающее загублено,
Все режущее затуплено,
У копья рукоятка изрублена.
За меч державный схватился он,
Под пологом его найдя кое-как.
Меч зазубрен с обеих сторон,
Бесполезно держать в руках.

Себя не помня, врагов кляня,
Гэсэр гнедого зовет коня.
С ногами быстрыми, тонкими,
С копытами крепкими, звонкими.
Конь гнедой Бэлыгэн отозвался вмиг,
Конь, как молния, под окном возник.
В юго-западное окно копытом бьет,
Открывает окно, батора ждет.
Он спросить своим ржаньем хочет:
Что за паника среди ночи?
Услышал ли хозяин слухом-бдением
Далекого ночного врага?
Увидел ли хозяин острым зрением
Близкого ночного врага?
Гэсэр одевается в одно мгновенье,
В окно выскакивает в нетерпении.
Одним движеньем в кромешной мгле
Гэсэр оказывается в седле.
Конь копытами вкруг дворца стучит,
Гэсэр сердито во тьму кричит:

– Если хочешь со мной сразиться,
В шелку прятаться не годится.
Если руки твои не слабы,
Что ж ты прячешься, словно баба?
Если витязь ты, хоть немного,
Что ж ты прячешься под порогом?
Перестань по задворкам ползать,
Никакой в этом нету пользы.
Выходи ты в поле просторное,
Где дорога большая, торная,
Где стоит сосна пятиглавая,
Потягаемся там силой-славою.

Крик оглушительный Гэсэр издает,

Как тысяча лосей одновременно ревет.
Крик сотрясающий издает,
Как десять тысяч лосей одновременно ревет.
После этого
За правую сторону повода он потянул.
После этого
Направо коня своего Бэлыгэна повернул.
Не выпуская повод из крепких рук,
Сделал по солнцу обширный круг.
Направил коня он в поле просторное,
Где лежит дорога большая, торная,
Чтоб под древней сосной,
Под сосной пятиглавой,
Потягаться с врагом силой-славой.

В это время дьявол Архан,
Злотворением обуян,
Под серебряно-золотым дворцом
Без всякой пользы
На четвереньках и на брюхе ползал.
Вылез он из-под дворца от злости серый
И лицом к лицу повстречался с Гэсэром.
Теперь черту – куда деваться —
Хочешь – не хочешь, а придется сражаться.

Сошлись они в поле чистом, просторном,
Где дорога лежит большая, торная,
Где растет сосна пятиглавая,
Сошлись они помериться силой-славою.
Оба они могучи,
Оба они сильны,
Словно две черных тучи,
Что грозой прогреметь должны.

Глядя на противника клыкастого, страшного,
Абай Гэсэр у него спрашивает:
– Кто ты,
Мирный сон людей тревожащий,
Кто ты,
От сладкого сна людей будящий.
Ты, что хочешь взять не положивши,
Ты, подобно головешке чадящий?

Архан расправил широченные плечи
И обратился к Гэсэру с наглой речью:
– А ты думал – ребенок малый
Пришел тебя раздавить-убить?
А ты думал мальчонка слабый
Пришел тебя окрутить-удавить?

Абай Гэсэр щеки надул сердито,
Абай Гэсэр спрашивает у бандита:
– Скольких,
Кровожаднейший из чертей,
Задушил ты в колыбельках детей?
Сколько ты болезней по земле распустил,
Скольких ты людей голодом уморил?
Сколько слез ты людям еще припас?
Но сегодня, дьявол, пробьет твой час.
Ши, мощные, огромные,
Как тростинки я свертывал,
Ноги, толстые, словно бревна,
Как травинки выдергивал.
От человека родившийся,
Сверхчеловеком не станет,
На земле появившийся,
До небес не достанет.
Ребра у тебя костяные, а не железные,
Против кого, чудо-юдо, полезло ты?

После этих слов
Сердце у Архана затрепетало,
После этих слов
Печень у него задрожала,
Колени его подогнулись,
Сухожилия его натянулись.
Во всем его черном теле
Мускулы ослабели.
Но продолжал он храбриться,
Но продолжал он хвалиться:

– Когда начнем с тобой драться,
Не буду я на месте топтаться,
Не буду я мучить руки, ноги и спину,
На землю тебя не кину,
Я тебя,
Начиная с рук откусывать, изжую,
Я тебя,
Начиная с ног откусывать, проглочу.
Раскрыло чудовище пасть свою,
Каждый клык подобен копыю-мечу.
Раскрыло чудовище огромный рот,
Всю землю проглотить норовит,
Верхними клыками небо скребет,
Нижними клыками горы скоблит.

Два великих могущества сближаются,
Схватка-битва у них начинается.
Наклонили они головы, глазами косят,

Напрягли они ноги, упираясь, стоят,
Надвигаются друг на друга могуче,
Наползают друг на друга как две тучи.
Зная, что вселенная высока,
Руками свободно взмахивают,
Зная, что земля широка,
Руками свободно размахивают.
Лоб в лоб они упираются,
Руками друг за друга хватаются.
Толстые шеи друг у друга свернуть хотят,
Большие головы друг у друга оторвать норовят.
Сшибаются они, как изюбри,
Бодаются, словно зубры.
Ногами они топчут половину земли,
Воздуху они полнеба вдохнули,
Жилы они до крайности напрягли,
Сухожилия они до крайности натянули.
Там, где они упираются,
Возникают ямы глубокие.
Там, где они напрягаются,
Возникают овраги широкие.
Высокое просторное небо
До краев содрогается,
Низкая просторная земля
До глубин сотрясается.
Мясо друг у друга со спины выдирают,
Мясо друг у друга с груди выгрызают.
Красные ручьи по земле текут,
Красные горы вокруг растут.
Задевают борцы друг за друга руками,
Словно камни стучат о камни.
Из-за равной удали они не сдаются,
Из-за равной силы они не качаются.
Три дня они бьются,
Семь дней они бьются,
А схватка все не кончается.
Но Абай Гэсэр во время схватки
Сил набирается,
Но Абай Гэсэр во время схватки
Все прямее и тверже становится.
У Гэсэра во время схватки
Ловкости прибавляется,
У Гэсэра во время схватки
Движения убыстряются.
А у черного дьявола сердце затрепетало,
Тело вялым и сонным стало.
Толстая шея его вот-вот согнется,
Лохматая голова его вот-вот оторвется.
Упругая спина его ослабела,

Между ребрами у него заболело.
Гэсэр
Гнет его, как сырое дерево,
Гэсэр
Ломает его, как сухое дерево.
Сун – великое море,
Волнуется и дрожит.
Сумбэр – великая гора,
Сотрясается, дребезжит.
После этого Гэсэр Архана черного
В оборот берет.
После этого Гэсэр коварного черта
В обхват берет.
Под двумя под мышками крепко жмет,
Как камыш ломает, веревки вьет.
Поднимает вверх и о землю бьет.
О восточную тайгу брякнет,
Восточные небеса сотрясаются.
О западную тайгу брякнет,
Западные небеса содрогаются.
Заставляет Гэсэр Архана козлом кричать,
Заставляет Гэсэр Архана козой верещать.
Кидает Архана Гэсэр батор
На острые скалы, на гребни гор,
В южные горы.
Архан ногами упирается,
Северных гор
Архан головой касается.
А душа из черного тела
Навсегда улетела.

Непобедимого врага победив,
Быстрейшего из жеребят перегнав,
Переднее назад заворотив,
Неседланого жеребца оседлав,
Заднее наперед загнув,
Неломаемое сломав,
Непугаемое спугнув,
Абай Гэсэр
До звона в своей богатырской груди радуется,
Абай Гэсэр
До стона в своем богатырском сердце восторгается.
Вверх поглядит – смеется,
Вниз поглядит – улыбается.
Победителем он зовется,
Удалым прозывается.
После этого,
Три слоя почвы срыв,
После этого, три слоя земли открыв,

Архана, черного дьявола, похоронил.
И сверху тяжестью придавил.
На излучине вечного моря,
В середине степного предгорья,
Воздвигает он каменную груду,
Достигающую небесных сосков текучих,
Воздвигает он квадратную кучу.
Совершив такое деянье,
Произносит он заклинанье:

– Под тремя слоями земли разрытой
Будешь вечно лежать ты, Архан убитый.
Ты, дохлая туша, лежи и тухни,
Ты, тухлая туша, лежи и кисни,
К жизни людской не тяни ты руки,
Не мешай ты земной, человеческой жизни.
После этого
Трубку из чистого серебра он берет,
С тюленя величиной,
Кисет из черного бархата он берет,
С оленя величиной,
Копну красно-резаного табака
В трубке бережно уминает,
Кресалом, сверкающим как ледяная река,
Искры-молнии высекает,
Пушистый трут, величиной с лося,
Размахивая им раздувает,
Разгоревшуюся трубку сося,
Дым как облако выпускает.
Сидит Гэсэр – трубка в руке,
А дым от нее, как туман по реке,
Так сидит, говорят,
Так дымит, говорят,
О схватке с дьяволом вспоминает.
После этого
Возвратился он наконец
В свой серебряно-золотой дворец.
Во-первых,
Тридцать трех богатырей,
Во-вторых,
Триста воевод,
В-третьих,
Три тысячи оруженосцев
К себе зовет,
Хара-Зутана зовет четвертым,
От страха ни живого, ни мертвого.

Собирает он их всех вместе,
Говорит он им всем по чести:

– Что-то вы ленивыми стали,
Чуть Гэсэра своего не проспали.

Тридцать три богатыря,
Триста воевод,
Три тысячи оруженосцев
Великим удивлением удивились,
Великим стыдом устыдились,
Впредь, словами своими медлительными,
Обещают они быть бдительными.

– А ты, Хара-Зутан, – говорит Гэсэр,
Рановато на ноёнское место сел.
Все вооружение мое ты возьми-ка,
Все снаряжение мое собери-ка,
Все колющее собери, все острое,
Все режущее, все сверкающее,
Все черно-желтое, все пестрое,
Все разящее, все стреляющее,
Все, что было до блеска наточено,
Все, что за ночь тобой испорчено,
Отнеси хангинским семи кузнецам,
Отнеси шэнгинским семи кузнецам,
Пусть они горны свои разожгут,
Все исправят, все откуют,
Все вернешь мне в целости сам.

Хара-Зутан
Большим удивлением удивился,
Хара-Зутан
Большим стыдом устыдился.
Глаза поднять на Гэсэра не может,
Раскаянье его гложет.
Но не ушел он от суда Гэсэра Абая,
Гэсэр, когда нужный час настал.
Хорошее вспоминая, плохое не забывая,
Хара-Зутану выговаривать стал:

– Разве белые хорошие дела
Мы не вместе делали?
Разве твоя хангайская стрела
Не летала рядом с моими стрелами?
Не под одной ли крышей мы часто жили,
Крепким словом сказанным дорожили?
Будем судиться не по словам,
А будем судиться мы по делам.
Возьмем в свидетели нашего отца,
Эсэгэя-батюшку,
Мудреца и творца,

Предначертанное им возьмем за закон,
Пусть тебя судит не я, а он.
Давай обратимся к бурханам-небожителям,
Спросим у них:
«Рассудите нас и скажите,
Мирно ли мы разойтись должны,
Вместе ли мы и дальше жить должны,
Или мы сразиться с Хара-Зутаном должны,
Или мы наказать его должны?»

Хара-Зутан, от испуга серый,
Начал ползать у ног Гэсэра.
Ползает, корчится, извивается,
Стонет, плачется, извиняется,
Всячески себя умаляет,
Гэсэра всячески умоляет:

– Отныне не буду я поступать по чужим словам,
Отныне буду я себе хозяином сам,
Ты меня не вини, мой племянник и внук,
Не сумел я уйти из дьявольских рук,
Это все Архана-дьявола каверзы,
Обойти бы его надо за версту,
А я, старый идиот и дурак...
Охмурил меня старого хитрый враг,
Но теперь-то уж я примерным буду,
Твоей доброты-простоты не забуду.

Будем мы друг друга любить-уважать,
Будем мы жить да добра наживать.—
Абай Гэсэр по своей доброте
Выслушал слова покаянные те.
– Ладно, – сказал он, – прежнее за оплошность примем.
Грязное, черное за беспечность примем,
Впредь с врагами осторожными будем,
Настороженными, чуткими будем.
Чуткостью уха дальнего врага выслушивать будем,
Зоркостью глаза близкого врага высматривать будем,
Трезвостью разума
Замышляющего врага распознавать будем.
Если на кочку ногой не наступить,
Откуда муть в роднике возьметсЯ?
Если черной мысли не заронить,
Откуда черное дело возьметсЯ?
Если черного дела не совершить,
За что же боги сердиться будут?
Если по кривой тропе не ходить,
Откуда взятсЯ греху и блуду?—

Тридцать три богатыря,
Триста воевод,
Три тысячи оруженосцев
Раскрыли уши,
Правдивое слово,
Справедливое слово
Они внимательно слушают.
Разумно-ясному дружно внимают,
Торжественно-прекрасное постигают.
Но Гэсэру они высказывают,
Что надо бы Хара-Зутана наказывать,
За то, что с чертом он спутался,
В ущерб народу и родной стороне,
Привязать его крепкими путами
К толстой красной сосне,
Привязать его ремнями кожаными,
Содрать с него, изменника, кожу.
У шубы теплый воротник должен быть,
У люда старший богатырь должен быть.
Шубу мы узнаем по ее теплости,
Старшего мы узнаем по его строгости.
Ты, Гэсэр,
Белоголовому отцу Эсэгэю-батюшке помолись,
Ты, Гэсэр,
Седовласой Манули-матушке поклонись,
Пусть черные дела Хара-Зутана пред ними предстанут,
Пусть их правдивые слова мерой станут.
Но Абай Гэсэр наказывать дядю-деда не стал,
Только клятву с него при народе взял,
Чтобы вел он себя впредь не разбойно,
Чтобы вел он себя впредь достойно.
Хара-Зутан
Большим удивлением удивился,
Хара-Зутан
Большим стыдом устыдился,
Клятву дав, домой удалился.
Совершив этот суд милосердный свой,
Абай Гэсэр отправился на покой.
Прямой дорогой отправился он
К любимой жене Урмай Гохон.

Урмай Гохон
Серебряный стол накрывает,
Сладко-вкусную еду расставляет.
Урмай Гохон
Золотой стол накрывает,
Сладко-крепкое питье разливает.
Угощает его и потчует,
Угодить ему всячески хочет.

Абай Гэсэр неторопливо вкушает,
Абай Гэсэр неговорливо внушает:
– Жестокого врага победив,
Беспечности предаваться не следует.
Великого врага победив,
Хвалиться этим не следует.—
Так,
С похожей на красное солнышко,
Так,
Выпивая питье до донышка,
Говорят они,
Пока сметана на чистой воде не настоится.
Сидят они,
Пока трава на голом камне не уродится.
Однако
С наступлением вечера
Берет он Урмай Гохон за плечи
И ведет ее на постель мягкую,
Под теплое легкое одеяло,
Сейчас они вместе лягут,
Благо, что ночь настала.
Пожелаем ему сна спокойного,
Пробужденья утром достойного.
Пусть узлы он все пораспутывает,
Пусть удача ему сопутствует,
Пусть земля его будет щедрой,
Пусть судьба его будет светлой.
На родной земле, под его рукой,
Пусть вернуться к людям мир и покой.

Перевод Владимира Солоухина.

Ветвь четвёртая О победе Гэсэра над Гал-Нурман ханом

У священного желтого дерева
На каждой ветви горящие свечи,
Девять сказаний древних,
В каждом сказании сеча.
Девять ветвей у дерева,
Каждая листвою повита,
Девять сказаний древних,
В каждом сказании – битва.
В выдру, что ценней всех зверей,
Почему не пустить стрелу?
Великому роду богатырей
Почему не воздать хвалу?

На груди золотой земли,
С вечной жизненной благодатью,
На холмах Улгэн-Земли
С исполнением всех желаний,
С многотысячными табунами-стадами,
Вверх по пастбищам поднимающимися,
С бесчисленными конями-быками,
Вниз по пастбищам спускающимися,
В день три раза питающийся,
Трижды в год наслаждающийся,
Себе на благо, другим не на вред,
Жил, говорят, хан Ганга-Бурэд.
До того, как пришли обиды,
До того, как пришли напасти,
Люди там горя не видели,
Все были довольны и счастливы.
Жили под крепкими крышами,
Промышляли бобрами и выдрами,
Простор был сушью не высушен,
Народ был ветром не выветрен.
Травы зеленые переливались,
Травы тучные колыхались,
Реки в зелени извивались,
Серебром они изливались.

Но внезапно начали травы сохнуть,
А быки и лошади началидохнуть,
Реки начали от истоков мелеть,
Солнце начало от восхода тускнеть,
С неба ни дождевки не капало,

Все живое захирело, ослабло.
Распространились холод, голод и тьма,
Распространились язва, оспа, чума,
Распространились распри, слезы и кровь,
Забыли люди жалость, любовь.
Северные народы
Десятками тысяч гибнут,
Южные народы
Сотнями тысяч гибнут,
Гибнут люди ночью, гибнут и днем,
Охватило землю черным огнем.
Хан Ганга-Бурэд с несчастьями не смирился,
Но не знает, что бы все это значило,
Большим удивлением он удивился,
Большой задачей он озадачился,
Может быть, Эсэгэ-батюшка
Все эти несчастья на землю послал?
Может быть,
Повеленьем Гурмэ-Манзан матушки
Мрак на землю спустился?
Большую думу он думать стал,
Сердцем каменным он ожесточился.
В золотой бубен он бьет
Северных людей собирает,
В серебряный бубен он бьет,
Южных людей призывает.
Северные народы
Спереди бело-звездного дворца,
В поднебесьи сияющего,
Собравшись, волнуются-шумят,
Южные народы
Сзади квадратно-белого дворца,
В поднебесье светящегося,
Собравшись, волнуются-галдят,
Слепых-косых людей поводыри приводят,
Хромых-безногих людей на руках приносят.
Хан Ганга-Бурэд,
Что был народам вместо отца,
Выходит из своего дворца.
Бело-звездный дворец – на девять углов,
Двери во дворце – на девять сторон,
В квадратно-белом дворце
Девяносто девять окон.

Перламутровую хангайскую дверь
Хан величественно открывает,
Через мраморный хангайский порог,
Не обронив ни соринки с ног,
Хан медлительно переступает,

Выходит он на верхнюю ступеньку крыльца
Такой ширины, что годится
Бегать там с жеребеночком кобылице,
Перешагивает он на нижнюю ступеньку крыльца
Такой ширины,
Что пасти бы там резвые табуны.
Народы северные и южные он приветствует,
Всем собравшимся он поклоняется,
Ко всем, вокруг столпившимся тесно,
С такими словами он обращается:

– То не Эсэгэ-батюшка
Своим проклятием нас прокликает,
То не Гурмэ-Манзан матушка
Бедствия на нас насыляет.
Истоки бедствий искать мы должны
На краю Хонин-Хото восточной страны.
В стране,
Где все деревья с корнями выдернуты,
В стране,
Где все наизнанку вывернуто,
В стране холодной, в стране бесплодной,
В стране бесславной, в стране бестравной,
Где река под тремя преградами
Проскальзывает тремя водопадами,
В стране, где ветер, в стране, где тьма,
Появился дьявол Гал-Нурман.
На спине у дьявола десять тысяч глаз,
На темени у дьявола – особенный глаз.
Этот глаз округл, этот глаз велик,
Изо рта торчит единственный клык,
Две руки у дьявола – сокрушители царств,
Две ноги у дьявола – топтатели царств,
В распоряжении у дьявола – десять тысяч коварств.
Превращений в его распоряжении —
Три тысячи,
Разрушений в его распоряжении —
Тридцать три тысячи,
Жар напускает он выжигающий,
Пожар напускает он пожирающий,
Этот дьявол Гал-Нурман, чудовище и злодей,
Губит наши земли, скот и людей,
Богатая наша жизнь стала бедной,
Жирная наша жизнь стала скудной.
За что ни схватятся люди – вредно,
За что ни возьмутся люди – скучно.
Болезни, о которых никто не слышал,
Людей косят.
Болезни, о которых никто не знал,

Стада косят.
Люди плачут и голосят,
Где травы цвели, там пепел лежит,
Где деревья росли, там зола лежит.
Окутали землю туман и тьма,
Вот что наделал Гал-Нурман.
Давайте, люди, держать совет,
Как нам избавиться от этих бед...

Вверх посмотрит хан – опечалится,
Вниз посмотрит хан – затоскует,
А люди стоят в молчании,
Не избыть им беду такую.
Но тут появился маленький старичок,
Сморщенный, как сморчок,
У длинноногих людей меж ног проскользающий,
У низкорослых людей под мышкой пробегающий.
Сам он ростом в шесть четвертей,
Борода у него ключьями в семь четвертей,
Волосы у него сквозь шапку наружу проросли,
Ногти у него сквозь рукавицы наружу проросли,
Похож он был на корешок из земли.
Вышел седенький старичок-недоросточек,
Опирающийся на камышовую тросточку,
Встал старичок перед ханом суровым
И молвил верное слово:

– Слушайте вы,
Когда пить-есть зовут, вперед вылезавшие,
Слушайте вы,
Когда на суд зовут, назад убегающие,
То не Эсэгэ-Малан батюшка
Своим проклятием нас прокликает.
То не Гурмэ-Манзан матушка
Бедствия на нас насыляет.
Это Гал-Нурман,
Из шеи Атай-Улана возникший,
Черный дьявол и хан,
Себя хозяином возомнивший,
На всю вселенную обзлившийся,
На нас, добрых людей, ополчившийся,
Жаром
Все цветущее на земле иссушающий,
Пожаром
Все сущее на земле пожирающий,
Этот дьявол – причина всех наших бедствий,
Но уже народился для решительных действий
Богатырь, который нас всех спасет,
Батор, который дьяволу гибель несет.

По решению божественного совета,
Спущен он к нам, на землю эту.
Спокойствие земли возвратить спустившийся,
Порядок и счастье на земле установить спустившийся,
От пятикнижного бурхана с указанием спустившийся,
От пятидесяти пяти небесных долин с порученьем спустившийся,
Всех злых врагов победить спустившийся,
Всех добрых людей оделить спустившийся,
На помощь нам небесами дан
Абай Гэсэр хан.
Вечное море Манзан
Простым водопоем он сделал,
Великую долину Моорэн
Обыкновенным пастбищем сделал,
У истоков великой реки Хатан,
Говорят, проживает великий хан.
За тремя долинами, за тремя горами
Живет он, говорят, с тремя дядьями.
Богатырей у него —
Тридцать три,
Военачальников у него —
Триста тридцать три,
Оруженосцев у него —
Три тысячи триста тридцать три.
Вот кто дьяволу гибель несет,
Вот кто нас от бедствий спасет.—

Ганга-Бурэд хан
Старикашечку выслушал.
Ганга-Бурэд хан
На крыльцо широкое вышел.
– Горы стоят высокие,
Реки текут широкие,
Долы лежат далекие.
Где найдется такой скакун,
Где найдется такой ездок,
Чтоб в течение нескольких лун
Доскакать до Гэсэра мог?
Чтоб доставил от нас он Гэсэру весть,
Рассказал бы о нас все Гэсэру как есть? —
Старичок,
У длинноногих людей меж ног проскользающий,
Старичок,
У низкорослых людей под мышкой пробегающий,
Ростом в шесть четвертей,
С бороденкой в семь четвертей,
С волосами,
Сквозь шапку наружу проросшими,
С ногтями,

Сквозь рукавицы наружу проросшими,
Седенький старичок – недоросточек,
Опирающийся на тростниковую тросточку,
Стоит перед ханом суровым,
Говорит свое верное слово.

– От тепла бесчисленных очагов,
От дыма бесчисленнейших юрт
Пусть тысячу опытных ездоков
Умело и тщательно отберут,
Из этой тысячи на местах
Сто искусных ездоков выделите,
Из этих выделенных ста
Десять наискуснейших выберите.
Среди этих искуснейших десяти
Постарайтесь одного ездока найти,
Который через все преграды и страны
Доскачет до Абая Гэсэра хана.
Затем из бесчисленных табунов
Тысячу коней, внимательно отберите,
От тысячи отобранных скакунов
Сто наиотборнейших отделите.
Из этих ста отберите десять,
реди десяти найдется такой скакун,
Который через все долины и веси
Домчится до Гэсэра за несколько лун.

Таким-то способом
Из бесчисленнейших людей
Был отобран Зоодон-Мэргэн батор.
А из бесчисленнейших лошадей
Скакун по кличке Шодон,
Короткохвост, пятнист, неказист,
Да зато на скаку резв и скор.
Так,
В середине земли живущий,
Ганга-Бурэд хан
Зоодон-Мэргэн батора
И пятнисто-неказистого коня Шодона
В путь-дорогу дальнюю снарядил,
Всем необходимым в достатке снабдил.

– Ведь горы, – думал он, – стоят высокие,
А реки, – думал он, – текут широкие,
А доли, – думал он, – лежат далекие.—
Сто двадцать вьюков для Зоодона навыйбил хан,
Двенадцать провожатых ему он дал.
К тому же
Зоодон-Мэргэн батор

(А его батором стали звать с тех пор),
Чтобы голода не чувствовать десять лет,
Рот себе паучьим жиром намазал,
Чтобы голода не чувствовать двадцать лет,
Губы себе червячьим жиром смазал.
После этого
На пятнисто-неказистого коня садится,
В сторону поющего жаворонка коня поворачивает,
Повод ослабит —
Конь как молния мчится,
Конь рысцой трусит,
Когда повод он укорачивает.
Чуть направо коня повернул он,
Тридцать три долины под конем промелькнуло.
Чуть налево он коня направляет,
Тридцать три горы под конем пролетает.
Жаворонок вьется – начало лета.
Едет Зоодой, легко одетый,
Шелковый халат он распахивает,
Шелковой плеточкой он помахивает.
Сорока стрекочет – зима кончается.
В лисьей шапке Зоодон в седле качается.
Тридцатилетний путь он
За три года проскакивает.
Трехлетний путь он
За три месяца проскакивает.
Трехмесячный путь он
До трех дней укрощает.
Трехдневный путь он
До трех часов сокращает.
Едет месяцы он, едет недели,
Приближается к дальней цели.
Коня он кормит травами лишь росистыми,
Коня он поит водами самыми чистыми.
Коня он кормит травами, лишь верхушками,
Коня он поит родниками самыми лучшими.
А сто двадцать навьюченных лошадей
И двенадцать сопровождающих людей
Всех он назад домой отправил,
Никого себе в помощники не оставил.
Доскакал он до вечного моря Манзан,
Доскакал он до великой долины Моорэн,
Доскакал он до желтой реки Хатан,
Доскакал он до голой сопки, где песок до колен.
Поднялся гонец на вершину сопки,
Перед глазами поднебесно высокий
Тот дворец, которого он искал,
Звездной россыпью засверкал,
Лунно-солнечно засиял,

Глубиной своей зазиял.
На скалистую землю Улгэн
Дворец основанием своим опирается.
Небесно-воздушных сфер
Дворец верхами своими касается.
Если сверху вниз на него посмотреть,
Словно звезды в небе мерцают.
Если снизу вверх на него посмотреть,
Словно кометы летят-мелькают.
Выбранный от дыма бесчисленных очагов,
Избранный из тысячи опытных ездоков,
Зоодон-Мэргэн сияющий дворец созерцает.
Молодой гонец с Шодона-коня слезает.
Седло и потник с коня снимает,
Из расшито-шелкового потника пыль выбивает.
Серо-красный костер,
Дымно-яркий костер
На вершине горы разжигает,
На колени становится,
Руки к дворцу простер,
Голову в молитве склоняет.
В это время проснулся Абай Гэсэр,
Вышел из дворца, вокруг посмотрел.
Юную землю свою он трижды насквозь проглядывает,
Молодые просторы свои он трижды вокруг оглядывает.
И видит, что у великого моря Манзан,
В начале великой долины Мооргэн,
Около желтой реки Хатан,
На голой сопке, где песок до колен,
Словно там на сопке огонек горит,
Словно около огонька человек стоит.
Разжег человек серо-красный костер,
На колени встал, руки простер.
То распрямляется человек, то складывается,
Он дворцу постоянно кланяется.
В полуночную эту пору
Кричит Абай Гэсэр
Буйдан-Улаан батору:
– Вставай, – кричит, – перестань храпеть,
Что это за огонек там может гореть?
Кто это у великого моря Манзан,
В начале великой долины Мэргэн,
Около желтой реки Хатан,
На голой сопке, где песок до колен,
Кто это там развел костер,
Кто это руки к нам простер.
Кто это там то распрямляется, то сгибается,
Кто-это нам до земли поклоняется?
Ты коня из конюшни выведи,

Ты намерения человека выведай.
Если человек тот плохой и злой,
Отруби ему голову с плеч долой.
Голову к его же седлу приторочь,
Хлестни коня, прогони его прочь,
Пусть он скачет назад, к себе домой,
Так поступи, если человек тот злой.
Если же пришел он с намерениями добрыми
И окажется он хорошим воином,
Расспроси его обо всем подробно
И приветствуй его достойно.
В его же седле, на его же коне
Приведи ты гостя ко мне.—
Буйдан-Мэргэн батор
Без промедленья взялся за дело.
Собрался он скоро,
Приготовился он умело,
Серебром отделанный панцирь свой
На грудь и плечи он надевает,
Серебром блистающий шлем боевой
На лоб надвигает.
Коня, скребущего землю ногой,
Из конюшни выводит и седлат,
В серебряные стремяна ноги вдел,
В серебряное седло плотно сел.
Скачет он к верховьям долины Мэргэн,
Скачет он к изгибам реки Хатан,
Скачет он туда, куда повелел
Абай Гэсэр божественный хан.
Подъезжает он к вершине песчаной горы,
Где маленький огонек в темноте горит.
А Зоодон-Мэргэн, молящийся возле костра,
Услышал тонкий приближающийся свист,
Думал, что выпущена в него стрела,
Упал в испуге лицом он вниз,
Руками голову загородив,
Лежит неподвижно ни мертв, ни жив.
Буйдан-Мэргэн батор
К человеку лежащему приближается,
Не видевший подобного до сих пор,
Удивленьем великим удивляется.
— Ты, валяющийся около подошвы моей,
Ты, обретающийся около пятки моей,
Чей ты сын? Откуда ты взялся?
На вершине горы ты зачем оказался?—
Чтобы в чувство привести и вернуть дар речи,
Соболиным рукавом по щекам его хлещет.
Поднимает с земли его с чувством добрым,
Внимает рассказу его подробному.

– На груди золотой земли
С вечной жизненной благодатью,
На холмах Улгэн-земли
С исполнением всех желаний,
С многотысячными табунами-стадами
Вверх по пастбищам поднимающимися,
С бесчисленными конями-быками
Вниз по пастбищам спускающимися,
В день три раза питающийся,
Трижды в год наслаждающийся,
Себе на благо, другим не во вред,
Живет наш хан Ганга-Бурэд.
До того, как пришли обиды,
До того, как пришли напасти,
Люди там горя не видели,
Все были довольны и счастливы.
Жили мы под крепкими крышами,
Промышляли бобрами и выдрами,
Простор был сушью не высушен.
Народ был ветром не выветрен.
Но внезапно травы начали сохнуть,
А быки и лошади сталидохнуть.
Реки начали от истоков мелеть,
Солнце начало от восхода тускнеть.
С неба ни дождевки не капало,
Все живое захирело, ослабло.
Распространились холод, голод и тьма,
Распространились язва, оспа, чума,
Распространились распри, слезы и кровь,
Забыли люди жалость, любовь.
Истоки бедствий мы обнаружили,
Пришли они к нам снаружи,
Из страны,
Где все деревья с корнем повыдернуты,
Из страны,
Где все наизнанку вывернуто,
Из страны холодной, страны голодной,
Из страны бестравной, страны бесправной,
Где река под тремя преградами
Проскальзывает тремя водопадами.
В той стране, где ветер, в стране, где тьма,
Появился дьявол Гал-Нурман.
На спине у дьявола десять тысяч глаз,
На темени у дьявола – особенный глаз.
Этот глаз округл, этот глаз велик,
Изо рта торчит единственный клык.
Жар напускает дьявол выжигающий,
Пожар напускает дьявол пожирающий.

Северные народы
Десятками тысяч гибнут.
Южные народы
Сотнями тысяч гибнут.
Болезни и людей и скот косят,
Люди плачут и голосят.
Послан я,
Выбранный от дыма бесчисленных очагов,
Послан я,
Избранный из тысячи ездоков,
Послан я
От народа бедного, многоликого,
Послан я
К Абаю Гэсэру хану великому,
Рассказать ему о народных бедствиях,
Умолять его об ответных действиях.
Чтобы нас, людей, ставших хилыми,
Чтобы нас, людей, ставших дряблыми,
Он избавил от злобного, хитрого,
От жестокого, черного дьявола.
Буйдан-Улаан батор Зоодон-Мэргэна выслушал,
Терпеливо молчавший до сих пор,
Ему слово приветное высказал: —
Пока годы-лета еще длинные,
Многочисленны пока дни и ночи,
Разомнем в борьбе руки сильные,
Разогнем в войне спины мощные.
Погаси костер красно-серый,
Мы поедem с тобой к Гэсэру.—

Он в седельце его сажает,
Во дворец его приглашает.
Выбранный
От дыма бесчисленных очагов,
Избранный
Из тысячи опытных ездоков,
Посланный
От народа бедного, многоликого,
Подъезжает Зоодон-Мэргэн ко дворцу великому.
В золотые сверкающие ворота он въезжает,
С коня неказисто-пятнистого он слезает.
Привязывает Шадона к серебряно-бисерной коновязи,
Действует он достойно и без боязни.
Коня своего Шадона расседлывает,
Шелковый потник отряхнув, на земле расстеливает.
На расстеленный потник на колено встает
Молиться начинает, поклоны кладет.
В это время
Буйдан-Улаан батор

К Абаю Гэсэру в покои вошел.
Тридцать три батора
Длинный ковер расстилают,
Тридцать три батора
Зоодона-Мэргэна приглашают-встречают.
Зоодон-Мэргэн по ковру неторопливо идет,
Тридцать трем баторам руку для приветствия подает.
В рукопожатии добром и честном
Руки они крепко соединяют,
Словами красивыми, интересными
Разговор начинают.
Угощенья и вина гостю подносят,
В белый дом зайти просят.
Белую овцу для гостя закалывают,
Угощенья и вина навстречу выносят.
В черный дом зайти просят,
Черную овцу для гостя закалывают.

Абай Гэсэр в это время
С важностью восседает,
Имеющей власть красивой рукой
Праmaterинскую книгу листает.
Листает он ее при свете луны,
Все букочки в книге ему видны.
Абай Гэсэр в это время
Торжественно восседает,
Имеющей силу белой рукой
Праотцовскую книгу листает.
Листает он ее при солнечном свете,
Каждая букочка на примете.
А тридцати трем баторам могучим
От приезда Зоодон-Мэргэна радостно,
Жить без схваток им скучно,
Жить без битвы им тягостно.

– Пока годы-лета еще длинные,
Многочисленны пока дни и ночи,
Разомнем, – говорят, – руки сильные,
Разогнем, – говорят, – спины мощные.—
Они гостя, помощи чающего,
Всячески ободряют
И к Гэсэру, книгу листающему,
Поскорее впускают.
Выбранный
От дыма бесчисленных очагов,
Избранный
Из тысячи опытных ездоков,
Посланный
От народа бедного, многоликого,

Подошел гонец к Гэсэру великому.
От Ганга-Бурэд хана
Узелки он с дарами развязывает,
Что народу бедному надо,
Он подробно Гэсэру рассказывает,
Гэсэра заступником и защитником называет,
При этом кланяться не забывает.

Абай Гэсэр хан,
С важностью восседающий,
Великий божественный хан,
Прародительскую книгу листающий,
– Да, – говорит, – знаю я вас,
Живущих в середине земли,
И Ганга-Бурдэ хана
И весь подвластный хану народ,
Мой отец, досточтимейший Хан Хурмас,
Под свое покровительство вас берет.

Услышав это, Зоодон-Мэргэн
Уж радоваться начинает,
Но Абай Гэсэр говорить продолжает:
– Да, покровительствует вашему хану
Мой великий отец Хан Хурмас.
Но избавить вас от Гал-Нурмана
Не настал еще час.
Буду я биться с черным дьяволом
Через девять лет,
А пока руки мои еще слабы,
Сил для этого и половины нет.
Преодолеть мне пока не удастся
Все, чем обладает мохнатая голова:
Две тысячи двадцать два коварства,
Три тысячи тридцать три волшебства.
Сила двух его рук
Восьми поднебесным силам равна.
Сила двух его ног
Восьми преисподним силам равна,
С шестьюдесятью шестью баторами,
С шестьюстами военачальниками,
С шестью тысячами оруженосцами
Раньше времени он непобедим,
Раньше срока – непоборим.

Гал-Нурман был уже в облике мужа,
А я сидел в пеленках и в луже,
Он уже воюет и скачет,
А я еще сопливый и плачу.
Конь его —

Хоть небожителям подавай великим,
А мой Бэлыгэн жеребеночком взбрыкивает,
Раньше чем через девять лет
Сразиться с ним возможности нет.
Преодолеть мне пока не удастся
Все, чем обладает мохнатая голова:
Две тысячи двадцать два коварства,
Три тысячи тридцать три волшебства.
А ты возвращайся к воде,
Которой в детстве напился,
А ты отправляйся к земле,
Где на свет появился.
Полосатый детеныш-тигренок
Без матери сиротеет,
Человек, хоть батор, хоть ребенок,
Без родины обеднеет.

Золотые столы накрыли,
Вкусные яства расставили,
Серебряные столы накрыли,
Крепкие напитки расставили,
Арзу и хорзу подносят,
Всего попробовать просят.
Выбранного и присланного от народа
Царственно угощают,
Прощаются с ним у порога,
Благополучной дороги желают.

Но как только вышел Зоодон из дворца,
Окружили его тридцать три батора-бойца. —
Отправляешься ты, как мы видим, в дорогу,
Но обещал ли Абай Гэсэр подмогу?

Отвечает Зоодай простосердечно:
– Что же, время ведь быстротечно.
Девять лет мы еще победствуем,
Девять лет мы еще помучаемся,
Не пришло еще время действовать
Абаю Гэсэру могучему.
Преодолеть ему пока не удастся
Все, чем обладает мохнатая голова:
Две тысячи двадцать два коварства,
Три тысячи тридцать три волшебства.

Баторы, когда все это услышали,
Из себя от волнения вышли.
Сердца их затрепетали,
Мышцы их задрожали.
Суровые тела их напряжились,

Натянулись их сухожилия.
– Как же так? Божественный Хан Хурмас
Под своим покровительством держит вас,
Как же после этого вам не помочь?
Зачем же воду в ступе толочь?
Это очень нам не привычно,
Иди-ка ты к Гэсэру вторично.

Послушался Зоодан и к Гэсэру пошел,
Но нового во дворце ничего не нашел.
Тогда баторы – к молодцу молодец —
Сами толпой ворвались во дворец,
Перед Абаем Гэсэром они предстали,
Упрекать великого предводителя стали: —
Пока годы-лета еще длинные,
Многочисленны пока дни и ночи,
Разомнем, – говорят, – руки сильные,
Разогнем, – говорят, – спины мощные.
Уж давно не дрались мы с дьяволом,
Уж давно не дрались мы с хитрым,
Наши мускулы стали дряблыми,
Сухожилия стали хилыми,
Все мечи у нас заржавели,
От безделия мы отупели.
Наши луки уже не гнутся,
Наши стрелы в цель не впиваются,
Наши кони мирно пасутся,
По зеленой траве катаются.
А ведь мы еще все не слабы,
Мы ведь воины, а не бабы.

Тут Абай Гэсэр глянул грозно,
Словно молния заблестала,
Задрожал во вселенной воздух,
Закачались дальние скалы,
Тридцать трех баторов от ханского стула
В широкие двери как ветром сдуло.
После этого,
Буйдан-Улаан батор,
Что Зоодон-гонца во дворец привел,
Что его на горе, там, выслушал,
Из дворца рассерженным вышел:
Он коня оседлал,
Он в дорогу собрался,
В дальний путь поскакал,
В Саганты оказался.
Там, где жил-поживал
Имеющий слово-слового коня,
Имеющий бело-облачные дороги,

Имеющий бело-светлые мысли,
Имеющий белую книгу законов,
Имеющий бело-ясные желанья,
Всем доволен, удовлетворен
Дядя Гэсэра Саргал-Ноен.

Дорогой длинною утомленный,
Сказал Буйдан Саргалу-Ноену:
– Если Абай Гэсэр
Гал-Нурману руки ремнем не свяжет,
Гал-Нурману ноги ремнем не свяжет,
К седлу его не привьючит,
Уму-разуму не научит,
Вниз лицом на землю его не свалит,
Вниз затылком на камни его не свалит,
Гору на него не взгромоздит,
Кости его черные не раздробит,
Сами будем сражаться с дьяволом,
Сами будем сражаться с хитрым,
Или мы такие уж слабые,
Или мы такие уж хилые?
Богатырский род не ославим,
Бедный люд в беде не оставим.
Если ж дьяволу поддадимся,
Никуда, значит, мы не годимся.

Саргал-Ноен не промедлил ни дня,
Слоново-солового оседлал коня.
Он коня на бело-облачную дорогу выводит,
Конь копытами бьет, несется,
Море белое ходуном ходит,
Реки плещутся, земля трясется,
Скачет Саргал-Ноен по важному делу,
К золотому дворцу Абая Гэсэра.
В золотые, сверкающие ворота он въезжает,
Со слоново-солового коня он слезает.
Привязывает он коня к серебряно-бисерной коновязи,
Делает он все достойно и без боязни.
Абай Гэсэр
Посещением дяди чрезвычайно польщен,
Ради такого почтеннейшего лица
Десять золотых свечей зажигает он,
Десять серебряных свечей зажигает,
Дядю своего гостеприимно встречает.
Он навстречу Саргал-Ноену идет,
Руку для приветствия подает.
Друг на друга любовно глядя,
Обнялись они, племянник и дядя.
Абай Гэсэр угощенья гостю подносит,

В белый дом зайти его просит.
Белую овцу для гостя закалывает.
Абай Гэсэр напитки гостю подносит,
В черный дом зайти его просит.
Черную овцу для гостя закалывает.
Золотой стол накрывают,
Вкусную пищу на него ставят.

– Гей вы, – крикнул Гэсэр, – э, гей!
Для похода готовь коней!
С Гал-Нурманом мы биться будем,
Чтобы счастье вернулось к людям.
Все оборванное пришейте,
Все разохшееся прибейте,
Все развязанное свяжите,
Все раскрученное скрутите,
Все ослабшее укрепите,
Затупившееся заострите.
Припасите все, что понадобится.—
Тридцать три богатыря,
Триста военачальников,
Три тысячи оруженосцев
Слушают, радуются.
Стоящие о том, что стоят, забыли.
Сидящие о том, что сидят, забыли.
Так сражаться они любили.
Приказанье Гэсэр словно выстрелил:
«Через трое суток чтобы выступить!»
Отложил он всю заботу домашнюю,
Стал готовиться он на битву страшную.

Приказал Гэсэр первым делом
С гладкой шерстью и крепким телом,
С ногами тонкими, с костями звонкими,
С сухожилиями упругими, с копытами круглыми,
Привести гнедого, под цвет огня,
Бэльтэнэ – любимейшего коня.
Потник шелковый по спине коня Гэсэр расстиляет,
Седлом из якутского серебра коня седлает.
Складчато-серебряный надхвостник,
Чтобы седло вперед не сползало,
Через круп перебрасывает,
Пластинчато-серебряный надгрудник,
Чтобы седло назад не сползало,
Через грудь перетягивает,
Десятирешковую подпругу застегивает,
Двадцатипряжковую подпругу прилаживает,
По крупу коня похлопывает,
По крутой шее коня поглаживает.

Красный повод к луке седла привязывает,
Красное кнутовище за подушку седла затыкает,
Так коня он в путь собирает.
Мнется красный конь, серебром рябя...
Теперь остается приготовить себя.

Прежде всего
Своим тридцати трем баторам
Для своих богатырских рук
Приказал приготовить боевой свой лук.
– Мой лук, – говорит, – возьмите,
Семидесятью быками, на семидесяти пнях согните,
Тетиву на него натяните.—
Семьдесят быков богатыри запрягли,
На семидесяти пнях лук согнуть.
На семидесяти пнях тетиву натянуть
Не смогли.
Семьдесят пней,
На которых они лук сгибали,
С корнями из земли повылетали.
Трудились богатыри отчаянно,
Несут они лук хозяину.
Гэсэр на колени лук положил,
Двумя пальцами тетиву защемил,
Легко свой несгибаемый лук согнул,
Легко ненатягиваемую тетиву натянул.
Второй конец тетивы как следует привязал.
После этого так, – говорят, – сказал:
– Если летом им пользоваться,
Очень хороший лук.
Если зимой им пользоваться,
Незаменимый лук.
В любое время им пользоваться,
Мой верный лук.
После этого
Сшитые из восьмидесяти лосиных кож
Плотно-черные штаны
Он натягивает.
Сшитые из восьмидесяти оленьих кож
Облегающие унты
Ступнями растягивает,
Ярко-шелковую накидку
На плечи накидывает.
Семьдесят медных пуговиц и крючков
Силой пальцев своих застегивает,
Серебряно-золотой, витой кушак
Вокруг себя опоясывает.
Его оставшиеся концы
Аккуратно с боков запихивает,

И оделся Гэсэр и обулся,
Перед зеркалом так и сяк повернулся.
Повернулся так и сяк, огляделся,
Хорошо ли он обулся-оделся.

После этого
Под семидневным непрерывным дождем
Ни разу еще не промокшие,
В семидесяти разных битвах-боях
Ни разу еще не пробитые,
Величиной с квадратное поле,
Угольно-черные доспехи
На спине у себя закрепляет,
Семидесятью стрелами
не пробитые,
Величиной с округлое поле,
Железно-черные доспехи
На груди у себя укрепляет.

После этого
Серебряный, длинный,
Величиной с речную долину,
Боевой колчан на левый бок прицепил.

После этого
Девяносто пять стрел
За плечами у себя веером укрепил,
Так что в холод от них теплее будет,
А в жару от них тенистее будет.
В руки взял он кремнево-сапфировый щит,
Словно солнце сверкает, как гора стоит,
Как гора стоит, как дуб шелестит.
Похожую на копну травы,
Соболиную шапочку на себя надевает,
Похожую на пучок травы,
Кисточку на шапочке поправляет.

После этого,
Чтобы голода не чувствовать десять лет,
Рот себе паучьим жиром намазал.

После этого,
Чтобы голода не чувствовать двадцать лет,
Губы себе червячьим жиром смазал.

После этого
Величественным движеньем,
Открывая перламутровую хангайскую дверь,
На улицу он выходит теперь,
Неторопливыми движениями,
Не уронив ни пылинки с ног,
Переступает мраморный хангайский порог.
Медленными движениями, без суеты,
По ступенькам серебряным с высоты,

Ни разу на лестнице не оступясь,
Идет он туда,
Где с восьмидесятивосьмью украшениями,
С восьмидесятивосьмью драгоценными вкраплениями
Стоит серебряно-золотая коновязь.
К коновязи он идет с серебряного крыльца,
Красный повод отвязывает от серебряного кольца.
Ноги свои в серебряные стремена он вдел,
В седло из якутского серебра он плотно сел.
Тридцать три богатыря вслед за ним идут,
Все своих коней боевых берут.

После этого,
От золотой коновязи по кругу,
Цепочкой следуя друг за другом,
Слева направо как солнце плавает,
Поехали богатыри за победой, за славой.
Земля вокруг не истоптана, не изрыта,
Идут их кони копыто в копыто,
Идут их кони следок в следок,
Постепенно поворачивая на восток.
Три дня они едут
По своей земле, по ханской дороге,
Четыре дня они едут
По лесной земле, по общей дороге.
Дальше едут, дорог не зная,
Дальше лежит земля чужая.

Доезжают они
До серебристо-серебряной горной гряды,
Где человеческая нога никогда не ступала,
Останавливаются они
У черно-черной родниковой воды,
Из которой скотина никогда не пивала.
Рассаживаются они в кружок на отдых,
Вдыхают они чужеземельный воздух,
Трубки раскуривают, дымят,
О предстоящих подвигах говорят.
Когда они
Так неторопливо сидели и трубки курили,
Когда они
Так неторопливо о предстоящих подвигах говорили,
Коза Гуран и маленькие косули
Перед ними вдалеке промелькнули.
Абай Гэсэр хан встрепенулся вдруг,
В мгновенье ока схватил свой лук,
А козу и косулю стрела поразила,
И ту и другую насквозь пронзила.
– Если бы, – сказал баторам Гэсэр,—

Я их мимо глаз пропустил,
Если бы, – объяснил баторам Гэсэр,—
Я своевременно стрелу не пустил,
Пришлось бы нам возвращаться домой назад,—
Так Абай Гэсэр сказал, говорят.

Баторы кожу с животных сняли,
Как полагается, туши освеживали,
На костре изжарили и сварили,
Нежного мяса они поели,
Еще немного поговорили
И вскоре дружно все захрапели,
Чтобы утром, проснувшись как можно раньше,
В предназначенный путь отправиться дальше.

* * *

В это самое время,
Живущий в долине Сагаанты,
Имеющий слоново-солового коня,
Имеющий бело-облачные дороги,
Имеющий бело-светлые мысли,
Имеющий белую книгу законов,
Имеющий бело-ясные желанья,
Всем доволен, удовлетворен,
Дядя Гэсэра Саргал-Ноен
Забеспокоился под своей безопасной крышей,
Встревожился среди полночи, задумался среди дня,
Что-то дыханья внука Гэсэра нигде не слышно,
Что-то ржанья его гнедого коня,
Его Бэлыгэна нигде не слышно.
Как бы худого чего не вышло.
Забеспокоился Саргал-Ноен и без лишнего слова
Садится на своего слоново-солового.
Дорогу к Гэсэру он доподлинно знает,
В мгновение ока во дворец прибывает.
Встречает его Алма – Гэсэра жена,
С почтеньем выслушивает Саргала она.

– Забеспокоился, – говорит Саргал,—
Я под своей домашней крышей,
Встревожился я в полночь и средь белого дня,
Что-то дыханья Гэсэра нигде не слышно,
Что-то не слышно ржанья его коня.
Приехал узнать я из первых рук,
Где сейчас Гэсэр, мой племянник и внук.

Алма-Мэргэн подняла на Саргала глаза:
– Уехал Гэсэр, а куда, не сказал,
Может быть, поехал он на охоту,
Или куда душа его захотела.
Не женская это забота,
Не женское это дело.—
Садится Саргал-Ноем на слоново-солового коня,
Круг объезжает протяженностью в два дня.
То заря восток разукрашивает,
То приходит тьма, как положено.
Всех расспрашивает Саргал, переспрашивает,
След Гэсэра найти не может.
Во второй раз садится Саргал на коня,
Круг объезжает протяженностью в четыре дня.
Небеса то звездами разукрашены,
То рассвет настает, как положено.
Всех расспрашивает Саргал, переспрашивает,
След Гэсэра найти не может.
По степной земле, по ханской дороге
Три дня он едет,
По лесной земле, по общей дороге
Шесть дней он едет.
Останавливается, дороги не зная,
Дальше лежит земля чужая.

Тут увидел он след копыта,
Вся земля глубоко изрыта.
Там, где были холмы и горы,
Оказались ямы и доли,
Где бугор был, там, смотришь, впадина,
Возгорелось тут сердце дядино.
За правую сторону повода он потянул,
По правому боку плеткой коня он стегнул,
Взвился конь на дыбы, полетел как птица,
Красная пыль за конем клубится.
Мчится конь, над землей расстилается,
Желтая пыль за конем поднимается.
От красной пыли на земле темно стало,
Желтая пыль небо запеленала.

Между тем,
Абай Гэсэр на гнедом коне
Остановился и баторам своим говорит:
– Это слышится мне или чудится мне,
За спиной у нас – стук копыт.
Вы не слышите разве сзади —
Шумно дышит Саргал – мой дядя?
Все назад вы оборотитесь
И в туманную даль взглянитесь.

Все что видно в дали туманной,
Доложите мне без обмана.—
Поглядели баторы назад
И Гэсэру так говорят:
– Конь слоново-соловьи мчится,
Красно-желтая пыль клубится,
Небеса она застилает,
Нас Саргал-Ноен настигает.
Абай Гэсэр тотчас спешился,
У Гэсэра на сердце весело.
Из-под широкой ладони глядя,
С нетерпением ждет он дядю.
Вот догнал Саргал-Ноен внука,
Подает ему свою руку,
Его ласково обнимает,
На словах же горько пеняет:
– Вот что значит молодо-зелено,
Разве так заветами велено?
Уходя в пределы чужой земли,
Почему вы меня, старика, обошли?
Почему вы мне ничего не сказали,
Почему вы меня с собой не взяли?
Отвечает Гэсэр:
– Не ругай ты нас,
Мы идем выполнять твой же наказ.
В начале Хонин-Хото – восточной страны,
Мы источник бедствий найти должны.
В стране,
Где деревья с корнями выдернуты,
В стране,
Где все наизнанку вывернуто,
В стране холодной, в стране бесплодной,
В стране бестравной, в стране бесславной,
Где река под тремя преградами
Проскальзывает тремя водопадами,
В стране, где ветер, в стране, где тьма
Появился дьявол Гал-Нурман.
На спине у дьявола десять тысяч глаз,
На темени у дьявола – особенный глаз.
Этот глаз округл, этот глаз велик,
Изо рта торчит особенный клык.
Жар напускает он иссушающий,
Пожар напускает он пожирающий,
Болезни людей и скот косят,
Люди плачут и голосят.
Северные народы
Десятками тысяч гибнут.
Южные народы
Сотнями тысяч гибнут.

Должны мы людей защитить-спасти,
Чтоб могли они мирно свой скот пасти,
Чтоб могли они опять веселиться,
Чтоб смогли они опять расплодиться,
Корней дьявольских не бояться,
Красотой земли наслаждаться.
– Это правильно вы все делаете,—
Говорит Гэсэру Саргал-Ноен,—
Но почему же дядя с думами белыми
Оказался тобой стороной обойден?
– А затем я тебя не взял с собой,
А затем ты сейчас же вернись домой,
Что должен кто-то и дома жить,
Что должен дома порядок быть.
Вдруг болезни на людей или скот нападут,
Вдруг другие напасти нас найдут,
Вдруг враги подойдут, войной грозя,
На Хара-Зотана положиться нельзя.
Нет, должен кто-то за домом смотреть,
Должен огонь в очагах гореть,
К тому я веду всю эту речь,
Что должен ты вернуться, чтоб дом беречь.
А чтоб знал ты, где я и что я делаю,
Отдаю я тебе рубашку нательную,
Рубашку шелковую, рубашку белую,
Не снимай ее и в постели ты.
Если буду я стрелой поражен,
Если буду я врагом побежден,
Рубашка белая эта тотчас
Почернеет вся, превратится в ключья.
Если же буду я врага побеждать,
То не надо ее ни мыть, ни стирать.
Если я врага в бою одолею,
Станет она еще белее.

Саргал-Ноен
Рубашку надел через голову,
Саргал-Ноен
Напутственное слово промолвил:
– Всех врагов побеждай,
Дьявола сокруши,
Задуманное осуществляй,
Начатое заверши.—
Такие слова на прощанье сказал,
Возвращаясь домой Ноен-Саргал.
После этого
Абай Гэсэр с тридцатью тремя баторами
Дальше поехал во враждебную сторону.
В бездорожных местах дорогу торя,

Холмы превращая в низины, а горы в ямы.
Едут с Гэсэром тридцать три богатыря,
Никуда не сворачивая, едут прямо.
И хотя просторы земли широки,
И нисколько они не сужаются,
И хотя дороги-пути далеки,
Все же к цели воины приближаются.
Когда пестрая сорока над лесом стрекочет,
Зимние месяцы обозначает,
Абай Гэсэр остановиться не хочет,
Лисью шапку на голову надевает.
Когда золотой соловей над озером заливаётся,
Летние месяцы обозначает,
Абай Гэсэр по-летнему одевается,
Халат расстегивает, грудь открывает.

Рыся – рысит,
Несясь – несется,
Грозь – грозит,
Смеясь – смеется.

Так достигли они страны,
Где деревья все с корнями выдернуты,
Достигли они стороны,
Где все наизнанку вывернуто,
Хонин-Хото там страна была.
Пустынна и безводна лежала она,
Постоянно там было ветрено,
А травы никакой там не было.
Проскальзывая под тремя преградами,
Текла там река с тремя водопадами,
В той стране, где холод, в стране, где тьма,
Обитает дьявол Гал-Нурман.

Достигнув этой страны печальной,
Земли окраинной, изначальной,
Абай Гэсэр и его баторы
Поднялись на большую двуглавую гору.
Поглядели они оттуда во все концы
И видят Гала-Нурмана зданья-дворцы.
Горы издали кажутся кочками,
Зданья издали кажутся точками.
Поглядели они с горы вперед и назад,
Владенья дьявола лежат как на блюде.
Стада внизу муравьями кишат,
Люди внизу комарами толкуются.
Стада и люди – тайги черней.
Спрашивает Гэсэр у своих богатырей:
– Друзья, баторы, смотрите, вот

Пришли мы в землю, где дьявол живет.
Никому еще он не позволил через эту землю пройти,
Никому не позволил и ползком проползти,
Никому не позволил на коне перескакнуть,
Никому не позволил мышью прошмыгнуть.
Как же теперь нам, баторы, быть,
Как же нам дверь войны открыть?
Что нам в начале войны сказать,
Как нам начало с концом связать? —

Стоят баторы, переминаются,
Посоветовать ничего не решаются.
Тогда
Абай Гэсэр слово берет
И такой приказ отдает:
– Начнем с начала, а не с конца.
Пускай отправятся два бойца.
Чтобы они табун лошадей отбили,
Двум табунщикам головы прострелили,
Простреленных табунщиков к лошадям привьючили
И отправили к Гал-Нурману могучему.
А сам табун пусть пригонят сюда,
Хорошая будет для нас еда.

Посланные баторы —
Буйдан-Улаан батор да
Эржэн-Шумаан батор —
Словно камни брошенные прошуршали,
В одно мгновение из глаз пропали,
Табун лошадей они отбили,
Двум табунщикам головы прострелили.
Приторочили их к лошадям, подняв с земли,
Но оставили им голос, чтобы говорить могли,
С притороченными к седлам ножами
Побежали к ханскому дому лошади.
А табун лошадей угнали в горы,
Где остались в ожиданье другие баторы,
Вокруг костра все баторы сели,
Очень славно они поели.

Между тем,
С простреленными табунщиками
Лошади, на свободу отпущенные,
Прибежали к ханскому дворцу без боязни
И остановились около коновязи.

Гал-Нурман, из дворца роскошного выйдя,
Простреленных табунщиков тотчас увидел,
Задыхаясь от обиды и гнева,

Закричал он направо, закричал он налево:
– Кто прострелил их, имя мое черня?
Кто осмелился выйти против меня?—
Прибежали к нему два батора-сторожа.
Спросил он у них еще строже:

– Кто осмелился имя мое чернить,
Моим табунщикам головы прострелить? —
Сторожа ему все рассказали,
Как узлы на веревке развязали:

– Два батора табун лошадей отбили,
Двум табунщикам головы прострелили.
Гикнув:
– Пусть попробуют нас догнать! —
Крикнув:
– Пусть попробуют лошадей отнять! —
Угнали табун на двуглавую гору,
Но не знаем, откуда взялись баторы.

Гал-Нурман повесить сторожей приказал,
Во дворец пошел, прародительскую книгу взял.
Имеющей власть правой рукой
Праматеринскую книгу листает,
Имеющей силу левой рукой
Праотцовскую книгу листает.
Листает он ее при свете луны,
Все букочки в книге ему видны.
Листает он ее при солнечном свете,
Каждая букочка на примете.
Пальцем он по книжным страницам водит,
Нехорошие известия в книге находит:
«На землю пятидесяти пяти небесных долин
Абай Гэсэр хан спустился,
С указанием из пяти священнейших книг
Он спустился,
Превратить вечность в единый миг
Он спустился,
С заданием благополучие возвратить
Он спустился,
С заданьем порядок восстановить
Он спустился,
С желанием веселие возродить
Он спустился,
С мечтаньем всю нечисть истребить
Он спустился,
С надеждой успокоить людей земных
Он спустился,
С решеньем счастливыми сделать их

Он спустился,
С мудростью для семидесяти мудрецов
Он спустился,
С основой для семидесяти языков
Он спустился.
И что теперь этот хан
И с ним тридцать три батора
Прибыли на двуглавую гору».

После этого
Гал-Нурман книгу продолжает листать,
Пальцем по строчкам вода, продолжает читать,
То, что ему нужно, продолжает искать.
Книга тайную тайну ему открыла:
Сравнение силы его и Гэсэра силы.

Оказывается,
Сила двух рук Гэсэра
Четырем поднебесным силам равна,
Сила двух ног Гэсэра
Четырем преисподним силам равна,
Сила груди Гэсэра
Четырем наземным силам равна,
Число его превращений – двести,
Число его волшебств сто и два...
Радуетя Гал-Нурман такой вести,
Ликует мохнатая голова.
Потому что
Сила двух его рук
Восьми поднебесным силам равна,
Сила двух его ног
Восьми преисподним силам равна,
Сила его груди
Восьми наземным силам равна,
А число его превращений – две тысячи,
А число его волшебств
Три тысячи триста тридцать три...

– Ну, – грозитя он Гэсэру, – смотри!
Он, Гал-Нурман,
Был уж в облике мужа,
А Гэсэр сидел еще в пеленках и в луже.
Он, Гал-Нурман,
Уже воюет и скачет,
А Гэсэр еще сопливый и плачет.
Конь Гал-Нурмана,
Хоть небожителям подавай великим.
А Бэлыгэн у Гэсэра жеребеночком взбрыкивает.
После этого велел Гал-Нурман,

Чтобы пришел к нему батор Манзан-Шуумар.
Пришедшему Манзан батору
Объясняет без лишнего разговора:
– Абай Гэсэр хан
Великое вечное море Манзан
Простым водопоем сделал.
Великую долину Моорэн,
Где трава колыхается выше колен,
Обыкновенным пастбищем сделал.
А теперь
Он войной на нас ополчился,
На вершине двуглавой горы остановился.
Ты, Манзан-Шуумар, батор верный мой,
Метни-ка жребий наш золотой.
Если жребий орлом к земле упадет,
То Абай Гэсэр меня побьет,
Если жребий упадет орлом к небесам,
То Абая Гэсэра побью я сам.—
С большого пальца жребий полетел, закрутился,
С большого ногтя жребий полетел, завертелся,
Манзан батор на колени перед ним опустился,
В упавший жребий пристально он взгляделся.
Поднял голову он в испуге,
Изогнулись бровей его дуги.

– О, хан мой, жребий наш о том говорит,
Что Абай Гэсэр тебя победит.
Упал наш жребий лицевой стороной вниз,
В предстоящей битве Гэсэра ты берегись.
Гал-Нурман, дьявол, челюсти сжал,
Вторично жребий метнуть приказал.
Жребий вверх полетел, закрутился.
Жребий к облакам полетел, завертелся,
На землю жаворонком опустился.
Манзан-Шуумар в него взгляделся.

– О, Гал-Нурман, о хан досточтимый мой,
Нехорошо нам жребий упал золотой.
Лицом к земле наш жребий лежит,
Абай Гэсэр тебя победит.—
Волосы у Гал-Нурмана поднялись дыбом,
Челюстями он заскрипел с дымом.
Говорил он, помня предсказания книжные:
– Несчастье преодолеть пытаются трижды.
Метни-ка нам жребий еще ты раз,
Посмотрим, что он скажет сейчас.
Жребий вверх полетел, закрутился,
В небеса полетел, завертелся,
Падучей звездочкой опустился.

Манзан-Шуумар в него взгляделся,
Вгляделся пристально, задрожал,
Сам в испуге на землю упал.
– О, Гал-Нурман, о великий хан,
Поверь мне, жребий – один обман.
В третий раз говорит он одно и то же:
Абай Гэсэр тебя превозможет.

Схватил Гал-Нурман предсказателя за ноги,
О землю шваркнул, закинул на небо.
Упал Гал-Нурман
На железную черную кровать,
Стал зубами скрипеть, волосы на себе рвать.
Два батора пришли его утешить:
– Ведь у Гэсэра сила двух рук
Четырем поднебесным силам равна,
А сила твоих двух рук
Восьми поднебесным силам равна.
Ведь у Гэсэра сила двух ног
Четырем преисподним силам равна,
А сила твоих двух ног
Восьми преисподним силам равна.
Ведь у Гэсэра сила груди
Четырем наземным силам равна,
А у тебя сила груди
Восьми наземным силам равна,
Ведь число его превращений – двести,
А число твоих превращений – две тысячи,
Ведь число его волшебств сто и два,
А число твоих волшебств три тысячи триста тридцать три,
Как мальчишку сможешь его ты высечь,
Вставай с кровати, слезы утри.—
Так баторы утешили Гал-Нурмана,
Злобного дьявола, черного хана.
Стал на радостях дьявол прыгать-скакать,
Железную, черную продавил кровать.
Начал Гал-Нурман приготавливаться к сраженью,
Проверяет он оружие, снаряжение.
Поднялся он на высокую южную гору,
Поглядеть издалека на Гэсэра батора.
Смотрит он вдаль из-под широкой ладони —
Где Абай Гэсэр, где его баторы, где кони,
А глаза у дьявола заволакивает словно бы дымом,
А волосы у дьявола становятся дыбом,
А кровь по жилам словно бы остывает-густеет,
А голова от страха словно бы пустеет.

А между тем, чтобы сражение выиграть,
Надо ведь какую-нибудь хитрость выдумать.

Думает Гал-Нурман, на горе стоя,
Принимает он решение простое.
Первое его было действие —
Совершил он большое молебствие.
Видели окрестные горы,
Слышала вся тайга,
Как совершал он молебствие – тайлга.
Затем,
Чтобы ублажать Абая Гэсэра,
Чтобы размягчить его кости,
Усластить его тело,
Самых нежных жеребят с собою взял он,
Самые сладкие напитки с собою взял он,
Весь сияющий в золоте и серебре,
Сам поехал к двуглавой горе.
У подножья горы лес с корнями он вырывает,
Белое просо на землю он рассыпает,
Совершает он вторично молебствие,
Посылает он Гэсэру приветствие.
Посылает напитки и жеребят,
Гэсэр с баторами пьют и едят.
Наедаются они так, что не скажешь – мало,
Напиваются они так, что не скажешь – плохо,
Кровь у них разогрелась и заиграла,
Сердца размякли, душа оглохла.

А Гал-Нурман
И его шестьдесят шесть баторов
Тем временем, не теряя ума,
Поднимаются на двуглавую гору,
Поднимаются они все на вершину,
Встречаются с Гэсэром и его дружиной.
Говорятся на вершине речи не громкие,
Сверкают на вершине доспехи яркие,
Серебряные стремяна друг о дружку шоркнули,
Стальные мечи друг о дружку звякнули.
Один батор к другому навстречу идет,
Один батор другому руку для приветствия подает,
Почтительно они друг с другом здороваются,
Руки крепко соединяют,
С употреблением красивых слов
Искусный разговор начинают.
Каждый многое знает,
По очереди говорит каждый,
О старом повспоминают,
О новом расскажут.
То, что прежде древнего проистекло, выясняют,
То, что позже нового проистекло, объясняют.
Пьют они черную водку арзу,

Пока на чистой воде сметана не настоится,
Пьют они черную водку харзу,
Пока на голом камне трава не уродится.
Напиваются они так, что не скажешь – мало,
Наедаются они так, что не скажешь – плохо.
Кровь у них разогрелась и заиграла,
Сердца размякли, душа оглохла.

После этого Гал-Нурман смело
Переходит к главному делу:
– Я в твою молочную пищу
Пальцы свои не макал.
Я в твою мясную пищу
Руки свои не запускал.
В стремена твоих коней
Я ноги свои не ставил.
На порогах, возле твоих дверей,
Я мусора не оставил,
За что же ко мне придираться,
За что же на меня ополчаться?
Это наши отцы меж собой воевали,
Это наши матери меж собой враждовали,
Какие мысли вынашивая,
К ханству пришел ты нашему:
Или, мстителем себя возомня.
Ты войной пошел на меня?
– Не ради старой мести
Я отправился в этот большой поход,
Но дело чести
Заступиться за несчастный, бедный народ.
Зачем ты жаром
Земли наши опустошаешь?
Зачем пожаром
Все живое ты пожираешь?
Где травы цвели – там пепел лежит,
Где деревья росли – там зола лежит.
Болезни, о которых никто не слышал,
Людей косят,
Болезни, о которых никто не знал,
Стада косят.
Люди плачут и голосят,
Северные народы
Десятками тысяч гибнут,
Южные народы
Сотнями тысяч гибнут.
Окутали землю туман и тьма,
Вот что ты наделал, Гал-Нурман!
Должен я за людей заступиться,
Должен я с тобой, Гал-Нурман, сразиться.

Гал-Нурман в досаде махнул рукою:
– Ладно, оставлю я ваших людей в покое,
Чтобы чистой стала в реках вода,
Чтобы мирно паслись на лугу стада,
Чтобы люди могли опять веселиться,
Чтобы люди смогли опять расплодиться,
Чтобы козней моих могли не бояться,
Красотой земли наслаждаться,
Ради этого не следует нам сражаться.
Пусть считают люди, что я жесток,
Что страшнее меня никого уж нет,
Нашей битве не пришел еще срок,
Надо ждать еще девять лет.

Тридцать три батора Абая Гэсэра
Отошли в сторонку и кругом сели.
Сидят они, совещаются,
В словопрениях упражняются.
К Абаю Гэсэру, приняв решение,
Посылают батора Нээхэр-Эмшена.
«Если уж сошлись два великих хана,
Если уж съехались их дружины,
Разъезжаться попусту было бы странно,
С двух сторон двух баторов выбрать должны мы,
Пусть они между собою поборются,
А два хана великих на том успокоются».
Абай Гэсэр хан
И Гал-Нурман
Решение это правильным посчитали,
К интересному зрелищу готовиться стали.

С одной стороны выбран
Буйдан-Улаан батор.
С другой стороны выбран
Гани-Галзуу батор.
Один из тридцати трех богатырей,
Другой из шестидесяти шести богатырей.
Чья рука верней, чья сабля острей,
Сейчас они всем покажут,
А пока они важно похаживают,
Оба они перед схваткой разделись,
Оба пригодились-разогрелись.
Никто не моргнул и глазом,
Как две сабли взметнулись разом.
Разъехались они на расстояние дня,
Каждый из них пришпорил коня.
Налетели они друг на друга с разгона,
Сабли у них схлестнулись со звоном.

Из-за равной удали бойцы не сдаются,
Из-за равной ловкости не качаются.
Бесконечное время бьются,
А схватка все не кончается.
Но Гани-Галзуу момент улучил
В середине жестокой схватки,
На противника в бешенстве наскочил,
Разрубил его от ключицы до пятки.
Разрубил он вдоль его тело,
Только сердце сталь не задела.
То не травы росой обливаются,
Половинки тела слипаются.
То не солнышко поднимается ввысь,
Половинки тела опять срослись.
Сила прежняя в прежнем теле,
Сабли вновь у них зазвенели.
Буйдан-Улаан,
Что на две части едва не развалился,
Буйдан-Улаан,
Что снова соединился,
Чрезмерно осерчал и разгорячился,
Сабля его хангайская просвистела.
Не стал он противника рубить вдоль тела,
А махнул он саблей своей поперек,
Шею срезал он, как травы стебелек.
Срезал он голову и поддел ее
Острой саблей на острие.
К Гал-Нурману с подарком таким подошел,
И голову черную и кудлатую
Бросил сидящему дьяволу на подол
Белого праздничного халата.
Больше голова ничего уж не скажет,
Коса раскрутилась длиною в сажень.

Гал-Нурман
Вскочил и рассвирепел,
Гал-Нурман
Раскраснелся и засопел.
Налетел он, от злости серый,
На сидящего рядом Абая Гэсэра.
Брызжет слюной, кричит сердито,
Скрипит зубами, словно в бою. —
Если не убьешь своего бандита,
Я собственноручно его убью!
Но Абай Гэсэр – благородный хан,
Сказал: «Батора в обиду не дам.
Схватка у них была честной,
А если двоим на земле нам тесно,
Будем биться без лишнего разговору,

Затем я и пришел на двуглавую гору».

Гал-Нурман после этих слов
Завертел косыми глазами зло,
Крутит зрачками то вверх, то вниз,
Без смертельной схватки не обойтись.
Два хана встают на дорогу мести,
Гору, как нитка клубок, обвивают,
Гору, как перевернутый горшок, оббегают.
Ищут для схватки подходящее место,
Хорошее место они выбирают.
Роят землю яростно, как изюбри,
Наклоняют головы, словно зубры.
Зубы скалят они, как волки,
Налетают друг на друга, как соколы.
Вселенная гудит и ходит волнами
От низкой земли до неба высокого.
Сун – великое море
Волнуется и дрожит.
Сумбэр – великая скала
Сотрясается, дребезжит.
Времена перепутались меж собой,
Истоия вся пошла вразнобой.
С севера туча шла,
С дороги сбилась.
С дороги сбилась.
Южная туча шла;
Остановилась.
Все черное закипело и заострилось,
Все белое перемешалось,
Все серое встrepенулось,
Все синее расплескалось,
Все зеленое перевернулось.
Из-за равной удали они не сдаются,
Из-за равной силы они не качаются.
Семь дней они бьются,
А схватка все не кончается.
Мясо друг у друга со спины выдирают,
Мясо друг у друга с груди выгрызают.
Мясо вокруг лежит, как горы,
Прилетают с севера черные вороны
На целый день и на целую ночь,
Мясо в клювах уносят прочь.
«Истекая ручьями кровавыми,
Пусть дерутся бойцы на равных»,—
Так летают вороны, каркая,
Продолжается схватка жаркая,
Передними голубыми зубами
Мясо из спины выгрызается,

Десятью белыми пальцами
Мясо из груди вырывается.
Красные ручьи по земле текут,
Красные горы вокруг растут.
Красная кровь растекается,
Черная кровь сгущается.
Наползают бойцы друг на друга тучами,
Кости вокруг валяются кучами.

Вдруг Гал-Нурман момент улучил
В середине жестокой схватки.
На Гэсэра в бешенстве наскочил,
Разрубил его от ключицы до пятки.
Разрубил он с хрястом наискосок его тело,
Но за сердце красное сталь не задела.
То не травы на рассвете качаются,
Половинки тела слипаются.
Каменем черным и каменем белым
Соединились две части тела.

Тут Абай Гэсэр момент улучил,
В середине жестокой схватки
На Гал-Нурмана яростно наскочил.
Разрубил его от ключицы до пятки.
Разрубил он черту наискось его тело,
Но за сердце черное сталь не задела.
Черные вороны улетают ввысь,
Половинки тела опять срослись.

Говорят друг другу баторы:
– Не решить нам саблями спора,
Кому живу быть, кому мертвым лечь.
Мы решим теперь силой рук и плеч.
Из-за равной удали они не сдаются,
Из-за равной ловкости не качаются.
Девять дней непрерывно бьются,
А схватка все не кончается.
Потом они оба устали биться,
Разошлись отдохнуть, поесть, подкрепиться.
Разошлись они до времени, до поры,
По двум вершинам двуглавой горы.
А надо сказать, что пока ханы сражались,
Их баторы тоже не прохлаждались.
Внизу, у горы подножия
Собрались они все во множестве.
Абая Гэсэра богатырей тридцать три
Да Гал-Нурмана богатырей шестьдесят шесть,
Тожe не успевали ни попить, ни поесть.
Теперь и для них неожиданно вышла

Небольшая хоть передышка.

Собрались вокруг Гэсэра его богатыри,
Смотрят, а их не тридцать три.
Пересчитали снова, не поверив сперва,
Опять получается тридцать два.
Кто же остался на поле боя
Со своей отчаянной головою?
Видят,
Мчится к вершине от подножия гор
Отставший Эржэн-Шуумар батор.
На вершину горы он с разгону выскочил,
Светло-синий конь его кровью выпачкан.
Кружит Эржэн по площади, не слезая с коня,
Четвертинку зажаренной лошади пожирает с копыя.

— Эй, вы, — кричит он, —
Рассиживаться не время,
Если сейчас же не нападём,
Одолеет нас чертово племя.
Я, Эржэн-Шуумар,
В бою про сон забывающий,
Я, Эржэн-Шуумар,
На ходу желудок свой набивающий,
Вам говорю я сам,
Надо бой продолжать, если бой уж начат. —
Тридцать три богатыря, еду побросав,
За Эржэн-Шуумаром скачут.

В это же время
Хангайские горы закачало и затрясло.
Это Гал-Нурман ноги вдел в стремя
И сел в седлю.
Сладко оно или не сладко,
Продолжается между ханами схватка.
Кидаются ханы то вверх, то вниз,
Пытаются друг у друга мясо грызть.
Начинают они друг друга мять,
Пытаются друг у друга мясо рвать.
Начинают они вертеться, юлить,
Пытаются друг у друга кровь пролить.
Набрасываются они друг на друга со злостью,
Пытаются раскидать друг у друга кости.
Но мяса уж ворону поклевать не найдется,
Но мяса уж сороке поклевать не наберется,
Костей не находится, кровь не льется.

В это время
Гал-Нурман, дьявол-хан,

Руками железными, твердыми,
Злостью бешеной обуян,
То тянет Гэсэра, то дергает,
Когда тянет – за поджилки хватается,
Когда дергает – до пяток добирается.
Когда назад его толкать станет,
Тот задом до земли достает.
Когда вперед его тянуть станет,
Тот коленки гнет.
Когда назад он Гэсэра толкает,
Тот на заднюю полу халата наступает.
Когда дергает его он обратно,
Тот наступает на переднюю полу халата.
Из-за того, что не прошло девяти положенных лет,
У Гэсэра для схватки сил еще нет.
Ухватиться он за дьявола хочет,
А не хватается.
Толкнуть он дьявола хочет,
А не толкается.
Поднять он дьявола хочет,
А не поднимается.
Победить он дьявола хочет,
А не побеждается.
Силы его кончаются.
Белые зубы его
Как будто чернеют,
Ясные глаза его
Как будто мутнеют.
Сильные руки его
Как будто немеют.

Буйдан-Улаан батору
Смотреть на все на это невмочь,
Вопреки порядку и уговору
Хочет он Гэсэру помочь.
Две полы своего халата
За кушак заткнув,
Два рукава своего халата
До локтей завернув,
Подскочил он к дьяволу сзади
И за правую коленку его ухватил.
Но дьявол, не оборачиваясь, не глядя,
Лягнулся что было сил,
Наградил он батора таким пинком,
Что на три версты тот отлетел кувырком.
Но опять подскочил он к дьяволу сзади,
За левую коленку его ухватил.
Левой ногой, не оборачиваясь, не глядя,
Лягнулся дьявол, что было сил.

Отлетел Буйдан-Улаан на четыре версты,
Пыл его поостыл.

В это самое время,
О котором идет у нас речь,
В это самое время,
О котором рассказу нашему течь,
По пятидесяти пяти небесным долинам,
По тропинке ровной, по тропинке длинной,
Пониже звезд, повыше земли
Два внука Хана Хурмаса шли.
Шли они просто так, гуляли,
Забот никаких не знали.
Шли они по тому небесному шву,
Откуда видно и земли и небес синеву.
Одного внука звали Айзай,
Другого внука звали Муузай.
Приоткрыли они один небесный край
И, глядя в узкую щелку вниз,
Разглядывать землю принялись.
Интересно им посмотреть, что на земле делается,
Все они разглядеть на земле надеются.

И вот они видят, удивлены,
Что на краю Хонин-Хото, восточной страны,
В стране,
Где все деревья с корнями выдернуты,
В стране,
Где все наизнанку вывернуто,
В стране холодной, в стране бесплодной,
В стране бестравной, в стране бесправной,
Где река под тремя преградами
Проскальзывает тремя водопадами,
В стране, где ветер, в стране, где тьма,
Бьется их дядя Абай Гэсэр с дьяволом Гал-Нурман.

Смотрят внуки в четыре глаза
И глазам не верят.
Дядя их с каждым часом
В этой схватке слабеет.
Ухватиться он за дьявола хочет,
А у него не хватается,
Толкнуть он дьявола хочет,
А у него не толкается.
Силы его кончаются.
Сильные руки его
Как будто немеют,
Белые зубы его
Как будто чернеют.

Ясные глаза его
Как будто мутнеют.
Увидев это, Айзай и Муузай домой
Немедленно побежали,
Деду Хану Хурмасу наперебой
Обо всем рассказали:

– Делать нам было нечего,
Играли мы дружно, весело.
Шли мы тропинкой длинной
Посреди небесной долины.
Один небесный краешек отогнули
И на землю вниз заглянули.
Интересно нам было, как люди живут,
Скотину пасут, пищу жуют.
Увидели мы, что в одной пустынной стране,
В засушливой ветреной стороне,
Где деревья с корнями выдернуты,
Где все наизнанку вывернуто,
Где река под тремя преградами
Проскальзывает тремя водопадами.
В стране, где холод, в стране, где тьма,
Сражаются наш дядя и Гал-Нурман.
Да, Абай Гэсэр там сражается,
Но силы у него уж кончаются.
Услыхав от внучат подобный рассказ,
На коня вскочил Хан Хурмас.
С белыми мыслями в белом уме
Скачет он к бабушке Манзан-Гурмэ.
Коня к коновязи привязывает,
О случившемся несчастье рассказывает.

О том рассказывает, что недалеко от востока,
Абай Гэсэр не выдержав срока,
Девяти положенных лет не выждав,
С Гал-Нурманом сражаться вышел.
А теперь козленком он верещит,
А теперь ягненком он блеет.
В руках у дьявола по швам трещит,
С каждым часом слабеет.
Сам он в возрасте малого ребенка,
Конь его в возрасте жеребенка.
Гал-Нурман из него веревки вьет,
Крутит, вертит, о землю бьет.
Бабушка, сидящая
С серебряной чашей в руках,
Бабушка, следящая
За всеми звездами в небесах,
Бабушка, опирающаяся

На множество горных вершин,
Бабушка, обзирающая
Множество небесных долин,
Бабушка,
Звездные книги читающая,
Бабушка,
Все швы во вселенной сшивающая,
Бабушка,
Держащая все тайны в уме,
Великая бабушка Манзан-Гурмэ,
Умела сразу за дело браться,
Вызывает она Гэсэрова братца.

На коне соколино-сером
Примчался Заса-Мэргэн, брат Гэсэра.
Дает ему бабушка белыми руками
С конскую голову алмазный камень,
Камень священный, камень мерцающий,
В любую цель без промаха попадающий.

– Заса-Мэргэн, мой надежный внук,
Возьми этот камень из добрых рук.
На седьмую земную твердь
Ты скорее скачи теперь
На коне соколино-сером,
Помоги ты брату Гэсэру.

Заса-Мэргэн немедленно отправляется,
До двери между небом и землей добирается.
За дверь тихонечко потянул,
Приоткрыл и вниз заглянул.
Видит он, что в стране холодной,
Видит он, что в стране бесплодной,
Видит он, что в стране бестравной,
Видит он, что в стране бесправной,
Где деревья с корнями выдернуты
И где все наизнанку вывернуто,
Где великая сушь и тьма,
Побеждает Гэсэра Гал-Нурман.
Руки, ноги у Гэсэра слабеют,
Жилы его вот-вот лопнут,
Помочь ему никто не успеет,
Гал-Нурман его слопаёт.
Пока доскачешь до земли от неба,
Абая Гэсэра – как и не было.

Берет Заса-Мэргэн двумя руками
С лошадиную голову алмазный камень,
Камень священный, камень мерцающий,

В любую цель без промаха попадающий.
Над камнем Заса-Мэргэн батор
Произносит шепотом наговор:
– Звездный глаз,
На черную землю лети.
Синий алмаз,
В черную голову попади.
Если не сумеешь
Ты в цель попасть,
Никогда не посмеешь
Нигде упасть.
Будешь ты вечно
По вселенной летать,
В пустоте бесконечно
Будешь сверкать.
Большим пальцем закрученный,
Указательным пальцем пущенный,
Полетел камень на землю, вниз,
Послышался шум, послышался свист.
Словно лось ревет,
Словно бык рычит,
Словно стрела поет,
Словно выпь кричит.

Удаляется камень летящий,
Удаляется камень шуршащий,
Удаляется камень мерцающий,
В любую цель попадающий.

Улетает камень в земной предел,
Где дьявол Гэсэра совсем одолел.
Вперед дергает —
Лбом о землю его ударяет,
Назад толкает,
Затылком о камни его ударяет.

Абая Гэсэра хана
Побежденным он посчитал,
Земные темные страны
Себе подвластными посчитал,
Несчастных земных людей
Своими жертвами посчитал.
Прекрасных земных зверей
Обреченными посчитал.

А между тем он слышит,
Что воздух над ним содрогается,
А между тем он слышит,
Что земля под ним сотрясается.

Словно лось ревет,
Словно бык рычит,
Словно стрела поет,
Словно выпь кричит.
Приближается камень летящий,
Приближается камень шуршащий,
Приближается камень мерцающий.
В любую цель попадающий.

Поворачивает дьявол коня,
От камня мчится, как от огня.
Но конь стрелы не быстрее,
Ладонь меча не острее.

Куда бы ни мчался дьявол, страхом гоним,
Священный камень летит за ним,
Летит по следу священный камень,
Бегущего дьявола настигая,
И попадает ему как раз
На черном темени в мерзкий глаз.

Вместе с глазом, единственным, мерзким,
Всю голову камень разбивает вдребезги.
На просторном белом поле
Падает дьявол, взыв от боли.
Валяется дьявол уже не дыша,
Около белой березы – Тамша.
До северной высокой горы головой касается,
В южную гору ногами упирается.

А Заса-Мэргэн батор, не теряя ни мгновенья,
Около брата Гэсэра опускается на колени.
Видит, что жилы его истончились,
Видит, что кости его оголились,
Видит, что сердце едва-едва трепыхается,
Видит, что брат его вот-вот скончается.

Говорит Заса-Мэргэн: «Поднимайся, брат,
Спасти тебя я был очень рад.
Имеющий старшего брата,
Старшим братом спасен будет,
Имеющий младшего брата,
Младшим братом спасен будет,
Только мертвого уж никто не разбудит».

Заса-Мэргэн, на Гэсэра с любовью глядя,
Всячески брата голубит и гладит,
Вверх на небо поглядит – улыбнется,

Вниз на землю поглядит – засмеется.

Выбрал он из всех стад молодую кобылу,
У которой жиру на восемь пальцев было,
Накормили Гэсэра кобыльим жиром,
Жизнь у него побежала по жилам.
Горячая кровь заструилась под кожей,
Абай Гэсэр хан тотчас ожил.
Моментально он исцелился,
Вместе с братом развеселился.

Отправились оба брата и их баторы
В поле белое на просторы.
Поглядеть, как дьявол валяется не дыша,
Возле белой березы – Тамша.
Как Он северной горы головой касается,
Как он в южную гору ногами упирается.
Решили они, что если хозяин убит,
То убить и коня обычай велит.

Убили коня два брата, два хана,
Положили коня возле Гал-Нурмана.
После этого
Сухих деревьев они надрали,
Сухих деревьев насобирали.
Обложили дровами и дьявола и его коня,
Поднесли к дровам живого огня.
После этого
Из осины лопату сделали,
Золу и пепел по ветру развеяли.
С юга пришедший ветер золу на север унес,
С севера пришедший ветер пепел на юг унес,
Угли и головешки пошли вразброс.

Покончив с дьяволом наконец,
Пошли оба хана в его дворец,
Оба они впереди идут,
Своих баторов за собой ведут.
Во дворце, сверкающе-блистающем,
Во дворце, величием поражающем,
Нашли они Гал-Нурмана опустевший трон.
Но еще они там нашли
Да и глаз оторвать не могли
Красавицу Галдай-Гоохон.

У черного дьявола наложницей она была,
Во дворце у дьявола как царица жила.
Заса-Мэргэн на нее лишь взглянуть успел,
Сразу же от любви побелел, как мел.

В наложницу дьявола и царицу
С первого взгляда сумел влюбиться.
Но прельстился царицей не один только хан,
Задрожал от любви и Буйдан-Улаан.

Во дворце началось веселье,
Все баторы буйны от хмеля,
Все гуляют, поют, веселятся,
Лишь два хана друг на друга косятся.
Между ними спор не решен,
Кому достанется Галдай-Гоохон.
Между тем, самой-то красавице
Эта распря меж ханами нравится,
Она радуется и душой веселится:
Может, в драку у них спор разгорится.

Как увидел это Абай Гэсэр,
На ханский трон торжественно сел.
Щеки надул он сердито,
На спорящих с гневом глядит он,
Говорит он сердито брату батора,
Затеявших из-за женщины ссору:

– С наложницей дьявола с какой это стати
Сын Хана Хурмаса собирается спать?
С любовницей дьявола с каких это пор
Собирается тешиться белый батор?
Тут из ножен меч, что всегда при нем,
Сам собой выскочил мигом
И показывает своим острием
На старинную, священную книгу.
Сам меч переворачивает страницы,
Глядит Гэсэр в книгу и диву дивится.

«Если эту женщину, – там написано, – вы не убили,
Значит, и дьявола не победили.
Не победили вы дьявола грозного,
Спохватитесь, да будет уж поздно».

Узнав про такое дело,
Абай-Гэсэр с места срывается,
Решительными шагами, смело,
Идет он в покои красавицы.
С невольным восхищением смотрит он
На гибкую, плавную Галдай-Гоохон.
Да, двигается она гибко,
Да, ходит она плавно,
Но пока что она не погибла,
А это для Гэсэра – главное.

Вся она,
Как зелень солнцем просвеченная,
При виде ее
Ягнята от удовольствия блеют,
Встречает она Абая Гэсэра сердечно,
Очарованный ею Абай Гэсэр немеет.

Но как только она показала спину,
Абай Гэсэр меч потихоньку вынул,
Свой царственный меч из ножен извлек
И перерубил он красавицу поперек.
Из чрева женщины, надвое перерезанной,
Недоношенный ребенок выпал железный.
Шестимесячный выпал плод недоносок,
Говорит он Гэсэру голосом жестким:

– Недоношенным вы меня из чрева освободили,
Себя жалко.
Красивую женщину вы пополам разрубили,
Мать жалко.
Гал-Нурмана преждевременно вы убили,
Отца жалко.
Если бы родился я, когда полагается,
Загривил бы тебя, как серого зайца.
Одной бы рукой тебя я сжал,
В кулаке раздавил бы в избытке силы.
Вот почему теперь мне жалко,
Что мать меня в чреве не доносила.

Но вы не радуйтесь раньше времени,
Все равно я вырасту и вас отыщу,
Железную ногу вдену в стремя,
За отца, за мать, за себя отомщу.

Между тем
Заса-Мэргэн на брата обиделся,
Нашел он красавицу, братом убитую.

– Уйду, – говорит, – и больше мы не увидимся,
На помощь мою теперь не рассчитывай.
Не живут вместе орлы и вороны,
Разойдутся наши следы в разные стороны.

Но Абай Гэсэр брата удерживает,
Железного младенца ему показывает.
– Уезжай, если хочешь, брат мой, но прежде
Одно условие тебе высказываю.
Если этого недоноска ты сумеешь убить,

То мать его тотчас же обещаю я оживить.

– Почему не убить? Или руки мои ослабли?—
Заса-Мэргэн размахнулся саблей,
Железного младенца что есть силы он рубит,
Но только саблю ханскую губит:
Размякла сабля, как будто из теста,
А железный ребенок лежит – ни с места.

Тогда копьем он в сердце и печень бьет,
Завилось в пружинку стальное копье.
Тогда стрелой хангайской черной
Он стреляет из лука в младенца-черта,
Стрелу пускает он в нетерпенье,
Стрела расплющилась до оперенья.

Все тридцать три батора на младенца набросились,
Рубят, колят, стреляют, режут,
Хотят превратить чертенка в крошево,
А результаты у них – все те же.
Все, что острое было у них – затупилось,
Все, что режущее было у них – зазубрилось,
Все, что рубящее было у них – переломилось,
Все, что целое было у них – расплющилось.

Сам Гэсэр
К младенцу железному подступился,
Но булатно-царственный меч
Надвое переломился.
Длинное копье в дугу согнуло,
Черная стрела – соскользнула.

Абай Гэсэр и Заса-Мэргэн
И тридцать три их батора
Перестали суетиться, стараться,
Начали они совещаться.
Совещаются они долго,
Говорят они без умолку,
Но, исполненные терпенья,
Принимают они решение
Позвать на землю из небесной страны отцов,
Семьдесят семь самых опытных кузнецов.

Кузнецы по их просьбе спустились вниз,
За дело немедленно принялись.
Сковали они для шестимесячного чертенка
Из железа прочного, из железа звонкого,
Гнездо не гнездо, клетку не клетку,
И железного младенца заперли крепко.

С семи сторон пододвинули горны,
Начали мехами их дуть-раздувать.
Докрасна раскалилось железо черное,
А что за дверцей, им не видать.

Приоткрыли немного раскаленную дверцу,
Ничего не сделалось там младенцу,
Ближе прежнего пододвинули они горны,
Пуще прежнего мехами их раздувают,
Добела раскалилось железо черное,
А что за дверцей, они не знают.
Поглядели, а младенец там раскалился,
Повертели, а чертенок там размягчился,
Положили они его на наковальню,
Взяли семьдесят семь своих молотков,
Уж они ковали его, ковали,
И сверху и снизу и со всех боков.
Сделался чертенок поменьше кошки,
Потом он сделался меньше блошки.
Колотили его, мягкого, словно тесто,
Пока не получилось ровное место.

Сун – великое море
Волнуется и дрожит,
Сумбэр – великая гора
Сотрясается, дребезжит,
Стволы у деревьев расщепляются,
Листья осыпаются, сучья ломаются,
Черная пыль за клубилась,
История заблудилась.

С севера туча шла —
С дороги сбилась,
Южная туча шла —
Остановилась,
Стада, пасущиеся в поле,
В тайгу устремились,
Звери, живущие на воле,
На становищах поселились,
Козлята от кормящих козлик отстали,
Взрослые птицы своих птенцов растеряли.

В это время
Из восточной небесной долины
Вниз спускается крепкая, длинная,
Ярко-красная шелковина,
Вместо матери-пуповины.
Если бы до младенца она дотянулась,
То в железного чертенка жизнь бы вернулась,

Потекли бы сверху в него кровь и сила,
Все опять бы стало, как было.

Абай Гэсэр, увидев такое дело,
Достает свой лук, достает и стрелы.
Хангайскую черную стрелу выбирает,
Оперенную, крепкую, ровную,
Над стрелой он шепчет и причитает,
Острие на пальце попробовав,
Когда он острие стрелы заклиняет,
Красный огонь на острие возникает,
Когда он оперенье стрелы заклиняет,
Синий дым над перьями возникает.

– Ты моя стрела,
Метка и остра,
Ты лети целый день,
Шелковинку задень,
Пополам перерви,
Возвращайся в крови.

Силой плеча он лук натянул,
Силой пальцев он тетиву защипнул.
От большого пальца
Крепость стрела получила,
От указательного пальца
Меткость стрела получила,
В шелковину она попадает,
Пополам ее разрывает.

В этот миг пронзительно-звонко
Раскатился голос чертенка:
– Вы не радуйтесь раньше времени,
Все равно я вас отыщу,
Железную ногу вдену в стремя,
За отца, за мать, за себя отомщу.—
Тут послышался тяжкий вздох
И чертенок железный сдох.

После этого Мэргэн-Заса
Возвратился на западные небеса.
С Абай Гэсэром они помирились
И по-братски простились.
В эту же пору
Абай Гэсэр и его тридцать три батора,
Гал-Нурмана дьявола победившие,
Красавицу Галдай-Гоохон убившие,
Железного дьяволенка раздавившие,
Радость полной победы вкусившие,

Пошли по широкой дьявольской вотчине
Лугами, лесами, кочками,
Всю траву перемяли,
Все ручьи замутили,
Людей и скотину к себе погнали,
Пастухов с собой захватили.
Где Гал-Нурману сладко жилось,
Теперь обитает лишь дикий лось,
Где вкусно ели и сладко пили,
Расплодилось теперь крапива.

Озирая запустевшую сторону,
Радуются черные вороны,
Да лисица хитрая, рыжая,
Довольна уж тем, что выжила.
Гонят они домой и людей и скот,
Ганга-Бурэд хан им навстречу идет.
Абая Гэсэра он поздравляет с победой,
Зазывает к себе обедать.
Угощаются они яствами разными,
Пьют харзу, а не воду сырую.
Восемь дней они празднуют,
Девять дней они пируют,
На десятый день опохмеляются
И в дальнейший путь отправляются.

После длительного обеда,
Благодушнее став и добрей,
Оставляет Абай Гэсэр Ганга-Бурэду
Захваченных у дьявола скот и людей.
Чтобы люди здесь жили-плодились,
Чтобы стада паслись-возродились.
После этого, наконец,
Отправляется Абай Гэсэр в свой дворец.
Черта-дьявола победив,
Он в веселии пребывал.
Ганга-Бурэд его проводил,
Благополучия пожелал.
Едут они, где сыро и холодно,
Едут они, где сухо и жарко,
Едут они через землю воронов,
Едут они через землю жаворонков.
Хотя реки бывают длинными,
Но до моря все равно добираются,
Хотя родная земля за горами-долинами,
Но все равно приближается.
Доезжают они до вечного моря Манзан,
Которое Абай Гэсэр водопоем сделал,
Доезжают они до великой долины Моорэн,

Которую Абай Гэсэр пастбищем сделал.
Доезжают они до великой реки Хатан,
Доезжают они до дворца Абая Гэсэра.
Абай Гэсэр в золотой бубен бьет,
Северные народы собирает.
Абай Гэсэр в серебряный бубен бьет,
Южные народы приглашает.
На берегу великого моря Манзан,
На краю великой долины Моорэн,
Где трава растет выше колен,
У истоков великой реки Хатан
Всех торжественно он встречает,
Всех обильно он угощает.
Саргал-Ноен, его дед и дядя
Говорит, на победителя глядя:

– Удалых баторов и сыновей
Из чужих краев здоровыми мы встречаем,
Боевых прекрасных коней
Из тяжких боев оседланными встречаем,
Возвращается прекрасное время,
Да забудет нога про стремя.
Да забудут глаза и руки
Про каленые стрелы и луки.
На просторы алтайских пастбищ
Мы коней погастись отпустим,
На раздолье саянских пастбищ
Мы коней погулять отпустим.
Золотые столы накроем,
Вкусную пищу на них поставим.
Серебряные столы накроем,
Крепкие напитки на них расставим.
Мяса-масла поставим – горы,
Архи-арзи подадим – озера.
Угощаясь яствами разными,
Друг друга люди целуют.
Восемь дней они празднуют,
Девять дней они пируют,
На десятый день опохмеляются,
Но по домам еще не разъезжаются,
Снова празднество продолжается.
Так Голубых озер птица
К камышам и к воде стремится.
Так батор, одолев дорогу,
Возвращается к родному порогу.

Перевод Владимира Солоухина.

Ветвь пятая

Победа Гэсэра над чудовищем орголи – хозяином тайги

Девять ветвей
У священного желтого дерева,
На каждой ветви свеча горит,
Девять о Гэсэре сказаний древних,
О битве каждое говорит.
Черного бобра на родных просторах,
Пустив стрелу, почему не добыть?
О непобедимых славных баторах
Сказания почему бы не повторить?

Когда
Хана Хурмаса царственная рука,
Атай-Улана разрубая на части,
В третий раз взмахнула мечом
И правую руку у батора несчастного
Отрубила по самое плечо,
Когда отрубленная рука
Полетела на землю вниз,
На земле, где горы, реки, тайга,
Многие бедствия начались.
Рука не стала там валяться в пыли,
Обернулась она чудовищем Орголи.
Тело у него – сорока верст,
Рот у него – четырех верст.
Обладает он пугающим колдовством,
Располагает он содрогающим волшебством.
Пестро-лживое чудовище всей тайгой завладело,
Черно-злостное чудовище большего захотело.
На склоне великой Сумбэр-горы
Орголи-колдун лежал до поры.
На северном склоне горы лежал,
Постепенно креп, округлялся, мужал,
Принимал вид устрашающий,
Злому чудищу подобающий.
Страшнее его ничего уж на свете нет.
Справа поглядеть, он на скалы похож,
Слева поглядеть, он на сопки похож.
Издали поглядеть, похож на синий горный хребет,
Вблизи поглядеть, нападает дрожь.
Верхней челюстью он небо скребет,
Нижней челюстью он горы жует,
Обеими челюстями он деревья жрет.
По дальней окраине языком лизнет,

Сандаловыми деревьями набивает рот.
С таежной окраины воздух втянет,
Дубы и лиственницы поглощать станет.
Все таежные деревья подряд
За сорок верст сами в рот летят.
Вместе с деревьями попадает в рот
Северный народ и южный народ.
И тех людей, что с гор спускаются,
И тех людей, что вверх поднимаются.
Всех он втягивает в огромный ротище,
Глазами новые жертвы ищет.

Увидел вдали Абая Гэсэра страну,
Вот кого, думает, я изорву, изомну.
Вот кому, думает, я живот вспорю,
Вот кого, думает, я до конца разорю.

Обо всем об этом
Абай Гэсэр своим особенным умом узнал,
По дальним приметам
Намерения колдуна Орголи разгадал.
Думает:
Вершина горы
Всегда облаками и туманом повита.
Думает,
У мужчины зрелой поры
Всегда сражение да битва.
Тридцать трех своих богатырей
Абай Гэсэр созывает скорей,
Богатыри собрались все сразу.
Абай Гэсэр им сказывает:
– Из далеких стран пожаловавшего врага
Допускать ли в свои излюбленные луга?
Из близких мест напавших врагов
Допускать ли до своих излюбленных очагов?
С задней северной стороны,
Из-за великой Сумбэр-горы,
Обманщик, оборотень, колдун,
Злобное чудовище Орголи
Следует к нам дорогой войны,
Мы достойно встретить его должны.
Издали он на горный хребет похож,
Вблизи поглядишь – пробирает дрожь.
Верхней челюстью он небо скребет,
Нижней челюстью он горы жует,
Обеими челюстями он деревья жрет.
Все таежные деревья подряд
За сорок верст к нему в рот летят.
Северный народ и южный народ

Вместе с деревьями попадают в рот.
Своей чуткостью
Издалека вы его услышать должны.
Своей зоркостью
Вблизи вы его увидеть должны,
Следующего к нам дорогой войны.
Словно солнечный день вы безоблачны,
Словно длинный камыш вы не ломчаты.
Тридцать три – все воины мощные,
Тридцать три – все мои помощники.
С Орголи мы сражаться будем,
Чтобы счастье вернулось к людям.
Все оторванное пришейте,
Все разохшееся прибейте,
Все развязанное свяжите,
Все раскрученное скрутите,
Все ослабшее укрепите,
Затупившееся заострите.
Еще не выйдет солнце туманное,
Как мы отправимся на поле бранное.
Отправимся мы на край Хирбэг-земли
Сразиться с чудовищем Орголи.
Приготовьте все, что понадобится.

Тридцать три доблестных богатыря,
Слушая Гэсэра, радуются.
Стоящие о том, что стоят, забыли,
Сидящие о том, что сидят, забыли.
Так сражаться они любили.
– Пойдем, – говорят, —
Куда нам Гэсэр прикажет,
– Убьем, – говорят, —
Кого нам Гэсэр покажет,
– Найдем, – говорят, —
Все, что нам Гэсэр скажет.
Сечей-битвой мы насладимся,
На свои луга возвратимся.—
Широко-просторные груди они выпячивают,
Мечи железные они оттачивают,
Бугристо-мощные спины они распрямляют,
Округло-толстые ноги они укрепляют.
Все оторванное они пришили,
Все разохшееся прибили,
Все развязанное связали,
Все раскрученное скрутили,
Все несказанное сказали,
Все ослабшее укрепили.
Все проворны и все толковы,
Все к походу они готовы.

В это время приводят, уздою звеня,
Абаю Гэсэру
Бэлыгэна – гнедого коня.
Травы наедался он
На двадцати алтайских пастбищах,
Сил набирался он
На двадцати горных зеленых склонах.
Когда он и другие кони траву там ели,
Им жаворонки в небе высоком пели.
По крупной гальке Бэлыгэна водят,
Чтобы черные копыта его крепкими были,
По черному льду Бэлыгэна водят,
Чтобы круглые копыта его никогда не скользили.
К ветру мордой заставляют его стоять,
Светлый ветер заставляют его глотать.
Ключевой водой из чашки его напоили,
Живой травой из горсти его накормили.
По горным местам его водят,
Чтобы на сокола был похож,
По дальним местам его водят,
Чтобы на ястреба был похож.
Проделав все это,
Шелковый потник на Бэлыгэна накидывают,
Закончив все это,
Вогнуто-серебряным седлом Бэлыгэна седлают,
Пластинчато-серебряным подхвостником круп обтягивают,
Сплошным серебряным нагрудником грудь обхватывают,
С десятью пряжками подпругой коня перетягивают,
С десятью язычками ремнем его запупонивают,
Все снаряжение к коню прилаживают,
Вокруг коня удовлетворенно похаживают.
К расписанно-серебряной коновязи
Коня привязывают,
О полной готовности коня
Абаю Гэсэру сказывают.

В это время
Алма-Мэргэн хатан,
Открыв большой семейный сундук,
Лучшие одежды со дна достав,
Подает их Гэсэру из собственных рук.
Сшитые из семидесяти лосиных кож,
Плотно-черные штаны
Гэсэр натягивает,
Со вставками из рыбьих кож
Свободно-черные унты
Ступнями своими растягивает.
Ярко-шелковую накидку

На плечи накидывает.
Семьдесят сверкающих медных пуговиц
Силой пальцев своих застегивает,
Серебряно-винтовой десятисаженный кушак
Вокруг себя опоясывает.
Его оставшие концы
Аккуратно с боков запихивает.
И оделся Гэсэр и обулся,
Перед зеркалом так и сяк повернулся.
Где пылинка – ее сдувает,
Где соринка – ее счищает.
В зеркало,
С расправленный потник величиной,
Гэсэр погляделся:
Хорошо ли он обулся-оделся.

После этого,
Водами семидесяти дождей не промоченные,
Остриями семидесяти стрел не пробитые,
Угольно-черные доспехи на спине у себя укрепляет,
Серебряный, длинный,
Величиной с речную долину,
Боевой колчан на левый бок прикрепляет.
Узорно-серебряный, боевой,
С косое поле величиной,
Налучник сбоку подвешивает.
О белые кости не ломающийся,
В горячей крови не размягчающийся,
Державно-булатный меч привешивает,
Семьдесят пять стрел плотно за спиной закрепил,
Девяносто пять стрел веером расположил,
Так что в холод от них теплее будет,
А в жару от них прохладнее будет.
Похожую на копну травы,
Соболиную шапочку на себя надевает.
Похожую на пучок травы,
Кисточку на шапочке поправляет.
Звездно-белый шлем надел на голову,
Стал похож на большую гору.
То не солнце сверкает, то не дуб шелестит,
То Гэсэр в боевых одеждах стоит.

После этого,
Чтобы голода, не чувствовать десять лет,
Рот себе паучьим жиром смазал.
После этого,
Чтобы голода не чувствовать двадцать лет,
Губы себе червячьим жиром намазал.
После этого,

Величественным движеньем
Открывая перламутровую хангайскую дверь,
На улицу он выходит теперь
Неторопливыми движениями,
Не уронив ни соринки с ног,
Переступает мраморный хангайский порог.
Медленными движениями, без суеты
По ступенькам серебряным с высоты,
Ни разу на лестнице не оступясь,
Идет он туда,
Где стоит серебряно-золоченая коновязь.
К коновязи он идет с серебряного крыльца,
Красный повод отвязывает от серебряного кольца.
По крупу глядя,
По шее хлопая звонко,
Своего коня он ласкает, как жеребенка.
Вокруг него с любовью похаживает,
Там и сям по шерсти поглаживает,
Краснодеревое кнутовище к седлу прилаживает.
После этого
Ноги в серебряные стремяна он вдел,
В седло из якутского серебра он плотно сел.
За повод потянув, коня повернул он круто,
Поехал от коновязи по солнцу, по кругу,
Стремя в стремя с ним рядом,
Два Ноена, два дяди,
Тридцать три богатыря нарядных
Едут сзади.

Едут они на край Хирбэг-земли
Сражаться с чудовищем Орголи.
Едут плотно
Абай Гэсэр и два дяди по сторонам,
Задевать друг о друга приходится стремянам.
А за ними по три в ряд, по три в ряд
Тридцать три богатыря дорогу торят.
Едут они по ханской звонкой дороге,
Едут они по общей торной дороге,
По дороге широкой, по дороге лесистой,
Едут они рысисто.
По гребням высоких гор они мчатся,
Копыта до гор не успевают касаться.
Над лесными вершушками они пролетают,
За вершушки копытами не задевают.
Скачут они,
Края у твердой вселенной качая,
Скачут они,
Просторное небо наполняя тучами,
Из горы Сумбэр огонь высекая,

Море Сун взбаламучивая.
Перескакивают они через тридцать вершин,
Как через одну вершину,
Перемахивают они через тридцать долин,
Как через одну долину.
Все, что врозь стоит,
В одно сливается,
Что вдали стоит —
Приближается.
Скачут они
Пониже звезд, повыше облаков,
Искры сыплются от подков.
Все мелькает, летит, несется,
И луна, и звезды, и солнце,
Все летит вокруг, завихряется,
Все мелькает и удаляется.
Словно беркут парит-пластается,
Словно сокол с небес – бросается,
Словно гуси летят – гогочут,
Словно эхо в горах хохочет.
Не стрела шуршит оперением —
Скачут воины с нетерпением.
На расстоянии ста видимостей,
Повода не натянув, скачут,
На расстоянии тысячи видимостей,
Кнута не касаясь, скачут.
Быстротой отправления удаляются.
Удаляясь с быстротой, приближаются.
Вдруг, поперек дороги, как ночи мгла —
Отвесная каменная скала.
Не объехать ее, не перескочить.
Стали думать всадники, как тут быть.
Одни рассуждают умно и здраво,
Нельзя ли объехать преграду справа.
Другие думают здраво и трезво,
Что лучше объехать препятствие слева.
Третьи утверждают,
Что ни вправо, ни влево нет пути,
Надо прямую тропинку найти.
Ведь если лежит поперек преграда,
Но людям дальше двигаться надо,
Значит, прямо ли, вправо ли, влево ли,
Но тропинку они проделали.

Один говорит – так не годится,
Другой говорит – так не годится,
Абай Гэсэр слушал-слушал и начал сердиться.
Щеки он, сердясь, надувает,
Свое решение предлагает.

Абай Гэсэр, не долго думая,
Хангайскую черную стрелу достает,
Абай Гэсэр, долго не мудрствуя,
Черную стрелу на тетиву кладет.
Над наконечником стрелы он шепчет,
Чтобы стрела была крепче.
Над опереньем стрелы он бормочет,
Чтобы стрела была точной.
Шепчет он до появления красного пламени,
Бормочет он до появления синего пламени.
Боевой свой лук
Он так натянул, что дым пошел.
Тугой свой лук
Он так натянул, что огонь пошел.
Силой большого пальца закрученная,
Ловкостью указательного пальца пущенная,
Хангайская черная стрела в цель попадает,
Преграду-скалу на куски раздробляет.
Образовался в скале такой проход,
Что любое войско легко пройдет,
Пешеходы пройдут измученные,
И верблюды пройдут навьюченные.
Где стояла скала высокая,
Пролегла дорога широкая.
Абай Гэсэр вперед проскакал
И прежде всего стрелу отыскал
Валялась она по другую сторону преграды.
«Свое добро, – Гэсэр говорит, – бросать не надо.
Хорошая вещь, – Гэсэр говорит, – еще понадобится,
Хорошей стреле сердце радуется».
Отряхнул он стрелу от прилипшей земли,
От той земли холмы пролегли.
Абаю Гэсэру препятствий нет,
Скачет он дальше впереди отважных богатырей.
Путь, на который надо девяносто лет,
Проскакивают они за девять дней.
Скачут они, как стрела свистит,
Скачут они, словно камень шуршит.
И хотя просторы земли широки,
И нисколько они не сужаются,
И хотя дороги-пути далеки,
Все же к цели воины приближаются.

Уж Сумбэр-гора им видна,
Ее северная сторона.
Повод натянул Абай Гэсэр,
Остановился послушный конь.
На стременах привстал Абай Гэсэр,
К глазам приставил ладонь.

Над горами, холмами, пригорками,
Над болотами злыми, жуткими,
Смотрит вдаль он глазами зоркими,
Вслушивается ушами чуткими.
Видит он, что к востоку от Сумбэр-горы
Травы высохли, пожелтели.
Вся земля черна от золы,
Реки сузились, обмелели.
Там деревья гниют и падают,
Скалы крошатся, рассыпаются,
А в тайге полно зверя-падали,
И сама земля высыхается.
Еще выше Гэсэр в стремених привстал,
Еще дальше и зорче смотреть он стал.
Еще чутче прислушивается он,
Не поймет он, что б это значило,
Большим удивлением удивлен,
Задачей большой озадачен.
За пределы видимости смотрит во все глаза,
За пределами слышимости слушать старается,
Какая-то синееется там полоса,
Что-то там вдалеке содрогается.
Два дяди Ноена по бокам от него стоят,
Два дяди Ноена тоже слушают и глядят.

– Что видите? – спрашивает Гэсэр у дяди.
– Что слышите? – спрашивает Гэсэр у другого.
– Ничего не видим мы, – отвечают дяди,
– Ничего не слышим, хуже глухого.
– Что видите? – спрашивает Гэсэр у баторов.
– Что слышите, – спрашивает он у отчаянных.
– Ничего не видим, – отвечают баторы.
– Ничего не слышим, – отвечают.
Тогда приказывает Гэсэр Ноенам,
Тогда приказывает Гэсэр баторам:
«Тихо двинемся и пойдем мы,
Удаляясь в чужие горы.
Пусть сердца ваши будут каменными,
А повадки пусть будут волчьими,
Вы след в след идите за нами,
Мы пойдем путем укороченным.
Через землю, что вся изрыта,
Через рывины, через комья,
Пусть идут копыто в копыто,
Друг за другом послушные кони».
Так повел их Гэсэр умело,
По военным правилам древним,
В те нехоженые пределы,
Где гниют на корню деревья.

Где травы высохли, пожелтели,
А реки сузились, обмелели,
А скалы крошатся, рассыпаются
И сама земля высыхает.

В это время
В стороне от великой Сумбэр-горы,
Обладающий пугающим колдовством,
Располагающий содрогающим волшебством,
Хозяин тайги, чудовище Орголи,
И змея желтобрюхая, огромная,
Свои силы и ловкость пробуют.
Друг на друга они нападают,
Друг друга яростно пожирают.
Когда чудовище раскрывает пасть,
Туда полтайги успевают попасть,
Когда змея раскрывает рот —
Горы, скалы, гальку жует.
От схватки чудовищ поднялся ураган
От северных стран и до южных стран.
Море Сун кипит, вся земля дрожит,
А гора Сумбэр – дребезжит.
Могучие деревья до земли пригибает,
Зеленые травы до золы выжигает.
Трижды змея вокруг чудовища обвилась,
Зубами в его тело впилась.
Но чудовище Орголи змею зубами грызет,
Но чудовище Орголи змею когтями дерет.
Раздирает ее лапой железной,
Все нутро из змеи наружу полезло.
Оскаленными зубами вгрызается,
Змея по швам расползается.
Силы змея теряет,
Гибель ее наступает.
Четыре у чудовища лапы с когтями острыми,
Дерет змею этими лапами чудовище пестрое,
Кишки выворачивает наружу,
Кровищи натекла – большая лужа.
Наконец добралось чудовище и до шеи,
Вцепилось в шею зубами всеми.
Змея сначала взвилась, как кнут,
Но зубы ее грызут и мнут.
Постепенно затихла она и присмирела,
Растянулась веревкой и околела.
Израненное чудовище, зубами лязгая,
Начинает по кругу победную пляску,
Вставая, падая, медленно пляшет,
Раны облизывает, вид его страшен.
Еще бешенство Орголи не проходит,

Еще вокруг глазами он водит.
Еще за скалы и горы хватается,
Еще в деревья зубами вцепляется.
Не затих еще ураган
От северных стран и до южных стран.
Еще море кипит, еще земля дрожит,
Еще гора Сумбэр дребезжит,
Еще черный ветер по свету летает,
У Абая Гэсэра
Полы халата он раздувает.

Хара-Зутан-Ноен,
Около Гэсэра стоящий, видя такое дело,
От страха сделался белым-белым.
Боится он чудовища Орголи,
Обращается он к баторам с такими словами:
– Чтобы мы живыми отсюда уйти могли,
Чтобы благополучно могли мы с вами
Домой вернуться той же дорогой,
Не должны мы чудовища трогать.
Ведь тело у него – сорока верст,
Ведь рот у него – четырех верст,
Обладает он пугающим колдовством,
Располагает он содрогающим волшебством.
Верхней челюстью он небо скребет,
Нижней челюстью он горы жует.
Если с Абаем Гэсэром вместе
Станем мы биться с чудовищем, если
Чудовище мы разозлим, затронем,
Окажемся все у него в утробе.
Станем мы для чудовища пищей,
Вон какой у него, поглядите, ротище.
Мы в испуге своем оправдаемся,
Со стыдом своим примиримся,
В похвалах людских не нуждаемся,
Пересудов людских не боимся.
Где низинкой, а где по скалам,
Пригибаясь и уползая,
Уберемся, чтоб нас не достала
Пасть клыкастая, лапа злая.
Так Хара-Зутан малодушный
Уговаривать стал баторов,
А баторы стоят и слушают.
Но Саргал-Ноен в эту пору
Закричал на Хара-Зутана: —
Замолчи ты, с душою серой!
Побеждать ли мы нынче станем,
Погибать ли – вместе с Гэсэром.

В это время Гэсэр
Черное острое копьё в правую руку взял.
В это время Гэсэр
Звездно-белый шлем поглубже надел,
Бэльтэна – гнедого коня
По лоснящемуся правому крупу плетью огрел.
Громким голосом на всю вселенную закричал.
Рев тысячи быков
В своем голосе он соединил,
Рычанье тысячи драконов
В своем крике он объединил.
На хозяина черной тайги,
На властелина бесконечных лесов
Он решил напасть.
А чудовище между тем, переминаясь на ногу с ноги,
Растянуло клыкастую пасть.
Воздух чудовище в себя втягивает,
И все что вмиг с воздухом попадает,
Все подряд, не разглядывая
И не пережевывая, он глотает.

Конь Гэсэра попал в воздушный поток,
Несется к чудовищу, как осенний листок.
Не слушаясь повода и хозяйской руки,
Несется он в пасть на оскаленные клыки.
Абай Гэсэр,
С коня на правую сторону наклоняюсь,
Камень схватил величиной с жеребенка.
Абай Гэсэр,
С коня на левую сторону наклоняюсь,
Камень схватил величиной с теленка.
Но камни эти коня Бэльтэна не отяжелили,
Его, летящего как ветер, не остановили.
Несет его вместе с деревьями, камнями скальными,
Туда, где зияет пасть, клыками оскалена.
За клыки не задев, пролетает он в темноту,
Оказывается у чудовища во рту.
Абай Гэсэр,
Размахнувшись черным железным копьём,
В корень языка чудовища Орголи бьет.
Острый наконечник в язык вонзился,
Опираясь на него, Абай Гэсэр остановился.
Язык чудовища стелется,
Как земля от пригорка и до пригорка,
Между небом и нижней челюстью
Копьё стоит, как распорка.
Абай Гэсэр хангайскую стрелу берет,
Лук натягивает как полагается.
Прямо вверх он стрелой каленой бьет,

В небо чудовищу стрела вонзается.
Пестрое страшилище, чудовище Орголи,
Вздригнуло от неба и до земли.
Взвыло чудовище, задрожало,
Море Сун, что тихо лежало,
Возмутилось и забурлило,
Горы крепкие закачались,
Даль туманом черным закрыло,
Пыль взвихрило и закрутило,
Реки полные расплескались,
Далеко отстоявшее все распалось,
От близлежащего ничего не осталось.
А между тем, два Ноена, два дяди,
Оказавшись перед пастью чудовища мрачной,
Друг на друга глазами злобными глядя,
Начали ссориться, ругаться начали.
Кричит Саргал-Ноен на Хара-Зутана:
– Прилично ли отступать могучим и смелым,
Побеждать ли мы нынче станем,
Погибать ли – вместе с Гэсэром.—
Хара-Зутан ему в ответ:
– На победу у нас надежды нет.
Сам Гэсэр, наш племянник и внук,
В страшной пасти погибнет от мук.
Какую победу ты нам пророчишь,
Если и сами мы едва не проглочены.
Пока не поздно, давай назад повернем,
От страшных клыков как-нибудь ускользнем.—
Но Саргал-Ноен
Не стал слушать эту грязную речь,
А выхватил он
Свой хангайский булатный меч.
Сильно он рассердился, надул он щеки,
Брови его встопорщились, словно щетки.
Разогнал он коня, плетью его стеганул
И на спину чудовища сиганул.
А чудовище лежит, изгибается,
Хвост у него извивается,
Орет чудовище, хрипит и рычит,
Ведь в глотке у него копьё торчит.
Левой рукой Саргал-Ноен
Повод натягивает,
Правой рукой Саргал-Ноен
Мечом размахивает.
– Изрублю, – кричит Саргал-Ноен, – изрублю.
– Погублю, – кричит Саргал-Ноен, – погублю.
Все восемнадцать жил у чудовища перережу,
Все части тела разъединю!—
Мечом размахнулся сильнее прежнего,

Острые шпоры дал коню.
Конь несет удалого всадника,
Гром разносится по округе.
А баторы друзья-соратники,
Натянули тугие луки.
Все в чудовище они целятся,
Там где кожа его потоньше,
Чтоб достать до красного сердца,
Прострелив мясистую толщу.
У баторов острые стрелы,
Все готовы они, смотри.
Но слышался голос Гэсэра
Из чудовища, изнутри.
– Не стреляйте, – Гэсэр кричит, —
Не рубите, – Гэсэр кричит. —
Ведь своими калеными стрелами
И меня вы насквозь прострелите.
Ведь хангайским мечом звеня,
Вы заденете и меня.
Я и сам уж внутри у зверя,
До заветной добрался двери,
За которой душа находится,
За которой сердце колотится. —
Тут слышался звон меча,
Тут слышался хруст хряща,
Это рубит Гэсэр сплеча,
Душу-сердце внутри ища.
Вот достал он до сердца красного,
Разрубил он живую душу.
Орголи, чудовище страшное,
Превратилось в мертвую тушу.
А когда оно воздух выдохнуло,
Издавая предсмертный стон,
То Гэсэра наружу выдуло,
Полетел, кувыркаясь, он,
На песок, у подножья скал,
За три видимости упал.

А Хара-Зутан, между тем
Обезумел от страха совсем.
«Раз Гэсэр, – думал он, – уже съеден,
Раз Гэсэр, – думал он, – уже проглочен,
Поскорее отсюда уедем,
Отыскав пути покороче.
Все равно уж победе не радоваться,
Все равно уж не выиграть бой...»
Убежал он, уполз и спрятался,
Трех баторов забрав с собой.
Но Гэсэр, когда, отряхнувшись, встал,

О измене дяди тотчас узнал.
Не увидел своим он глазом,
Догадался своим он разумом.
Абай Гэсэр на стременах привстал,
Голову поднял и закричал.
Рев тысячи изюбрей
В своем голосе он соединил,
Рычанье тысячи зубров
В своем голосе он объединил.
Кричит он на все стороны, могуч и велик,
Хара-Зутану возвратиться велит.
Трех баторов вернуть назад,
А за трусость его простят.
У Хара-Зутана-Ноена
Лицо от стыда покраснело.
К победившему воину
Подошел он несмело.
Поднять он не может взгляда,
Покраснел он, как клюква-ягода.
Слабость показать – не хочется,
Слово сказать – не находится.
Перед Гэсэровым грязным ликом
Устыдился стыдом великим.
Постепенно все
Вокруг поверженного чудовища собираются,
Постепенно все
Вокруг мертвого страшилища сходятся,
Здороваясь, руками друг друга касаются,
Хорошие слова друг для друга находят.
Победитель Абай Гэсэр
Достает свой черный кисет,
Черный бархатный, величиной с мешок,
Достает красный резаный табачок.
Красным резаным табаком
Свою трубку он набивает,
Мягко-пушистый трут,
С матерого лося величиной,
Махая им, раздувает.
А покурив, он берет саблю острую,
Разрубает он чудовищу брюхо пестрое.
Из чудовища разрубленного, раскуроченного.
Повалило все, что было проглочено.
Повалили звери таежные,
Травоядные, хищные, всевозможные.
Соболь, куница, бурундук, колонок
Тотчас бросились наутек.
Изюбрь, медведь, россомаха, рысь,
Все в разные стороны понеслись.
А потом, как вода прорвав запруду,

Повалили толпами люди.
Все, кто были проглочены, съедены,
Выходят группами, выходят семьями.
Люди конные, люди пешие,
На свободу бегут поспешно.
На санях, на телегах, скрипя колесами,
Едут голые, едут босые,
Едут сырые, изможденные,
Из неволи освобожденные.
Придорожная пыль колыхается,
Смех, веселье повсюду слышится.
Люди радуются свободе,
Небу, солнышку, всей природе.
Люди западные, люди восточные,
И молодые и сединами убеленные,
Зажигают свечи позолоченные,
Зажигают свечи посеребренные.
При сиянии луны они с Гэсэром встречаются,
Всяческого добра Гэсэру желают,
При сиянии солнца они с Гэсэром встречаются,
С победой доблестной поздравляют.
Гэсэр
При сиянии луны с людьми встречается,
Доброго пути домой им желает,
Гэсэр
При сиянии солнца с людьми встречается,
С освобождением их поздравляет.
Потом говорит он своим баторам,
Потом говорит он дядям Ноенам:
– Кожу с чудовища Орголи надо бы снять,
Разрезать на куски и людям раздать.
Если выделать, замечательная будет кожа,
Людам на обувь и на одежду.—
Баторы и Ноены кожу с чудовища содрали,
Изрезали на куски и народу раздали.
А про Абая Гэсэра забыли,
Главного победителя обделили.
Достались ему обрезки с лап,
Рукавицы выкроить из них хотя б.
На правую руку – с правой лапы,
На левую руку – с левой...
Ждали все от Гэсэра гнева,
Но Гэсэр лишь весело рассмеялся
Трофею, который ему достался.
– Ладно, – говорит, – не в трофеях дело,
Главное, что чудовище околело.
Главное, что мы чудовище победили,
Народы плененные освободили.
Теперь дальше мы будем действовать,

Наши замыслы будем пестовать.
Самые нужные, опасные самые,
Для себя мы дороги выберем.
Мужчина состоит весь из замыслов,
Женщина состоит вся из выкроек.
Мужчина,
Чтоб замысел воплотить,
Жизнь не пожалеет отдать.
Женщина,
Чтобы из выкроенного сшить,
Палец на руке готова отдать.

Гэсэр

Дядю Саргал-Ноена
С тридцатью доблестными баторами
На месте оставляет.

Гэсэр

Дядю Хара-Зутана
С тремя доблестнейшими баторами
С собой в поход приглашает.
– Существуют, – говорит, – на земле четыре коварства,
Их четыре злых удалыца в себе хранят,
Нет от них никакого лекарства,
Кроме как победить всех подряд.
Поедем, где живет
Властелин неоглядных вод Хан Уса-Лосон.
Как отыскать нам злых удалыцов,
Как победить их в конце концов,
Посоветует он.—
Поехали они быстро, поехали они смело,
Чтобы осуществить задуманное дело.
Как земля ни широка,
Но при езде – сокращается,
Как цель ни далека,
Но при езде – приближается.
В то время, когда они ехали,
Минуя то холм, то лес, то ложок,
Улгэн – бескрайнюю землю
Покрыл хрустящий свежий снежок.
Оказались всадники
Хара-Зутан, что хитер, и Гэсэр, что суров,
На пересеченьи двух звериных следов.
Слева направо пробежала куница,
Справа налево пробежала лисица.
Тотчас всадники разделились,
В разные стороны удалились.
Абай Гэсэр за лисицей гонится,
Хара-Зутан за куницей торопится.
Каждому – своя воля,

Каждому – своя доля,
Каждому – своя дверь,
Каждому – свой зверь.
Каждому – своя тропа,
Каждому – своя судьба.
Хара-Зутан, хитроумный хан,
Видать, излишне поторопился,
В черную яму, не заметив как,
В глубокую яму он провалился.
Туда-сюда, на стенки бросается,
Туда-сюда, за камни цепляется.
Кричит, проклятьями сыплет, ругается,
А из ямы вылезти – не получается.
Тогда вместо ругани
Он кричит – помогите!
Тогда вместо брани
Он взывает – спасите!
Три батора поблизости оказались,
Так и сяк помочь бедняге старались.
Вокруг ямы бегают и хлопочут,
Но вытащить хана нет у них мочи.
Сидит Хара-Зутан в яме грязной,
Ругает баторов словами разными.
Сидит Хара-Зутан в яме черной,
Ругает баторов, вспоминая черта.
Сидит Хара-Зутан в яме, мается,
Беспрерывно на баторов ругается.
«Из ямы хана вытащить – что за труд?
За что баторами вас зовут?
Дармоеды вы, а не богатыри,
Зовите Гэсэра, черт вас дери!
Что рты растянули? Что стоите?
Гэсэра сюда скорее зовите!»
Три удалых батора
За Гэсэром поспешно мчатся,
Чтобы выручить Ноена, который
Продолжает в яме ругаться.
Гэсэр, заглянувши в яму,
Промолвил Ноену прямо:
– Значит, царственно-великие небожители
Душу твою насквозь увидели.
Не за твое ли, Хара-Зутан, двоедушие
Оказался ты попавшим в ловушку.
То пытался ты от меня сбежать,
То пытался ты меня обмануть,
А теперь я тебя должен спасать,
Руку должен тебе протянуть.—
Взял он свой меч за рукоятку
И протянул его острием вниз.

– Ну-ка, Хара-Зутан, мой дядя,
За булатный меч мой держись.—
Хара-Зутан за меч ухватился,
Из ямы вылезти изловчился,
Но все пальцы о боевое железо
Оказались у Хара-Зутана порезаны.
Начал он кричать на Гэсэра:
– Что с моими пальцами ты сделал?
Плохо ты с родственником поступаешь,
Имя мое родовитое унижаешь.
Разве можно старшего унижать,
Разве можно дядю своего обижать?
Аглаг-гора от возмущения вздрогнет,
Ангара-река от возмущения пересохнет.
А что скажут наши баторы,
Да и в народе пойдут разговоры,
Что, из ямы вонючей вызволив,
Дядю своего ты унижил,
Протянул ему ты меч, а не руку...—
Говорит Гэсэр:
– Вперед тебе будет наука,
Не бегай ты с поля боя,
Не ползай, не трусь, не прячься.
Не хотел рисковать головою,
Потерял свои десять пальцев,
Но довольно уж ты наказан,
Залечу сейчас твои раны...—
И лекарством он пальцы помазал
Ноену Хара-Зутану.
Вместо раненых и порезанных
Стали пальцы его крепче прежних.
После этого
Абай Гэсэр на коня садится,
Повод в руки берет,
Дальше Гэсэр стремится
К Уса-Лосону, великому хану вод.
Земля очень широка, но сужается,
Цель очень далека, но приближается.
Подъезжает он к белому, квадратному,
Как небо просвечивающему дворцу.
Коня к коновязи привязывает,
Подходит к бело-серебряному крыльцу,
Величественным движением
Открывая перламутровую хангайскую дверь,
Во дворец он входит теперь.
Неторопливым движением,
Не уронив ни соринки с ног,
Перешагивает мраморный, хангайский порог.
Хозяин дворца

Уса-Лосон, хан великих вод,
К Абаю Гэсэру навстречу идет,
Руку ему для приветствия подает.
Неторопливо они друг друга приветствуют,
Почтительно они друг с другом здороваются,
В рукопожатии добром и честном
Руки крепко соединяют,
С употреблением хороших и красивых слов
Искусный разговор начинают.
Уса-Лосон, порядок во всем любя,
Сажает гостя по правую руку от себя.
Золотой стол накрывает,
Вкусную пищу на него ставит.
Серебряный стол накрывает,
Редчайшую пищу на него ставит.
Озерко вина в чашу он наливает,
Пригорок мяса перед ней взгромождает.
Масла расставляет пригорки,
Напитки дает тройной перегонки.
Абай Гэсэр
Вкусно ест и сладко пьет,
Но разговор между тем о деле ведет:
«Существуют, – он говорит, – четыре коварства,
Их четыре удальца в себе хранят,
Нет от них никакого лекарства,
Кроме как победить их всех подряд.
Посоветуйте, как мне их найти,
Какие ведут туда пути?»
Уса-Лосон,
Хан всех великих вод,
Речь свою осторожно ведет,
Чтобы стремлений витязя не охладить,
Чтобы делу нужному не повредить.
Начинает он речь издалека,
Вспоминает прошедшие, давние века,
Старину он припоминает,
Преданья древние оживляет.
– Да, – говорит он, —
Существует в мире четыре коварства,
Их четыре злых удальца в себе хранят.
– Да, – говорит он, —
Нет от них никакого лекарства,
Кроме как победить их всех подряд.
Но имеют они
Волшебство, до дрожи пугающее,
Но имеют они
Колдовство, до костей пробирающее.
Если ты задумал их победить,
Мало иметь силу,

Мало иметь ловкость,
Мало иметь и злость,
Но должен ты с собой захватить
Мою золотую трость.—
Тут Уса-Лосон,
Хан всех великих вод,
К заветному сундуку неторопливо идет.
Открывает он свой золотой сундук
И золотую трость отдает
Гэсэру из собственных рук.
О четырех коварствах Гэсэру рассказывает,
Как вести себя Гэсэру наказывает:

– Самый старший молодец удалой
Обладает силой великой,
Ниспадает он многоводной рекой
С вершины горы Сардыка.
Река водой холодной окатит,
Река волной голодной подхватит,
Никто из реки назад не вернется,
Утонет, закрутится, захлебнется.
Когда ты будешь к реке приближаться,
За трость золотую надо держаться.
В реку трость окуни и там поддержи
И такие слова реке скажи:
«Река, река, сделайся ты безвредной,
Река, река, сделайся ты полезной,
Река, река, у людей бедных
Исцеляй все недуги ты и болезни».
Второй из удальцов,
Скрывающий в себе второе коварство,
На самом деле – серебряное богатство.
На вершине серебряной горы под самыми облаками
Живет он в виде собаки с серебряными клыками.
Когда ты будешь к собаке той приближаться,
За золотую трость надо держаться.
До собачьей шерсти дотронешься тростью
И скажешь ей тихо, без всякой злости:
«Собака, собака, рассыпся на серебро,
В каждом кармане у людей окажись,
Стань для них имуществом и добром,
Посеребри ты людям бедную жизнь».
Третий из удальцов,
Скрывающий в себе третье коварство,
На самом деле – золотое богатство.
На золотой горе под самыми облаками
Живет он в виде собаки с золотыми клыками.
Когда будешь к собаке той приближаться,
За золотую трость надо держаться.

До собачьей шерсти дотронешься тростью
И скажешь собаке тихо, без злости:
«Собака, собака, рассыпья на чистое золото,
Стань для людей безумной страстью,
Чтобы они стремились к тебе смолоду,
Чтобы они утешались тобою в старости».
Четвертый из удальцов,
Четвертое земное коварство,
На самом деле, пряча свое лицо,
Скрывает подземного царства богатство.
Лежит он в глубине Земли, не шевелится,
Что никто его не заметит, надеется,
Под тремя слоями надежно прячется,
Десятью слоями надежно укрыт.
Ничем на поверхности не обозначено,
В каких местах молодец зарыт.
Слуху он не слышен, глазу невидим,
Сам наружу никогда не выйдет.
Ты тростью золотой над ним помаши
И такие слова ему скажи:
«Перестань ты быть сокрытым коварством,
Стань для людей ты вечным богатством».
Абай Гэсэр
Душой радуется, сердцем веселится,
Совет Уса-Лосона ему пригодится.

Великого хана великий гость
Берет с собой золотую трость,
С Уса-Лосоном тепло прощается,
К своему коню возвращается.
Неторопливым движением
Открывая перламутровую хангайскую дверь,
На серебряное крыльцо он выходит теперь.
Неторопливым движеньем,
Не уронив ни соринки с ног,
Перешагивает он мраморный хангайский порог.
После этого
Абай Гэсэр на коня садится,
Повод в руки берет,
Дальше Гэсэр стремится
От Уса-Лосона – хана великих вод.
Встречей удовлетворенный,
Едет он из долины в долину,
Едет он с горы – в гору.
Вместе с ним оба дяди Ноена,
Вместе с ним тридцать три батора.
Земля широка,
Но постепенно сужается,
Цель далека,

Но все-таки приближается.
Едет Гэсэр побеждать четыре коварства,
Едет он их превращать в четыре богатства.

В это время четыре злых удальца,
Рожденные от злого отца,
О намереньях Гэсэра достоверно узнали,
К встрече с ним готовиться стали.
Самый старший молодец удалой
Мощью мощен, силой велик,
Низвергается вниз многоводной рекой
С вершины горы Сардык.
Собирается он Гэсэра волной захлестнуть,
Собирается он Гэсэра водой захлебнуть.
Но Гэсэр к реке спокойно идет,
В воду трость окунает и речь ведет:

– Река, река, сделайся ты безвредной,
Река, река, сделайся ты полезной,
Река, река, у людей бедных
Исцеляй все недуги ты и болезни.

Второй молодец,
Живущий на высокой горе,
Второй удалец,
Катающийся на серебре,
Ощерил на Гэсэра остры и велики
Серебряные клыки.

Но Гэсэр к собаке спокойно идет,
Тростью ее касается и речь ведет:
– Собака, собака, рассыпья на серебро,
В каждом кармане у людей окажись,
Стань для них имуществом и добром,
Посеребри ты людям бедную жизнь.

Третий молодец,
Живущий на золотой горе, под самыми облаками,
Встречает Гэсэра золотыми оскаленными клыками.
Но Гэсэр к собаке идет спокойно,
Тростью ее касается и говорит достойно: —
Собака, собака, рассыпья на чистое золото,
Стань для людей безумной страстью,
Чтобы люди к тебе стремились смолоду,
Чтобы люди тобой утешались в старости.

Четвертый из удальцов,
Пряча, закрывая свое лицо,
В глубине земли лежит, не шевелится,

Что Гэсэр мимо него пройдет, надеется.
Но Гэсэр тростью над ним помахал
И такие слова ему сказал:
– Перестань ты быть скрытым коварством,
Стань для людей ты вечным богатством.

Когда все это Гэсэр совершил,
Баторов и Ноенов позвал-собрал,
Великий праздник устроить решил,
Со своими сподвижниками запировал. —
Были мы удачливы, – он говорит, —
Были мы счастливы, – он говорит, —
Всех мы победили, – он говорит, —
Веселье мы заслужили, – он говорит.
Восемь дней они пируют,
На девятый – опохмеляются,
Готовят они коней и сбрую,
В дальний путь собираются.
Коней накормленных обласкали,
Коней обласканных оседлали,
В сторону дома поскакали.

Когда тихо едут,
Комья, величиной с блюдо, из-под копыт летят,
Когда быстро едут,
Комья, величиной с котел, из-под копыт летят.
Река длинна,
Но до моря все равно добирается,
Дорога далека,
Но дом все равно приближается.
Прискакали они в долину Моорэн,
Прискакали они на берег моря Мунхэ,
Прискакали они на землю Хатан,
Скачут они весело, без боязни,
Видят они множество очагов-огней,
Привязывают они боевых коней
К золото-серебряным коновязям.
Встречает их Алма-Мэргэн, Гэсэра жена,
Вселенную красотой затмевает она,
Победителя Гэсэра за руку берет,
Через перламутровую дверь во дворец ведет
За стол золотой Гэсэра сажает.
Что дальше было никто не знает.

Перевод Владимира Солоухина.

Ветвь шестая

Гэсэр убивает чудовище Шэрэм-Мината

Чудовище хочет истребить жизнь на Земле

Ствол у дерева серый,
Свечи в желтой листве,
А в стихах о Гэсэре —
Битва в каждой главе.
Нам за ястребом в тучах
Почему б не погнаться,
Родословной могучих
Почему б не заняться?
Так рассказывают старики:
Происшедший из тела Атая —
Из отрубленной левой руки, —
Возмужал, годов не считая,
Укрепился Шэрэм-Мината.
Был таким убийца проклятый:
Он таил в трехсаженном рту
В целых пять четвертей язык.
Непомерно остер и велик
Был один-единственный клык.
Черен был ненавистный лик,
Красных глаз пылали круги —
Страшно было на них смотреть!
Жизнь и радость – его враги,
А в руке – чугунная плеть.
Обитал он в пределах ненастья —
Ближе смерти и дальше счастья.

Это было время, когда
Процветал человеческий род:
Много видел от солнца щедрот,
А болезней не знал никогда.
Изумрудной лоснились травой
Бесконечные поймы-луга
И бессмертного моря прибой
Гулом волн услаждал берега.

В это время чудовище злое,
В чьей руке – чугунная плеть,
Поражение помня бывшее —
В прежней жизни – и дальше терпеть
Не желая старой обиды,

Порешило: настала пора
Рассчитаться с силой добра!
Гневом, ненавистью объятый,
Завидуший Шэрэм-Мината
Из огромного высунул рта
Длинный, в пять четвертей, язык.
Напоил свой единственный клык
Смертоносным дьявольским зельем,
Повернул ровно тридцать раз
Он круги своих красных глаз,
И, ударив рукой по ущельям,
Своротил он громады гор
И взглянул на земной простор
С лютой злобой и черным весельем.
Порешил он, что месть свою,
Напоенную зельем обид,
На Гэсэра обрушит в бою,
Человеческий род истребит!

Сжал рукою плетку чугунную,
Над землей наклонился юною.
Ближе смерти и дальше счастья,
На погибель цветущим странам,
Захрипел он ветром-бураном,
Залил землю влагой ненастья.
Он печальным сделал удел
Трех тубинских мудрых вождей.
Истреблял он малых детей
На земле, которой владел
Справедливый Абай-Гэсэр, —
Истреблял их, покуда малы,
В сером царстве тумана и мглы.
Жеребенка глотал он живьем,
Чтобы стать не успел он конем.
Ежедневно по сто детей,
Еженощно по сто коней
Истребляло чудовище злое.
На земле погибало живое.
Красной крови потоки текли,
Дым клубился вблизи и вдали,
Черной крови потоки текли,
Мгла душила тело земли.
Поднималась над миром гарь,
Умиralи среди смятенья
Люди, звери, птицы растенья —
Все живое, всякая тварь.
В табунах, стадах и отарах
Погибали самые жирные
И сливались в реки всемирные

Слезы юных и слезы старых.

Похвалялось злое отродье,
Поднимая чугунную плеть:
«Увядает земли плодородье,
И на это мне любо смотреть!
Я – безводье, и я – бесплодье,
Я не дам ликовать добру,
Всех детей на земле сожру!
Что ты можешь сделать, Хурмас,
Или ты, Гэсэр, мощный витязь?
Как людей вы спасете сейчас?
Ну-ка, храбрые, отзовитесь!»

Злобный дух, черный бес хохотал,
Проклял небо и землю, бахвал:
«Я всего живущего враг —
Из людей никого не оставлю,
Пусть последний погаснет очаг!
От животных я землю избавлю —
Никого я в живых не оставлю!
Ни людей, ни зверей, ни дорог
Пусть не знает мир необъятный!»
Злобный дух, кровожадный, отвратный,
Так бахвалясь, на землю прилег,
Расстелив потник сырмятный.

Гэсэр отправляется на битву с чудовищем

В это время Абай-Гэсэр,
Самых светлых исполненный дум,
Обладая умом провидца,
Волшебствам двадцати и двум
На ладони велел появиться,
А потом по перстам пустил
Чародейных двенадцать сил
И воскликнул: «Богатыри,
Сильнорукие тридцать и три,
Моему вы слову поверьте:
То чудовище, что живет
Дальше счастья и ближе смерти,
Недруг тверди, суши и вод,
У которого черный лик
И один-единственный клык
В глубине трехсаженного рта,
Кровожадный Шэрэм-Мината,—
Тот, кто, ненавистью объятый,
Сжал в руке чугунную плеть,
Чьи страшны круги красных глаз,
Ополчился войной на нас,
Чтобы жизни не было впредь!»
Обратившись с речью такою
К тридцати и трем главарям,
К небожителям-богатырям,
Он раскрыл могучей рукою
Стародавнюю Книгу Судеб.
И воитель духом окреп,
Как прочел заповедное слово:

«Если должен ты одолеть
Кровожадного беса злого,
В чьей руке – чугунная плеть,
То его ты один одолеешь.
Если ж ты победить не сумеешь,
То потерпишь один поражение,
Потому что в этом сраженье
Не помогут богатыри —
Сильнорукие тридцать и три».

Приказал Гэсэр, чтоб мгновенно
Снарядили в поход Бэлыгэна,
Ветроногого скакуна,
И, поскольку дорога трудна,
Взял Эржен-Шумара с собою —

Одного из богатырей:
Поскакать походной тропой
Приготовится пусть поскорей.
Услыхали эти слова
И отправились за Бэльгэном,
За гнедым конем драгоценным,
Остальные тридцать и два.

В это время скакун гнедой
Утолял свою жажду водой
Из прозрачного родника,
Рядом с облачной синевой.
Он питался нежной травой,
Что была и тучна и сладка.
У гнедого была красива,
В три воза шириною, грива,
Страх и трепет внушал он врагу,
Изловили его на лугу,
Там, где глазу вся даль открыта.
Чтобы твердыми стали копыта,
Повели его в поводу
По камням, а потом по льду.
Привязали его на вершине,
Чтоб, как ястреб, летал отныне,
Привязали среди долины,
Чтоб познал полет соколиный.
Чтоб к лишеньям его приучить,
Прошлогоднюю дали травку,
Дали ржавой воды в добавку.

У коня – пушистая холка,
А потник – из мягкого шелка.
Оседлали его седлом,
Что сверкало литым серебром.
Чтобы трудный брал он подъем,
Серебрился нагрудник на нем,
Чтобы спуск ему был нипочем,
Серебрился надхвостник на нем.
Вот накинули на коня
С десятью ремешками подпругу,
С двадцатью язычками подпругу,
Место поводу – полукругу —
Под переднюю дали лукой,
А под задней седельной лукой
Дали место плетке тугой,
Что из красного сделана дерева:
Крепко била плетка Гэсэрова!

Снарядил и Эржен-Шумар

Скакуна чудесного цвета
Загорающегося рассвета,
Взял с собою стрелу, что всегда
Излучала свет, как звезда,
И решил: «Конь готов к войне,
Приготовиться надо и мне».
И к Абай-Гэсэру пошел.
Там, накрыв серебряный стол,
И Гэсэр, и его жена —
Та хозяйка Алма-Мэргэн,
Что была для битв рождена,—
Угостили его на славу,
Дали мясо, к мясу – приправу.
В путь пора собираться теперь.
Стал Гэсэр одеваться, кружась
Перед зеркалом, ростом с дверь.
Стал Гэсэр одеваться, кружась
Перед зеркалом, шириной
В богатырский потник седельный.
Он сориночки ни одной,
Он пылиночки ни одной
Не оставил на ткани нательной.
Натянул шаровары-штаны,
Что, как печень, были черны,
А на ощупь, как замша, нежны:
Из семидесяти – помнят воины —
Шкур изюбров штаны были скроены!
Нацепил он справа колчан,
Что серебряным был изделием,
Что сравнялся с узким ущельем,
А налучник, что шириной
Равен был равнине степной,
Нацепил он на левый бок.
Превосходный, меткий стрелок,
Он в налучник серебряный вдел
Лук, для славных сработанный дел:
Было все у него, чтоб стрелять,
А подставок – семьдесят пять.
И число такое же стрел
Он поставил торчком в колчане,
Девяносто – расставил врозь,
Чтоб зимою на снежной поляне
Мерзнуть воину не пришлось,
Чтобы летом, в горячий день,
Эти стрелы давали тень.
Он оделся в такие одежды,
Чтоб никто не питал надежды
Среди тех, чьи плечи сильны,
Одолеть его в день войны;

Чтоб ни острое, ни тупое
Не пробили во время боя
Облаченья твердую сталь,
Чтобы сталь сверкала, как даль,
Освещенная солнцем юга,
Чтоб, как листья, шуршала кольчуга.
На двенадцать весен вперед,
Чтобы голодом не был мучим,
Он запасся жиром паучьим,
Этим жиром обмазал рот.
Чтобы голодом не голодать,
Двадцать лет без пищи страдать,
Он уста, что крови красней,
Впрок обмазал жиром червей.
Взял с собой он четыре посоха,
Чтобы с ними ходить, как посуху,
По воде четырех морей,
Взял с собою носимый на шее
Красный камень богатырей,
Что бесчисленных преград сильнее,
Взял с собою ветку сандала,
Чтоб от боли она исцеляла,
Взял аркан, чтоб на поле брани
Оказались в белом аркане
Многочисленные враги.
Он потом натянул сапоги,
Что из рыбьей сделаны кожи.
Черной юфти она дороже.
Богатырь на плечи надел
Из парчи накидку-дэгэл:
В дорогом облаченье этом
Бились воины только летом.
Вот он пальцем большим шевельнул —
И застежки все застегнул,
А потом свой стан затянул
Кушаком извитым, прославленным,
В серебро и золото оправленным.
Он надел и панцирь и щит —
Ничего их не устрашит:
Ни равнин дожди многодневные,
Ни дружин вожди многогневные.
Он соболью шапку надел,
Что казалась огромной копной.
Кисть была словно холм травяной
И дрожала от ветра дорог.
Нацепил он на правый бок
Закаленный булатный меч,
Сотворенный для ратных сеч,—
Он в крови не утрачивал злости,

Не тупился о белые кости,
Он на восемьдесят шагов
Удлинялся при виде врагов,
А сжимался на восемь шагов,
И при этом он был таков:
Острие – хитрей колдуна,
На ребре видны письмена,
Смертоносен его удар!

Вот Гэсэр и Эржен-Шумар
Открывают хангайскую дверь
Из чистейшего перламутра,
Вот Гэсэр, величав и строг,
Переходит через порог,
А порог сверкает, как утро,
А порог – белый мрамор Хангая.
И по лестнице из серебра,
Ни ступеньки не пропуская,
Отправляются со двора.
Попытались бы так спуститься
Жеребенок и кобылица,
Поскакали б за смельчаком
Кобылица да с лончаком!
Подошел он к серебряным кольям,
Где, на привязи стоя, гнедой
Многотравным дышал раздольем,
Повод взял богатырь молодой,
Быстро ноги вдел в стремяна,
На гнедого вскочил скакуна
И уселся крепко в седле
Из якутского серебра,
Чтоб помчаться на помощь земле
Ради жизни, во имя добра.

Наклонясь к седельной луке,
Крепко в правой зажав руке
Плеть из красного тальника,
Он рукою левою вдруг
Незаметно почти, слегка
Дернул повода полукруг,
И проделал круг, повторяя
Светлый солнечный круговорот,
И с Эржен-Шумаром вперед
Поскакал – только пыль густая
Поднялась, уперлась в небосвод,
Только шапки высокая кисть
Трепетала нитями алыми
Над ущельями и над скалами.

Первая схватка с чудовищем

Если скачут всадники наши
Не спеша, из-под гордых копыт
Пыль до самого неба летит
И комки этой пыли – как чаши,
А помчатся они побыстрее —
Будут пыли комки как котлы...
Двое славных богатырей
Там, где в зелень одеты стволы,
Словно белки, мелькают в листве.
Там, где с тучами горы в родстве,
Словно соколы над вершинами,
Машут крыльями соколиными.

То несутся по тропкам росистым,
Словно камень, с обрыва пущенный,
То летят со звоном и свистом,
Будто стрелы, что в воздухе сплющены.
Над пространствами в сто кругозоров
Скачут всадники выше воздуха,
Расстоянье в пятьсот просторов
Покрывают, не зная роздыха.

Скачут громко ли, скачут ли тихо —
Наступает ночевки пора.
Вот стрела взметнулась, быстра,—
Наземь падают лось и лосиха.
Разожгли они пламя костра
Там, где чистый бежал родник.
Каждый снял седло и потник
С двух коней, что скакали лихо,
Напоили их свежей водой,
По траве пустили густой.
Как вкусны будут лось и лосиха,
Что нанизаны на вертела!

А когда вечерняя мгла
Листья в темный покрасила цвет,
Погрузились всадники в сон.
Не успел еще бледный рассвет
Озарить, осветить небосклон —
Оба спутника пробудились,
Родниковой водой насладились,
Подкрепились мясом лосиным.

Не успела еще заря

Просиять лугам и долинам —
Два могучих богатыря
Огневых коней оседлали,
Поскакали в дальние дали.
«На чужбине сойдемся с врагом —
Учиним на чужбине разгром.
Встретим недруга в нашем краю —
Сокрушим его в быстром бою!»
Так решили твердо и строго
И помчались во весь опор.
Если в горы вела дорога,
Пролетали над гребнями гор,
Если море пред ними синело,
То четыре волшебных посоха
Помогали им быстро и смело
Мчаться по морю, будто посуху
Если снег выпадал глубокий
И в пути стрекотали сороки —
Возвестители зимних дней,
Если ветки деревьев вздрагивали,
То воители поплотней
Лисьи шапки свои натягивали.
Если в зеркале луж красовались
Синецветные небеса,
Если, звонкие, переливались
Соловьиные голоса,
Если в мире рождалось тепло,
Возвещая, что лето пришло,—
Мчались, ворота расстегнув,
Два воителя, два смельчака.

Хоть земля была широка,
А воители к месту успели,
Хоть была бесконечна река,
А достигли все-таки цели.

В это время Шэрэм-Мината,
Чье жильё – у горного ската,
Ближе смерти и дальше счастья,
Ненавистник тубинских владык,
У которого в страшной пасти
Был один-единственный клык,
Был язык в целых пять четвертей —
Страшный бес, пожиривший детей,
Враг земли, враг жизни подлунной,
Обладавший плетью чугунной,
Черный дух, чья злоба зажглась
В двух кругах ярко-красных глаз,
Чья слюна истекала ядом —

Понял мерзким умом колдуна,
Что Абай-Гэсэр где-то рядом,
И решил: «Да будет война.
Я помчусь Гэсэру навстречу,
Я начну смертельную сечу».
Вот Гэсэр, на погибель злу,
Из колчана достал стрелу,
Зачинавшую ратное дело.
Вот взвилась, взлетела стрела,
Но врага пронзить не могла,—
По броне скользнув, улетела.

А свирепый бес тридцать раз
Повернул круги красных глаз,
Обнажил единственный клык,
Длинный высунул свой язык,
Ядовитой забрызгал слюной.
Ненавистник жизни земной
Черной плетью – три ночи, три дня
Стал направо бить и налево —
Чуть Гэсэр не свалился с коня!
И тогда, исполненный гнева,
Размахнулся Гэсэр мечом,—
О мече мы слово начнем!

Восхищая вселенную целую,
Удивительным свойством он славился:
Он о кость не тупился белую,
В красной, жаркой крови не плавился!
Но утратил он свойство свое,
Он с чудовищем злобным не справился.
Иступилось его острие,
Изогнулся булатный меч,
Не сумел он беса рассечь!

Становилось чудовище злее,
А Гэсэр бился с гневом удвоенным:
«Хоть и бычьими были шеи,
Я сворачивал шеи воинам.
Так неужто теперь врагу
Бычью шею свернуть не могу?»
Так подумав, с гнедого сошел он,
Непреклонной решимости полон.
Две полы заткнув за кушак,
Засучив рукава, смельчак
Супостата схватил за предплечья —
Да не мог нанести увечья.
Издевается бес кровавый:
«Слишком слабы твои суставы,

Слишком волосы редки и жидки,
Слишком жалки твои попытки!»

Так сказав, из Гэсэровых рук
Злобный бес вырывается вдруг,
Бьет чугунной плетью с размаха.
Но Гэсэр не ведает страха:
«Если есть у шеи хрящи,
Сверх шести хряща не ищи,
Если ты человеком рожден,
Выполняй человеческий закон!»
Так подумав, напряг сухожилья
И в сраженье вступил рукопашное,
Чтоб избавить мир от насилья.
Он схватил чудовище страшное
За предплечье правой руки —
Стали биться они, как быки.

Сила с мощью великой столкнулась,
Синецветная твердь содрогнулась,
Мироздание пошатнулось,
Море вздрогнуло и захлебнулось,
Превратились горы в песок,
Разъярился речной поток,
Желтоцветная пыль взметнулась —
И земля во мгле задохнулась!
В черной мгле и желтой пыли
Исчезали приметы земли,
Все живое стало незримо
В облаках тяжелого дыма...

Трое суток – и ночью и днем —
Длится бой на просторе земном.
Длится битва семь дней, семь ночей
Кто сильнее из двух силачей?
Здесь могучий бьется с могучим.
Если их на верблюда навьючим,
Одинаковым будет их вес,
И такой же вес мы получим,
Если их на лошадь навьючим.
С человеком сражается бес
От зари до полночного часа,
Задевая края небес,
От спины отрывая мясо,
На груди разрывая мясо,
Попирая полночные горы,
Коль другой не видно опоры,
Попирая вершины юга,—
Уничтожить хотят друг друга!

Длится бой девяносто суток.
Между гор найдя промежуток,
Бой ведут на тропе ледяной.
Девять месяцев длится бой.
Храбрецы, как лошади, взмылены,
Обескровлены, обессилены,
От зари до позднего часа
Попирают дно пропастей.
Воздвигается горка из мяса,
Воздвигается холм из костей,—
Уничтожить не могут друг друга!
Прилетают вороны с юга,
Это мясо на ночь уносят,
Разрешенья при этом не просят.
Покидая север, сороки
Прилетают на краткие сроки
И на сутки мясо уносят
И при этом слова произносят:
«Своего нам давайте мяса,
Пусть побольше будет запаса,
Чтоб на тысячи тысяч лет
Было мясо для птиц на обед!»
Так сказав, сороки и вороны
Разлетаются в разные стороны.

Целый год в борении прожит,
А Гэсэр победить не может
Ни военной мощью меча,
Ни надменной силой плеча,
Ни копьем, ни острой стрелой,
Ни отвагою удалой.
От зари до полночи лунной
Злобный бес, не кончая сраженья,
Бьет Гэсэра плетью чугуновой
До всемирного изнеможенья!

Так сражаются благо и злоба,
Круглый год продолжается бой.
Ослабели в сражении оба,
Обескровлены долгой борьбой.
Мощь иссякла, и сталь заржавела,
И они, соблюдая правила,
Порешили передохнуть:
Каждый в свой отправился путь.

Обладая ценным сокровищем —
Чистым сердцем, умом прозорливца, —
Так подумал Гэсэр: «С чудовищем

Слишком рано решил я сразиться.
Не хватает мне силы-уменья,
Не хватает и разуменья».

И с Эржен-Шумаром вдвоем
На гнедом Бэлыгэне своем
Богатырь поскакал домой
По тайге, что слывет глухой,
По горам, что слывут высокими,
По морям, что слывут широкими,
По просторам, слывущим далекими,
По озерам, слывущим глубокими.

Он добрался до моря Мунхэ,
До своей долины Морэн,
До реки Хатан многопенной.
Как приехал к себе домой,
Удалого коня Бэлыгэна
К кольям коновязи расписной
Привязал он привязью красной,
Сотворенной из ткани атласной,
И к супруге своей молодой
Он вошел в чертог золотой.

Тут Алма-Мэргэн, та жена,
Что для грозных битв рождена,
Увидав, что супруг пришел,
Золотой накрывает стол,
Накрывает серебряный стол,
Угощает Абай-Гэсэра
Вкусной пищей, крепким вином,
Угощает арзой-хорзою
И, сияя свежей красою,
С милым мужем садится вдвоем.

Вот, отведав чуть-чуть вина,
Вот, откушав чуть-чуть еды,
Рассказать попросила жена,
Чем его завершились труды.
Рассказал Гэсэр полупшепотом,
Что свирепа чугунная плеть:
Ни отвагой, ни силой, ни опытом
Не сумел он врага одолеть.
Ослабев, он вернулся обратно,
Он решил отдохнуть немного,
Но теперь ему непонятно:
Где лежит к победе дорога?
И жена ответила-строго:
«Не тебе ли твои небожители —

Пятьдесят и пять – помогли
Вновь родиться в земной обители
Ради жизни и правды земли?
Не тебе ли была бурханами
Пятикнижная мудрость дана,
Чтоб твоими деяньями бранными
Укрепилась твоя страна?
Если ты не сразишь чудовище,
Чье губительно самовластье,
То чудовище, чье становище —
Ближе смерти и дальше счастья,
Чье оружие – чугунная плеть,—
Кто ж сумеет его одолеть?
Кто же землю наполнит цветением,
Чтоб она перестала страдать,
Чтобы к людям, животным, растениям
Счастье жизни вернулось опять?
Злобный бес, погибель готовящий
Детям всех государств-племен,
Должен, должен быть побежден,—
Так иди, победи чудовище!
Ты во имя людей потрудись,
Поднимись на небесную высь,
Ты спроси у Хурмаса-отца
И у бабки Манзан-Гурмэ:
Как борьбу довести до конца,
Чтоб она завершилась победой?
Эсэгэ-Малана проведай —
Там и мудрости почерпнешь!»

Говорит ей Гэсэр в ответ:
«Ты права, твой совет хорош,
Ибо правилен твой совет!»
И тогда на коне Жэгуртэ,
Что к небесной взмывал высоте,
Полетел Гэсэр удалой,
Ввысь поднялся, расстался с землей,
Вскоре скрылся в небе рассветном
На своем коне синецветном.

Манзан-Гурмэ вручает Гэсэру шерстобитный смычок

Поднимаясь все выше и выше
В беспредельном небе, Гэсэр
До отцовской домчался крыши,
Светом солнечным залитой.
Он врата объезжает справа,
Возле коновязи золотой
Оставляет коня, величаво
В белозвездный вступает чертог.
Ни соринки не оставляя,
Перешагивает порог —
Светозарный мрамор Хангая,
И здороваётся по обычаям,
С богатырским гордым величием.
Хан-Хурмас и Гэрэ-Сэсэн
Дорогого приветствуют сына,
Многомощного исполина,
Чью отвагу повсюду славят —
И на небе, и на земле.
Угощение отменное ставят
На серебряном щедром столе,
Накрывают и стол золотой,
А на нем, с курган высотой,
Возвышаются масло и мясо
И рекою льется питье.
Средний сын пред лицом Хурмаса
Рассказал про горе свое.
Рассказал отцу про чудовище
С трехсаженной свирепой пастью,
Про чудовище, чье становище
Ближе смерти и дальше счастья,
Рассказал про то, как злодей
Пожирает малых детей.

«Этот бес, – Гэсэр говорит, —
Зло и мрак на земле творит,
Истребляет он все живое,
А оружие его боевое —
Беспощадная черная плеть.
Я врага не сумел одолеть.
Как покончить с бедою этой?
Помоги мне, отец, посоветуй».

Хан-Хурмас говорит в ответ:
«Силы нет, чтобы дать совет.
Только бабка Манзан-Гурмэ

Может мудрое слово сказать,
Чтобы с гнусным отродьем справиться,
Надо к ней за советом отправиться».
И отца, и добрую мать
На прощанье обнял Гэсэр,
Обласкал их речью учливой,
Пожелал им жизни счастливой
И помчался к Манзан-Гурмэ.
Во дворце своем восседая
С чашей разума и добра,
Сотворенной из серебра,
Так развежилась бабка седая,
Увидав любимого внука,
Удалого стрелка из лука,
Что ему поднялась навстречу,
Обласкала приветливой речью,
Обнимая его и целуя,
И любовь и милость даруя.
Золотой накрывает стол,
Накрывает серебряный стол,
Ставит все, чем полон котел,
Ставит пищу, приятную взору,
Ставит мяса целую гору,
Наливает море вина...
Приступили они к разговору
Про старинные времена.
О счастливых годах и печальных,
Начиная с дней изначальных,
До тех пор говорили тогда,
Выясняя земные дела,
Что в пруду закипела вода,
А на камне трава проросла.
Покраснев от питья хмельного,
Молвил воин такое слово
Мудрой бабке Манзан-Гурмэ:
«На земле я родился снова
Ради жизни и блага людского.
Было трудно мне в битве подчас,
Но тогда вспоминал я вас...
Так бывало – от вас не скрою,—
Сила зла побеждала порою,
Но скакал я навстречу бою,
Славных предков призвав имена,
И была мне по силам война.

А теперь моя битва – иная...
Происшедший из тела Атая,
Из руки его левой, отрубленной,
Кровь людей на земле проливая,

Черной смерти и жизни загубленной
Стал причиной Шэрэм-Мината.
В трехсаженном рту супостата
В целых пять четвертей язык
И один-единственный клык.
Красных глаз пылают круги,
Так что страшно на них смотреть...
Жизнь и радость – его враги,
в руке – чугунная плеть.
Обитает этот злодей
Ближе смерти и дальше счастья,
Низвергает он на людей
То кровавую влагу ненастья,
То пургу – все лютей и лютей.
Воздвигает холмы из костей,
Воздвигает горы из мяса.
Дожил я до тяжкого часа!
Истребляет Шэрэм-Мината
И людской и звериный род,
И скота моего приплод,
Самых жирных ягнят и телят —
Овцы плачут, собаки скулят!
Порешил я: пойду войной.
Коль вблизи чудовище встречу —
Уничтожу в стране родной,
Если нет – я устрою сечу
На чужой стороне далекой...
И сошлись мы в битве жестокой,
От зари до позднего часа
От спины отрывая мясо,
На груди разрывая мясо
В буйном гневе кровопролитья, —
Но врага не сумел победить я
Ни военной мощью меча,
Ни надменной силой плеча —
Истощилась моя отвага...
У небесных мужей, чье число —
Пятьдесят и пять, что светло
Даровали мне чистое благо,
У бурханов, чей свет и тепло
Благодарной душой приемлю,
Ибо послан я ими на землю,
Чтоб карать неправду и зло,
У тебя, моя бабка седая,
Дорогая Манзан-Гурмэ,
У тебя, что глядит, восседая,
В чашу разума и добра,
Сотворенную из серебра,
Я прошу: помогите спасти

Человечество на земле,
Укажите к победе пути,
Чтобы жизнь не погасла во мгле,
Дайте недруга одолеть,
В чьей руке – чугунная плеть!»

Тут Гэсэру Манзан-Гурмэ
Говорит слова укоризны:
«Как мне жаль, что во имя жизни
Ты в бою не сражался как воин!
Видно, сын отца недостойн...
Шерстобитный смычок возьми.
Ты навек породнился с людьми,
Так на землю спустишься ты вновь,
Защити добро и любовь,
Защити человеческий род,
Защити матерей и сирот!»
Тут возрадовался Гэсэр:
«Ты мне, бабушка, помогла,—
На земле рассеется мгла,
Будет сломлен свирепый бес!»
Пожелал он ей благоденствия:
Пусть не знает горя, главенствуя
Над воителями небес,
И помчался к себе домой,
Взяв смычок шерстобитный с собой.

Вторая схватка с чудовищем

С беспредельных небесных высот
Он спустился на землю снова
И, людской приветствуя род,
Произнес богатырское слово:
«Если встретился ты, человек,
С многотрудной преградой особой —
Трижды взять преграду попробуй!»

Для сраженья, что будет сурово,
Снарядить приказал он гнедого,
А Эржен-Шумару сказал:
«Мне ты спутником будешь в дороге,
Мы разделим труды и тревоги»,—
Снарядиться в поход приказал.
Он вступил во дворец золотой,
Он вошел к жене молодой,
И любимого мужа она
Как желанного гостя встретила,
Обласкала, взглядом приветила.
Говорит он: «Моя судьбина
Мне для ратных трудов завещана.
Пусть пребудет в дороге мужчина,
Как в домашних заботах – женщина.
Если есть на пути преграда —
Пусть воитель запомнит впредь:
Совершить три попытки надо,
Чтоб ее наконец одолеть.
Высшим благом правды владея,
Я иду уничтожить злодея,
В чьей руке – чугунная плеть.
Он живет в пределах ненастья —
Ближе смерти и дальше счастья».

У Гэсэра на теле – броня,
Боевые доспехи грозны.
Сел Гэсэр на гнедого коня,
Состоявшего из огня,
И открыл дорогу войны.
На коне чудесного цвета
Разгорающегося рассвета
С ним помчался Эржен-Шумар,
Как помощник-спутник в дороге,
Чтоб делить с ним труды и тревоги.
Если едут всадники наши
Не спеша – из-под гордых копыт

Пыль до самого неба летит,
И комки этой пыли – как чаши,
Если едут они побыстрей,
То взлетают комки, как котлы,
На дороге богатырей.
Там, где в зелень одеты стволы,
Мчатся всадники над листвой,
Что обрызгана теплыми росами,
Там, где высится кряж вековой,
Пролетают они над утесами,
Там, где море шумит у нагорий,
Переносятся через море.
Скачут всадники выше воздуха
Над пространствами в сто кругозоров,
Покрывают, не зная роздыха,
Расстоянье в пятьсот просторов.
Порешили стать, на ночлег
На холме серебристо-белом,
Где еще не ступали вовек
Ни животное, ни человек,
Где вольготно пернатым стрелам,
Где к воде, что дарует родник,
Ни один еще конь не проник.

Вот и спешили два седока
У истока того родника,
На холме, что снега белей.
Напоили уставших коней
И пустили гулять по траве.
Приложили стрелу к тетиве —
И упали лосиха и лось:
Та стрела над ними не сжалилась,
Засвистела – пронзила насквозь.
Вот лосиное мясо изжарилось
На огне сине-красном костра,
И заснули стрелки до утра.
До того, как явила заря,
Словно в зеркало, глядя в родник,
Свой румяный, упитанный лик,
Два проснулись богатыря,
Родниковой водой освежились,
Причесались, расположились
На холме одиноком, пустынном
И насытились мясом лосиным.
На траве, что шелка нежней,
Двух поймали могучих коней,
Оседлали и дальше помчались,
О судьбе своей не печалась.
Пролетали повыше воздуха

Над пространствами в сто кругозоров,
Покрывали, не зная роздыха,
Расстоянье в пятьсот просторов,
За три дня, не устав ничуть,
Покрывали трехмесячный путь,
Покрывали за три перехода
Путь, длиною в три долгих года.
Хоть просторна земля, широка —
В наилучшее время спели,
Хоть длинна, бурлива река —
Доскакали они до цели.
Перед ними легла граница —
Здесь им надо остановиться.

Обитавший в пределах ненастья —
Ближе смерти и дальше счастья,
Обладавший чугуном плетью,
Приказавший быть лихолетью,
Страшный бес, истреблявший людей,
Понял с быстрым понятием злодей,
Что Гэсэр уже прискакал,
За его охотясь душой,
До границы страны чужой.
Размахнулся бес непоборною
Жгучей плетью, чугуном, черною,
И помчался Гэсэру навстречу,
Чтоб начать кровавую сечу.
Там, где внешней реки переправа,
За которой – чужая держава,
Там, где блещет издалика
Царства внутреннего река
Синецветным разливом влаги,
В бой вступили два смельчака,
Два могущества, две отваги.
А на чьей стороне перевес?
Бьет Гэсэра свирепый бес,
Черной плети удары множит —
Победить Гэсэра не может.
А Гэсэр, победить желая,
В ход пускает стрелу Хангая,
Ту, что прочих стрел совершенней, —
Зачинательницу сражений.
Но, скользнув по броне, от тела
Людоеда Шэрэм-Мината
Отскочила стрела, улетела,
Утонула в разливе заката...

Чтобы радость жила человечья,
Бьется с бесом Гэсэр бесстрашный.

Вот схватились они за предплечья —
Ибо в битве сошлись рукопашной.
То ведут сраженье по-птичьи,
То дерутся они по-бычьи,
То, как соколы, жаждут добычи,
То – как коршуны на небосклоне,
То – как в поле дикие кони.
Обопрутся на южную гору —
В пыль и прах превратят опору,
А на северный станут хребет —
В толще пыли сокроется свет.
Бьется насмерть с Гэсэром могучим
Девять суток свирепый бес.
На верблюда обоих навьючим —
Одинаковым будет их вес,
И такой же вес мы получим,
Если их на лошадь навьючим.
В том урочище диком, глухом
Бес кровавый и сын Хурмаса
Из костей воздвигают холм,
Воздвигают гору из мяса.
Смерть и злобу везде славословящий,
Бес, бранясь, устремляется вспять,—
И опять наступает чудовище,
Бьет чугунною плетью опять,
Бьет Гэсэра злое отродье!
Мощь Гэсэра уже на исходе,
Воин кажется беззащитным,
Но тогда о смычке шерстобитном,
О подарке Манзан-Гурмэ,
Вспомнил воин, сидевший верхом.
Он взмахнул шерстобитным смычком
И ударил беса с размаха
Так, что мерзкий присел от страха,
Стал слабее пыли и праха.
А Гэсэр сечет и сечет —
Он теряет ударам счет,—
Чтобы выбить из тела дух.
Злобный бес от ударов распух,
Стал недвижимым язык в страшной пасти.
Обитавшего в черном краю —
Ближе смерти и дальше счастья,
Богатырь одолел в бою
Ненасытного людоеда.
Вынул душу и вышиб дух.
Свет в глазах злодея потух.
Наконец-то пришла победа!

Раскраснелся Гэсэр от счастья:

«С тяжелой справились мы напастью,
Побежден кровожадный враг,
Всем внушавший ужас и страх!»

Вот Гэсэр и Эржен-Шумар
Порубили деревья лесные,
И сухие стволы и сырые,
Порубили деревья таежные
Вместе с ветками, вместе с корнями.
Утверждая слова непреложные,
Разожгли высокое пламя
И в огне возмездья сожгли
Изувеченные останки
Кровопийцы, врага земли,
Возле черной его стоянки
В ненавистных пределах ненастья —
Ближе смерти и дальше счастья.
И осиновою лопатой
Этот пепел собрали проклятый,
Чтобы ветры, что с севера веяли,
Черный пепел на юге рассеяли,
И лопатую из березы,
Отомстив за людские слезы,
И золу собрали и сажу
И пустили по горному кряжу,
Чтобы ветры, что с юга веяли,
В странах северных пепел рассеяли.

Торжество жизни

Вот спаситель всего живого,
Победитель чудовища злого,
Именуемый всюду Гэсэром,
Серебристую трубку достав,
Что казалась с нерпу размером,
Из похожего на рукав
Темно-бархатного кисета,
Трубку красным набил табаком.
Он огнивом жемчужного цвета
Высек яркие искры огня —
Пламя вырвалось из кремня.
Насладился Гэсэр табаком —
Закурил, затянулся дымком,
А как выдул дымок – был он цвета
Загорающегося рассвета!
Совершивший великое дело,
Возвративший отчизне смело
Счастье жизни, счастье добра,
Так Гэсэр порешил: «Пора
Нам коней повернуть обратно!»
И с Эржен-Шумаром вдвоем
Поскакал он знакомым путем.

А земля кругом благодатна,
И отрадно мчатся вперед.
Льются реки, сердцам их вторя,
Говоря им: «От смерти и горя
Вы спасли человеческий род.
Возвратили счастье, и волю,
И любовь, и блаженную долю
Человеческому очагу,
Ибо смерть нанесли врагу!»

К той реке, что их в детстве поила,
К той земле, где возникла их сила,
В дорогие, родные края,
Где у каждого – дом и семья,
Поскакали, как быстрая влага,
По дороге света и блага.

Вот коней замедляют бег,
Потому что стать на ночлег
Посреди долины пришлось.
Их стрела, подчиняясь приказу,
Двух животных пронзила сразу —

И упали лосиха и лось.
О кремень огнивом ударили
Два защитника вольной земли,
Сине-красный костер разожгли,
И лосиху и лося изжарили,
И на отдых спокойно легли.

Не успел еще в небе разлиться
Бледный свет зари молодой —
Освежили руки и лица
Родниковой чистой водой,
Привели одежды в порядок,
Подкрепились мясом лосиным,
И навстречу сияниям радуг
Понеслись по горам и долинам,
Мчались всадники выше воздуха
Над пространствами в сто кругозоров,
Покрывали, не зная роздыха,
Расстоянье в пятьсот просторов.

Вновь решают на отдых лечь,
Вновь решают они разжечь
Сине-красное пламя костра,
Но Гэсэр, заступник добра,
Произносит такую речь:
«Там, где мы ночевали вчера,
Я забыл, оставил на пне
Плеть из красного тальника.
Та ночевка отсель далека,
И без плети приходится мне
Приближаться к моей стороне».

И тогда, не желая ночевки,
Поскакали без остановки,
Поскакали к себе домой,
К той стране, что была им родной,
К той реке, что их в детстве поила,
К той земле, где возникла их сила,
К побережью моря Мунхэ,
К той долине, чье имя – Морэн,
К той супруге – Алма-Мэргэн,
Что Гэсэра ждала дорогого...
Богатырь привязал гнедого
К кольям коновязи золотой:
Охранитель всего живого,
Сокрушитель чудовища злого, —
Победитель вернулся домой!

Был он встречен с любовью женой,
Было радостным возвращенье
Раторборца в родимый дом.
На столах перед ним угощенье —
На серебряном и золотом:
Мясо всякое здесь в преизбытке,
И арза, и другие напитки.
И тогда Гэсэр говорит:
«Возвратилось хорошее время,
Мне не нужно военное стремя,
Уберу я кольчугу и щит».
Говорит победитель-воин:
«Снова счастлив мир и спокоен,
Род людской избавлен от мук —
Уберу я стрелы и лук».

В этот час прямодушный Саргал
Прозорливым умом угадал,
Что, земли и неба избранник,
Возвратился домой племянник,
Что Гэсэр уничтожил чудовище,
Чье губительно самовластье,
То чудовище, чье становище —
Ближе смерти и дальше счастья!
И возрадовался Саргал,
Он к племяннику прискакал
И сказал ему, что отныне
На земле не погаснет свет.
А Гэсэр вздыхает в ответ:
«Там, где мы ночевали, в долине,
Что от наших мест далека,
Плеть из красного тальника
Я забыл, оставил на пне,
И пришлось поэтому мне
Возвратиться без плети к жене!»

На Гэсэра ласково глядя,
Улыбнулся племяннику дядя.
Прямодушный нойон Саргал
В золотой барабан ударил,
Свой народ на праздник собрал.
Он Гэсэра гордо восславил
На веселом, обильном пиру,
Ибо воин, служба добру,
Род людской от смерти избавил,
В самый трудный и горький час
Все живое от гибели спас,
Чтоб любовь на земле не погасла,
Чтоб светились покой и мир...

Восемь дней продолжался пир.
Словно холм, поднималось масло,
Мясо высылось, точно гора,
Разливались вина, как реки...
В честь великой победы добра,
Утвердившей счастье навеки,
Длится пир девять дней и ночей.
Много сказано было речей.
Сколько можно есть-угощаться?
Стал народ по домам разъезжаться.

А Гэсэр и его жена
В многотравной, мирной долине,
Говорят, пируют поныне,
А кругом ликует страна,
Изобилья и света полна.

Перевод Семёна Липкина.

Ветвь седьмая

Как Гэсэр победил дьявола Абарга-Сэсэна

Часть 1

Священное желтое дерево,
На каждой ветви свеча горит,
Девять сказаний древних,
Каждое о доблести говорит.

Бобра промелькнувшего, черного
Почему не добыть, не взять?
Богатырей родословную
Почему не пересказать?

Оставив все другие заботы,
Абай Гэсэр отправился на охоту.

Поехал он промышлять дорогих зверей,
Едва за ворота – гость у дверей,
Не с чужой стороны, не из дальних стран
Дядя его – Хара-Зутан.

Встречает дядю невестка,
Гэсэра молодая жена.
На почетное в доме место
Сажает дядю она.
Золотой накрывает стол,
Ставит вкусные яства,
Серебряный расстилает стол,
Ставит редкие яства.

Угощает его прозрачной арзой,
Угощает его светлой хорзой.
Все напитки, что она выставила,
Были напитки крепкие, выстоянные.

Хара-Зутан,
А душа у него, как известно, черная.
Выпил раз, выпил повторно,
Выпил трижды, выпил еще,
Потерялись выпитому мера и счет.
Хара-Зутан
От съеденного разомлел,
Хара-Зутан

От выпитого захмелел.
Забыл он время, забыл и место,
Стал приставать к молодой невестке.
Стал он за нее руками цепляться.
Стал он ей в любви признаваться.
Ничего в тумане хмельном не видя,
Давние стал вспоминать обиды.

– Я ведь тоже сватать тебя приходил,
Да Гэсэр в состязаниях победил.
Мало ли что, он всех побил,
А я тогда тебя больше любил.

Совсем Хара-Зутан распустился,
Ухаживать за чужой женой пустился.

Смотрит молодая Тумэн-Жаргалан,
Что гость дорогой совсем уж пьян,
Постелила она ему постель
Высотой по колена,
Подушек положила до потолка,
Взбила она ему постель
Мягкую, словно пена,
Чтобы дядя не отлежал бока.
Спать захмелевшего уложила,
Соболиным одеялом его укрыла.

Проснулся Хара-Зутан-Ноен,
А душа у него, как известно, черная.
Смотрит – лежит на постели он,
Постель пуховая и просторная.

Водой холодной он освежился,
Волосы руками пригладил на место.
Приосанился, приободрился,
Выходит к молодой невестке.

А та подумала:
«Дядя с похмелья,
Наверное у него голова болит».
Не успел Хара-Зутан отойти от постели,
Глядь перед ним бокал налит.
Выпил, опохмелился Хара-Зутан
И стал сильнее вчерашнего пьян.
Стал он за невестку руками цепляться.
Стал он ей в любви признаваться.
То, что вчера говорил, повторяет,
Ко вчерашнему новое прибавляет.
Называет он

Тумэн-Жаргалан прекрасной,
Сравнивает он
Тумэн-Жаргалан с зарею ясной.
Рассказывает,
Как он свататься к ней приходил,
Доказывает,
Что он ее больше других любил,
Что он ее из всех невест выбрал,
Но молокосос Гэсэр состязания выиграл.
И вернуться пришлось с пустыми руками,
Но с тех пор на душе – обида-камень.
А теперь, когда Гэсэр на охоте рыщет.
Никто нам не мешает исправить дело.
Племянник на дяде родном не взыщет,
А ты, вон какая молодая да белая...

Смотрит молодая Тумэн-Жаргалан,
Что гость дорогой совершенно пьян,
Постелила она ему постель,
Высотой по колена,
Подушек положила до потолка.
Взбила она ему постель,
Мягкую, словно пена,
Чтобы дядя не отлежал бока.
Гостя хмельного спать уложила,
Бровным одеялом его укрыла.

Проснулся утром Хара-Зутан-Ноен
С черной и злой душой,
Смотрит, лежит на постели он,
На пуховой и на большой.

Водой родниковой он умылся,
Волосы руками пригладил,
Приосанился, приободрился,
Выходит к невестке дядя.

А невестка подумала:
«Дядя с похмелья,
Наверное у него голова болит».
Не успел Хара-Зутан отойти от постели,
А перед ним уж опять бокал стоит,
Налит бокал прозрачной арзой,
Налит бокал крепчайшей хорзой.
Дядя выпил и закурил,
Пуще прежнего задурил.

То, что вчера говорил, повторяет,
Ко вчерашнему новое прибавляет.

Стал он за невестку руками цепляться,
Стал он ей в любви признаваться.
Называет он
Тумэн-Жаргалан прекрасной,
Сравнивает он
Тумэн-Жаргалан с солнцем красным.
Рассказывает,
Как он свататься к ней приходил,
Доказывает,
Что он больше других ее любил,
Что состязаний он выиграть не сумел,
Что жалок и горек его удел,
Но настала пора все поставить на место,
Надо дяде соединиться с невесткой,
Надо нам во всем разобраться...
Гэсэр, приехав, не будет ругаться,
Что дядя с невесткой соединились,
Что дядя с племянником дополнительно породнились.

Смотрит хозяйка Тумэн-Жаргалан,
Что гость дорогой совсем уж пьян,
Что свел с ума его крепкий хмель,
Начинает ему стелить постель.
Постель она стелит высотой по колена,
Взбивает ее нежнее, чем пена,
Кладет подушек до потолка,
Чтоб гость дорогой не отлежал бока,
Чтобы гость дорогой не отлежал и спину,
Одеялом укрывает его соболиным,
Одеялом бобровым его укрыла,
Тепло одела, спать уложила.

Утром проснувшись еле-еле,
Смотрит Хара-Зутан-Ноем,
На мягкой, широкой постели
Под одеялом бобровым находится он.
Водой родниковой умылся,
Волосы пригладил ладонями,
Приосанился, приободрился,
Выходит к хозяйке дома.
А хозяйка подумала:
«Ведь дядя с похмелья,
Наверное, у него голова болит».
Не успел Хара-Зутан отойти от постели,
А стол для него уж опять накрыт.
Стоит на столе арза,
Стоит на столе хорза.
Дядя выпил и закурил,
Хмель ему голову задурил.

К Тумэн-Жаргалан красивой
Начал он опять приставать:
Считая ее спесивой,
Начал уговаривать-увещевать.
Ничего уж тут не боялся он,
Разошелся совсем, распоясался,
То, что трижды говорил, повторяет,
Четвертое, новое, прибавляет.
Величает ее торжественно,
Называет ее божественной,
Называет ее красотой вселенной,
Хватает ее за колена.
– Должны мы, – говорит, – соединиться,
Друг другу мы должны полюбиться.
Гэсэр тебя из-под носа увез,
Но он мальчишка и молокосос.

А нужен тебе такой как я,
Будешь ты вечно – жена моя.
Тут уж Тумэн-Жаргалан не вытерпела
И все дорогому гостю выговорила.

«В первый день я подумала,
Что ты просто пьян.
Во второй день я подумала,
Что ты стар и пьян.
В третий день я подумала,
Что ты глуп и стар.
А ты опять волочиться стал.
В четвертый раз я подумала,
Что ты не выспался,
А ты, оказывается, вправду высказался.
Три дня я думала,
Что ты шутки шутил,
А теперь я вижу,
Что ты всерьез говорил.
Вот сейчас я тебе отвечу,
Крыть тебе будет нечем».
Вышла она из дворца,
В ладошки хлоп-хлоп,
Спустилась она с крыльца,
Каблучком топ-топ.
Вышла она во двор,
Каблучком стук-стук,
Буйдан-Улаан батор
Тут как тут.
Не спускает батор с хозяйки глаз,
Отдает хозяйка ему приказ.
– Наш дядя Хара-Зутан

Напился пьян,
К тому же, Хара-Зутан
Оказался большой буян.
Возьми-ка ты его,
Мой верный батор,
Выведи-ка ты его
На широкий двор.
Посади-ка ты его на коня,
Батор дорогой и верный мой.
Отправь-ка ты, ради меня,
Поскорее дядю домой.

Боолур-Сагаана небожителя
Первый и лучший сын,
Буйдан-Улаан батор,
Служил Гэсэру с давних уж пор,
Тумэн-Жаргалан желанье
Сразу же он угадал,
Твердое ее приказанье
Исполнять немедленно стал.
Кнут с рукояткой из яшмы
Он в правую руку берет,
И в покои, где гость их бражничает,
Смело и прямо идет.
Идет он в убранство
Золотого дворца.
Где буйству и пьянству
Не видно конца.
Входит он в те покои,
Где льется вино рекою,
Где арза пьется светлая.
Где хорза льется крепкая,
Где гость ничего не боящийся,
Разошелся и распоясался.
Бессвязные речи бормочет,
Одуревши и в стельку пьян.
Завладеть непременно хочет
Красавицей Тумэн-Жаргалан.
Буйдан-Улаан поморщился.
Рассердился,
Надул он щеки.
Брови его топорщатся
Черные, словно щетки.
Ноена седые волосы
На руку он намотал.
Не подавая голоса,
С места его приподнял.
В дверь он Ноена выволок.
Взмахнул он своим кнутом...

Хорошо, что никто не видел
Всего, что было потом.
Стегал он Ноена хлестко.
Ягненком Ноен кричал,
Лупил он Ноена жестко,
Козленком Ноен верещал.
Хлестал он Ноена умеючи
По спине и ниже спины.
Чтобы впредь желать не осмелился
Чужой, красивой жены.
Потом он, как куль с мякиной.
При свете белого дня
В седло Ноена закинул
И плеткой стегнул коня.
Хара-Зутан извивается,
Зубами скрежещет он,
Недаром же он называется
Хара-Зутан-Ноен.
Еще он им всем покажет,
Ответить они должны.
Душа его, словно сажа,
Мысли его черны.
Смеются они напрасно
Над его головой седой.
Мечь его будет страшной.
Мечь его будет злой.
От Тумэн-Жаргалан прекрасной
Едет старик домой.

Возвратился домой Хара-Зутан-Ноен,
Ходит всегда угрюмый,
И днем и ночью думает он
Черную, злую думу.
За насмешку надо бы отплатить,
За обиду надо бы отомстить.
Дни проходят, а мысли все те же,
Стал он шутить и смеяться реже.
Вместо смеха слышен зубовный скрежет.
Наконец он надумал, составил план
И овцу на рассвете режет.
Овечью кровь он всю собирает.
Наливает ее в овечьи кишки,
Коня сине-стрельчатого седлает
И едет к истокам восточной реки.
Хонин-Хото там страна была,
Пустынна и безводна лежала она,
Земля та была холодная.
Земля та была голодная.
Постоянно там было ветрено,

А травы никакой там не было,
А деревья с корнями выдернуты,
А все наизнанку вывернуто.
Только путь себе через скалы прокладывая,
Текла там одна река с тремя водопадами.
Вот куда поехал Хара-Зутан, Об отмщеньи мыслями обуян.
Дело в том,
Что в этой стране бесплодной,
Дело в том,
Что в этой стране холодной,
Дело в том.
Что в этой стране пустынной,
Дело в том,
Что в этой земле постылой,
Где плавает всегда ядовитый туман,
Обитают девять шалмасов черных,
Покровителей мести, ссор и раздоров,
Властелинов подземного царства Таман.
Едет Хара-Зутан
Поклониться этим шалмасам.
Едет Хара-Зутан
Помолиться этим шалмасам.
Едет он к ним в пустынное место,
Чтобы помогли они ему в задуманной мести.
Едет он высоко ли, низко ли,
Земля постепенно сужается.
Едет он тихо ли, быстро ли,
Цель приближается.
Преодолев невзгоды все и мытарства,
Доехал он до входа в подземное царство.
Доехал он до черной и злой двери.
Ведущей в тартарары.
Остановил Хара-Зутан
Сине-стрельчатого коня.
Едет Хара-Зутан
Начала нового дня.
Разложил Хара-Зутан
Серо-красный костер,
Войлок-потник Хара-Зутан
По земле распростер.
Мясо жарится, шипит
На углях, на поленьях,
Хара-Зутан стоит
На потнике, на коленях.
Жарится на костре кровь овцы,
Запах плывет во все концы.
Вкусный запах с дымком
К небесам валит,
Хара-Зутан ничком

Молитвы творит.

Но девять черных шулмасов
Запах, видно, не различают,
На запах крови, на запах мяса,
На молитвы не отвечают.
Трое суток Хара-Зутан
Молитвы творил.
До изнеможения он устал.
На коленях мозоли набил.
Не может своего он добиться.
Не хотят шалмасы ему показаться.
Перестал он молиться,
А начал ругаться.
Разозлился он и осмелился,
Начал он шалмасов высмеивать: —
Вы, сидящие в глубине дыры,
Вы, властители тартарары.
Властелины всей преисподней,
Вы оглохли, что ли, сегодня?
Девять старых и злых шалмасов,
Вы забыли как пахнет мясо?
Животы ли у вас заболели,
Что давно жаркого не ели?
Без еды вы там все засохли,
Или попросту передохли?
Так бранился он и ругался,
Над шалмасами насмеялся.
Не пропали его старанья,
Слышит он в глубине земли,
И шуршанье и дребезжанье,
Будто мыши там заскребли.

Снова пал Ноен на колени,
Когда медленно из дыры.
Кверху выплыли, словно тени,
Все властители тартарары.
Окружили они молельщика.
Окружили его, хулителя. —
Это кто тут на нас клеветает?
Мы такого еще не видели! —
Понабросились, повалили,
Грудь коленкой ему сдавили
Так, что сердце его вот-вот
Кверху выскочит через рот.

Начал Хара-Зутан трепыхаться,
Начал Хара-Зутан задыхаться.
Уж душа расстается с телом,

Все же высказать им успел он.
– У животного, если хотят убить,
Кровь выпускается,
Человеку, если хотят умертвить,
Слово высказать разрешается.—
Лежит Хара-Зутан, лежит.
Глазами ворочая.
– Ну скажи, так и быть.
Чего ты хочешь? —
Слышат они слова Хара-Зутана,
А душа у него, как известно, черная.
– Зарезал я для вас барана,
Я думал, что вы проворнее.
На девяти вертелах мясо зажарил вам,
Каждому шалмасу – вертел
Каждому шалмасу молитву воздам,
Но и вы послужите мне, черти.
Девять черных, преисподних шалмасов
В одно мгновенье сожрали все мясо.

– Ну, а теперь, когда нас ублажил,
Какая у тебя обида, скажи,
Ведь мы мастера по мести,
По клевете, по раздорам.
– Должен я отомстить невестке
И ее одному батору,
И самому Абаю Гэсэру,
Оскорбления не прошу.
Все своими руками я сделаю,
А у вас поддержки прошу.
Для Тумэн-Жаргалан хатан
Уже придумал я наказанье.
Отправлю я Тумэн-Жаргалан
В мучительное изгнанье.
От Гэсэра, из дворца, из золоченых стен
Отправлю я ее к Абарга-Сэсэн,
В страну,
Где все деревья с корнями выдернуты,
В страну,
Где все наизнанку вывернуто,
В страну холодную,
В страну бесплодную,
В страну бесславную,
В страну бестравную,
В страну.
Где солнца не бывает совсем.
К дьяволу,
К демону,
К Абарга-Сэсэн!

А пока эта месть моя не исполнится,
Не сможет сердце мое успокоиться.
Об этом я молитвы вам возношу,
Вашей помощи и поддержки прошу.
В какой день наказание состоится?
В какую ночь моя месть совершится?
Каким способом невестку
И племянника Абая Гэсэра
Перебросить с их законного места
К дьяволу Абарга-Сэсэну?

На разостланном потнике Хара-Зутан-Ноен
Злым шалмасам усердно молится он,
То плашмя лежит, то на колени встанет,
Кланяется, пока спина не устанет.
Тогда черные злые шалмасы,
Нажравшиеся жертвенного мяса,
Не стали Хара-Зутана чествовать,
А стали его учить, как действовать.
– Нашими объедками
Накорми ты невестки своей рабыню.
Отбросы эти заставь ее скушать.
Сам убедишься. Она отныне
Все приказанья твои будет слушать.
Будет верно тебе служить,
Задуманное поможет осуществить.
Овечью кровь,
Которую ты в кишках сберег,
Пусть рабыня положит
Невестке в правый сапог.
Да,
Когда все во дворце уснут,
Пусть положит она ее госпоже
В правый унт.
Девять коварных шалмасов
Над кровью этой девять раз дунули.
Девять черных шалмасов
Над кровью этой девять раз плюнули,
Девять раз на нее взглянули,
Девять раз через нее перешагнули.
Теперь эта кровь сбереженная.
Стала замороженная.

– Вторую кишку с кровью овечьей
Пусть рабыня тоже во дворец пронесет,
И когда ее госпожа уснет беспечно,
К левой поле халата пришьет.
Да
Пусть прицепит ее к левой поле дэгэла,

Чтобы исполнил ты свое дело.
После этого
Сто коров
Из господских дворцов
Выпусти наружу пасти.
После этого
Сто голодных телят,
Что не ели три дня подряд,
На коров пасущихся напусти.
Телята набросятся коров сосать,
А рабыня должна тревогу поднять,
Госпожу она должна разбудить,
На улицу выбежать убедить.
Если не вскочит твоя невестка,
Выпусти коров не сто, а двести,
Напусти на коров двести телят,
Не евших и не пивших пять дней подряд.
Если невестка и тут не вскочит умудрится,
Выпусти коров не двести, а триста.
Напусти на них триста голодных телят,
Не пивших и не евших семь дней подряд.
Тут уж хозяйка вскочит,
Навести порядок захочет.
Унты впопыхах натянет,
В унтах ногами притопнет.
На кишку она с кровью встанет,
Кишка от этого лопнет.
А потом она в легкий халат оденется,
Накинув халат, отряхнется,
Кишка от левой полы отцепится,
Кровь из кишки прольется.
Тогда на море Мунхэ-Манзан,
На долину Моорэн, на горы и лес
Упадет густой, непроглядный туман,
Пыль поднимется до небес.
Твой племянник и внук
Абай Гэсэр Удалой
Наглотаётся этой пыли злой,
Туманом злым он надышится,
Голос смерти ему послышится.
Начнет он болеть,
Начнет он хиреть.
А Тумэн-Жаргалан хатан
Начнет Гэсэра жалеть.
В священной книге прочитает она изречение,
В чем Гэсэр найдет излечение,
Прочитает она там указание,
Что леченье его в ее изгнании.
Чтобы мог ее муж излечиться,

Она сама в изгнание удалится.

Так,
Нажравшись жертвенного мяса,
Среди пустыни голой, безводной,
Учили Хара-Зутана шалмасы,
Коварные властители преисподней.
После этого Хара-Зутан,
А душа у него, как известно, черная,
Обратно поехал из чуждых стран,
Дорога длинная и неторная.
Скалы и горы
С разгону конь перескакивает,
Широкое море
С разбегу он перемахивает,
Стрельчато-синий жеребец
Скачет не касаясь земли,
Абая Гэсэра золоченый дворец
Уже сияет вдали.
Вот уж у цели Хара-Зутан-Ноем,
Коня к коновязи привязывает он.
Находит он рабыню невестки своей.
Шелка и золото развернул перед ней
Объедками шалмасов он ее накормил,
Огрызки мяса она доела,
Кишки с овечьей кровью вручил,
И рассказал, что надо ей делать.
После этого,
Довольный и, со спокойной душой,
Отправился он к себе домой.
Встречает дома его жена.
Встречая, недовольно бормочет она:
– Все бы тебе ловчить-хитрить,
Расставлять хитроумные сети,
Скучно тебе, должно быть, жить
Без коварства на этом свете.
Хара-Зутан от жены отмахнулся,
На постели шелковой растянулся.
Однако спать ему не спалось,
Лежал он, век не смыкая,
Радовался, что дело его сбылось,
Что исполнилась дума злая.
Между тем
На дворец Абая Гэсэра
И его жены молодой.
Опускаются сумерки серые.
Опускается мрак ночной.
Весь дворец засыпает мирно,
В нем не спит лишь одна рабыня.

Дождалась она, когда все уснут,
К госпоже прокралась в покои,
И кишку кровавую в левый унт
Подложила левой рукою.
А другую кишку, как велели ей,
Прицепила к левой поле халата.
Темной тенью,
Ночной темноты темней.
Проскользнула из спальни обратно.
А когда настало утро раннее,
Следуя совету злобному и коварному,
Выпустила она из господских дворов
Сто недоенных тучных коров,
А также выпустила она сто телят,
Которые есть и пить хотят.
Телята к коровам со всех ног понеслись,
Телята коров сосать принялись.
После этого
Рабыня подождала немного
И подняла во дворце тревогу.

– Ой, ой, ой,
Беда над моей головой.
Сто голодных телят
Коров сосут,
Коров они совсем отдоят,
Коровы молока не дадут.
Эти крики слышала Тумэн-Жаргалан
Сквозь утренний сон, как сквозь туман,
И решила:
– Подумаешь – сто коров, потеря не велика,
Если сто коров не дадут молока.
Не буду вставать, поплю пока.
Тут рабыня
Выпустила из господских дворов
Двести недоенных тучных коров,
А также выпустила и двести телят,
Не пивших и не евших три дня подряд.
Телята к коровам со всех ног понеслись,
Телята коров сосать принялись.
После этого
Рабыня подождала немного
И подняла во дворце тревогу.
– Ой, ой, ой,
Беда над моей головой!
Двести голодных телят
Коров сосут,
Коров они совсем отдоят,
Коровы молока не дадут.

Эти крики
Сквозь сладкий сон, как сквозь туман,
Услышала Тумэн-Жаргалан.
И подумала:
– Двести коров – потеря не велика,
Не буду вставать, посплю пока.
Тогда рабыня
Выпустила из господских дворов
Триста недоенных тучных коров,
А также выпустила триста телят,
Не пивших и не евших пять дней подряд.
Телята к коровам со всех ног понеслись,
Телята коров сосать принялись.
После этого
Рабыня подождала немного
И подняла во дворце тревогу.
– Ой, ой, ой,
Беда над моей головой!
Триста голодных телят,
Триста коров сосут,
Коров они совсем отдоят,
Коровы молока совсем не дадут.
Эти крики
Сквозь утренний сон-туман
Услышала Тумэн-Жаргалан.
– Триста коров, – подумала, – это не пустяки,
Такая потеря мне не с руки.
Этим молоком
Можно войско все напоить,
Сливками-творогом
Можно тысячи накормить.
У мужчины, любящего поспать,
Потник твердеет,
У женщины, любящей поспать,
Разум беднеет.—
Быстро вскочила она среди темноты,
Служанок своих окликнула,
Натянула на ноги унты,
Халат на плечи накинула.
Левой ножкой она притопнула,
Кишка кровавая в унте лопнула.
На кишку Тумэн-Жаргалан наступила,
Кишку кровавую раздавила.
Нога у нее в крови взмокла,
От брезгливости она вздрогнула,
Полой халата она трягнула,
Кровь овечью всю расплеснула.
Брызнула кровь на железный таган,
Таган над очагом – пополам.

Брызнула кровь на самый очаг,
Огонь в очаге мгновенно зачах.
Камни очага раздробились,
Кровавые ручьи заструились,
Под ногами кровавые лужи,
Потекла кровь наружу.
Заклубился над землей кровавый туман,
Вот что наделала Тумэн-Жаргалан.
А кровь широкой рекою
К морю потекла, к водоюю.
Потекла она к морю Мунхэ-Манзан,
Потекла она через долину Моорэн,
Пылью за клубилась по всем местам,
Грязью замесилась выше колен.

В это время
Абай Гэсэр Удалой
Гостил у Алма-Мэргэн молодой.
На рассвете открыл он окна,
Полюбоваться на полный месяц.
Видит – небо кровью намокло,
Вместо неба – грязное месиво.
По времени – утро,
Но темным-темно,
Абай Гэсэр мудрый
Пошире открыл окно.
Видит,
Над морем Мунхэ-Манзан
Плавает кровавый туман.
Повсюду пыль за клубилась,
Повсюду грязь замесилась.
По обширной долине Моорэн
Грязь замесилась выше колен.
Вдохнул Абай Гэсэр клубящейся пыли,
Красные круги перед глазами поплыли,
За стенку держась, на улицу вышел,
Собственной смерти голос услышал.
Тумана красного Гэсэр надышался,
Собственной смерти показался,
Показался он предкам, давно умершим,
Показалось время ему уменьшенным.
А в глазах в это время
Огнем горит,
А в голове в это время
Болью болит.
– Железный обруч принесите,—
Гэсэр говорит,—
На голову натяните,
Он боль утолит.—

Но от обруча, от железного,
Голова болит сильнее прежнего.
Тогда
К Тумэн-Жаргалан Гэсэр прискакал.
И Тумэн-Жаргалан он так приказал:
– Ты послушай меня, Тумэн-Жаргалан,
Поднимись-ка ты на небо за тринадцать стран,
В самую верхнюю страну небесную,
Отыщи там книгу чудесную,
Эту книгу почитай, полистай,
Полистав-почитав, поточнее узнай:
По какой это причине
Я пыли злой надышался,
По какой это причине
Я собственной смерти показался.
По какой это причине
У меня голова болит,
И какое лекарство мою боль утолит.
Ни минуты не мешкая, Тумэн-Жаргалан
Наверх поднялась за тринадцать стран,
В страну верховную, в страну небесную,
Отыскала там книгу чудесную.
Материнскую книгу она открыла,
Светлые очи в книгу вперила.
Красивым пальчиком по строчкам водит,
Нужное место в книге находит.
Увидев строчки, она читает,
Читая строчки, все понимает.
Содержится в книге указание,
Что только тогда спасется Гэсэр,
Если Тумэн-Жаргалан в изгнание
Отправит он к дьяволу Абарга-Сэсэн.
А если жену свою не выгонит,
От болезни он не излечится.
Так сказала небесная книга,
Материнская книга, извечная.
Опечалилась Тумэн-Жаргалан,
Прочитавши такое дело,
И на землю грешную, сквозь туман
Светлой звездочкой полетела.
Вверх посмотрит она – плачет горестно,
Вниз посмотрит она – страшно, боязно.
А внизу ее Абай Гэсэр дожидается,
Голова его болит, разрывается.
Вот предстала перед ним Тумэн-Жаргалан,
Его надежда, его посланница.
Смотрит в очи ему Тумэн-Жаргалан,
Смотрит в очи ему и кланяется.
Все что в книге она прочитала,

Без утайки пересказала.
Что содержится там указание:
Лишь тогда спасется Гэсэр,
Если ее самое в изгнание
Он отправит к дьяволу Абарга-Сэсэн.
А если жену свою не выгонит,
От болезни он не излечится...
Так сказала книга великая,
Материнская книга, извечная.
Нахмурился Удалой Абай Гэсэр,
Мысли его мрачны,
Тяжело у него на сердце.
Жаль ему молодой жены.

Так они дружно жили,
Так друг друга любили.
Такая она послушная,
Такая великодушная,
Такая она разумница,
Такая она красавица...
Лучше уж смерть-разлучница,
Чем такое предательство.
Отдать ее добровольно,
Отослать к Абарга-Сэсэну...
Разве это не больно
Гордому Абаю Гэсэру?
– Лучше я от болезни сдохну,—
Говорит он своей жене,—
Чем от позора сохнуть
В разлуке тебе и мне.
То, что сказал он мудро,
Может быть, трое знали.
Но все это ранним утром
Уж сто человек повторяли.
А к вечеру друг от друга
Знала уж вся округа,
Знали уж все селенья
Абая Гэсэра решенье.
При решеньи таком отчаянном
Загоревал народ, запечалился.
Жалко им,
Что Гэсэр от болезни умрет,
Но жалко им,
Что жена в изгнанье уйдет,
Золоченого дворца – украшение,
Всем суровым сердцам – укрощение.
В это время
Тумэн-Жаргалан, о муже скорбя.
Свое решенье приняла про себя.

Где бы ни жить – все равно дышать,
Где бы ни быть – под небом ходить.
Меня страдания не страшат,
Как в книге написано – тому и быть.
Стала она тайком, понемногу
Собираться в дорогу.
– Небо, – говорят, – знает,
Земля, – говорят, – болтает,
Земля, – говорят, – слухом полнится.—
Гэсэр лежит, не беспокоится,
Гэсэр лежит и болеет,
А народ Тумэн-Жаргалан жалеет.
Узнали день ее отъезда,
Узнали час ее отъезда,
Толпами ко дворцу валят повсеместно.
В последний раз на нее взглянуть,
В далекий путь ее проводить,
На прощанье ободрить как-нибудь,
Словами прощальными наградить.
Значит,
Не только мужчина весь в тревожных замыслах,
Значит,
И женщина вся в ожидании утомительном,
Оказалась Тумэн-Жаргалан и жалостливой,
Оказалась Тумэн-Жаргалан и решительной.
Безногих за ней на руках несут.
Слепых за ней поводыри ведут.
Провожая ее, бежит народ.
Руки тянутся к ней со всех сторон.
За одежду ее хватаются,
С царицей своей прощаются.
Плачет народ, прощаясь с нею.
Ожерелье она рвет с лебединой шеи.
Ожерелье она рвет тройное.
Рассыпает его над толпою.
Рассыпает горстями жемчуг,
Да слова прощальные шепчет.
Рассыпает она все сразу,
Изумруды, лалы, алмазы.
Только тот остается алмаз,
Что висит на реснице у глаз.
Люди ползают на коленях,
Собирают они каменья.
Люди ползают среди пыли,
Про царицу они забыли.
А она в это время ловко
Обернулась красной лисой,
Обернулась лисой-плутовкой
И исчезла среди лесов.

В миг, когда в лису превратилась,
На три видимости удалилась.
Во второе мгновенье ока,
Оказалась в стране далекой,
Но в стране той, чужой и дальней.
Приняла она вид нормальный.
И пешком в виде странницы бедной
По дороге пошла она.
Без еды идет, без обеда,
Без ночлега идет, без сна.
Где одна страна вдруг кончается,
Там другая страна начинается.
С каждым днем вокруг все темнее,
С каждым днем вокруг холоднее.
Очень сильно она голодала,
Очень сильно она страдала,
Очень сильно она измучилась,
Очень сильно она устала.
Стало солнце ее просвечивать,
Все точеные косточки видно.
Лунный свет стал ее просвечивать,
Даже тени ее не видно.
Но живая шла, не умершая,
И душа ее не уменьшилась.
Кровь струится в ней, как и прежде,
Сердце бьется в ней, как и прежде,
В этом сердце живет надежда.
Из далеких чуждых пределов,
Шепчет, шепчет жена Гэсэру:
– Уж ты витязь, могучий витязь,
Хорошо, что меня не видишь.
Далеко ушла, а есть мне нечего.
Даже солнце меня просвечивает.
Стала тонкой я, как тростиночка.
Стала легкой я, как былиночка.
Только сердце бьется, как прежде,
Только в сердце живет надежда.
По небесному указанью,
Как священная книга велит,
Ухожу я в это изгнание,
Но уход мой тебя исцелит.
Наберешься опять ты силы,
Станет все, как и прежде было,
И баторы твои и луки.
Ты возьмешь оружие в руки.
Не забудь ты тогда меня,
Оседлай своего коня,
Злые силы все победи,

И меня ты освободи.

Так бредет она вдаль, качается,
Куда ветер холодный дует,
Вниз посмотрит она – печалится,
Вверх посмотрит она – горюет.
Назад посмотрит – вороны выются,
Вперед посмотрит – слезы льются.
Из правого глаза слезинка – кап!
Образовался великий светлый Байкал.
Из левого глаза слеза слетела,
Образовалась великая светлая Лена.
Так идет Тумэн-Жаргалан
Среди туманных, холодных стран,
А на шее у нее,
На шелковой тесьме,
Мудрой бабушки Манзан-Гурмэ
Серебряный талисман.
С гибко-нежной шеи она талисман снимает,
В бело-нежной руке она его держит,
Наговоры над ним начинает.
Заговорные слова шепчет.
«Талисман мой, серебряный талисман,
Подарок бабушки Гурмэ-Манзан,
Окажись сейчас не у меня в руке,
А окажись сейчас от меня вдалеке.
Окажись ты мой серебряный талисман
В далекой и милой земле Хатан,
На берегу широкого моря Мунхэ,
А не у меня в руке.
Окажись, где вода.
Которую я в детстве пила.
Окажись, где земля,
На которой я в детстве жила.
Ты, которого держит моя рука,
Проберись на дно глубокого сундука.
Среди моих одежд притаись и лежи,
Родною сторонку мне покажи».
После этого серебряный талисман,
Что был ей дороже всех,
Изгнанница Тумэн-Жаргалан
Высоко подбросила вверх.
После этого
Идет она дальше,
Но не так тяжело, как раньше.
Идет она,
Голода уж не чувствуя,
Идет она,
Усталости уж не зная.

Оглянулась назад – о, чудо!
Позади вся страна родная.
Великое море синее,
Ходит белыми волнами.
Долина Хатан виднеется,
Цветущими травами полная.
Леса, как шкура бобровая.
Под солнцем переливаются,
Лежит вся земля, как новая,
Реки по ней извиваются.
Слышатся там
Голоса людей.
Слышится там
Ржанье коней.
Слышится там
Крик петухов,
Слышится там
Мычанье коров.
Отвела Тумэн-Жаргалан
Прощальный взгляд от родной страны,
Вперед поглядела она, а там
Холмы стоят все черным-черны.
Темно впереди и пустынно,
Мертво впереди и постыло.
В пустоту, в темноту, в черный туман
Переступила черту Тумэн-Жаргалан.
Сердце ее за тонкими ребрами
Бьется трепетно, бьется робко.
Вниз она посмотрит – горюет.
Как былинка она качается,
Куда ветерок подует.
Остановилась, прежде чем сделать шаг,
И про себя подумала так:
«Если буду такой я слабой,
Пропаду у дьявола черного,
Я ж – царица, не просто баба,
Стану хитрой я, упорной.
Быть не время нежной да трепетной,
Время сильной быть и умелой...»
Сразу мысли ее стали крепкими,
Сердце сразу окаменело.
И тогда уж в туман и мрак
Она сделала новый шаг.
Под ногами ее то глина,
То пески бесплодно-сыпучие,
Впереди ее то долина,
То лесная чаща колючая.
Сквозь чащобу она продирается,
В глубь чужой земли пробирается.

Вот на низменном берегу,
На зеленом большом лугу,
Птицы пестрые, как сороки,
Но размером больше быка...
Убежать – подкосились ноги,
Слева – круча, справа – река.
Испугалась она до дрожи,
И не знает куда идти:
В горы нет никакой дорожки,
Через реку брод не найти.
А сороки ее окружают,
Расклевать ее угрожают.
Угрожают ей клювы острые,
Острие железных когтей.
Вдруг верхом на сороке пестрой
Человек подлетает к ней.
Человек совершенно голый,
Прикрывает мошну ладонь.
В поводу сороку подводит,
Словно то настоящий конь.
Но ведет себя не по-хамски,
А здоровается по-хански.
Смотрит он не по-дьяволиному,
А достойно, по-соколиному.
Смотрит он на женщину весело,
Задаёт ей вопросы вежливо.
– Путь короткий ваш или длинный,
Вам какая светит звезда?
Из какой вы пришли долины,
Направляетесь вы куда?
Тумэн-Жаргалан, царица,
Отвечает голому рыцарю:
– Родная долина Хатан
Тесноватой мне показалась,
Чужая долина, где пыль да туман,
Попросторнее мне показалась.
Мой муж Абай Гэсэр
Надоел мне совсем.
Больше мне нравится дьявол Абарга-Сэсэн.
С ним я счастье свое найду,
Вот куда я теперь иду.
Отвечает ей голый рыцарь:
– Узнают по полету птицу.
Узнают мечты по словам,
Узнают слова по делам.
Сразу видно, что вы – царица,
Помогу я охотно вам.

Он сажает ее на сороку,
Через реку везет широкую
И высаживает на лугу,
На другом уже берегу.
Пробирается дальше странница,
Из родной стороны изгнанница.

Под ногами ее то глина,
То пески бесплодно-сыпучие,
Впереди ее то долина,
То – лесная чаща колючая.
Вот на низменном берегу,
На зеленом большом лугу,
Птицы серые, как вороны,
Но огромные, как коровы.
Испугалась царица до дрожи,
И не знает куда идти:
В горы нет никакой дорожки,
Через реку брод не найти.
А вороны ее окружают,
Расклевать ее угрожают.
Угрожают жене Гэсэра
Острием железных когтей.
Вдруг верхом на вороне серой,
Человек подлетает к ней.
Он ведет себя не по-хамски,
А здороваётся по-хански.
Смотрит он на женщину весело,
Задаёт ей вопросы вежливо.

– Путь короткий ваш или длинный,
Вас какая ведет звезда?
Из какой вы пришли долины,
Направляетесь вы куда?
Тумэн-Жаргалан, царица,
Отвечает этому рыцарю:

– Родная долина Хатан
Тесноватой мне показалась,
Чужая долина, где пыль да туман,
Попросторнее мне показалась.
Мой муж Абай Гэсэр
Надоел мне совсем.
Больше мне нравится Абарга-Сэсэн.
С ним я счастье свое найду,
Вот куда я теперь иду.

Отвечает тогда ей рыцарь.
– Узнают по полету птицу.

Узнают мечты по словам,
Узнают слова по делам.
Сразу видно, что вы – царица,
Помогу я охотно вам.

На ворону ее сажает,
Через реку перелетает,
И высаживает на лугу,
На другом уже берегу.

Пробирается дальше странница,
Из родной стороны изгнанница.
Под ногами ее то глина,
То пески бесплодно-сыпучие,
Впереди ее, то – долина,
То – лесная чаща колючая.

Вот на низменном берегу,
На зеленом большом лугу,
Меж рекой и горами черными,
Волки серые и огромные.
Испугалась царица до дрожи,
И не знает куда идти:
В горы нет никакой дорожки.
Через реку брод не найти.
А волки серые ее окружают,
И заесть ее угрожают.
Они рыскают, они шастают,
Они с голода зубами клацают.
Обступают жену Гэсэра
Волки-чудища все плотней.
Вдруг верхом на волке же сером,
Человек подъезжает к ней.
Человек совершенно голый,
Прикрывает мошну ладонь,
И второго волка он гонит,
Словно то настоящий конь.
Но ведет себя не по-хамски,
А здоровается по-хански,
Смотрит он не по-дьяволиному,
А достойно, по-соколиному.
Смотрит он на женщину весело,
Задаёт он вопросы вежливо.

– Путь короткий ваш или длинный,
Вас какая ведет звезда?
Из какой вы пришли долины,
Направляетесь вы куда?
Тумэн-Жаргалан, царица,

Отвечает голому рыцарю:

– Родная долина Хатан
Тесноватой мне показалась.
Чужая долина, где пыль да туман,
Попросторнее мне показалась.
Мой муж Абай Гэсэр
Надоел мне совсем,
Больше мне нравится Абарга-Сэсэн.
С ним я счастье свое найду,
Вот куда я теперь иду.

Отвечает ей голый рыцарь:

– Узнают по полету птицу.
Узнают мечты по словам,
Узнают слова по делам.
Сразу видно, что вы царица,
Помогу я охотно вам.
Посадил он ее на волка,
И велел держаться за холку,
Через реку ее переправил
И на том берегу оставил.

Дальше в путь она отправляется,
Путь изгнанницы продолжается.
Заходит она в страну пустынную.
Заходит она в страну постыльную.
Хонин-Хото была та страна,
Безводна и бесплодна лежала она,
Земля та была холодная,
Земля та была голодная,
Постоянно там было ветрено,
А травы никакой там не было.
А деревья там с корнями выдернуты,
А все там наизнанку вывернуто.
Только проскальзывая под тремя преградами,
Течет там река с тремя водопадами.

Когда Тумэн-Жаргалан
Через эту землю идет,
Об этом Абарга-Сэсэн хан
Особенным знанием узнает.
Белоснежного коня он седлает,
Быстроногого коня славного,
Встречать царицу он выезжает.
Где растет сосна пятиглавая,
Выезжает он в поле просторное,
Где дорога большая, торная.
Там под древней сосной,

Под пятиглавой сосной
Встретился он с царицей
Как муж с женой.

Он приветствует ее по-хански,
Он здоровается с ней по-царски.
Говорит он ей словами рыцаря:
– Узнают по полету птицу,
Узнают мечты по словам,
Узнают слова по делам.
Сразу видно, что вы царица.
Очень рад я, царица, вам.—
Все ее тонкие красивые места
Он гибко обнял,
Все ее полные прекрасные места
Он плотно обнял.
Обнимая и в лицо ей глядя,
Правую красную щеку поцеловал.
Левую прекрасную щеку погладил.
За правую руку ее он берет,
К своему шатру тянет-ведет.
За левую руку ее он берет,
К своей постели тянет-ведет...

В это время Абай Гэсэр
С каждым днем поправляется.
В это время Абай Гэсэр
Прежних сил набирается.
В это время Абай Гэсэр
В постели своей встает-поднимается.
Снова жизнь для него начинается.
Смотрит он на себя —
Сильнее и лучше стал,
Возвратилось к нему его могущество.
Мужчина, родившись, думает,
Кто для него находкой будет,
Женщина, родившись, думает,
Для кого она находкой будет.
Мужчина, родившись, думает,
Что захватывать будет.
Женщина, родившись, думает,
Кем захвачена будет.
Так решивши в ту пору,
И сил набираясь день ото дня,
Приказал он баторам
Приготовить коня.
Травы наедался конь
На двадцати алтайских пастбищах.
Сил набирался конь

На двадцати горных зеленых склонах.
По крупной гальке Бэлыгэна ведет,
Чтобы черные его копыта крепкими были.
По черному льду Бэлыгэна ведет,
Чтобы круглые его копыта никогда не скользили.
К ветру мордой
Заставляют его стоять,
Ветер горный вдыхать
Заставляют его.
Мордой к вихрю летящему
Заставляют его стоять.
Вихрь крутящийся
Заставляют его вдыхать.
Ключевой водой
Из чашки его напоили.
Живой травой
Из горсти его накормили.
По горным местам его водят,
Чтобы на сокола был похож,
По ровным местам его водят,
Чтобы на ястреба был похож.
Проделав все это,
Шелковый потник на Бэлыгэна накидывают.
Закончив все это,
Вогнуто-серебряным седлом Бэлыгэна седлают,
Пластинчато-серебряным подхвостником круп обтягивают,
Сплошным серебряным нагрудником грудь обхватывают,
С десятью пряжками подпругой коня перетягивают,
С десятью язычками ремнем его засупонивают.
Краснодеревый кнут под седло продевают,
Полукруглый повод на луку седла набрасывают.
Все снаряженье к коню прилаживают,
Вокруг коня удовлетворенно похаживают.
К расписанно-серебряной коновязи
Коня привязывают,
О полной готовности коня Абаю Гэсэру сказывают.
После этого,
Сшитые из семидесяти лосиных кож,
Плотно-черные штаны
Гэсэр натягивает.
Со вставками из рыбьих кож,
Свободно-черные унты
Ступнями ног растягивает.
Ярко-шелковую накидку,
Для сражений-битв предназначенную,
На плечи накидывает.
Семьдесят сверкающих пуговиц
Силой пальцев своих
Снизу вверх застегивает,

Серебряно-винтовой десятисаженный кушак
Вокруг себя опоясывает,
Его оставшиеся концы
Аккуратно с боков запихивает.
После этого
Водами семидесяти дождей не промоченные,
Остриями семидесяти стрел не пробитые,
Угольно-черные доспехи на спине укрепляет.
Серебряный, длинный,
Величиной с речную долину,
Боевой колчан на левый бок прикрепляет.
Узорно-серебряный, боевой,
С косое поле величиной,
Налучник сбоку подвешивает.
О белые кости не ломающийся,
В горячей крови не размягчающийся,
Державно-булатный меч привешивает.
Семьдесят пять стрел
Плотно за спиной закрепил,
Девяносто пять стрел
Веером расположил,
Так что
В холод от них теплее будет.
Так что
В жару от них прохладнее будет.
Похожую на копну травы,
Соболиную шапочку на себя надевает.
Похожую на пучок травы,
Кисточку на шапочке поправляет.
Звездно-белый шлем надел на голову,
Стал похож на большую гору,
То не солнце сверкает,
То не дуб листвой шелестит,
То Гэсэр в боевых одеждах стоит.
И оделся Гэсэр и обулся,
Перед зеркалом так и сяк повернулся.
Где пылинка – ее сдувает,
Где соринка – ее счищает.
В зеркало,
С расправленный потник величиной,
Гэсэр погляделся:
Хорошо ли он обулся-оделся.
А оделся он так,
Что никакой меч его не возьмет.
Снарядился он так,
Что никакая стрела его не пробьет.
Укрепился он так,
Что никто его одолеть не сможет,
Не повалит и не положит.

После этого,
Чтобы голода не чувствовать десять лет,
Рот себе паучьим жиром смазал.
После этого,
Чтобы голода не чувствовать двадцать лет,
Губы себе червячьим жиром намазал.

В это время
Почтенный Саргал-Ноён,
В это же время
Почтеннейший Сэнгэлен-Ноён
Пришли, чтобы в путь Гэсэра проводить,
Пожаловали, чтобы его по-родительски благословить.
В путь они его провожают,
По-родительски благословляют,
Удачи и здоровья желают.

– Желаемых мест удачно достигни, – говорят.
– Настигаемого врага мгновенно достигни, – говорят.
– То, что искать собрался, найди, – говорят.
– То, что победить собрался, победи, – говорят.
– Счастье и удачу народу добудь, – говорят.
– Дорогу на родину не забудь, – говорят.

После этого,
Величественным движением
Открывая перламутровую дверь,
Гэсэр наружу выходит теперь.
Неторопливым движением,
Не уронив ни соринки с ног,
Перешагивает мраморный порог.
Со спокойным и красивым лицом
Выходит он из дворца на крыльцо.
Крыльцо это так устроено,
Что не слышно его под пятками.
Крыльцо это так просторно,
Что бегать бы там кобылицам с жеребятками.
Медленными движениями, без суеты,
По ступенькам серебряным, с высоты,
Ни разу на лестнице не оступясь,
Идет Гэсэр туда,
Где резная серебряная коновязь.
Красный шелковый повод
От коновязи Гэсэр отвязал,
Конец этого повода
Он в правую руку взял,
Ногу в чисто серебряное стремя
Со звоном он вдел,
В якутско-серебряное седло

Он прочно сел.
После этого,
У поводя правую сторону натянув,
А левую сторону ослабляя.
Морду коня в нужную сторону повернув,
Он его по солнышку идти заставляяет.
После этого,
Там, где стояла резная серебряная коновязь,
Только облаком красная пыль взвилась.
Да над дальней Алан-горой
Что-то молнией просверкнуло.
Да за дальней Алан-горой
Шапка с кисточкой промелькнула.
Затихает вдали лошадиный скак,
Гэсэр отправился на восток.

Часть 2

Далеко ли, близко ли
Едет Гэсэр,
Высоко ли, низко ли
Скачет Гэсэр.
Одна дума у него в голове,
Одна забота у него на уме.
Одна печаль у него на сердце,
И некуда от этой печали деться.
Как же так получилось и вышло,
Что он голос собственной смерти слышал?
Как же могло случиться и статься,
Что он собственной смерти мог показаться?
Что же за наваждение это было,
Что его болезнь победила?
Обезумел, как видно, совсем он,
Что Тумэн-Жаргалан,
Любимую, молодую жену,
Отпустил к дьяволу Абарга-Сэсэню,
В чуждальную, злую страну?
Все поняв,
Все происшедшее по-новому оценив,
Над этим думая неустанно,
Повернул он Бэлыгэна, гнедого коня
К владеньям Хара-Зутана.
Как сокол на утку,
Он летит, свистит,
Как камень, жутко
Он свистит, шуршит.
Как стрела, трепеща опереньем,
В свою цель впивается,
Так он у Хара-Зутана на дворе
Около коновязи появляется.
Кричит он громко,
Но как будто без злости,
– Эй, дядя, ты дома?
Принимай гостя!
Хара-Зутан-Ноем,
А душа у него, как известно, черная,
Этим криком как громом был поражен,
Двери запер проворно он.
Душа у него ушла в пятки,
Побежал он скорее прятаться.
Забился он в угол под кроватью,
Лежит и почти не дышит.
Как с Гэсэром жена разговаривает

Он каждое слово слышит.
Разговор у них очень недлинный,
Отвечает гостю жена:
– Уехал мой муж в долину,
«Подкровать» зовется она.

Хара-Зутан выскочил из-под кровати,
Больно шлепнуть жену изловчился.
Не велел он дверь открывать ей,
И под войлок черный забился.
Лежит он, почти не дышит,
Но каждое слово слышит.
Голос гостя снаружи, как эхо:
Так куда, говоришь, он уехал?
Разговор у них там не длинный,
Отвечает гостю жена:
– Муженек мой уехал в долину,
«Подвойлок» зовется она.

Тут Хара-Зутан очень бойко
Сразу выскочил из-под войлока,
Больно шлепнуть жену изловчился,
И в мешок он в углу забился.
А жена на шлепки рассердилась,
Слова лишнего не сказала,
Мешок выволокла на середину,
Крепко-накрепко завязала.
Муженька своего нарочно
Завязала завязкой прочной.
Распрявилась она, прихорашиваясь,
А Гэсэр из-за двери спрашивает,
Громко спрашивает, со смехом:
– Так куда, говоришь, он уехал?
Жена, без раздумий длинных,
Отвечает под свой смешок:
– Муженек мой уехал в долину,
Под названьем «темный мешок».
Сам оттуда едва ли он вылезет,
Не поможешь ли ты его вызволить?

Открывает дверь она гостю,
И впускает его в жилье,
Где в мешке, задыхаясь от злости,
Заключен муженек ее.
Абай Гэсэр тяжелый мешок
Поближе к очагу перенес-отволол,
Ноги под себя – на мешке уселся.
У Хара-Зутана и печень, и сердце,
И легкие у него вот-вот

Наружу выскочат через рот.

А тетя-сестра
Племяннику рада,
И делает все как надо.
Золотой стол накрывает,
Вкусную пищу на стол расставляет.
Серебряный стол расстилает,
Прекрасную пищу расставляет.
Напитки крепкие предлагает,
Напитками светлыми угощает.

Племянник и тетя-сестра
Разговаривают с вечера до утра.
Давнее все припоминают,
О новом обо всем рассуждают,
О прежних говорят временах,
О ближних говорят племенах.
Говорят,
Пока сметана на чистой воде не настоится,
Говорят,
Пока трава на голом камне не уродится.

Абай Гэсэр
На мешке сидит,
Хара-Зутан
В мешке кряхтит.
Хара-Зутан
В мешке задыхается,
Абай Гэсэр
На мешке усмехается,
И к хозяйке он обращается:
Что-то твердое в мешке
Не размягчилось ли?
Что-то крепкое в мешке
Не раздробилось ли?—
Взял он стрелку и на целый вершок
Воткнул ее под собой в мешок.
Стрела у Гэсэра была остра,
Достала она до дядинога бедра.
В бедро она глубоко вонзилась,
Дядя в мешке заорал, завозился.
Гэсэр испуганный сделал вид,
Как будто он ничего не знал
Про то, кто под ним в мешке сидит,
И мешок не мешкая развязал.
Гэсэр удивленный сделал вид,
Гэсэр озадаченный сделал вид,
И дяде с почтением говорит:
– Скажи мне, дядя, что ты делаешь тут?

С каких это пор Ноены в мешках живут?
Или хитрость тут какая-нибудь,
Или прячешься ты от кого-нибудь?
Или совестно, ты не чист, не бел,
Или ты не наделал ли черных дел?

Хара-Зутан от стыда краснеет,
Слово сказать и то не смеет.
В глаза Гэсэру он не глядит,
Сторонкой выскользнуть норовит.
Но Гэсэр Хара-Зутана опередил
И дорогу ему решительно загородил.
Загородил ему дорогу славный батор:
– Есть у меня к тебе, дядя, небольшой разговор.
Дело в том,
Что моя жена, а твоя невестка,
Не знаю кем и за что в отместку,
Выслана к дьяволу Абарга-Сэсэн,
Пропадет она там совсем.
Мы должны с тобой отправиться вместе,
Чтобы распутать хитросплетения мести,
Чтобы мою жену, а твою невестку,
Отбить, отнять, возратить на место.

Как лист осенний,
Хара-Зутан задрожал,
И куда-то в сени
Стремглав убежал.
Но Гэсэр его, конечно, нашел,
Приподнял, встряхнул и в чувство привел.
Приказал ему, спокойствие сохраняя,
Чтобы готовил
Стрельчато-синего коня,
Чтобы одежду надел,
Для военных походов хранимую,

Чтоб доспехи надел,
В богатырских походах носимые.
Чтоб оружие взял,
Какое в бою подobaет,
Чтобы слово сказал,
Какое в бою помогает.

На дядю своего племянник покрикивает,
Дядю своего Гэсэр поторапливает.
Дядя, неохотно снаряжаясь, побрякивает,
Улизнуть бы куда поглядывает.
Но все же вынужден был
Одеться и снарядиться,

На улицу вышел,
На коня он садится.
А Гэсэр
Удалой уже на коне,
В красивых одеждах, в драгоценной броне.
Все оружие при нем, вся отвага при нем,
Глаза горят удалым огнем.
Правую сторону повода он натянул,
Морду Бэлыгэна на восток повернул.
Едут они вместе,
Друг на друга не глядя,
За женой и невесткой,
Племянник и дядя.
Едут они
Близко ли, далеко ли,
Скачут они
Низко ли, высоко ли.
Кони скачут устало,
Да и поесть уже хочется.
Время ночлега настало,
Начинают они охотиться.

Абаю Гэсэру удалось,
Сороку пеструю подстрелил,
Волшебством своим в тушу лося
Он сороку жалкую превратил.
И подбросил, на поляну выйдя,
Чтобы дядя ее увидел.

Хара-Зутан находке обрадовался,
Обеими руками в находку вцепился.
Абай Гэсэр едет рядом,
Хара-Зутан похвалился.
– Видишь, как находчив я и умел,
Какого лося добыть сумел.
– Да, – Гэсэр говорит, – ты зорек и меток,
Наверное, дашь мне мясца отведать.
Хара-Зутан пожадничал, укорил:
– Где это видно, чтобы старик молодого кормил.
На чужой кусок,
Мой внук, не гляди.
Путь далек,
Все впереди.
Еще не скоро до темноты,
Кого-нибудь подстрелишь и ты.

Абай Гэсэр Удалой
В сторонку отъехал тихо,
Одной хангайской стрелой

Свалил лося и лосиху.
Спешились всадники,
Коней расседлали,
Проголодавшись за день,
Ужин готовить стали.
Серо-красный костер разложили
Так, чтобы не раздувал его ветер.
Разделив где мясо, где жилы,
Добычу свою насадили на вертелы.
У Абая Гэсэра сочное
Лосиное мясо готово до срока,
А у Хара-Зутана ссохлось,
Превратилось опять в сороку.

У Абая Гэсэра
Все вкусные кости уже обглоданы.
Все сочное мясо съел он,
А Хара-Зутан страдает от голода.
До утра не уснул он,
Слюнка течет,
Живот подтянуло,
Все ребра – неперечет.

С черной душой
К водопою идет,
Голодный и злой
Коней ведет.
В желудке у него ноет,
Вокруг Гэсэра он заискивающе похаживает.
А Гэсэр руки от мяса моет,
Волосы руками приглаживает.
Те кости, что Гэсэр в сторону отбрасывает,
Хара-Зутан хватает, обсасывает,
Внутренности от лося и лосихи
В рот торопливо запихивает.

– Что это с тобой, дядя,—
Говорит Гэсэр, на Хара-Зутаина насмешливо глядя.
Ты голоден, как я вижу,
Тебе поесть не пришлось,
А где же твоя добыча,
Где же вчерашний лось?
Если в походе, – говорит Гэсэр, – голодать,
Ни удачи, ни счастья никогда не видать.
Голод в походе не помогает,
Воин от голода изнемогает.

После этого
Абай Гэсэр допил и доел,

Остатки еды побросал в огонь.
К коню подошел, в седло он сел,
Тронул повод и взвился конь.
Поехали дальше, поехали рядом
За Тумэн-Жаргалан племянник и дядя.
Едут они
Далеко ли, близко ли,
Скачут они
Высоко ли, низко ли.
Вот уж кони скачут устало,
Да и поесть уже хочется.
Время ночлега настало.
Начинают они охотиться.

Абаю Гэсэру удалось,
Ворону серую подстрелил,
Волшебством своим в тушу лося
Он ворону тощую превратил.
Положил, на поляну выйдя,
Чтобы дядя ее увидел.

Хара-Зутан в находку вцепился,
Перед Гэсэром он похвалился:
– Видишь, как находчив я и умел,
Какого лося добыть сумел.
– Да, – Гэсэр говорит, – ты очень меток,
Наверное, дашь мне мяса отведать.
Хара-Зутан пожадничал, укорил:
– Где это видно,
чтобы старик молодого кормил.
Еще не скоро до темноты,
Кого-нибудь подстрелишь и ты.
Говорит он угрюмо и холодно:
– Не умрешь, чай, племянничек, с голоду.

Абай Гэсэр Удалой
В сторонку отъехал тихо
И одной хангайской стрелой
Свалил лося и лосиху.
Спешились всадники,
Коней расседлали.
Проголодавшись за день,
Ужин готовить стали.
Серо-красный костер разложили,
Так, чтобы не задул его ветер.
Разделив где мясо, где жилы,
Насадил добычу на вертелы.

У Абая Гэсэра сочное

Лосиное мясо жарится,
А у Хара-Зутана все ссохлось,
Превратилось в ворону жалкую.
Всю ночь до утра не уснул он,
Слюнка течет,
Живот подтянуло,
Ребра – наперечет.
В желудке у него ноет,
Вокруг Гэсэра он заискивающе похаживает,
А Гэсэр руки от мяса моет,
Волосы руками приглаживает.
Те кости, что Гэсэр в сторону отбрасывает,
Хара-Зутан хватает, обсасывает.
Внутренности от лося и лосихи
В рот торопливо запикивает.

С черной душой
К водопою идет,
Голодный и злой
Коней ведет.
– Что это с тобой, дядя? —
Спрашивает Гэсэр, насмешливо глядя, —
Ты голоден, как я вижу,
Тебе поесть не пришлось.
А где же твоя добыча,
Где же вчерашний лось?
Если в походе голодать,
Удачи никогда не видать.
Голод в походе не помогает,
Воин от голода изнемогает.

После этого
Абай Гэсэр допил и доел,
Остатки еды побросал в огонь.
К коню подошел, в седло он сел,
Тронул повод и взвился конь.
Едут они дальше среди чистого поля,
Чтобы Тумэн-Жаргалан выволить из неволи.

Едут они
Далеко ли, близко ли,
Скачут они
Высоко ли, низко ли.
Когда Хара-Зутан отвернулся,
Абай Гэсэр с седла перегнулся,
На скаку схватила его рука
Гладкий камень величиной с быка.
Ради мести и торжества,
Силой особенного волшебства

Превратил он камень в маленький талисман,
Что носила на шее Тумэн-Жаргалан.

Бросил он камень среди дороги,
Хара-Зутана коню под ноги.
Лежит талисман на дороге, светел,
Хара-Зутан талисман заметил.
Схватил он находку, в руке зажал,
От великой радости завизжал:
– Смотри, – кричит, —
Что нашел я среди камней,
Любимый талисман жены твоей.
Значит, по этой дороге она прошла,
На этом месте она была.
Значит, мы с тобой на верном пути,
Значит, мы ее должны найти!

Отвечает Гэсэр, зло затая:
– Догадка, дядя, верна твоя.
Конец у нитки найти ты смог,
Распутается постепенно и весь клубок.
Но я тебе, дядя, вот что скажу,
Я тебя, дядя, вот о чем попрошу:
Теперь, когда уж ясна дорога,
Возвращайся ты, дядя, к родному порогу.
Моя жена, моя и нужда,
А тебе война – не нужна.
Зачем тебе Абарга-Сэсэн,
Он тебе не нужен совсем.
Поэтому, спутник, надежный мой,
Возвращайся-ка ты к себе домой.
Да не потеряй, смотри, талисман
Жены моей Тумэн-Жаргалан.
Где тебе его схоронить,
Чтобы до конца пути сохранить?
Положишь за щеку,
Забудешь – выплюнешь.
Положишь за пазуху,
Забудешься – вытряхнешь.
Чтобы не потерялся он ни днем, ни во сне,
Давай привяжем его к спине.

Взял Гэсэр ремешок,
Если надо удлиняющийся
На сто сажень.
Взял он ремешок,
Если надо сжимающийся
В одну сажень.
Взял ремешок

Плетеный, белый,
Небольшой узелок
На ремешке сделал,
Талисман к ремешку приладил,
Привязал его к спине дяди.
А пока прилаживал,
Приговаривал.
А пока привязывал,
Заговаривал:
– Гладкий, маленький талисман,
Во время дядиного пути,
Опять большим и тяжелым стань,
Чтобы тебя не сдвинуть, не унести.
Маленький и хороший,
Стань неподъемной ношей.—
Так он камешек к спине привязал,
Такие он камешку слова сказал.

После, этого
Хара-Зутан домой возвращается.
Абай Гэсэр вдаль отправляется.
Хара-Зутан не горевал, не грустил
(Душа у него, как известно, черная),
Что Гэсэр его домой отпустил,
На коня он вскочил проворно.
За левую сторону повода потянул,
По левому боку коня стегнул,
В сторону запада повернул.
Поговорили они с Гэсэром спокойно,
Попрощались они достойно.
Прежде чем разъехаться круто,
Поговорили они о здоровье друг друга.
И расстались среди чистого поля,
У каждого – своя доля.

Не успел Хара-Зутан от места отъехать,
Как понял, что ему не до смеха.
Понял он, насколько он туп,
Понял он, насколько он глуп.

Не успел он проехать четверть пути,
Камень за спиной начал расти.
На спину давит, назад тянет.
Конь вот-вот совсем встанет.
Сделался камень величиной с быка,
Царапает спину, трет бока.
Халат протер, мясо дерет,
Мясо дерет, до костей достает.
Вперед наклонится Хара-Зутан,

Камень его к луке прижимает.
Назад откинется Хара-Зутан,
Камень держать сил не хватает.
Едет он так ли, сяк ли,
Взад и вперед качается,
Силы его иссякли,
Уменье его кончается.

В просторах белого поля,
У белой березы старой,
Сил не имея более,
Набок клониться стал он.
На землю с коня свалился,
В землю носом зарылся.
Лежит он, не трепыхается.
А вокруг народ собирается.

Смотрят: пока еще дышит,
Но слов никаких не слышит,
И сам ни словечка не скажет.
Развязали ремень в сто сажен.
Камень, чернее ворона,
Сообща отвалили в сторону.
Посадили Хара-Зутана опять в седло,
Привязали Хара-Зутана, чтобы он не упал,
И, наказанный за свершенное зло,
К дому поплелся Хара-Зутан.

Абай Гэсэр,
Хара-Зутана домой отправив,
Действовать стал решительно и правильно.
Первым делом,
В самом начале дня
Оседлал он Бэлыгэна,
Своего гнедого коня.
С крепким горячим телом,
С лоснящейся гладкой шерстью,
С легкими, прочными костями,
С непоскользающимися копытами,
С неутомляющейся спиной,
С туловищем, в тридцать шагов длиной,
С зубами в три пальца,
С ушами в три четверти,
С хвостом в тридцать локтей,
С гривой в тридцать аршин,
С седлом и уздечкой в серебре,
Копытами молнии высекая,
Из черных глаз испуская огонь,
Встал перед ним волшебный конь.

Чудесного сказочного коня,
За красный шелковый повод схватив,
В звенящие серебряные стремяна
Точно и прочно вступив,
В якутское серебряное седло
Надежно и крепко сел
Великий батор Абай Гэсэр.

После этого,
У повода, правую сторону натянув,
А левую сторону ослабляя,
Морду коня в нужную сторону повернув,
Он его по солнышку идти заставляя.
Застучал по камням лошадиный скачок,
Они поехали на восток.
Тихо-тихо рысцой,
Камни из-под копыт,
Как маленькие поленья вылетают.
Быстро-быстро летят,
Камни из-под копыт,
Как большие чурбаки вылетают.
Все лежащее на красивой земле,
Начинает шевелиться, раскачиваться.
Все стоящее на прекрасной земле,
Начинает содрогаться и сотрясаться.
Высокие горы дрожью дрожат,
Тяжелые скалы дребезгом дребезжат.
Широкое море начинает плескаться,
Мелкие камни по ветру летят.

Абай Гэсэр душой отвердел,
Абай Гэсэр сердцем окаменел.
Скачет он сквозь холод и зной
За молодой и любимой женой.
Скачет он и зимой и летом,
То в меха, то в шелка одетый.
Время зимнее настает,
Шапку лисью Гэсэр достает.
Сорока стрекочет, зима продолжается,
В лисьей шапке Гэсэр в седле качается.
Ветры дуют, снега метут,
Вокруг носа и рта льдинки растут.
Жаворонок вьется – начало лета,
Едет Гэсэр легко одетый.
Шелковый халат на груди он распахивает,
Шелковой плеточкой он помахивает,
Легкий халат на груди распахнут,
Цветы вокруг качаются, пахнут,

Летний халат на груди расстегнут,
Над долиной – гусиный клекот.
Распускают трели свои
Голосистые соловьи.
А с лица,
Где были сосульки да лед,
Горячий пот ручейками льет.
Рукава у Гэсэра закатаны,
Полы у Гэсэра за пояс заткнуты.
Провожают его закаты,
Золотого родного запада.

Чуть направо коня повернул он,
Тридцать три долины под конем промелькнуло.
Чуть налево он коня направляет.
Тридцать три горы под конем пролетает.
Вот родная земля кончается,
Вот чужая земля начинается.
Вдруг на низменном берегу,
На зеленом большом лугу,
Где налево – горы высокие,
А направо – течет река,
Птицы пестрые, как сороки,
Но размером больше быка.
Абай Гэсэр в стремях привстал,
Сорочье племя, как пух, разметал.

Едет дальше Гэсэр, озирается,
В глубь чужой земли забирается.
Вдруг на низменном берегу,
На зеленом большом лугу,
Где налево – гора высокая,
А направо – река широкая.
Птицы серые, как вороны,
Но огромные, как коровы.
Абай Гэсэр в стремях привстал.
Воронье племя, как пух, разметал.

Дальше едет Гэсэр, озирается,
В глубь чужой земли забирается.
Вдруг на низменном берегу,
На зеленом большом лугу.
Меж рекой и горами черными,
Волки серые и огромные.
Они рыскают, они шастают.
Они с голода зубами клацают.
Абай Гэсэр в стремях привстал.
Серых волков, как пух, разметал.

После этого,
С восемнадцатью узелками,
С яшмовым черенком, он кнутом взмахнул.
После этого,
С тридцатью шестью узелками,
С яшмовым черенком, он кнутом хлестнул.
Хлестнул он коня по правому боку,
Взвился конь над землей высоко
И в один прыжок оказался у стен,
Где живет во дворце Абарга-Сэсэн.

После этого
Выпускает Гэсэр на ладонь
Тринадцать своих волшебств.
Заставляет бегать по пальцам
Двадцать три своих волшебства.
Заговорные произносит слова.

Коня гнедого Бэлыгэна,
С крепким, горячим телом.
Заколдовал Гэсэр и заморозил.
Превратился большой и сильный конь
В кресало, которым высекают огонь.
Кресало Гэсэр в карман положил.

После этого взял великий Абай
Красный камень под названием «Задай».
Этот крепкий камень в крошки, вдрызг
Белыми зубами Гэсэр разгрыз.
Крошки по небу синему разбросал,
На землю напустил нестерпимый жар.
Конский помет до стука спекается.
Деревья сами собой загораются.
Ни дождей на земле, ни ручьев, ни луж,
Началась на земле великая сушь.

После этого
Взял Гэсэр маленький игрушечный лук из ивы.
Взял он игрушечную стрелу из липы,
Лук этот был, не лук – хворостинка.
Стрела эта была, не стрела – лучинка...
После этого
Превратил Гэсэр себя в двух играющих мальчиков.
На берегу моря голышами играть они начали.
В охотников малыши играют,
Из игрушечного лука стреляют.

А между тем хан Абарга-Сэсэн
В жилище своем изнемогает совсем.

– Никогда, – говорит, —
Такой жары у нас не бывало.
– Никогда, – говорит, —
Такой беды земля не знавала.
Я и сам никогда
Такой жары не знавал,
От жары никогда
Не страдал и не изнывал.
А теперь не знаю куда деваться,
Пойду я к желтому морю купаться.

В великое желтое море он бултыхнулся,
В прохладную воду с головой окунулся.
Он купается, окунается,
Кувыркается, наслаждается.
От такого купанья море вздыбилось,
Из берегов наполовину вылилось.

Вдруг увидел он двух мальчишек играющих,
Из игрушечного лука лучинкой стреляющих.
Настроение у него хорошее, все ему нравится.
Решил он с мальчишками позабавиться.
На отлогий берег он из моря вылезает,
Играющих мальчиков к себе подзывает.
– А ну-ка, – говорит, —
Посмотрим, каковы вы стрелки.
Проверим меткость глаза и верность руки.
Мужчина должен быть метким,
Мужчина должен быть крепким,
Мужчина должен батором стать.
Уметь бороться, уметь стрелять.
Кладу я себе на голову конский катыш,
Ты малыш или ты малыш,
Кто из вас стрелой в катыш попадет,
И с моей головы его сшибет.

Один мальчик говорит:
– Да ведь лук-то наш из ивы,
А стрела наша – лучинка из липы.
Другой говорит:
– Да ведь лук-то наш кривенький,
Он ведь для игры понарошке устроенный.
И стрела-то у нас вся кривенькая,
Вдруг да полетит она в сторону.
Вдруг она попадет вам прямо в глаз,
Ведь вы, наверно, накажете нас.
Абарга-Сэсэн ухмыльнулся,
Абарга-Сэсэн усмехнулся.
– В глаз вы мне попадете или в рот,

Ваша стрела меня не убьет.
Не бойтесь.
Стреляйте в полную силу.
Посчитаем, что блоха меня укусила.

Мальчишки немного поторговались —
Кому первому из лука стрелять.
Мальчишки немного поперекались —
Кому из них первому стрелу пускать.
Наконец один из них решается,
С духом он собирается.
Выступает на шаг вперед,
Лук со стрелой берет.

Берет он лук из жиденькой ивы.
Берет он стрелу из слабеньки липы.
Стрела у него – не стрела, а щепка,
Но в пальцах ее зажал он крепко.
Над стрелой он шепчет и причитает,
Стрелу напутствует, заклинает.
Причитает он,
Пока синий дым не появляется.
Заклинает он,
Пока пламя не загорается.
– Ты лети, стрела,
Метка и остра.
Попади не в дерево, не в сучок,
Абарга-Сэсэну – в правый зрачок.
Ты не будь, стрела, смертоносной,
А будь ты в зрачке занозой.
Занозой острой, занозой цепкой,
Окажись в зрачке стрела-щепка.

Силой плеча он лук натянул.
Силой пальцев он тетиву защипнул.
От большого пальца
Крепость стрела получила,
От указательного пальца
Меткость стрела получила.
Стрела летит,
Тетива звенит.
И вот уж она, остра и метка.
Занозой торчит посреди зрачка.
Что случилось,
Абарга-Сэсэн понял не сразу,
Словно муха укусила,
Хлопнул он себя ладонью по глазу.
От этого маленькая стрела
Еще глубже в зрачок вошла.

За мальчишками сначала он погнаться хотел,
Но от боли вдруг заорал, заревел,
Один глаз глядит, а другой кривой,
Побежал он скорее к себе домой.
Не до мальчишек ему теперь.
Никак не нашарит руками дверь.

– Скорей! —

Кричит он Тумэн-Жаргалан,—
Мне глаз занозил стрелой мальчуган.—
На кровать он падает, корчится,
Под себя он от боли мочится.
Зажимает он глаз ладонью.
Глаз сочится водой и кровью.

– Скорей! —

Кричит он Тумэн-Жаргалан,—
У меня в глазу кровавый туман.
Помоги мне, ведь больше некому.
Подними мне правое веко,
Из зрачка ты занозу вытащи,
И ее ты, заразу, выброси.
Взялась Тумэн-Жаргалан
(Ведь больше некому),
Подняла мохнатое веко,
Поглядела, а там не заноза засела,
А хангайская стрела Абая Гэсэра!
Узнала Тумэн-Жаргалан стрелу.
Поняла, что дело идет к добру.
Значит и Гэсэр где-то рядом,
Если стрела его появилась.
Очень она обрадовалась.
Очень развеселилась.
Говорит она Абарга-Сэсэн хану
Словами притворными, ложными:

– Ах, занозу эту руками
Вытащить невозможно.
Глубоко она очень засела,
Не за что зацепиться.
Далеко зашла она в тело,
Не за что ухватиться.
Я гляну, не легче ли было б
Ее вытащить через затылок.
Мы давай с тобой молоток возьмем,
И занозу ту в глубину забьем,
Как с другой стороны она вылезет.
Мы ее обязательно вызволим.

Свяжу я тебя ремнем,

Растягивающимся на тысячу сажень,
Будешь лежать ты в нем
Ради леченья связан.
Скручу я тебя ремнем,
На тысячу сажень развернутым.
Будешь лежать ты в нем
Ребеночком спеленутым.
Опутаю тебя я ремнем,
Плетеным, старинным,
Будешь лежать ты в нем,
Пока я занозу выну.

Говорит она – как жалеет,
Говорит она – как лелеет.
Думает Абарга-Сэсэн
Со стрелой в глазе правом:
– А может и правда? —
Да кроме того от дикой боли
Потерял он разум, потерял он волю.
– Молотком колотите,
Делайте что хотите,
Но помогите, помогите,—
Вот как Абарга-Сэсэн орет.
А Тумэн-Жаргалан свою линию гнет:
Чтобы занозу вытащить ловче,
Надо надеть на голову три железных обруча,
Но ведь, когда буду я занозы касаться,
Ты начнешь беситься, а то и кусаться.
Поэтому, должна я прямо сказать,
Лучше тебя ремнями связать.

Абарга-Сэсэн от боли
Потерял и разум и волю. —
Молотком колотите.
Ремнем вяжите,
Делайте что хотите,
Но – помогите!
Полез он в саженный крепкий сундук.
Достал и отдал ремень из собственных рук.
Этим плетеным ремнем тотчас
Тумэн-Жаргалан обернула его сто двадцать раз.
Замотала, запутала, завязала,
Закрутила, запеленала,
До полной беспомощности закрутила,
К своему лечению приступила.
Стрелу, торчащую из зрачка,
Бьет она тяжестью молотка.
С одной стороны
Попадает стрела под молоток.

С другой стороны
Упирается она в позвонок.
А Тумэн-Жаргалан колотит,
А Тумэн-Жаргалан молотит.
Колотя, она приговаривает.
Колотя, стрелу заговаривает. —
Ты стрела, стрела,
Крепка и остра,
С другого конца
Вылезай скорей.
Позвонки разбей,
Абаргу убей.

Абарга-Сэсэн ногами дрыгает,
Абарга-Сэсэн подпрыгивает.
Абарга-Сэсэн как рыба бьется.
Плетеный ремень на нем рвется.

В это время Абай Гэсэр,
Долгом своим ведомый.
Узнав где живет Абарга-Сэсэн,
Ходил вокруг его дома,
Прежде всего Абай Гэсэр решил
Добраться до черной его души,
А для этого, как опыт учит,
Надобно разузнать как можно лучше.
Где она помещается,
Как она охраняется,
Как ее удобнее уязвить,
Чтобы дьявола черного умертвить.

Тумэн-Жаргалан, из дому выйдя,
Абая Гэсэра увидела.
Гэсэр научил ее, как вместе
Против черного дьявола действовать.
– У дьявола Сэсэн-Абарга
Имеется трехголовый сын,
Ты ему в корень языка
Воткни железный клин.
Воткни ему в язык железяку,
Чтобы сын этот громко заплакал.
А когда отец спросит, почему сынок плачет.
Объясни, что все это значит.
Скажи ему,
Потому, мол, сынок заливается,
Что Абай Гэсэр приближается.
Хочет сынок свою душу
С душой отца соединить.
Чтобы врага победить,

Чтобы Гэсэра убить
Сынок трехголовый,
Оказывается, стремится
Лично с Абаем Гэсэром биться.
Хочет он попробовать свое уменье.
Хочет он испытать свою силу.
Вот почему в нетерпении
Заголосил он.—
Так скажи ты дьяволу Абарга
Про плачущего сынка.

Тумэн-Жаргалан вбежала туда,
Где сидел-играл трехголовый сын,
И в корень языка ему без труда
Воткнула железный клин.
Воткнула она ему стальную иглу,
Бросил трехголовый свою игру.
Орет-надрывается
До покраснения,
Орет-заливается
До побеления.
Вопросил Абарга-Сэсэн,
Что это значит.
Почему ребенок надрывается, плачет?
Не случилось ли какого-нибудь несчастья,
Не требуется ли отцовского участия?

Красавица Тумэн-Жаргалан
Отвечает, как ее
Гэсэр научил: —
Приближение врага из дальних стран
Учуял твой трехголовый сын,
Приближается сюда Абай Гэсэр Удалой,
Идет он за своей законной женой.
Твой сын собирается дать ему отпор,
Но нужна ему дополнительная опора.
Свою душу с твоей он хотел бы соединить.
Великой душой наделенным быть.
Теперь он плачет, потому что не знает,
Где твоя душа живет, обитает,
Где она находится, где она прячется,
Вот почему сынок твой плачет.
Абарга-Сэсэн одним глазом глядит,
От боли корчась, он говорит:

– Абай Гэсэр сюда не может придти,
Нет ему сюда пути.
Даже если у него
Тридцать три батора,

Даже если у него
Триста тридцать военачальников,
Даже если у него
Три тысячи воевод,
Он сюда не придет.
Есть место, где пестрые сороки
На пути их сидят.
Есть место, где серые волки
На пути их сидят.
Сороки их заклюют,
Вороны их заклюют,
А серые волки их съедят.

А душа моя далеко отсюда храниться,
Пеший туда не дойдет и конь не домчится.
А если и сумел бы кто-нибудь дойти,
Все равно ее не найти,
Так укрыта она надежно.
Что добыть ее невозможно.
Тумэн-Жаргалан, из дому выйдя,
Опять Абая Гэсэра увидела.
Абай Гэсэр опять ее учит,
Как трехглавого дьяволенка мучить:
– Воткни, – говорит, – ему в язык новую железяку,
Чтобы пуще прежнего он заплакал.
Тумэн-Жаргалан умелая,
Как ей сказано, так и сделала.
Новый клин опять вонзила,
Заорал дьявол с новой силой.
Орет-надрывается
До покраснения,
Орет-заливается
До побеления.
Вопросил Абарга-Сэсэн,
Что это значит,
Почему ребенок надрывается, плачет?
Не случилось ли какого-нибудь несчастья,
Не требуется ли отцовского участия?
Может быть, просит он лук и стрелы?
Может быть, в седло захотел он,
Капризный кругленький удалец?
Так спрашивает про сына отец.

Отвечает дьяволу Тумэн-Жаргалан:
– Не поэтому плачет твой мальчуган.
Он плачет потому, что не знает.
Где отцовская душа обитает.

Где она находится, где она прячется.

Вот почему сынок твой плачет.
Что же это за отец, – твой сын говорит,—
Если от сына тайну хранит.
Уйду, – говорит, – из дома куда-нибудь.
Проживу, – говорит, – без дома как-нибудь.
Пойду, – говорит, – скитаться по свету,
Если мне доверия нету.

Абарга-Сэсэн одним глазом глядит,
Абарга-Сэсэн сердясь говорит:
– Ему бы еще в игрушки играть,
А он уж душу отца искать.
Мальчишка он и молокосос.
Еще до этого он не дорос.
Скажите ему, что душа отца
Находится в голове у серого жеребца.—
Сказал отец неправду, однако,
Только чтобы больше малыш не плакал.

Абай Гэсэр, находясь поблизости
И услышав Абарга-Сээна слова.
Сумел жеребца из конюшни вывести.
Разрублена лошадиная голова.
Во все уголки Гэсэр заглянул
И понял, что Абарга-Сэсэн обманул.
В мозгу ли, в черепе ли, где ни ищи.
Нет в голове никакой души.

А иголка во рту у сына качается.
Постоянный рев сынка не кончается.
Орет он, надрывается
До посиненья,
Орет он, заливается
До почернения.
Спрашивает Абарга-Сэсэн,
Что это значит,
Почему ребенок по-прежнему плачет?
Разве ему чего-нибудь не хватает?
Пусть в игрушки свои играет.

Тумэн-Жаргалан в ответ сказала:
– Плачет он не потому, что игрушек мало,
А потому, что отец его обманул.
В голову серого жеребца сынок заглянул,
А там, хоть год, хоть два проищи,
Не оказалось отцовской души.

Абарга-Сэсэн одним глазом глядит,
Абарга-Сэсэн, разозлясь, говорит:

– Ему бы еще в игрушки играть,
А он уж душу отца искать.
Мальчишка он и молокосос,
Еще до этого не дорос.
Решил соврать, чтоб утешить мальчика,
Решил обмануть, чтоб успокоить сынка.
– Скажите ему, что душа отца
Находится в голове амба-быка.
Абай Гэсэр, находясь поблизости
И услышав Абарга-Сэсэна слова,
Сумел быка из стойла вывести,
Разрубается бычья голова.
Во все уголки Гэсэр заглянул
И понял, что Абарга-Сэсэн опять обманул.
Сколько ни разглядывай, ни ищи,
Нет в голове никакой души.

Красавицу Тумэн-Жаргалан теперь уже не учить,
У мальчика в языке третья игла торчит.
Наступает ночь, пора бы спать,
А малец трехголовый продолжает орать.
Орет, заливаясь
До побеленья,
Орет, надрывается
До посиненья.
Проходят новые дни и ночи,
Слушать плач не хватает мочи.
Абарга-Сэсэн, несчастный отец,
Слушая плач, извелся вконец.
Говорит, ругается отец одноглазый: —
Вот прилип, как заморная язва.
Что-нибудь делать с этим надо.
Ладно, скажите ему уж правду.

Скажите, что далеко-далеко на востоке,
Где желтой восточной реки истоки,
Где у желтого моря желтый прибой,
Живет сестра моя Енхобой.
Во дворце у нее, в подвале,
Чтоб ничьи глаза не видали,
Ни для чьих недоступный рук,
Стоит каменный гладкий сундук.
В этом каменном гладком сундуке
Стоит черный железный сундук.
В этом черном железном сундуке
Стоит белый серебряный сундук.
В этом белом серебряном сундуке
Стоит желтый сундук, золотой,
Весь чеканный он, весь витой,

Желтым мастером отлитой.
Если бы этот желтый сундук
Кому-нибудь открыть привелось,
Из него бы вылетели вдруг
Двенадцать желтых ос.
А еще бы двенадцать сказочных птиц
Из сундука бы кверху взвились.
Полетели бы осы и птицы,
Крыльшками шурша...
Вот где хранится
Моя душа.

Абай Гэсэр, находившийся поблизости,
Услышал Абарга-Сэсэна слова,
Сумел он сына из дома вывести,
Тройная отрубается его голова.

После этого,
Красивые полы халата
Заткнул Гэсэр за красивый кушак,
И в сторону восхода со стороны заката
Отправился, ускоряя шаг.
Но догадываясь,
Что Абарга-Сэсэн по его горячим следам пойдет.
Но опасаясь,
Что Абарга-Сэсэн его по холодным следам найдет,
Обернулся он на время трехговым сынком,
Отправившимся к тетке своей пешком.

Абарга-Сэсэн шолом-хан и правда
Проводил уходящего долгим взглядом,
Но увидев, что это трехголовый мальчишка,
Отправился в гости к тетке своей Енхобой,
В душе, про себя обругал шалунишку,
И возвратился спокойно домой.
Единственным глазом от боли крутя,
Улегся спать он охая и кряхтя.

Гэсэр же видя,
Что больше за ним никто не следит,
Свой нормальный
Человеческий принял вид.
У волка вся жизнь в ловитве,
У батора в борьбе да битве,
У волка вся жизнь в кормленьи,
У человека вся жизнь в стремленьи.
В темные ночи Гэсэр не спит,
Ранним утром Гэсэр не ест,
В жаркий полдень Гэсэр не пьет,

Далеко он ушел от знакомых мест,
Но все дальше идет,
Все быстрее идет.
Наконец,
В стране, наизнанку вывернутой,
Где деревья все с корнем повыдернуты,
В стороне бесплодной, в стороне холодной,
В стороне бестравной, в стране бесславной,
Гэсэр опять свои волшебства достает,
Как жеребят их на ладони пасет,
На ладони они пляшут, по пальцам бегают,
Делают все, что Гэсэр потребует.
Первым делом
Коня гнедого Бэлыгэна
С крепким, горячим телом
Заколдовал Гэсэр и заморозил.
Превратился большой и сильный конь
В кресало, которым высекают огонь,
Кресало Гэсэр в карман положил.
После этого
Превратил себя Гэсэр снова
В молокососа – сынка трехголового.
В сынка Абарга-Сэсэна Гэсэр опять превратился.
Около тетиных дверей он остановился.
Но тетка Енхобой была не проста,
Толкнулся гость, а дверь заперта.
Начал он в железную дверь стучать,
Начал он голосить, кричать,
Так он и руками и ногами стучится,
Что железная дверь вот-вот разлетится.

Кричит из-за двери тетушка Енхобой:
– Что там за стук, что за разбой?
Кто оказался перед дверями моими?
Чей там сын? Как его имя? —
Кричит она сердито, кричит сурово,
А гость стучится снова и снова.
Слышит Енхобой сквозь грохот и стук:
– Это я, твой племянник и внук.
Пришел я к тебе в гости, тетушка милая,
А ты меня на улице совсем заморила.
От холода и голода болят мои кости,
Разве так встречают родного гостя?
Отвечает Енхобой сердито, со злостью:
– Мой племянник не собирался пока что в гости,
Ни он, ни брат мой Абарга-Сэсэн,
А ты, наверное, оборотень Гэсэр.
Прикинулся моим трехговым внуком,
Всполошил всю округу шумом да стуком,

Стучи хоть громче, стучи хоть втрое,
Двери я тебе не открою.—
Перестал Гэсэр в дверь колотить,
Начал под дверью плакать-скулить.
Плачет он девять дней подряд,
Плачет он девять ночей подряд,
От плача у тетушки уши болят,
На десятый день она уж поверила,
Что это племянник скулит под дверью.
Но прежде, чем железную дверь открывать,
Решила она племянника испытать.
Приоткрыла она немножко
В двери устроенное окошко.
Подошла к нему близко-близко,
И высунула наружу правую сиську.

– Испей-ка ты, племянничек, моего молока
Три глотка.
Если ты тот, за кого себя выдаешь,
Не заболеешь и не умрешь.
Если же ты притворщик и лжец,
То сразу тебе придет конец.
Мое молоко весь твой живот
Разорвет на части, огнем сожжет.
Гэсэр задумался: как тут быть?
Как бы тетку перехитрить?
Проделал в ребрах он желобок,
И отвел его в сторону, вбок.
Чтобы молоко по желобу утекало,
А в живот ни капли не попадало.
Вот он прильнул к сосцу губами,
Пьет молоко большими глотками,
А молоко по желобку утекает,
В живот к Гэсэру не попадает.
Утекает молоко безвредно,
В землю впитывается бесследно.
После этого тетушка Енхобой
Подумала, что перед ней племянник родной,
Двери она ему открывает,
В дом она его призывает.
Накрывает она золоченый стол,
Расставляет на нем вкуснейшие яства.
Натягивает она серебряный стол,
Расставляет на нем редчайшие яства.
Напитки на стол она выставила,
Старинные, выстоянные,
Угощает она гостя прозрачной арзой,
Потчует она гостя крепчайшей хорзой.

Но Абай Гэсэр – себе на уме,
Мысли хозяйки он понять сумел,
Понимает он, по столу глазами скользя,
Что ни пить, ни есть ему нельзя.
Как только попробует он пиши редчайшей,
Сразу на спину мертвецом упадет,
Как только попробует напитка крепчайшего,
Сразу на живот мертвецом упадет.
А тетка потчует, а тетка ждет.
Тогда проделал Гэсэр в ребре желобок
И отвел его на улицу, в сторону, вбок.
Отвел он его за пределы дома, в кусты,
Где течет ручеек, где травы густы.
Теперь он ест все самое редкое.
Теперь он пьет все самое крепкое.
Теперь он рот едой набивает,
Теперь он еду напитками запивает,
Ручей за стеной растет, прибывает.
Тем временем
Солнце красное закатилось,
Тем временем
На землю ночь опустилась,
Все живое на земле – затихает,
Все живое на земле – засыпает.

Енхобой, Абарга-Сэсэна сестра,
Говорит племяннику: спать пора.
– Пожалуй, – говорит племяннику, – лягу я,
А ты, племянничек, ляжешь около.—
Постель она постелила мягкую,
Одеяло она раскинула легкое.
А чтобы гость ее не вздумал уснуть,
Дает она ему правую грудь.
– Испей-ка ты моего молока
Три глотка.
А сама его ласкает и греет,
А сама его нежит, лелеет.
– Молока моего ты испей, испей,
Будешь всех мужчин на земле сильней.
Обниматься ты будешь без усталости,
А врагов побеждать будешь с удалью.
А я уж девять ночей не сплю,
Девять ночей одна терплю.
Глотай же мое молоко скорее,
Обнимай же меня сильнее.
Прильнул Гэсэр к сосцу губами,
Пьет молоко большими глотками.
А молоко по желобку утекает,
В живот к Гэсэру не попадает,

Утекает оно безвредно,
Исчезает оно бесследно.
Потом он девять ночей не спавшую,
Превратил в довольную и уставшую.
А когда почувствовал, что она уж спит,
Принял свой нормальный, человеческий вид.

Сандаловой палочкой по спящей проводит,
Колдовство-волшебство на нее наводит.
Красным камнем машет и гладит,
Словами заклиная, глазами глядя:
«Тысячу лет тебе тут лежать,
Тысячу лет беспробудно спать,
Усни ты, сдохни,
Лежи ты, сохни,
Стань паутиной,
Пылью, глиной,
Камнем вожу,
Глазом гляжу,
Заклинаю словами старыми,
Закрепляю своими чарами».

Помнит Гэсэр, что во дворце, в подвале,
Чтобы ничьи глаза не видали,
Ни для чьих недоступный рук
Стоит каменный, гладкий сундук.
Сразу после этого
В глубокий подвал он идет,
По каменному сундуку
Железным молотом бьет,
Каменный сундук раздробляется,
В нем железный сундук появляется.
Железный сундук Гэсэр вынимает,
Железный сундук Гэсэр разбивает.
Появляется сундук серебряный, белый,
Старинным белым мастером сделан.
По серебряному сундуку
Гэсэр железным молотом бьет,
Желтый золотой сундук достает,
Весь он чеканный, весь витой,
Желтым мастером отлитой.
Этот желтый заповедный сундук
Гэсэру впервые открыть привелось.
Снял он крышку и вылетело вдруг
Из сундука двенадцать желтых ос.
А еще двенадцать сказочных птиц
Из открытого сундука кверху взвились.
Полетели осы и птицы,
Крылышками шурша.

Так вот, значит, где хранится Абарга-Сэсэна душа!
Но стоит Гэсэр, растерялся,
Он с пустыми руками остался.
Птицы все распорхались,
Осы все улетели,
Все замки и запоры распались,
Сундуки опустели.

Делать нечего,
Гэсэр свои волшебства достает,
Как жеребят их на ладони пасет.
На ладони волшебства пляшут,
По пальцам прыгают, бегают,
Делают все, что Гэсэр скажет,
Исполняют все, что потребует.
Повелел Гэсэр немедленно им,
Чтобы вернуть улетевших птиц и ос,
Собрать морозы с целых трех зим,
И устроить один большой мороз.
Чтобы трещали в лесу деревья,
Чтобы у оленей трещали рога,
Чтобы все становища и деревни
Замели сугробы-снега.
Чтоб одно только было место,
Где бы можно было согреться.
Там от солнца тепло сохранится,
Прилетят туда осы и птицы,
Сбережет вселенский огонь
Лишь одна Гэсэра ладонь.

Так на деле все точно и вышло,
Вот вселенная холодом дышит,
Вот деревья в лесу трещат,
Вот зверушки в лесу пищат.
С трех трескучих собранный зим
В одно место большой мороз,
Напугал дыханьем своим
Упорхнувших и птиц и ос.
От мороза им некуда деться,
Негде им спастись и согреться.
Только светится, как огонь,
Среди стужи Гэсэра ладонь.

Вот к ладони они слетают,
Над ладонью они витают,
На ладони они собираются,
На ладони они согреваются.
Снова с неба слетевших вниз
На ладони той собралось

Все двенадцать сказочных птиц,
Все двенадцать сказочных ос.
Собралась там, крылышками шурша,
Абарга-Сэсэна душа.

Девять птичек Гэсэр убил,
Девять ос Гэсэр придавил,
По три штуки оставил в живых,
Завернувши в тряпицу их.
Лишних слов никому не сказывая,
Тряпку спрятал к себе за пазуху.
Спрятал тряпку к себе на грудь
И в обратный пустился путь.

В это время
Дьяволу Абарга-Сэсэн хану
Совсем становится плохо.
Стонет он непрестанно,
Не может сделать ни выдоха и ни вдоха.
Березовым обручем
Голову он себе сдавил,
Железо прочное
Вокруг головы обвил,
Белого от черного не отличает,
Позднего и раннего не различает.
Правого от левого отличить не может.
И день и ночь боль его гложет.
Время перепуталось, все смешалось,
Посмотреть на него – просто жалость!

А между тем
Абай Гэсэр уж давно в пути,
Немного совсем
Осталось ему идти.
Вот и логово,
Где живет дьявол Абарга-Сэсэн хан,
Где томится так долго
Прекрасная Туман-Жаргалан.

Прежде всего
Абай Гэсэр Удалой
Издает свой клич боевой.
Рев тысячи изюбрей
В своем голосе он соединяет,
Рычание тысячи зубров
В своем крике объединяет.
Как тысяча лосей
Он ревет-кричит,
Как десять тысяч лосей

Он ревет-трубит.

Абарга-Сэсэн
Услыхал этот крик и вой.
– Заходи, – говорит, – заходи, Гэсэр,
Ко мне домой.
Волосенки-то твои,
Я гляжу – жидковаты,
А ручонки-то твои,
Я гляжу – слабоваты.
Ни суставы твои, ни жилы,
Не имеют крепости-силы,
А кости-то твои – хрящеваты,
А ноги-то твои – тонковаты.
А спина-то твоя – мягка,
А ступня-то твоя – узка.
Жаль, что не встретился ты мне,
Когда здоров я,
А встретился ты мне,
Когда – хвороба.

Абай Гэсэр рассердился,
Надул он щеки,
Брови его зашевелились,
Торчат, как щетки. —
Ну-ка ты, на чужое позарившийся,
Захвативший чужую жену,
Выходи навстречу, пожалуйста,
Объявляю тебе войну.
На кровати валяться некогда,
За тебя заступаться некому,
Хоть коварен ты, но ничтожен,
Я тебя сейчас уничтожу.

Хозяин дома
Словами этими был оскорблен,
Около Абая Гэсэра Удалого
Одним прыжком оказался он.
– А ты, – говорит, – я вижу, шутник,
И ухватился за воротник.
Два силача разъяряются постепенно,
Руками они обхватывают друг друга,
Пяткой задев развалили стену,
Боком задев своротили угол.
Оказались они на улице,
Упираются и сутулятся.
Наклонили они головы,
Глазами косят,
Напрягли они ноги,

Перетаптываясь, стоят.
Ногой упрутся,
Южная гора с места сдвигается,
Другой оттолкнутся,
Северная гора качается.
Зная, что вселенная высока,
Руками свободно взмахивают,
Зная, что земля широка,
Руками свободно размахивают.
Ногами они топчут половину земли,
Воздуху они полнеба вдохнули,
Жилы они до крайности напрягли,
Сухожилия они до крайности натянули.

Там, где они упираются,
Возникают ямы глубокие.
Там, где они напрягаются,
Возникают овраги широкие.
В такую яму бык упадет,
Обратно не выберется.
В такой овраг верблюд попадет,
Сразу не выкарабкается.

Из-за равной силы они одинаково бьются,
Из-за равной удали не сдаются.
Друг у друга они
Мясо со спины выдирают,
Друг у друга они
Мясо с груди выгрызают.

Вороны с юга тут как тут,
Разбросанное мясо жадно клюют,
Сороки с севера прилетают,
Свежее мясо кусками глотают.

В это время Абарга-Сэсэн
Начал вроде одолевать.
В это время Абай Гэсэр
Начал вроде бы уставать.
Абарга-Сэсэна
Грязная черная душа,
На Абая Гэсэра
Вот-вот навалится и придушит.

Тогда он вспомнил про ту тряпицу,
Где завернуты осы, где завернуты птицы.
По три штуки оставалось там тех и тех,
Абай Гэсэр перебил их всех.
Прикончил он душу своего врага,

Черного дьявола Абарга.
Смотрит Гэсэр, совершивши это,
А противника перед ним никакого нету.
Нету противника сильного,
Нету противника – черта,
Лежит только камень синий,
Лежит только камень черный.
От того, что грохнулся он,
Затихает далекий звон.

Непобедимого врага победив,
Быстрейшего из жеребят перегнав,
Переднее назад заворотив,
Неседланого жеребца оседлав,
Заднее назад загнув,
Неломаемое сломав,
Непугаемое спугнув,
Абай Гэсэр
До звона в груди своей радуется.
Абай Гэсэр
До стога в сердце своем восторгается,
Вверх поглядит – смеется,
Вниз поглядит – улыбнется.
Победителем он зовется,
Удалым прозывается.

Но чтобы с места сдвинуть
Камень тот черно-синий,
Напрягает Гэсэр руки, ноги и спину,
Но не хватает Гэсэру силы.
Как Абай Гэсэр не старается,
Камень плотно лежит, не сдвигается.
Берет он двумя руками
Свой державный, булатный меч,
Опускает его на камень
Со всех богатырских плеч.
Богатырское сердце радуя,
Разлетается камень надвое.
Берет Гэсэр одну половину,
Напрягает руки, ноги и спину,
Но сдвинуть камень тот черно-синий
Не хватает Гэсэру силы.
Как Абай Гэсэр ни старается,
Камень плотно лежит, не сдвигается.
Берет он двумя руками
Свой державный, булатный меч,
Опускает его на камень
Со всех богатырских плеч.
Разлетается камень, к счастью,

На четыре равные части.

Эти части Гэсэр одну от другой отделил,
Сдвинул с места, в сторону расташил.
Взял он красную южную гору,
Над одной четвертинкой камня поставил.
Взял он северную высокую гору,
Над второй четвертинкой камня поставил.
Приволок он и еще две больших горы,
Стоявших без толку до поры.
Над остатками камня он их поставил,
До скончанья веков стоять заставил.

А между тем,
Когда он горы носил,
У вечной вечности так просил:
– Пусть лежит Абарга-Сэсэн бесконечно,
Пусть спит под камнями жесткими,
Пусть лежит под подошвами человеческими,
Пусть лежит под копытами конскими!

Когда Гэсэр все это совершил,
Тумэн-Жаргалан к себе позвал,
Великий праздник устроить решил,
С женой-красавицей запировал.
– Были мы удачливы, – он говорит, —
Были мы счастливы, – он говорит, —
Врага мы победили, – он говорит, —
Веселье мы заслужили, – он говорит.

Тумэн-Жаргалан
Приветствует его словами красивыми,
Жестами скромными и учтивыми.
Накрывает она золотой стол,
Редкие кушанья на него ставит,
Расстилает она серебряный стол,
Вкусные кушанья на него ставит.

Восемь дней они пируют,
На девятый опохмеляются.
На десятый готовят коней и сбрую,
В дальний путь собираются.

Но Тумэн-Жаргалан вздыхает,
Себе на уме,
Никто не знает,
Что у женщины в голове.
Не хочет она, чтоб Гэсэр Удалой
Возвращался в пределы родной страны,

Вот вернутся они к себе домой,
А там у Гэсэра еще две жены.
А здесь, пусть черный туман,
Пусть чужая, пусть дьявольская страна,
Да зато Тумэн-Жаргалан
Единственная у Гэсэра жена.
Но печали своей жена не показывает,
Притворяется доброй и ласковой.
Мужу всячески угождает,
Мужа всячески угощает.
Но собравши особые травы,
Подмешала в еду отраву.

У Абая Гэсэра разом
От еды замутился разум.
Свою левую руку
От правой не отличает.
Свою правую руку
От левой не отличает.
Все что с детства знал – позабыл,
Все что взрослым узнал – забыл.
Отличаться он стал
Тупостью,
Говорить он стал —
Глупости.
Вместо умных слов,
Начал чушь нести,
Послали его коров
Да телят пасти.

В это время три сестры Абая Гэсэра,
На небе живя, прислушиваются в тревоге,
Что-то не видать нигде их брата Гэсэра.
Ни в лесу, ни дома, ни на дороге.
Открывают они
Небесную квадратную дверь,
Осматривают они
Белесую земную твердь.
На небосвод они синий вышли,
Смотрят вниз они с неба высокого,
Что-то дыханья брата не слышно,
Копыта коня его не цокают.

Осматривают они землю тщательно,
Прислушиваются внимательно.
И видят, что в восточной стране,
Где все наизнанку вывернуто.
Видят, что в туманной стране,
Где деревья с корнями выдернуты,

В стране бестравной, в стране бесславной,
В стране холодной, в стране бесплодной,
Брат их
Свою левую руку
От правой не отличает.
Свою правую руку
От левой не отличает.
А в глазах у него – темно,
А живот у него – распух,
Он уже не батор давно,
Он – обычный бедный пастух.
Вместо умных слов
Он чушь несет.
Овец, коров
Да телят пасет.

Три родные сестры пригорюнились,
Три родные сестры приготовились.
Обернулись они все птицами,
А одна из них стала кедровкой.
А вторая стала синицей,
А третья кукушкой ловкой.
Вот на землю они несутся,
Летают они над лесами,
У братца, коров пасущего,
Мелькают перед глазами.

А брат их похож на ребенка,
Бегает, развлекается,
Тянется к птицам ручонками.
За птицами он гоняется,
Но птицы его обманывают,
Перед носом крыльями машут,
Птицы его заманивают,
Чтобы от дома ушел подальше.

Заманили его далеко,
Он бежит за ними, шустер.
Тут они в мгновение ока
Снова приняли вид сестер.
Эржэн-Гохоон – сестра
На решенья была быстра.
По правой щеке она брата ударила,
Весь желудок у него вывернуло.
По левой щеке она брата ударила,
Черной отравой брата вырвало.
Можжевательником из десяти лесов
Сестры его окурили,
Водой из девяти родников

Сестры его умыли.

Абай Гэсэр, окурен и облит,
Вернул себе и разум и облик.
А сестрицы, как их и не было,
Упорхнули опять на небо.

Понял Гэсэр,
Каким он бесправным был.
Понял Гэсэр,
Кто его отравой поил,
Сильно он рассердился,
Надул он щеки,
Брови его зашевелились,
Торчат, как щетки.

Тумэн-Жаргалан, красотку,
За волосы он хватает,
В руке его правой – плетка,
Больно она стегает.
Он и так повернет жену и этак,
И еще хлестнет, напоследок.
После отдыха-перекура,
Начинает стегать сначала,
До тех пор порол ее, дуру,
Пока на сердце не полегчало.
Да рука начала неметь,
Да жена начала реветь.
– А теперь, – приказал ей строго, —
Собирайся со мной в дорогу.

Чтобы пища была в пути,
На ночлегах чтоб был огонь,
Не скользя, чтобы мог идти
Бэльтэне, дорогой мой конь.
Чтобы сбруя была вся новая,
Чтоб к утру было все готово.

Из дворца Абарги, возмущенья полон,
Рано утром Гэсэр на улицу вышел.
Все что было крышей, он сделал полом,
Все что было полом, он сделал крышей.
Словно гальку морскую, в сумки
Серебро он сыпать велел,
Соболей да бобровые шкурки
Он в мешки набивать велел.
Наизнанку он все тут вывернул,
Что ему на глаза попало.
Даже гвозди он все повыдергал,

Даже доски переломал он.

Всех телят, что в горах паслись,
Он с собой в дорогу забрал.
Табуны, что в степях носились,
Впереди себя он погнал.
Очаги, что всегда дымились,
Он развеял и растоптал,
А людей, что жили-плодились,
По урочищам разогнал.
На долину мгла опустилась,
Жизнь в долине остановилась.
Там, где жизнь текла говорливо,
Расплодилась теперь крапива.
А где смех раздавался, тут
Лишь колючки теперь растут.
А где песни певались рьяные,
Встали заросли из бурьяна.
А где в души лилась теплынь,
Вырастает теперь полынь.

Всюду они торчат, как зазубрины,
Не заходят сюда изюбри,
Даже лоси тех мест избегают,
Даже птицы их облетают.
На одном только старом дереве
Там остался сидеть ворон древний.
Чтобы жил он там без товарищей,
Чтобы каркал он над пожарищем.
Чтобы карканьем он пугал леса,
Да еще одна хромая лиса.
Все вынюхивает там что-то, бегаёт,
А убить ее там уж некому...

Тогда говорит Гэсэр своей жене:
– Больше нечего нам делать в чужой стороне.
Лосиная берцовая кость в котел не вмещается,
Сердце не перестанет домой стремиться,
Эвенки к старому кочевью возвращаются,
Жеребенок тянется к матери-кобылице.
Возвращается человек к воде,
Которую в детстве пил.
Возвращается человек к земле,
На которой маленьким жил.
Собирайся, жена, в дорогу,
Мы поедем к родному порогу.
Длинна река,
Но до моря все равно добирается.
Земля широка,

Но цель все равно приближается.
Все родственники Гэсэра очень обрадовались,
Широкие столы красиво накрыли.
Гостей созвав,
Восемь дней радовались.
Угощая всех,
Девять дней ели и пили.
На десятый день опохмелялись,
Прощались,
По домам разъезжались.
Еще долго потом вспоминали,
Что там ели они и пили.
Все Гэсэра они прославляли,
Все хвалу ему возносили.

Все благие людей пожелания
Да услышаны будут.
Все великие предков деяния
Внуки-правнуки не забудут.
Пусть надежды наши сбываются,
Предсказания исполняются.
Люди будут друг к другу участливы,
А народы все будут счастливы.

Перевод Владимира Солоухина.

Ветвь восьмая О победе Гэсэра над коварным Лойр-Лобсоголдоем

Часть 1

У священного дерева на девяти ветвях
Девять свечей горит,
Девять сказаний о богатырях,
О битве каждое говорит.

В бобра,
Промелькнувшего вдалеке,
Почему не пустить стрелу?
Богатырям на родном языке
Почему не пропеть хвалу?

Все походы успешно совершавший,
Всех врагов удачливо поражавший
И поэтому Удалым прозывавшийся,
И поэтому людьми восхвалявшийся,
На берегу Мухнэ – широкого моря,
На краю Моорэн – широкой долины,
В просторной своей земле Хатан
Мирно жил Абай Гэсэр хан.

Говорит он однажды,
Что все домашнее мясо ему приелось.
Говорит он однажды,
Что ему дичатины захотелось,
Надоела ему говядина,
Надоела ему телятина,
Захотелось ему лосятины,
Оленины да медвежатины.
Отложил он все дела и заботы,
И стал готовиться на охоту.
Решил Гэсэр Удалой Абай
Поехать охотиться на Алтай.
Тридцать трех баторов своих,
Триста тридцать трех воевод своих,
Три тысячи триста тридцать трех оруженосцев своих
Гэсэр призывает.
Велит им Бэлыгэна коня седлать,
Велит им оружие охотничье брать,
День и час отправления называет.

Едут они по таежным склонам,
Северной стороны держась.
Едут они по каменистым склонам,
Южной стороны держась.
По тринадцати хребтам они скачут,
Дичь выслеживают.
По двадцати трем хребтам они скачут,
Дичь выстреливают.
Добираются они
До великой черной тайги,
Достигают они
Края великой синей тайги.
В непролазные дебри углубляются,
В непроходимые дебри забираются.
Играя ловкостью и силой своей,
Охотятся на таежных зверей.
Жирного зверя стрелой поражают,
Тощего зверя – пропускают.
Черного бобра – убивают,
Серебристого соболя – добывают,
Но зверя в тайге не убывает.

Звериное мясо и пушнину
Наваливают они коням на спину.
Зверя мелкого, зверя крупного
Наваливают на коней,
От округлого крупа
До наостренных ушей.
Навалив зверей этих стогом,
Поворачивают они коней к дому.
Настрелявши разных зверей,
Едут, едут они домой.
Видят, младшенький из чертей
Черный Лойр-Лобсоголдой,
Но уже порядочный изверг,
Но уже большой негодяй,
На тропу перед ними выбежал,
Олененочка догоняя.
Он бежал за оленем прытко,
А попал коню под копыта,
А на этом коне Гэсэр,
Возвышаясь горой, сидел.

Ухватил он чертенка за шкуру,
Приподнял его над землей.
А чертенок боится пикнуть,
Лишь бормочет, словно немой.
Он впопад-невпопад бормочет,
Чтоб его отпустили хочет.

А Гэсэр сидит, вопрошая:
Ты в горах моего Алтая
Много ль добыл изюбрей, коз?
Много ль мяса домой отвез?
Много добыл ли соболей
На просторах тайги моей?
Ты азартно ли поохотился,
Иль еще пострелять тебе хочется?

Черного Лойр-Лобсогодоя
Взял Гэсэр своей левою рукою,
А в руке его правой плетка,
Она хлещется очень хлестко.
Абай Гэсэр его бьет и бьет,
Как сырое дерево его гнет,
Как сухое дерево его ломает,
Черт живым остаться не чает.
Ты запомни, Лобсогодой,
Весь Алтай этот древний – мой.
Вся моя здесь вокруг тайга,
И в ней места нет для врага.
Ты забудь про эти просторы,
Не ходи сюда тайным воров.
Ты по горным склонам не рыскай,
Ты добычи здесь не выискивай.
Еще раз попадешься, черт,
Будешь в пыль и прах перетерт.
А пока быстрее убирайся,
Да ловчить, смотри, не старайся.

Чертеноч Черный Лобсогодой
Не верит, что ушел от Гэсэра живой.
Вверх посмотрит —
От радости он смеется.
Вниз посмотрит —
От злости трясется.
Трясется он от зависти и стыда,
В сердце его месть и вражда.
В сердце его, как угли горят,
Месть, вражда, ненависть, яд.
Помчался он к началу восточной страны.
Где горы черны и степи черны,
Где все наизнанку вывернуто,
Где деревья с корнями выдернуты,
Где скользя над тремя преградами,
Пробирается река с тремя водопадами.
В страну сухую, в страну бестравную,
В страну глухую, в страну бесславную.
В страну, где ветер всегда летает,

В страну, где солнышка не бывает,
В страну, где дождичек не помочит,
В страну, где никто ничего не хочет.

После зеленых просторов Алтая,
Страшна казалась страна пустая.
По этой стране черт Лобсогдой
Катался, метался сам не свой.
Ненависть, злость собирал, копил,
Яд в себе подогревал, кипятил,
Дикий крик испускал —
Преисподняя сотрясалась,
Страшный вопль исторгал,
Вся вселенная содрогалась.

Наконец,
Накричавшись к исходу дня.
Вскочил он на железно-синего коня
И помчался в ослеплении сам не свой
За советом к сестре своей Енхобой.
Поехал к сестре он жаловаться,
Поехал к сестре он печалиться.
– Помоги, – говорит, – пожалуйста,
Ты над нами, – говорит, – начальница.—
Три дня он ей все рассказывал,
Синяки и рубцы показывал.
– Ведь Гэсэр на коне как гора сидит,
А я верчусь вокруг копыт.
Из-за того, что я мал,
Надо мной смеялись.
Из-за того, что я слаб,
Надо мной издевались.
Меня измяли, меня избили,
Хорошо, живого хоть отпустили.
А они, довольные, удалились.
Так где же, сестра моя, справедливость?
Когда же месть свою совершу,
Когда же спесь я с него собою,
Когда же так его накажу,
Чтобы он проклинал судьбу свою?

Мечь моя будет – тройная мечь.
У Гэсэра жена красавица есть,
Зовут ее Урмай-Гоохон,
Любит ее больше жизни он.
Эту красавицу я у него отниму,
Как свою жену ее обниму.
Сделаю ее своей законной женой,
Будет она жить не с ним, а со мной.

Кроме того,
Земли его прекрасно-алмазные,
Превращу я в земли червивые, грязные,
Будут ползать там змеи железные,
Всех людей его истреблю я болезнями.
Истреблю их мором, холерой, язвами
И другими напастями разными.
Я не буду его щадить, беречь,
Пока яд меня перестанет жечь.
Пока обида моя не рассеется,
Пока ненависть не растеплится.
Пока месть моя не насытится,
Пока честь моя не очистится.

Говорит сестре: «Моя боль остра.
Помоги ты мне отомстить, сестра.
Видишь, я у тебя в ногах лежу,
Видишь, я у тебя сапоги лижу.
Ты сестра наша старшая,
Ты сестра наша мудрая,
Мечь исполнится страшная,
Уж тебя не забуду я...»

Отвечает старшая сестра Енхобой:
– Все, что задумано и сказано тобой,
Все это складно, все это верно,
Другое скверно.
Ведь сила двух рук Гэсэра
Четырем поднебесным силам равна.
Сила двух ног Гэсэра
Четырем преисподним силам равна.
Сила груди Гэсэра
Четырем неземным силам равна.
Число его превращений – двести,
Число его волшебств сто и два,
А ты мечтаешь, братец, о мести,
Тут нужна не сила, а голова.
Ведь он от пятидесяти пяти небесных долин
На землю спустился,
С указанием из пяти священнейших книг
На землю спустился.
С мудростью для семидесяти мудрецов
На землю спустился.
С основой для семидесяти языков
На землю спустился.
От черных замыслов злых врагов
Державно-булатный меч он имеет,
От нападенья злостно-черных врагов,

Сделанный из семидесяти козьих рогов,
Сокрушающе-желтый лук он имеет.
Если выпустит он свою стрелу в цель,
Никто от нее не останется цел.
Не поддается он ни стреле, ни мечу, ни ножу,
Но послушай теперь, что я скажу.

Живет он с тремя прекрасными женами,
Всем довольными, всем ублаженными.
И они его нежат, холят,
У него завидная доля.
Питается он три раза на дню,
Наслаждается он три раза в году.
Но как бы ни был он сыт и пьян,
Есть у него в жизни один изъян.
Некого ему на коленях качать,
Некого ему около подбородка ласкать.
Некого ему на ночь баюкать,
Некому ему языком люлюкать.
Детей у него что-то не получается,
Без потомства он остается.
Вот почему
Вверх он посмотрит – не улыбается.
Вот почему
Вниз он посмотрит – не смеется.
Так что,
Если за дело приняться вовремя,
Так что,
Если за дело приняться с разумом,
Отомстим мы Гэсэру Гордому,
Есть для этого дороги разные.
Как на старшую сестру,
На меня ты надейся,
Но и к другим сестрам двум
Ты наведайся.
Послушай, что тебе посоветует
Средняя наша сестра.
Послушай, что тебе посоветует
Младшая наша сестра.
И та и другая – приветливы,
И та и другая умом остры,
А от меня, чтобы дело начать бы мое,
Вот тебе с правой ноги чулок.
С правой ноги чулок я снимаю
И отдаю я его тебе.
В серебряную чашу чулок превращаю
Мудрой бабушки Манзан-Гурмэ.

Есть место сухое, печальное,

Вода в колодцах – соленая,
Гора там стоит песчаная,
А склон у нее – зеленый.
У подножия этого склона —
Дворец, крыльцо со ступенями,
Сверкает он весь чистым золотом,
Сверкает он весь камнями.
Гэсэр,
Из-за того, что некого на коленях качать,
Гэсэр,
Из-за того, что некого около подбородка ласкать,
Гэсэр,
Из-за того, что некого на ночь баюкать,
Гэсэр,
Из-за того, что некому языком люлюкать,
Из-за того, что детей у него не получается,
Из-за того, что без потомства остаться боится,
В этот дворец раз в год отправляется,
Чтобы богам всевышним молиться.

В этот дворец, в этот самый день,
Надо проскользнуть незаметно, как тень.
Прикинуться там святым в одеянии белом,
Излучающим сиянье,
И сидеть, ничего не делая,
Неподвижно, как изваяние.

Гэсэр и три его красивых жены
Сюда придти молиться должны.
Будут они искренне, без притворства,
Просить у неба потомства.
Будут они искренне, без затей,
Просить у неба детей.
В это время ты чашу им покажи,
В это время им так скажи:

– Великая бабушка Манзан-Гурмэ,
У которой вся сила в ее уме,
Все тайны вселенские знающая,
Все швы во вселенной сшивающая,
Услышала искренние молитвы ваши
И прислала меня с этой чашей
Для того, чтобы дети у вас родились,
Для того, чтобы вы с детьми веселились.
От этих слов Гэсэр встrepенется,
И к тебе лицом обернется.
Ты в это время без лишних слов,
Чашу метни Гэсэру в лоб.

Я за всем буду издали наблюдать.
Я во всем буду тебе помогать.
Снимаю с правой ноги чулок,
Чтобы ты отомстить Гэсэру мог,
Превращаю его в чашу Манзан-Гурмэ,
Отдаю эту чашу, мой брат, тебе.
Черному Лойр-Лобсоголдою
Очень это понравилось.
Сильно он радуется и веселится.

К средней сестре он тотчас отправился,
В дверь ее нетерпеливо стучится.
Три дня он ей все рассказывал,
Синяки и рубцы показывал.
Как поехал он охотиться на просторы Алтая,
Где звери несчитанные обитают,
Где наполнена жирной дичью тайга,
Называют ее Хуха.
Как бежал за оленем прятко,
Да попал коню под копыта,
А на этом коне Гэсэр,
Возвышаясь горой, сидел.

– Из-за того, что я мал,
Надо мной, – говорит, – смеялись.
Из-за того, что я слаб,
Надо мной, – говорит, – издевались.
С тех пор в сердце моем горят
Мечь, вражда, ненависть, яд.

Мечь моя будет – тройная мечь,
У Гэсэра жена красавица есть.
Зовут ее Урмай-Гоохон,
Любит ее больше жизни он.
Эту красавицу я у него отниму,
Как свою жену ее обниму.
Земли его прекрасно-алмазные
Превращу я в земли червивые, грязные,
Будут ползать там змеи железные,
Всех людей истреблю я болезнями,
Истреблю их холерой, язвами
И другими напастями разными,
Пока мечь моя не насытится,
Пока честь моя не очистится.
Старшая сестра
Дала мне с правой ноги чулок,
Чтобы я отомстить Гэсэру мог,
Этот чулок сестра почтенная наша,
Превратила в серебряную чашу,

Чтобы в нужный момент, без лишних слов,
Я мог ее метнуть Гэсэру в лоб.

Отвечает средняя сестра Енхобой:

– Все что задумано и сказано тобой,
Все это складно, все это верно,
Другое скверно.

Ведь сила двух рук Гэсэра
Четырем поднебесным силам равна.

Сила двух ног Гэсэра
Четырем преисподним силам равна.

Число его превращений – двести,
Число его волшебств сто и два.

А ты мечтаешь, братец, о мести,
Тут нужна не сила, а голова.

Ведь он от пятидесяти пяти небесных долин
На землю спустился,

С указанием из пяти священнейших книг
На землю спустился.

Не поддается он ни стреле, ни мечу, ни ножу,
Но послушай теперь, что я скажу.

Когда ты во дворец в молитвенный день
Проскользнешь незаметно, словно тень,

Когда ты сядешь там в одеянии белом,
Излучающим сиянье,

И будешь сидеть, ничего не делая,
Неподвижно, как изваяние.

Когда Гэсэр и три его жены
На молитву придут,

Когда во время молитвы они
На колени все упадут,

Когда они в своих молитвах неложных
Будут небеса о потомстве молить,

Надо быть тебе очень осторожным,
Надо тебе очень проворным быть.

Когда он от слов твоих встрепенется,
Когда он лицом к тебе обернется,

Когда ты метнешь ему чашу в лоб,
Вскакивай сразу без лишних слов,

Вместо Гэсэра, молитву творящего,
Увидишь осла на полу лежащего.

Пока этот осел на ноги не встал,
Пока этот осел опять Гэсэром не стал,

Ты скорее потник на него накинь,
Ты скорее седлом его оседлай,

Ты скорее узду из-за пазухи вынь
И железной уздой его взнуздай.

А его жену Урмай-Гоохон

Ты скорее в седло ослиное посади,

И осла погоняй, хоть шум погони
Все равно услышишь ты позади,
Знай же, что за тобой, то с горы, то в гору
Гонятся Абая Гэсэра баторы.
Но я с тобой всегда буду рядом,
Воздвигну я на пути баторов преграды,
Помогать я тебе буду на каждом шагу,
Так мы с тобой отомстим врагу.

Черному Лойр-Лобсоголдою
Очень это понравилось,
Сильно он радуется и веселится,
К младшей сестре он тотчас отправился,
В дверь ее нетерпеливо стучится.

Три дня он ей все рассказывал,
Синяки и рубцы показывал.
Три дня продолжал он жаловаться,
Плакал три дня он ровно,
– Помоги, – говорил, – пожалуйста,
Я обижен Гэсэром кровно.
Меня измяли, меня избили,
Хорошо, живого хоть отпустили,
А они, довольные, удалились,
Так где же, сестра моя, справедливость?

Есть у него жена Урмай-Гоохон,
Любит ее больше жизни он.
Сделаю я ее своей законной женой,
Будет она жить не с ним, а со мной.
А земли его прекрасно-алмазные
Превращу я в земли червивые, грязные,
А людей его истреблю я болезнями,
Будут ползать там змеи железные,
Умору я людей холерой, язвами
И другими напастями разными.
Я не буду Гэсэра щадить, беречь,
Пока яд меня перестанет жечь,
Пока месть моя не насытится,
Пока честь моя не очистится,
Старшая сестра мне чашу дала,
Превратит эта чаша Гэсэра в осла.
А когда повезу я Урмай-Гоохон,
В седло ослиное ее посадив,
Когда шум и топот погони
Послышится у меня позади,
Когда погоня начнет меня настигать,
Средняя сестра обещается мне помогать.
А ты, сестра моя младшая,

Что мне на это скажешь,
В минуту важную, страшную,
Какую помощь окажешь?

Так спрашивает Черный Лобсоголдой
У своей сестры молодой.
Сестра внимательно выслушала,
Что молол у братца язык,
И свои опасенья высказала
Искренне, напрямик.
– Нападатель-то ты, нападаешь,
Но на кого не знаешь.
Хочешь ты, брат, сражаться,
Хочешь ты состязаться,
Но прежде бы ты подумал,
С кем ты решил связаться.
Душой я кривить не стану,
Отвечая на твой вопрос:
Победить Абая Гэсэра хана
Ты еще не дорос.
Ты встаешь на дорогу ложную,
Хочешь сделать ты невозможное.
Ведь он от пятидесяти пяти небесных долин
На землю спустился,
С указанием из пяти священнейших книг
На землю спустился.
Ведь его родная бабушка Манзан-Гурмэ,
Всю вселенную держит она в уме.
Сидит она
С серебряной чашей в руках,
Следит она
За всеми звездами в небесах.
Опирается она
На множество горных вершин,
Обозревает она
Множество небесных долин.
Все звездные книги она читает,
Все вселенские швы она сшивает.
Ведь баторов у Гэсэра
Тридцать три,
А воевод у него
Триста тридцать три,
Оруженосцев у него
Три тысячи триста тридцать три.
А теперь на себя посмотри.
Волосенки-то твои,
Я гляжу – жидковаты,
А ручки-то твои,
Я гляжу – слабоваты.

Ни суставы твои, ни жилы,
Не имеют крепости-силы.
И кости-то твои – хрящеваты,
И ноги-то твои – тонковаты.
И спина-то твоя – мягка,
И ступня-то твоя – узка.
Когда войско в погоню за тобой, устремится,
Чем сумеешь ты оборониться?
Ты пока еще не черт, а чертенок,
Вырасти, возмужай, накопи силенок.
Будешь знать ты сам свою силу,
Выходя навстречу врагу.
А пока о помощи не проси меня,
Я помочь тебе не смогу.
Убедила ли сестра братца
Иль не убедила,
Но за дверь его проводила.

Вышел чертенок, не знает он,
Что бы все это значило,
Большим удивлением удивлен,
Задачей большой озадачен.
Старшая сестра обещалась ему помочь,
Средняя сестра обещала ему помочь,
А третья сестра – не хочет.
Третья сестра его напугала.
И в помощи отказала.

Но две сестры – это две сестры,
Волшебством сильны и умом остры,
Не может Лобсогоддой усидеть на месте,
Не может он удержаться от мести.
Младшая сестра ему не закон,
Решает задуманное исполнить он.

Поехал первым делом домой
Опечаленный мститель Лобсогоддой.
С грустными думами, на исходе дня,
Привязал он к коновязи коня.
Позвал он верных крылатых слуг,
Двух и двух.
Двух заставил к походу коня готовить,
Двух заставил снаряженье готовить.
С четырьмя
Крылатыми этими баторами,
С четырьмя
Надежными, верными опорами,
На железно-синем своем коне,
На серебряно-белом своем седле,

В железно-черной своей броне,
По твердо-черной своей земле,
Надеясь на благополучный исход,
Отправился он в далекий поход.
Отправился он в долину Моорэн,
Отправился он к морю Мунхэ-Манзан,
Где живет во дворце, среди прочных стен,
Ненавистный Абай Гэсэр хан.

Два крылатых батора
Справа и слева скачут.
Два крылатых батора
Сзади и спереди скачут.
В середине скачет Лобсогоддой,
Чертеноч черненький, молодой.
Хоть длинна река,
Но до моря все равно добирается,
Хоть цель далека,
Но все равно приближается.
На берегу моря Мунхэ-Манзан,
На краю широкой долины Моорэн,
Где живет Абай Гэсэр хан
В своем дворце, среди прочных стен,
Лобсогоддой остановился.
Сделав знак,
И распорядился
Он так.

Двух крылатых баторов
За небом заставил следить.
Двух крылатых баторов
За землей заставил следить.
А сам у них на виду,
Превратился в сверкающую звезду.
На небесной груди закрепился,
На всю вселенную засветился.

В это время,
О котором идет у нас речь,
Абай Гэсэр со своими женами,
В это время,
О котором рассказу нашему течь,
С молодыми и убаженными
Жил себе поживал,
Ничего не зная,
Вкусное сладким он запивал,
О кознях черта не подозревая.
В то же время,
Живущий в долине Сагаанты,

Имеющий мудрую белую голову,
По бело-облачному пути,
На слоново-соловом коне,
Сидящий красиво и молодо,
Плетку держащий на руке, на ремне,
С законами в книге белыми,
С мыслями чистыми, белыми,
С желаньями добрыми, белыми,
В белой душе в глубине,
Добро рассыпающий горстью,
Серебристыми сединами убелен,
Приехал к Гэсэру в гости
Дядя Саргал-Ноен.

Когда они поздоровались,
И за столом разместились,
Когда яства они перепробовали
И степенно разговорились,
Доброжелателен, мудр и прост,
Спрашивает у хозяина гость:
– А что-то там,
На пределе видимости
Как будто новое видно?
А что-то там,
На пределе слышимости
Как будто новое слышно?
Абай Гэсэр Удалой
Глаза до крайности напрягает,
Абай Гэсэр Удалой,
Слух до тонкости наостряет.

– Ничего, – говорит он, —
На пределе видимости я не вижу.
Ничего, – говорит он, —
На пределе слышимости я не слышу.
А если ты что слышишь – скажи,
И если видишь что – покажи.
Ты ведь старше меня и мудрее,
Зреньё твоё острее.
Расскажи, не томи ты душу мою,
А я уж тебя послушаю.

– Вижу я на груди прекрасной у неба,
Звезду, которой там раньше не было.
На самом вымени поднебесья
Кто-то эту звезду повесил.
Ярко звезда сверкает,
Вчера она только зажглась,
Но пока что никто не знает,

Откуда она взялась.
Давай подумаем двое,
Чье это волшебство?
Не черта ли Лобсогодоя
Черное колдовство?

Черт, наостривший ухо,
Понял, что уличен.
Сразу звезда потухла,
Чистым стал небосклон.
Но зато на вершине Номин,
Светлой и голубой,
Черт превращеньем новым
Свежей пророс травой.

Ищет Гэсэр, поищет —
Куда же делась звезда?
На небосклоне чистом
Нет от нее и следа.
Глазами зоркими глядя,
Обшарил все небеса,
Спрашивает у дяди,
Что тут за чудеса?
Отвечает Гэсэру дядя,
Не на небо, а на горы глядя:
– Вон, – говорит, – на вершине,
На границе земли и неба,
Выросла трава в два аршина,
Которой там раньше не было.
Трава высокая, свежая,
Трава зеленая, нежная.
Растет она, расцветает,
Где раньше была лишь грязь.
И пока что никто не знает,
Откуда она взялась.
Давай подумаем двое,
Что это за волшебство?
Не черта ли Лобсогодоя
Черное колдовство?

Черт, наостривший ухо,
Понял, что уличен,
Сразу трава пожухла,
Голым стал горный склон.
Ищет Гэсэр, поищет,
Куда же делась трава?
На горном склоне все чисто,
Камни да синева.
Глазами зоркими глядя,

Шарит Гэсэр по горам,
И говорит он дяде: —
Это все почудилось нам.
Ничего тут чудесного не было.
Как с тобой мы оба решили:
Ну и что, что звезда на небе?
Ну и что, что трава на вершине?
Всякой всячины много на свете,
Не во всем же повинен черт.
И звезда та, наверное, светит,
И трава та, наверно, растет.
Пусть бы вечно звезда блистала,
Пусть всегда бы трава вырастала,
Нам тревожиться не пристало.
Как услышал черт речь такую,
И хихикает и ликует,
Значит ум у Гэсэра – не золото,
И не серебро хотя б.
Значит ум у Гэсэра – короткий,
Значит ум у Гэсэра – слаб.
И хоть он огромного роста,
Обмануть его будет просто.

После этого Лобсогоддой,
Чертенюк Черный, чертенюк злой,
На жену Гэсэра Урмай-Гоохон
Наслал пророческий сон.
Приснилось ей место печальное,
Вода в колодцах – соленая,
Гора там стоит песчаная,
А склон у горы – зеленый.
У подножия этого склона
Дворец, крыльцо со ступенями,
Сверкает он весь чистым золотом,
Сверкает он весь камнями.
Спускается с неба во дворец золотой
Прорицатель и исполнитель желаний святой.
Весь он в одеждах белых,
Излучает сияние,
Сидит, ничего не делая,
Неподвижно, как изваяние.
Но если Гэсэр
Без потомства остаться боится,
Надо ехать туда молиться.
В это время рассвет заалел,
Очнулась от сна царица.
Наступает день настоящий,
Исчезает ночи покров.
Урмай-Гоохон идет на пастбище

Тучных доить коров.
То ли глаза обманывают,
То ли продолжается сон,
Видит она в тумане:
Гора и зеленый склон.
У подножия этого склона
Дворец, крыльцо со ступенями,
Сверкает он весь чистым золотом,
Сверкает он весь камнями.
На нитке ли он с неба спускается,
На подпорке ли с земли поднимается.
Смотрит на этот дворец она,
Не понимает, что бы все это значило.
Большим удивлением удивлена,
Задачей большой озадачена.

Быстро побежала она домой,
Рассказать про сон чудесный свой.
Рассказать про свое виденье,
Когда шла она на доенье.
– Ты послушай,—
Говорит Гэсэру Урмай-Гоохон,—
Какой мне приснился чудесный сон.
Будто место сухое, печальное,
Вода в колодцах – соленая,
Гора там стоит песчаная,
А склон у горы зеленый.
У подножия этого склона
Дворец, крыльцо со ступенями,
Сверкает он весь чистым золотом,
Сверкает он весь камнями.
На нитке ли он с неба спускается,
На подпорке ли с земли поднимается.
Приходит с неба во дворец золотой
Прорицатель
И исполнитель желаний святой.
Весь он в одеждах белых,
Излучает сиянье,
Сидит, ничего не делая,
Неподвижно, как изваяние.
Поскольку
Некого нам на коленях качать,
Поскольку
Некого нам около подбородка ласкать,
Поскольку
Некого нам на ночь баюкать,
Поскольку
Некому нам языком люлюкать,
Поскольку

Без потомства мы остаться боимся,
Не поехать ли нам во дворец помолиться.
Высокому небу мы помолимся,
Святому белому мы поклонимся.
Не от пятидесяти ли пяти небесных долин
С заданием он спустился.
Не от пяти ли священнейших книг
С указанием он спустился.
Попросим мы у белого старика
Сынка.
Чтобы было нам кого
На коленях качать.
Чтобы было нам кого
Около подбородка ласкать.
Чтобы было нам кого
На ночь баюкать.
Чтобы было нам кому
Языком люлюкать.
Гэсэр глубоко задумался:
Нет ли тут злого умысла.
Если старца святого, белого
Небожители на землю спустили,
Почему тайком они это сделали,
И Гэсэра не известили?
Говорит, задумавшись, он
Жене Урмай-Гоохон: —
Давай-ка подумаем двое,
Что это за волшебство?
Не черта ли Лобсогодоя
Черное колдовство?
И тебе, Урмай-Гоохон,
Не он ли навеял сон?

Расскажу тебе дело тайное,
Как охотились на Алтае мы.
Ехали мы таежным склоном,
Северной стороны держась.
Ехали мы по каменистым склонам,
Южной стороны держась.
По тринадцати хребтам мы скакали,
Дичь выслеживали,
По двадцати трем хребтам мы скакали,
Дичь выстреливали.
Там стояла вокруг тайга,
Называют ее Хуха.

Повстречался нам там чертенок,
Черный, маленький постреленок.
За оленем бежал он прытко,

А попал коню под копыта.
Черного Лойр-Лобсогодоя
Взял тогда я левой рукою,
Приподнял я его за шкуру,
Так, что он боялся и пикнуть,
А в руке моей правой плетка,
Она хлещется очень хлестко.

Я сгибал его,
Как сырое дерево.
Я ломал его,
Как сухое дерево.
Чтобы впредь по горам он не рыскал,
И добычи здесь не выискивал.
Не пришел ли теперь он мстить,
За обиду мне отплатить?
Уж не он ли тут вокруг прыгает?
Но жена в ответ только хныкает,
Призадумался Гэсэр,
Сидит, молчит,
А жена между тем
Ворчит, бурчит:
– На коленях-де, качать нам некого,
У подбородка-де, ласкать нам некого,
Баю-баю-де, распевать нам некому,
Языком-де, люлюкать нам некому.
Зачем напрасно
Подвоха искать?
Когда все ясно,
Зачем туман напускать?
Спустился святой
Во дворец золотой.
А обиженный черт
Тут не причем.

Так Урмай-Гоохон
Целый день ворчит,
Вспоминая свой сон,
Без конца бурчит.
Ей детей наконец
Иметь хочется,
На молитву во дворец
Она просится.

Абай Гэсэр в эту пору,
Решивши быть осторожным,
Буйдан-Улаана батора,
Спутником взяв дорожным,
Навесив на руку плеть,

Сев на коня Бэлыгэна,
Поехал сам посмотреть —
Что там за старец белый.
Видит – место сухое, печальное,
Трава вся зноем спаленная.
Гора там стоит песчаная,
А склон у горы – зеленый.
У подножия этого склона
Дворец, крыльцо со ступенями,
Сверкает он чистым золотом,
Сверкает он весь камнями.
На подвеске ли с неба спускается,
На опоре ли с земли поднимается.
То ли поднятый, то ли спущенный,
Но сверкает дворец, горит.

Своему помощнику-спутнику
Абай Гэсэр говорит:
– Надо нам хорошенько проверить,
Что там в храме за чудеса,
Проползи потихоньку в двери
И смотри ты во все глаза.
Старец там, настоящий святой,
Иль чертенок Лобсогоддой.

А я соберу в свой голос
Тысячу голосов лосиных,
Оглушительно закричу,
Потом соберу в свой голос
Десять тысяч голосов лосиных,
Сотрясающе закричу.
Горы-скалы начнут качаться,
Море Сун начнет волноваться,
Вся вселенная задрожит,
А гора Сумбэр – задрезжит.

Если старец в одеждах белых.
Излучающих свет-сияние,
Никакого движенья не делает,
Неподвижный, как изваяние,
Значит, он настоящий святой,
А не хитрый Лобсогоддой.
Если ж он от испуга свалится,
С возвышения на пол скатится.
Значит это черт притворившийся,
В старца белого превратившийся.

Вот пробрался помощник в храм,
Старца белого видит там.

Он уселся на возвышении
И сидит себе без движенья.

Тут Абай Гэсэр, собрав в свой голос
Тысячу лосиных голосов,
Оглушительно закричал,
А потом он, собрав в свой голос
Десять тысяч лосиных голосов,
Сотрясающе закричал.
Горы-скалы стали качаться,
Море Сун пошло волноваться.
Вся вселенная задрожала,
А гора Сумбэр задребезжала.

Старец белый сперва подпрыгнул,
Он с испугу ногами дрыгнул,
С возвышения он свалился,
На пол кубарем покатился.
Тут батор Буйдан-Улаан,
Поскорее из храма выйдя,
Побежал к Абаю Гэсэру, чтоб там
Рассказать обо всем, что видел.

Но и Черный черт не дурак-простак,
Моментально успел батору он
Весь язык во рту неизвестно как
Повернуть в обратную сторону.

Собирался сказать батор,
Что в храме – Лобсоголкой,
А на деле сказал батор,
Что в храме старец святой.

Абай Гэсэр в эту пору,
Решивши быть осторожным,
Буйдан-Улаана батора,
Спутника своего дорожного,
Посылает вторично проверить,
Что там в храме за чудеса,
Проползти потихоньку в двери.
Наблюдая во все глаза.
Настоящий ли там святой
Или хитрый Лобсоголкой.
Если он от испуга свалится,
С возвышения на пол скатится,
Значит, это черт притворившийся,
В старца белого превратившийся.
Вот пробрался помощник в храм,
Старца белого видит там,

Тот уселся на возвышении,
И сидит себе без движенья.

Тут Абай Гэсэр
В тысячу лосиных голосов
Оглушительно закричал,
А потом Гэсэр
В десять тысяч лосиных голосов
Сотрясающе закричал.
Горы-скалы стали качаться,
Море Сун пошло волноваться.
А вселенная задрожала,
А гора Сумбэр задрезжала.
Старец белый опять подпрыгнул
И с испугу ногами дрыгнул.
С возвышения он свалился,
На пол кубарем покатился.
Буйдан-Улаан, ни мгновенья не ждя,
Побежал искать своего вождя,
Чтоб скорее из храма выйдя,
Рассказать обо всем, что видел.

Но и Черный черт не дурак-простак,
Моментально успел батору он
Язык его неизвестно как
Повернуть в обратную сторону.

Собирался сказать батор,
Что в храме – Лобсоголдой,
А на деле сказал батор,
Что в храме – старец святой.
Очень Абай Гэсэр удивился,
Призадумался Абай Гэсэр очень.
В дивный храм он войти решился,
Чтобы все увидеть воочию.
Вот заходит он в дивный храм,
Старца белого видит там.
Он сидит, испуская сиянье,
Неподвижный, как изваяние.
На подставке, на возвышении
Он сидит себе без движения.

Спрашивает у него Гэсэр,
Для чего он тут, в храме сел?
Откуда ты спустился в этот храм золотой,
Не прорицатель ли ты,
Не исполнитель ли всех желаний святой?
Но если тебя, святого, белого,
Небожители на землю спустили,

Почему тайком от меня они сделали,
И меня об этом не уведомили?

Отвечает ему старец святой,
Он же хитрый Лобсоголдой:
– Да, от пятидесяти пяти небесных долин
С поручением я спустился,
Да, из пяти священнейших книг
С указанием я спустился.
Великая бабушка Манзан-Гурмэ,
У которой вся сила в ее уме,
Все тайны вселенские знающая,
Все швы во вселенной сшивающая,
Шлет свое благословение в виде чаши,
Чтобы исполнились все желания ваши.

Прознала она,
Что живешь ты с тремя прекрасными женами,
Всем довольными, всем улаженными.
Что они тебя нежат, холят,
Что у тебя завидная доля.
Что питаешься ты три раза на день,
Наслаждаешься ты три раза в году,
Но что некого тебе на коленях качать,
Некого тебе около подбородка ласкать,
Некого тебе на ночь баюкать,
Некому языком люлюкать.
Детей у тебя что-то не получается,
Без потомства ты останешься.
Вверх посмотришь ты – не улыбаешься,
Вниз посмотришь ты – не смеешься.

Взяла она серебряную чашу в руку. —
Осчастливлю, – говорит, – своего внука,
Ты исполни, – говорит, – поручение наше,
Передай Гэсэру мою чашу.
Чашу бабушки своей Гурмэ-Манзан
Гэсэр, конечно, сразу узнал.
Значит, старец есть старец честный,
Осторожность его исчезла.

На Бэлыгэна коня он садится,
Поскорее домой стремится.
Чтоб Урмай-Гоохон с собой взять
И сюда прискакать опять.
В это время
Урмай-Гоохон глядит в окошко,
Похожая на красное солнышко.
– Ты, послушай,—

Говорит Гэсэр Урмай-Гоохон,—
Оказывается, был правдив твой сон,
С этим старцем, который тебе приснился,
В храме будучи, я объяснился.

На подставке, на возвышении
Восседает он без движенья,
От одежд испуская сиянье,
Восседает он, как изваянье.
А в руках своих держит чашу,
Что прислала бабушка наша,
Наша мудрая бабушка Гурмэ-Манзан.
Эту чашу серебряную я сразу узнал.
Хочет бабушка нас с тобой благословить,
Хочет бабушка нас детьми одарить.
Без потомства мы остаться боимся,
Поедем же с тобой во дворец помолиться.
Мы высокому небу помолимся,
И святому белому мы поклонимся.
Попросим мы у белого старика
Сынка.

Поехал Гэсэр ко дворцу с женою,
Кости его разогрелись, ноют,
Кровь его разгорячилась сильно,
Хочется ему сына.

Въезжают они в страну печальную,
В землю зноем всю спаленную.
Видят – гора стоит песчаная,
А склон у горы зеленый.
У этого зеленого склона
Дворец, крыльцо со ступенями,
Весь сияет он чистым золотом,
Весь сверкает дорогими камнями.
На подвеске ли с неба храм спускается,
На подпорке ли с земли поднимается.

Входят они в золоченый храм,
Старца белого видят там.
Молятся они перед ним, каются,
Головами пола касаются.
Молится Урмай-Гоохон без лени,
На округло-прекрасные встав колени,
Молится и Абай Гэсэр усердно
Старцу белому, милосердному.

В это время черт притворившийся,
В старца белого превратившийся,

Хитрый Черный Лобсоголдой
Поднял чашу правой рукой.
– Тебя, – говорит, – как сына я люблю,
– Тебя, – говорит, – я чашей благословлю.

Гэсэр от этих слов встрепенулся
И к старцу белому лицом обернулся.
После этого,
Не тратя уж лишних слов,
Тот метнул свою чашу Гэсэру в лоб.
Заколдованной чаша та была,
Упал Гэсэр и превратился в осла.

Старец
Вместо Гэсэра, молитву творящего,
Увидел осла на полу лежащего.
От великой радости задрожал,
К ослу лежащему подбежал.

Пока этот осел на ноги не встал,
Пока этот осел опять Гэсэром не стал,
Он скорее потник на него накинул,
Он скорее седлом его оседлал,
Он скорее узду из-за пазухи вынул
И железной уздой его взнуздал.

Смотрит испуганно Гэсэра жена,
Не поймет, что бы все это значило,
Удивленьем великим удивлена,
Задачей большой озадачена.
Догадалась она, оставшись сама с собой,
Что тут было за волшебство,
Что это черта Лобсоголдоя
Черное колдовство.

После этого черт пронзительно свистнул,
И своих баторов крылатых вызвал.
В одно мгновение появились
Баторы, что хозяина стерегли,
Два крылатых батора с неба свалились,
Два крылатых батора выскочили из подземелья.
Красавицу Урмай-Гоохон они схватили
И на осла ее посадили.

И повез ее куда нужно
Тот осел – безропотный труженик.
Он красавицу Урмай-Гоохон в седле везет,
А черт его за узду ведет.
Едут они местами, где зверь не ночует,

Едут они дорогой, где лиса не учует.
Едут они, где их не увидит никто,
В далекую страну Хонин-Хото!

Хонин-Хото там была страна,
Безводна, безмолвна лежала она.
Была та страна холодной,
Была та страна голодной,
Была та страна пустынной,
Была та страна постылой.
Все там в ней наизнанку вывернуто,
Все деревья с корнями выдернуты,
Лишь, проскальзывая под тремя преградами,
Текла там река с тремя водопадами.
Вот куда на безмолвном осле,
Вот куда в деревянном седле,
То стегая осла, то тыча,
Черт увозит свою добычу.

Непобедимого врага победив,
Быстрейшего из жеребят обогнав,
Переднее назад заворотив,
Неоседланного жеребца оседлав,
Заднее наперед загнув,
Неломаемое сломав,
Непугаемое спугнув,
Красавице, женщине молодой
Радуется Черный Лобсоголдой.

Непереваливаемый перевал он перевалил,
Необмениваемые шелка обменял,
Мечь его тут насытилась,
Честь его тут очистилась.

Черным кнутом трехременным
Бьет он осла по ребрам,
До самых костей пробивает,
К себе домой прибывает.

Ведь как ни длинна река,
А до моря она добирается,
Как ни была бы цель далека,
Но все равно приближается.
А как въехали в страну пустынную,
А как въехали в страну постылую,
В страну бестравную,
В страну бесславную,
В страну сухую,
В страну глухую,

В страну, где ветрено и темно,
В страну, где солнышка нет давно,
Сказал веселящийся черт:
«Береженого бог бережет».
Стал укреплять он свои границы,
Чтоб ни зверь сюда не проник, ни птица,
А на случай лихой погони,
Чтобы здесь не прошли и кони,
Чтобы не было здесь никому пути,
Чтобы даже змея не могла проползти.

Заставил он вырасти на всякий случай
Почти до неба чашу колючую,
Чашу прочную, чашу плотную,
Чашу крепкую и добротную.
После чащи устроил он ров-канаву
И напустил в нее кипящую лаву.
Все тут бурлит,
Все тут дымит,
Синие огни над лавой витают,
Огненные брызги до неба взлетают.
После этого устроил он широкое море,
Расплеснув его на просторе.
Но не кипит это море волнами гладкими,
А кишит это море червями гадкими.
Червями желтыми и вонючими,
Червями толстыми и ползучими.

После этого
Черт оглушительно свистнул,
Четырех крылатых баторов вызвал.
Двух баторов
Он за небом следить заставляет,
Двух баторов
За землей следить заставляет,
Так дозорных он расставляет.
— Ну, — думает хитрый Лобсогдой, —
Пускай теперь погоня скачет за мной.
Тридцать три батора —
Пусть скачут,
Триста тридцать три воеводы —
Пусть скачут,
Три тысячи триста тридцать три оруженосца
Пусть скачут.
Пусть вся эта погоня,
Как ветер мчится,
Перед моими преградами встанут кони,
Через мои заграждения никому не пробиться.

Приезжает победитель к себе домой,
Призывает он сестер Енхобой.
Накрывают они золотой стол,
Яствами редкими его уставляют,
Расстилают они серебряный стол,
Напитками крепкими его уставляют,
Восемь дней они тут пируют,
Восемь дней они тут ликуют,
На девятый день опохмеляются,
На десятый день разъезжаются.

На десятый день Черный Лобсогдой
Берет Урмай-Гоохон твердой рукой,
Он берет ее железной рукою
И уводит в свои покои.
Потник шелковый он расстилает,
Свою голову с ее головой соединяет.
В баловстве и ласках
Десять лет, как один день, пролетают,
В игре и плясках
Двадцать лет, как два дня, пролетают,
Лобсогдой поет-припевает,
Вкусное сладким запивает.

А труженик, осел бессловесный,
Содержится в сбруе железной,
Кнут тяжелый и трехременный
Бьет его по бокам и ребрам.
До костей его пробивает,
Камни черные возит осел болезный,
Черный пот осел проливает.
Пена белая с него – хлопьями,
А он ушами длинными – хлопает,
Он избитый весь, измочаленный,
Он беспомощный и печальный.

В это самое время
На просторах пятидесяти пяти небесных долин,
Где главным небожителем Хан Хурмас,
А вместе с ним Заса-Мэргэн его первый сын,
Два внука Хана Хурмаса,
Два сынишки Заса-Мэргэна,
Которых звали Айзаем и Муузаем,
Веселятся, не помня ни дня, ни часа,
Бегают по небу, играя.
Вот на краешек неба они присели,
Смотрят вниз, прислушиваются в тревоге,
Что-то не видно их дяди Гэсэра
Ни в лесу, ни дома, ни на дороге.

Открывают они
Небесную квадратную дверь,
Осматривают они
Обширную земную твердь,
На небосвод они синий вышли,
Смотрят с неба они высокого,
Что-то дыханья дяди нигде не слышно,
Копыта коня его не цокают.
Осматривают они землю тщательно,
Прислушиваются они внимательно.

На просторах Алтая
Дядю они тщательно ищут,
По долинам Хангая
Взглядами они рыщут.
На тропинках они дядю выискивают,
Нет его ни далеко и ни близко.
Юную гладкую землю,
Трижды поворачивая, осматривают,
Молодую нежную землю,
Четырежды поворачивая, осматривают,
То спереди на землю посмотрят, то сзади,
Нет нигде Гэсэра, их дяди.

Наконец они видят,
Что в восточной стране,
Где все наизнанку вывернуто,
Наконец они видят,
Что в холодной стране,
Где деревья с корнями выдернуты.
В стране бестравной, в стране бесславной,
В стране голодной, в стране бесплодной,
Где река под тремя преградами
Проскальзывает с тремя водопадами,
В стране, где ветрено и темно,
В стране, где солнышка нет давно.
Гэсэр теперь – осел бессловесный,
Содержится Лобсогодоем в сбруе железной,
Кнут тяжелый и трехременный
Бьет его по бокам и по ребрам,
До костей он его пробивает.
Черные камни возит осел болезный,
Черный пот осел проливает,
Пена белая с него – хлопьями,
А он ушами длинными хлопает.
Он избитый весь, измочаленный,
Он беспомощный и печальный.

Посмотрели они на землю подольше

И картину видят еще горше.
Дом Гэсэра собой украшавшую,
Все зеркала красотой своей наполнявшую,
Солнцеликую красавицу Урмай-Гоохон
Ласкает и щекочет Лобсогоддой.
И день и ночь потешается он
С Абая Гэсэра женой молодой.
В баловстве и ласках
Десять лет, как день один, пролетают,
В игре и плясках
Двадцать лет, как два дня, пролетают,
Лобсогоддой красавицу лучшую
Ласкает, терзает, мучает,
Лобсогоддой поет-припевает,
Вкусное сладким запивает.
Лобсогоддой над ней издевается,
Лобсогоддой над ней насмехается.

Все это увидели Айзай и Муузай,
Приподняв у небесной долины край,
Открыв квадратную небесную дверь,
Обшарив глазами земную твердь.

Побежали они, торопясь, домой,
Бегут друг друга перегоняют,
Рассказать, как Черный Лобсогоддой
Гэсэра-осла кнутом погоняет.
Хан Хурмас их внимательно выслушал, он
Не понимает, что бы все это значило,
Большим удивлением удивлен,
Задачей большой озадачен.
Четко, словно перед сраженьем,
Отдает он распоряжение:
– На седловине между двух высоких гор
Живет мой сын Заса-Мэргэн батор.
Конь его масти серой, соколиной,
Преград не знает,
Перелетает через долины,
Ветер перегоняет.
Пусть Заса-Мэргэн на этом коне
Немедленно приедет ко мне.

Копыта конские стук да стук,
Заса-Мэргэн тут как тут.
Коня он привязывает, бросает он повод,
Хан Хурмас говорит ему: «Беда!
Своим коварством и волшебством,
Черным своим колдовством
Чертенки мстительный, хитрый, злой

Лобсоголдой,
Нашего Гэсэра, нашего внука
Превратил в осла и обрек на муку.
Черный камень осел таскает,
Черный пот осел проливает,
Белая пена летит с него хлопьями,
А осел лишь ушами длинными хлопают.
Так истязает черт Гэсэра славного нашего,
Но это, мой сын, не самое страшное.
Оказывается,
Вселенную собой украшающую,
Оказывается,
Зеркала красотой своей наполняющую,
Солнцеподобную красавицу Урмай-Гоохон
Ласкает и щекочет Лобсоголдой,
И день и ночь потешается он,
С ней прекрасной и молодой.
Обманом и коварством он ее захватил,
Шелковый потник он для нее расстелил,
Свою голову с ее головой соединил.
В баловстве и ласках
Десять лет, как одно мгновение, пролетают,
В игре и плясках
Двадцать лет, как два мгновения, пролетят,
Лобсоголдой над ней издевается,
Лобсоголдой над ней насмехается,
Упивается, наслаждается.

Ты, сын мой самый старший и лучший,
Ты, батор наш самый страшный, могучий,
Ты потом у меня, что хочешь проси,
Но на землю спустись и Гэсэра спаси.
Пусть снова станет батором он.
Выручи и жену его Урмай-Гоохон.
Выручи их из плена жуткого, злого,
Тогда лишь ко мне возвращайся снова».

Заса-Мэргэн батор приказанье понял,
И сказал отцу: «Хорошо, исполню».
Собрался он очень скоро,
Приготовился он умело,
С неба белого и высокого
На землю ринулся смело.

Конь его, как птица летит,
Звезды мелькают, в ушах свистит.
Не успела закрыться небесная дверь,
А под копытами уж земная твердь.
Оказался он в долине Моорэн,

Оказался он около моря Мухнэ-Манзор,
Где жил во дворце, среди прочных стен
До недавних пор Абай Гэсэр хан.

Алма-Мэргэн, Гэсэра вторая жена,
Встречает почетного гостя,
Во дворец его приглашает она,
За стол она его просит.
Золотой она стол накрывает,
Пищу редкую ставит.
Серебряный стол расстилает,
Напитки крепкие ставит.
Гостя потчует, угощает,
Добавляет и доливает.
Заса-Мэргэн хорошо наелся,
Заса-Мэргэн хорошо напился,
Но помнит, зачем он здесь,
Зачем на землю спустился.

Собрал он
Тридцать трех баторов,
Триста тридцать трех воевод,
Три тысячи триста трех оруженосцев,
Говорит им, что предстоит великий поход,
Он начнется с восходом солнца.
Говорит, что нельзя успокоиться,
Пока Гэсэр и его жена пленены,
Пускай баторы готовятся
Идти дорогой войны.

Утром рано вышли они в поход,
Заса-Мэргэн их вперед ведет.
Направляются они в страну Хонин-Хото,
Где солнца красного не видит никто.
В страну пустынную,
В страну постылую,
В страну сухую,
В страну глухую,
В страну, где ветры черные дуют,
В страну, где черти живут, колдуют,
В страну, где все наизнанку вывернуто,
В страну, где деревья с корнями вывернуты.
Где река под тремя преградами
Проскальзывает тремя водопадами,
Надеются они там Гэсэра найти,
Надеются они Гэсэра спасти.
Будут биться они смертным боем,
С Черным чертом Лобсогoldem.

Как ни длинна река,
Но до моря все равно добирается,
Как дорога ни далека,
Но цель все равно приближается.
Проходят они свои земли
Благодатно-прекрасно-алмазные,
Начинаются чуждые земли,
Погано-червиво-грязные.

Подходят они к владеньям Лобсогодоя
И видят – по всей границе
Колючая чаша стоит стеной,
Ни зверь не проникнет, ни птица.
Нет через чашу никакого пути,
Даже змее не проползти.
Смотрит Заса-Мэргэн поверху,
Ищет прохода и не находит.
Смотрит Заса-Мэргэн понизу,
Ищет прохода и не находит.
Направо обойти он колючки пробует,
Нет пути.
Налево обойти он колючки пробует,
Нет пути.
А ведь надо идти.
Делать нечего,
Берет Заса-Мэргэн стрелу хангайскую черную,
Берет он желтый бухарский лук,
И в черные заросли черного черта
Черную стрелу выпускает из рук.
Стрела в полете запела,
Запела и зашуршала,
За колючки стрела задела,
Три дерева сразу упало.
Образовался в чаше проход,
Через который и бык пройдет.
Образовались ворота тут,
Через которые пройдет и верблюд,
Тем более хватило простора
Пройти на конях баторам.

Дальше идут они в пределы чужой земли,
Но далеко они не ушли.
Лежит на пути у них ров-канава,
А в ней до краев кипящая лава.
Все тут бурлит,
Все тут дымит.
Синие огни над лавой витают,
Огненные брызги до неба взлетают.
Даже исполинская птица Тургак

Не пролетела бы здесь никак.
Даже божественный конь аргамак
Не перескочил бы через лаву никак.
Смотрит Заса-Мэргэн поверху,
Ищет прохода и не находит
Смотрит Заса-Мэргэн понизу,
Ищет прохода и не находит.
Направо обойти он лаву пробует,
Нет пути.
Налево обойти он лаву пробует,
Нет пути.
А ведь надо идти.
Очень он рассердился,
Сильно надул он щеки,
Брови его зашевелились,
Торчат, как щетки.
Но был Заса-Мэргэн батор запасливый,
Достает он в этот миг из-за пазухи
Красный камень волшебный свой
Под названием «Громовой».
Красный камень он в рот кладет,
Зубами белыми его разгрызает.
Крошками от камня в небо плюет,
Грома и молнии вызывает.

Девять дней грохотали грозы,
А потом начались морозы,
А потом повалили снега,
А потом замела пурга.
Все вокруг померзло, ПОЖУХЛЮ.
Лавя огненная потухла.
Лавя огненная остыла,
Все тут стало как раньше было
На коне скакать, иль пешком идти
Во все стороны есть пути.
Двинулись баторы в пределы чуждой земли,
Но недалеко ушли.

Перед ними широкое море
Расплеснулось вдруг на просторе,
Но не блестит это море волнами гладкими,
А кишит это море червями гадкими,
Червями желтыми и вонючими,
Червями толстыми и ползучими.
Даже царственный аргамак
Не перескочил бы моря никак...
Даже самый лучший батор
Не преодолел бы этот простор.
Смотрит Заса-Мэргэн поверху,

Возможности пройти не находит.
Смотрит Заса-Мэргэн понизу,
Возможности пройти не находит.
Направо обойти море он пробует,
Нет пути.
Налево обойти море он пробует,
Нет пути.
Нету морю никакого обхода,
Нету в море мелкого брода.
Измучился Заса-Мэргэн, рассердился,
Надул он щеки.
Брови его зашевелились,
Торчат, как щетки.

Но был Заса-Мэргэн батор запасливый,
Достает он в этот миг из-за пазухи
Книгу желтую, исполинскую,
Книгу древнюю, праматеринскую.
Имеющей власть правой рукой
Он праматеринскую книгу листает,
Имеющей силу левой рукой
Праотцовскую книгу листает.
Листает он ее при свете луны,
Все буквы в книге ему видны,
Листает он ее при солнечном свете,
Каждая буква на примете.
Пальцем он по книжным страницам водит,
Нехорошие вести в книге находит.
Очень плохо книга вещает,
Червивое море переходить запрещает.
Перейти-то море и перейдешь,
Да за морем гибель себе найдешь.
Если все небожители
Пятидесяти пяти небесных долин,
Выручать Гэсэра придут, как один,
До изможденья они измучаются,
Но ничего у них не получится.

Так книга священная, книга заветная
Выручать Гэсэра идти не советует,
Море желтое переходить запрещает,
О нехорошем книга вещает.
Заса-Мэргэн священную книгу закрыл,
Очень он опечален был.
Очень был Заса-Мэргэн огорчен,
Не понимает, что бы все это значило.
Большим удивлением удивлен,
Задачей большой озадачен.

Значит,
Задуманное не осуществится,
Значит,
Начатое не закончится,
Не придется с чертом сразиться,
Хоть сразиться с ним очень хочется.
Не закончится то, что начато,
Брат с женой в плену остаются.
Вверх посмотрит он – чуть не плачет,
Вниз посмотрит он – слезы льются.
На душе и на сердце горе,
Но таков судьбы приговор.
От червивого, гадкого моря
Поворачивает батор.
Вместе с ним повернуло к дому
И все воинство, им ведомое:
Тридцать три батора славных,
Триста тридцать три воеводы главных,
Три тысячи триста тридцать три оруженосца,
С доспехами, сверкающими как солнце.

Часть 2

Как бы ни была длинна река,
До моря все равно добирается.
Дорога как бы ни была далека,
Но цель все равно приближается.
Возвращаются они в долину Моорэн,
Приближаются они к морю Мухнэ-Манзор.
Где жил во дворце, среди прочных стен
До недавних пор Абай Гэсэр хан.
Здесь вода,
Которую он в детстве пил,
Здесь земля,
На которой он с детства жил.
Всех баторов, все свое воинство,
Хоть вернулись они без доблести,
Поблагодарил он за верность и службу
И по домам распустил их тут же.

А сам помчался дорогой длинной
К пятидесяти пяти небесным долинам.
Полетел он с думой большой в уме
Прямо к бабушке Манзан-Гурмэ.
К ней, сидящей
С серебряной чашей в руках.
К ней, следящей
За всеми звездами в небесах.
К ней, опирающейся
На множество горных вершин.
К ней,
Все швы во вселенной сшивающей.
К ней,
Все тайны вселенной знающей.

Прилетел он к ней, на помощь надеется:
«Что же это на свете делается?
Враги
Тринадцати подопечных наших ханов рассвирепели,
Враги
Семидесяти трех народов наших совсем обнаглели.
Ненависть свою распалили,
Мстительность свою возбудили.
Особенно отличился Лобсоголкой,
Этот чертенок хитрый и злой.
Наш Гэсэр уж не Гэсэр, а осел бессловесный,
Содержится Лобсоголкой в сбруе железной,
Лобсоголкой его до костей пробивает,

Черные камни таскать заставляет.
Черный пот с осла безотказного льется,
А Лобсоголдой глядит и смеется.
Пена белая с осла летит хлопьями,
А осел лишь ушами хлопает.
Достаются ему лишь побои за все труды,
Но и это бы – полбеда.
Нет границ у черного зла,
Хуже там происходят дела.
Дом Гэсэра собой украшавшую,
Зеркала красотой своей наполнявшую,
Солнцеликую нашу Урмай-Гоохон
Ласкает и щекочет Лобсоголдой,
И день и ночь потешается он
С красавицей нежной и молодой.
Конечно, стерпеть такое нельзя,
Спустился я на землю, летя и скользя,
Избавить двух наших младших
От мучений позорных и страшных.

Но по дороге книгу я достал исполинскую
Праотцовскую, праматеринскую,
Стал я эту книгу листать,
Стал я эту книгу читать.
И увидел, что эта книга заветная,
Гэсэра выручать – не советует.
Ты,
На тысячи небожителей опирающаяся,
Ты,
Всеми швами вселенной распоряжающаяся,
Ты,
Сидящая в руке с серебряной чашей,
Ты,
Заступница и надежда наша,
Ты,
Эту книгу сейчас возьми
И что нам делать, нас вразуми».

Манзан-Гурмэ священную книгу берет,
Листает спереди назад и сзади наперед.
Листает она ее при свете луны,
Все буквы ей видны.
Листает она ее при солнечном свете,
Все буквы на примете.
Пальцем она по книжным страницам водит,
Нехорошие вести в книге находит.
– Да, – говорит. – Лобсоголдой слабенький
Взрослым стал, силу набрал.
– Да, – говорит,—

Гэсэр наш маленьким и плаксивым стал.
Стал он маленьким, как ребенок,
Только что из пеленок.
Матушка Манзан-Гурмэ даже вздрогнула:
Что за строчки такие вздорные!
После этого, что есть силы,
Вселенную за края она схватила.
Начала ее трясти и качать,
Начала ее качать и трясти.
Начали ветры на земле крепчать,
Начали тучи на небе расти.
Горы все задрожали,
Скалы – задрезжали.
Море расплескалось,
Бури разбушевались.
На черную землю Хонин-Хото,
Где солнышка не видал никто,
На землю сохлую,
На землю дохлую,
На землю безлистую,
На землю мглистую,
На землю пустынную,
На землю постылую,
Где жизни каждый живущий не рад,
Посыпались с неба дождь и град.
Под этот дождь и под град небесный
Попал Гэсэр – осел бессловесный.
Был этот дождь ему – добрый знак,
Напился и ободрился бедный ишак.
И даже Лобсогодоя он так лягнул,
Что тот коленку едва разогнул.

Потом,
Когда вселенную потрясла и покачала,
Бабушка Манзан-Гурмэ так сказала: —
Тот, кто осилил бы дьявола черного,
Еще не появился среди неба просторного,
На земле же такой человек имеется,
Но не на баторов нам надо надеяться.
Победит его слабая с виду женщина,
Так священной книгой завещано.

Тут бабушка Манзан-Гурмэ, чей ум остер,
Призывает трех Абая Гэсэра сестер.
Призывает сестер, сажает их рядом.
Рассказывает сестрам, что делать надо.
Чтобы три коровьих кишки искусно
Наполнили они пищей самой вкусной.
Чтобы преобразились они в трех проворных птиц

И полетели скорее на землю вниз.
Да чтобы в виде трех птиц Онголи
Полетели они в пределы земли.
В трех птиц Онголи три сестры превращаются,
На землю вниз они устремляются.

Спустились они в долину Моорэн,
Оказались они около моря Мухнэ-Манзор,
Где жил во дворце, среди прочных стен
Когда-то их брат Абай Гэсэр хан.
Здесь вода,
Которую он в детстве пил,
Здесь земля,
На которой он с детства жил.
Оказались они перед его дворцом,
Опускаются они на его крыльцо.
В золотые ворота они влетают,
По дворцовым покоем они порхают.

Прекрасная, молодая Алма-Мэргэн,
Живущая без Гэсэра средь дворцовых стен,
Трех сестер Гэсэра тотчас узнала,
С уважением и достоинством повстречала.
Золотой стол она накрывает,
Пищу вкусную ставит.
Серебряный стол она расстилает,
Напитки сладкие ставит.
Предлагает она им еду и питье,
А они ей предлагают угощение свое.
Три коровьих кишки, набитых искусно
Пищей особенной, пищей вкусной.
– Ты попробуй, – говорят, – этого мяса,
Будешь сильнее с этого часа.
Это мясо многолетнее, многодавнее,
Нашей матушкой Манзан-Гурмэ данное.—
Алма-Мэргэн от всех трех кишок поела
И как будто бы опьянела.

А три сестры говорят-рассказывают,
Все завязанное развязывают.
Рассказывают они про землю Хонин-Хото,
Где солнышка не видит никто.
Про землю сухую,
Про землю глухую,
Про землю безлистую,
Про землю мглистую.
Где одна лишь река под тремя преградами
Проскальзывает тремя водопадами.
Где все наизнанку вывернуто,

Где деревья с корнями выдернуты.
Там
Бессловесным ослом Гэсэр живет,
Камни таскает, колючки жует.
Дыханье его прервется вот-вот,
Жизнь его оборвется вот-вот.
Надо ждать его гибели не с года на год,
А надо ждать его гибели со дня на день.
Спасать Гэсэра немедленно надо.
Но тот, кто осилил бы дьявола черного,
Еще не появился среди неба просторного.
На земле же такой человек имеется,
Не на баторов нам надо надеяться.
Победит его слабая с виду женщина,
Так священной книгой завещано.
Там написано,
Что спасти Гэсэра и Урмай-Гоохон
От Черного дьявола Лобсогодоя,
Над которыми издевается и насмехается он,
Не найти ни витязя, ни героя,
Спасти его может только одна Алма-Мэргэн – молодая жена.
Так,
На тысячи небожителей опирающаяся,
Так,
Всеми швами вселенной распоряжающаяся,
Так,
Сидящая в руке с серебряной чашей,
Заступница и надежда наша,
Когда священную книгу раскрыла
И прочитала, что там написано было,
Нас, трех сестер, посадивши рядом,
Рассказала подробно, что делать надо.
Велела она превратиться нам в птиц,
Велела она спуститься нам вниз,
Велела она три коровьих кишки искусно
Наполнить пищей, особенной, вкусной,
Которая, вроде бы опьяняет,
Но которая сил и храбрости прибавляет.
Велела она
Найти, Алма-Мэргэн, вас,
И передать вам этот наказ.
Гэсэра выручить и спасти
И в свой дворец его привезти.

Отвечает Алма-Мэргэн, побелев, как мел:
– Гэсэр в три раза больше силы имел,
Был он меня хитрее,
Был он меня мудрее,
И то обманул его Черный Лобсогодой.

Как же я-то справлюсь с такой бедой?
И хоть вы меня тут напутствуете,
И наказ принесли мне свыше,
Нужных сил я в себе не чувствую,
И отваги в себе не слышу.

Три сестры ее угощать продолжают,
Напитки особые предлагают.
Подносят они ей
Светлый напиток – арзу.
Подносят они ей
Крепкий напиток – хорзу.
Алма-Мэргэн напитки особые пьет,
Алма-Мэргэн вдруг с места встает.
От арзы
Алма-Мэргэн захмелела,
От хорзы
Алма-Мэргэн запьянела.
Кровь ее разгорячилась,
Душа ее размягчилась.
Развеселилась она,
Как двадцать пять человек,
Расходилась она,
Как сорок пять человек.
Вошла в нее сила ста человек,
Глаза огнем горят из-под век.

Подбирая длинные волосы,
Говорит она твердым голосом:
– Тело мое сделалось мощным,
Сердце мое сделалось каменным,
Не боюсь я теперь ни дня, ни ночи,
Не боюсь я теперь огня-пламени.
Стала я сильной и властной,
Сделалась я безжалостной.
Мысли мои теперь – волчьи,
Убедиться хочу воочию,
Где Абай Гэсэр живет, как в аду,
Я его выручать пойду.
Дьявол Черный Лобсогдой
Дело будет иметь со мной!
Приготовьте мне коня кроваво-рыжего,
Позовите ко мне Буйдан-Улаана батора! —
С этими словами из комнаты вышла...
Начались к походу спешные сборы.

После этого
Надевает Алма-Мэргэн
Не то, что красиво и модно,

Не женские свои безделушки и украшения,
А то, что понадобится ей для похода,
Что понадобится ей для сраженья,
Для черта черного укрощенья.
Что для битвы ей будет нужно —
Боевое берет оружие,
Боевое берет снаряжение.
И оделась Алма-Мэргэн и обулась,
Перед зеркалом так и сяк повернулась,
Где пылинка – ее сдувает,
Где соринка – ее счищает.
В зеркало,
С дворцовую дверь величиной,
Алма-Мэргэн погляделась,
Хорошо ли она обулась-оделась.

После этого
Говорит она трем сестрам вещим:
– Будьте радостны, будьте счастливы вечно.
А я поеду по вашему знаку
Убивать Лобсоголдою-собаку.

Три сестры ей в ответ желают удачи,
Все закончить успешно, что будет начато.
В той земле чужой, отдаленной,
Чтоб судьба была к ней благосклонной,
Чтоб она своего добилась
И домой к себе возвратилась.
Так друг друга они любили,
Так друг друга благословили.
Как следует Алма-Мэргэн снарядилась,
Как следует оделась, обулась.
Перед зеркалом она покрутилась,
Так и сяк перед ним повернулась.

После этого,
Изящным движением
Открывая перламутровую дверь,
Наружу она выходит теперь.
Плавными движениями,
Не уронив ни пылинки с ног,
Перешагивает она мраморный хангайский порог.
С озаряющим землю лицом
Выходит она из дворца на крыльцо.
Крыльцо это так построено,
Что не слышно его под пятками.
Крыльцо это так просторно,
Что пастись бы там кобылицам с жеребятками.
Легкими движениями, без суеты,

По ступенькам серебряным с высоты,
Ни разу на лестнице не оступясь,
Идет она туда,
Где резная, серебряная коновязь.
Туда она плавно вышла,
Где стоит ее конь кроваво-рыжий.
Красно-шелковый повод от коновязи
Неторопливо она отвязывает,
Этого повода полукруг
Берет она в левую руку.
А кнут с рукояткой из красного дерева
В правой руке она держит.
Ногу в чисто серебряное стремя она продела,
В якутско-серебряное седло устойчиво села.
После этого,
У повода правую сторону натянув,
А левую сторону ослабляя,
Морду коня в нужную сторону повернув,
Она его по солнышку направляет,
Скачет с ней вместе опора опор,
Верный Буйдан-Улаан батор.
Батора этого молодого и мощного
Взяла она спутником и помощником.

От дворца отдаляется конский скак,
Поехали они на восток.
Поехали они в страну Хонин-Хото,
Которой из них не видал никто.
Летят они не низко не высоко,
Летят они как ястребы-соколы.
Не стрелы выпущенные свистят,
Не камни брошенные шуршат,
Два коня один за другим подряд,
Выше гор и лесов над землей летят.
Через горы древние они перемахивают,
Через верхи деревьев они перескакивают.
Хоть длинна река,
Но до моря все равно добирается,
Хоть дорога и далека,
Но цель все равно приближается.
Вот родная земля
Уж кончается.
Вот чужая земля
Начинается.

То жара им в лицо, то дует метель,
Из Алма-Мэргэн выходит весь хмель.
По сторонам оглядывается она,
Не понимает, что б это значило.

Большим удивленьем удивлена,
Задачей большой озадачена.

Сидит она в седле еле-еле,
Становится ей тревожно и страшно.
– Куда это мы едем? —
У спутника она спрашивает.
Буйдан-Улаан батор,
Болура – небожителя первый сын.
– Скачем мы, – говорит, – превыше гор,
Дальше лесов, дальше пустынь.
– Скачем мы, – говорит, – в направлении востока,
Во владенья Лобсогодоя жестокого.
Едем мы его победить – извести,
Нашего Гэсэра из неволи спасти,
Едем мы по наущению трех сестер,
С благословения бабушки, чей ум остер.

У Алма-Мэргэн сердце замерло,
Чуть не падает она замертво.
Испугалась она очень сильно
У Буйдана-Улаана она спросила:
– Но разве справлюсь я, слабая женщина,
С Лобсогодоем, чертом зловещим? —
Говорит Алма-Мэргэн, побелев как мел:
– Гэсэр в три раза больше силы имел,
Был он меня хитрее,
Был он меня мудрее,
И то обманул его Черный Лобсогодой.
Как же я-то справлюсь с такой бедой?
И хоть сестры меня напутствовали
И наказ принесли мне свыше,
Нужных сил я в себе не чувствую,
И отваги в себе не слышу.

Конь кроваво-рыжий вперед несется,
Алма-Мэргэн в седле трясется.
Ничего она впереди не видит,
Из седла вот-вот выпадет.
Буйдан-Улаан батор головой качает,
– Ну, – говорит, – женщины, ну, – говорит, – и дела.
О чем же думала ты вначале,
Зачем же сестрам клятву дала?
Подбирая длинные волосы,
Говорила ты твердым голосом:
«Тело мое сделалось мощным,
Сердце мое сделалось каменным,
Не боюсь я ни дня, ни ночи,
Не боюсь ни огня, ни пламени,

Стала я сильной и властной,
Сделалась я безжалостной.
Дьявол Черный Лобсоголдой
Дело будет иметь со мной!»

Все слова свои Алма-Мэргэн вспомнила,
Силой-мужеством грудь наполнила.
Виду робости не показывает,
Твердым голосом батору приказывает: —
Ты, Буйдан-Улаан, батор верный мой,
Поверни назад, поезжай домой.
Дальше лежит чужая страна,
Дальше я поеду одна.
Будет Черный дьявол Лобсоголдой
Дело иметь со мной с одной.

После этого
Выпускает Алма-Мэргэн на ладонь
Двенадцать своих волшебств,
Заставляет плясать по пальцам
Двадцать три своих волшебства,
Заговорные произносит слова.

Коня своего кроваво-рыжего,
Заколдовала Алма-Мэргэн и заморозила.
Превратился большой и сильный конь
В кресало, которым высекают огонь,
Кресало Алма-Мэргэн в карман положила.
После этого
Алма-Мэргэн солнцеликая
Новые заговорные слова прошептала.
Превратила себя в легкую птицу,
Жаворонком крылатым стала.
Полетела она высоко, высоко
От земли, от деревьев и от травы.
Поднялась она
Чуть повыше белоснежных облаков.
Поднялась она
Чуть пониже небесной синевы.

Летит она в переливах небес,
Крылышками трепещет.
Летит она не в страну чудес,
А где правит дьявол зловещий,
В проклятую страну Хонин-Хото,
Где солнышка не видит никто.
В страну холодную,
В страну голодную,
В страну бестравную,

В страну бесславную,
В страну засушливую,
В страну удушливую.
Где река под тремя преградами
Проскальзывает тремя водопадами.
В страну, где пыль лежит до колен,
Где умереть никому не жалко.
Прилетела на крылышках Алма-Мэргэн
В виде легкого певчего жаворонка.

Еще небесных не покинув просторов,
Увидела она двух крылатых баторов.
Они дозорными поставлены были,
За синим небом они следили.
Но Алма-Мэргэн
Двенадцать волшебств своих вынула,
Но Алма-Мэргэн
Двадцать три волшебства по ладони раскинула.
И баторов глаза дозорные
Повернула в другую сторону.
Видят они прошедшее, что когда-то было,
А уши у них совсем заложило.

После этого,
Спустившись на землю из небесных просторов,
Увидела Алма-Мэргэн еще двух крылатых баторов.
Они дозорными поставлены были,
За обширной землей они следили.
Но Алма-Мэргэн
Двенадцать волшебств своих вынула.
Но Алма-Мэргэн
Двадцать три волшебства на ладонях раскинула,
И глаза баторов дозорные
Повернула в другую сторону.
Видят они прошедшее, что когда-то было,
А уши у них совсем заложило.

После этого
К дворцу Лобсоголдоя она подлетает,
Над крышей вьется, около окон порхает.
Хочет она, любопытная женщина,
Хотя бы взглянуть на черта зловещего,
Что у него за лицо, что у него за тело,
Но не в одном любопытстве дело.
Надо ей оценить его возможности,
Узнать его коварства границы,
Его волшебств бесчисленных сложности,
Вот зачем порхает вокруг дома птица.

Видит она,
Тело у Лобсогодоя угольно-черное,
Каждый зуб у него с лопату,
Живот как мешок мотается у черта,
Сам нечесаный и кудлатый.
Видит она, как в сбруе железной
Тащится понуро осел бессловесный,
Как хозяин кнутом трехременным
Стегает его по бокам и ребрам.
Черные камни осел таскает,
Черный пот осел проливает.
Видит она, как солнцеликую Урмай-Гоохон
Мучает Черный Лобсогодой.
Как издевается, потешается он
Над красавицей нежной и молодой.

Удивилась Алма-Мэргэн, возмутилась,
Сердце гневно в груди забилося.
Если была бы в руках ее сила,
Лобсогодоя тотчас бы удавила.
Но действует она неторопливо и плавно,
Действует она по задуманному плану.

Полетела она дорогой небесной и голубой
К старшей Черного черта сестре Енхобой.
Оценить все ее возможности,
Узнать коварства ее границы.
Ее волшебств бесконечные сложности,
Полетела узнать золотая птица.
Алма-Мэргэн ахнула даже,
Сестру Лобсогодоя увидев старшую.
Никогда не видела она женщины гаже,
Не видела женщины более страшной.
Веки ее одрябли
И на щеки свесились.
Щеки ее одрябли
И до грудей свесились.
Грудь ее одрябли
И до пупка свесились.
Живот ее одряб
И до колен свесился.
Кожа на коленях одрябла
И до ступней свесилась.
Думает Алма-Мэргэн:
– Если бы я такая была,
Я бы давно повесилась.—
Плюнула бы она на это тело,
Да птичка жаворонок плевать не умела.

А ест сестра Енхобой из железного блюда,
А ездит она на помеси коня и верблюда.
Есть у нее железная мялка,
Мнет она на ней звериные кожи,
Помнет, помнет, пока ей не жарко,
Кожи мятые в кучу сложит.

Полетала птичка вокруг окон и крыши
И вспорхнула повыше.
Полетела она по дороге небесной и голубой
К средней Черного черта сестре Енхобой.
Оценить все ее возможности,
Узнать коварства её границы,
Ее волшебств бесконечных сложности,
Полетела узнать золотая птица.
Вокруг дворца она полетала,
Все она высмотрела, все узнала.
Но увидев саму сестру, вздрогнула даже,
Трудно быть женщине страшнее и гаже.
Брови ее одрябли
И до губ свисают.
Губы ее одрябли
И до грудей свисают.
Груды ее одрябли
И до пупка свисают.
Живот ее одряб
И до колен свисает.
Кожа на коленях одрябла
И до ступней свесилась...
Думает Алма-Мэргэн:
– Если я такая была бы,
Я бы сразу повесилась.—
Полетала птичка вокруг окон и крыши
И вспорхнула повыше.

Полетела она по дороге небесной и голубой
К младшей Черного черта сестре Енхобой.
Оценить все ее возможности,
Узнать коварства ее границы,
Ее волшебств бесконечных сложности
Полетела узнать золотая птица.
Вокруг дворца она полетала,
Все она высмотрела, все узнала.
Увидела она, что сестра эта тоже
На двух старших сестер похожа.
Ресницы – брови одрябли,
До шек свисают.
Щеки одрябли,
До грудей свисают.

Груди одрябли,
До пупка свисают.
Живот одряб,
До бедер свисает.
Кожа на бедрах одрябла,
До щиколоток свесилась.
Думает Алма-Мэргэн:
– Если я такая была бы,
Я бы давно повесилась.—
Полетала птичка вокруг окон и крыши,
И поднимается выше.

Полетела она обратно
Легко и плавно.
Обдумывает она многократно
Свои планы.
Чтобы все задуманное – осуществилось,
Чтобы начатое все – закончилось.
Чтобы Гэсэр и Урмай-Гоохон освободились
Очень ей хочется.

Крылышки у птицы легки и быстры,
Возвратилась она до жилища старшей сестры.
Которая ест из железного блюда,
А ездит на помеси коня и верблюда.
Которая имеет железную мялку,
Мнет на ней звериные кожи.
Помнет, помнет, пока ей не жарко,
Кожи мятые в кучу сложит.

Тогда Алма-Мэргэн
Двенадцать волшебств своих вынула,
Тогда Алма-Мэргэн
Двадцать три волшебства своих раскинула.
Полдневный зной трех последних лет
В одно место собрала она запросто,
От дикого зноя спасенья нет,
Наступила великая засуха.
Лошадиная моча на дороге кипит,
Лошадиный помет сам собой горит.
Лобсоголдоя старшая сестра Енхобой
Не может вынести этот зной.
Искупаться в озере захотела,
Долго она купается,
Хочет она охладить свое тело,
Но тело не охлаждается.
А зной все палит без жалости,
До жжения и до сожженья.
Купается Енхобой до усталости,

Купается до изнеможения.
Наконец нашла от дерева тень,
Лежит в тени, распростертая,
Думать лень, шевелиться лень,
Уснула она, как мертвая.

Алма-Мэргэн уж тут как тут.
Носиком птичьим тук да тук.
Попискивает она и щебечет,
Заклинательные слова лепечет:
«Восемьдесят дней тебе не очнуться,
Восемьдесят дней тебе не проснуться».

Потом Алма-Мэргэн
Двенадцать волшебств своих вынула.
Потом Алма-Мэргэн
Двадцать три волшебства своих раскинула.
И вместо жаворонка,
Птички певчей и золотой,
Обернулась она, как ни жалко,
Уродливой сестрой Енхобой.
Стало самой ей жарко,
Стало душно ей тоже,
Взяла она железную мялку,
Мнет она звериные кожи.
Мнет она кожи лосиные,
Мнет она кожи медвежьи,
Мнет она кожи прокисшие,
Мнет она кожи свежие.

После этого
Пакостного она ублюдка,
Помесь лошади и верблюда,
Запрягла она в телегу железную
И сама на телегу залезла.
Ничего она не забыла.
Даже мялку с собой захватила.
И поехала потихоньку вперед,
Где Лобсогоддой, ее брат живет.

В это время
Урмай-Гоохон солнцеликая,
Полземли освещая лицом,
Вышла из дворца освежиться
На широкое серебряное крыльцо.
Сестру Аобсогоддой она встречает,
Как почетную гостью ее привечает.
Берет уродливого ублюдка,
Помесь лошади и верблюда,

Из телеги его распрягает,
К коновязи его подводит,
Руку тетушке предлагает,
Во дворец ее важно вводит.
Та идет, ковыляет жалко,
Опираясь на железную мялку,
Как на посох или на палку.
Но достойно здоровается она с «невесткой»,
Говорит ей слова уместные.
А невестка ее за стол сажает,
Привечает и ублажает.
Накрывает она золотой стол,
Кушанья редкие на него ставит.
Расстилает она серебряный стол,
Напитки крепкие на него ставит.
Настойки, напитки выставила
Она все старые, выстоянные.
Угощает гостью прозрачной арзой,
Угощает гостью светлой хорзой.

Вкусно гостя пила и ела,
Захмелела и опьянела,
А когда закурила трубку,
Ей сидеть уже стало трудно,
Клонит ее ко сну и вот-вот,
Прямо за столом она заснет.
Хорошо она угостилась,
Ведь хозяйке она не перечила...
В это время солнце уже садилось,
День кончался, клонился к вечеру.

Дьявол Черный Лобсогдой
Возвращался из гор домой.
Рядом, сбруей гремя железной,
Семенил осел бессловесный.
Целый день, выбиваясь из сил,
Он тяжелые, черные камни возил,
А хозяин по бокам и по ребрам,
Бил кнутом его трехременным.

Урмай-Гоохон, как шаги услышала,
Встречать хозяина вышла.
Сообщает ему: «О, хозяин мой,
На осле возивший камни с утра,
В гостях у нас сама Енхобой,
Старшая твоя, дорогая сестра».

Думает хозяин: «Ничего не пойму,
Что тут за наваждение...» —

Не могла сестра приехать к нему
В гости без предупреждения.
В недоуменьи осла распрягает он,
Не знает, что бы это значило.
Большим удивлением удивлен,
Задачей большой озадачен.
– Все, – он думает, – в этом мире возможно,
Надобно вести себя осторожно.
Надо проверить, в чем тут дело,
Что тут за колдовство.
Может быть, небожителей белых
Это белое волшебство.
Надо проверить, набравшись терпенья,
Нет ли тут чьего-нибудь превращенья.
Приказывает Черный дьявол и хан
Солнцеликой Урмай-Гоохон хатан: —
Мы проверим какого свойства
В нашем доме пошли чудеса.
Ты иди-ка опять, где гостья,
И смотри там во все глаза.
А я соберу в свой голос
Тысячу голосов лосиных,
Оглушительно закричу,
А я соберу в свой голос
Десять тысяч голосов лосиных,
Сотрясающе закричу.
Ты сама этих криков не бойся,
А смотри неотрывно на гостью.

Если это сестра моя старшая
К нам приехала в самом деле,
Ей мой голос будет не страшен,
Никакого движенья не сделает.
Если ж гостья с испугу свалится
И со стула на пол покатится,
Значит, чье-то тут колдовство,
Чье-то белое волшебство.

Вот Урмай-Гоохон появляется,
Где застолье еще продолжается.
Вкусно-сладко наевшись, напившись,
Табаку потом накурившись,
Гостья дремлет, на стуле сидя,
Ничего уж вокруг не видя.

В это время
Лобсоголдой, собрав в свой голос
Тысячу лосиных голосов,
Оглушительно закричал.

А потом он,
Собрав в свой голос
Десять тысяч лосиных голосов,
Сотрясающе закричал.
Горы-скалы стали качаться,
Море Сун пошло волноваться.
Вся вселенная задрожала,
А гора Сумбэр задребезжала.
Тут Алма-Мэргэн со стула свалилась,
На пол кубарем покатилась.
Урмай-Гоохон того не выдержала,
Испугавшись, из комнаты выбежала,
Чтобы рассказать как на стуле сидя,
Дремала гостя, ничего не видя.
Как она испугалась крика
Лобсоголдоя великого:
Как она со стула свалилась,
На пол кубарем покатилась.
Но пока она из комнаты выходила,
Алма-Мэргэн, оказывается, не дремала,
Язык ей в другую сторону поворотила,
Чтобы правды не рассказала.

Собиралась сказать Урмай-Гоохон,
Что там не сестра Енхобой,
А на деле сказала Урмай-Гоохон,
Что там сестра Енхобой.

Лобсоголдой почувствовал себя виноватым,
Что родная сестра могла напугаться.
Черно-угольный, нечесаный и кудлатый,
Пошел он к ней извиняться.
Здоровается он с ней по-хански,
Приветствует ее по-хатански,
Колени перед ней преклоняет,
Черную голову наклоняет.
Видит он, что на стуле сидит она,
И нисколечко не напугана.
А сестра говорит с ним сердито,
Его встретила бранью-руганью.
– Почему не встречаешь достойно
Ты в воротах родную сестру,
А потом орешь, как разбойник,
Или лось в осеннем бору.
Не напился ли ты с утра? —
Так ругает его сестра.

Но потом они помирились,
И как следует угостились.

Угостились светлой арзой,
Угостились чистой хорзой.
Мирно сидят брат с сестрой,
Начинают они разговор простой.
Начинают они после обеда
Медлительную беседу,
То, что прежде древнего произошло
Выясняют,
То, что позже нового проистекает,
Объясняют.
Вспоминают немногословно
Они древние родословные.
Но собеседница носом клюет то и дело,
От еды-питья она захмелела.
Говорит Лобсоголдою сестра:
– Ты как хочешь, а мне спать пора.—
На постель ее уложили,
Одеялом теплым укрыли.
Но сам Лобсоголдой еще не спит,
С Урмай Гоохон за столом сидит.
– Все, – он думает, – в этом мире возможно,
Надобно вести себя осторожно.
Надо проверить, набравшись терпенья,
Нет ли тут чьего-нибудь превращенья.—
Приказывает Черный дьявол и хан
Солнцеликой Урмай-Гоохон хатан:
– Ты к спящей сестре моей тихонечко подойди
И под правой рукой у нее погляди.
У нее под мышкой ты разглядишь
Родинку, величиной с конский катыш.
Эта родинка круглая, черная,
Как печать стоит наша, чертова.

Вот идет Урмай-Гоохон солнцеликая,
Идет на цыпочках по половицам она,
Гостья пышная, полнокровная
Спит раскинувшись, дышит ровно.
И под правой ее рукой
Нету родинки никакой.
Все там гладко и все там чисто,
Кожа белая, золотистая.
Урмай-Гоохон из спальни вышла,
Говорит она ее пославшему:
– Заглянула я сейчас под мышку
Нашей гостыи, в кровати спавшей.
Словно конский катыш у ней там родинка,
Я рукой ее даже трогала.
Эта родинка круглая, черная,
Как печать стоит ваша, чертова.

Утро ясное наступило,
Солнце красное засветило.
Алма-Мэргэн в постели проснулась,
Сладко-сладостно потянулась.
Настроенье у ней прекрасное,
Словно утро свежее, ясное.
Но когда она вышла к брату,
Что глядит на нее виновато,
Словно в чем провинился, глядит
И готов уже извиняться.
Она сдвинула брови сердито,
Начала кричать и ругаться.
– Пока не было у тебя этой бабы,
Ты нас, сестер, уважал хотя бы.
Ты, бывало, встречал нас
За три видимости,
Ты, бывало, провожал нас
На три видимости.
А сейчас не только что провожать-встречать,
За сестру меня перестал считать.
Не встретил меня с почетом внушительным,
А встретил криком меня оглушительным.
Не встретил меня с почетом посильным,
А встретил криком меня лосиным.
Видно, с бабой связавшись, сам бабой стал.
Видно весь свой ум ты с бабой проспал.
А теперь вспомни-ка, любезный браток,
Кто тебе во всем этом деле помог?
Кто тебе помог, когда ты женился,
Когда скотом, хозяйством обзаводился.
Кто тебе помог превратить Абая Гэсэра
В осла бессловесного, серого?
С чьей помощью тебе камни таскает он?
С чьей помощью досталась тебе Урмай-Гоохон?
С чьей помощью своей железной рукой
Ты ее привел в свои покои,
Потник шелковый там расстелил,
Свою голову с ее головой соединил?

Жестоко сестра Лобсогодоя ругает,
А он, что в ответ ей сказать, не знает.
Ничего он лучшего не нашел,
Как накрыть опять изобильный стол.
Накрывает он стол золотой,
Кушанья редкие на нем расставляет.
Расстиляет он серебряный стол,
Напитки крепкие на нем расставляет.
Напитки на стол он выставил,

Все старые, чистые, выстоянные.
Хрустальную он поставил арзу,
Кристалльную он поставил хорзу.
Угощает он гостью, потчует,
сам он пьет-ест, что хочет.

Мирно сидят брат с сестрой,
Разговор ведут простой.
Ведут они во время обеда
Медлительную беседу.
Собеседница от еды разогрелась,
Собеседница от вина раскраснелась.
Во всех она принимает участие,
Урмай-Гоохон она желает счастья. —
Сто лет тебе жить, – она ей говорит,
Мужа любить, – она ей говорит.
Урмай-Гоохон смущенья полна,
Не знает, что бы это значило.
Большим удивленьем удивлена,
Задачей большой озадачена.
Тихо-мирно, без утренней злости
Говорит теперь с братом гостя.
– Очень бы я довольна была
Узнать, как используешь ты осла.
Эту тварь, безмозглую, бессловесную,
Запрягаешь ли ты в сбрую железную?
Камни черные заставляешь ли ты его таскать,
Черный пот заставляешь ли ты его проливать.
Кнутом тяжелым, ремённым
Лупишь ли ты его по ребрам?
Падает ли хлопьями с него белая пена,
Гнутся ли от ноши его колена.
Заставляешь ли ты его тощать, худеть?
А, кстати, нельзя ли на него поглядеть?

Лобсоголдой, дьявол Черный и страшный
Показал осла сестре своей старшей.
Сестра на осла-беднягу воззрилась,
Но тотчас же вспыхнула, рассердилась,
Надула она щеки, губы,
Говорит своему брату грубо: —
Так осла используют разве?
У тебя ему вечный праздник!
Я-то думала: быть бы живу,
А он бесится, наверно, с жиру.
Ему в коже собственной тесно,
Кожа с жиру едва не треснет.
Посмотри-ка ты, как он лоснится,
Сам, бездельник, под плетку просится.

И, наверно, силен к тому же,
Не слабее тебя ничуть.
Ты возьми-ка его за уши,
Да попробуй его покачнуть.
Говорят, что он сильно ослаб,
Мне житье такого осла б.

Черт осла за уши схватил
Да и дернул, что было сил.
А осел его так рванулся,
Что хозяин сам покачнулся,
На колени упал неловко,
О землю стукнулся подбородком. —
А! – кричит сестра Енхобой,
Вот что сделал осел с тобой,
Не осел у тебя, а бездельник,
Дай ты мне его на недельку,
Я тебе покажу, как брату,
Как с ослом обращаться надо.
Я его трудиться заставлю,
Я жирку ему поубавлю.
Если дашь мне его на месяц,
Будет шкура его просвечивать.

Отвечает сестре ее черный брат: —
Я тебя, сестра, уважить бы рад,
Но такой выносливый труженик
Самому мне в хозяйстве нужен.
Невозможно с ним находиться врозь нам,
Невозможно выполнить твою просьбу.

На брата сестра Енхобой воззрилась,
Очень сильно она рассердилась.
Надула свои щеки и губы,
Говорит она брату грубо:
– Нет, ты вспомни-ка, мой браток,
Кто тебе во всем этом деле помог.
Кто тебе помог Абая Гэсэра
Превратить в осла бессловесного, серого,
В своей жизни, в дальнейших действиях
На кого ты будешь надеяться.
У кого будешь брать советы,
На вопросы искать ответы.
Хорошо же, живи, как знаешь.
Ты сестру навеки теряешь.

И пошла,
Опираясь на свою железную мялку,
Как на посох или на палку.

Очень быстро несут ее ноги,
По которой пришла, дороге,
По дороге старой, знакомой,
К своему удаляется дому.
Испугался Лобсогодой
Этой ссоры с сестрой родной.
Он ее догонять пустился,
На колени перед ней опустился.
– Виноват, – я говорит, – виноват,
Но ведь, все-таки, я тебе – брат.
Ты меня извини, пожалуйста,
Пожалей меня родственной жалостью.
А осла, так и быть – бери,
Сколько хочешь его дери,
Хочешь голодом умори,
Хочешь шкуру с него спусти,
Но меня ты, сестра, прости.

Тут сестра Енхобой смягчилась
И назад она воротилась.
Запрягла она своего ублюдка,
Помесь лошади и верблюда.
И велела жестом достойным
Чтобы вывели осла из стойла.
Когда труженика, осла бессловесного,
Выводили из стойла железного,
Он узнал Алма-Мэргэн, жену свою милую,
Заорал он со всею силою,
Не по-прежнему, по-лосиному,
А по-здешнему, по-ослиному.
Алма-Мэргэн железом бича
Стеганула его сплеча,
Чтобы он не выдал себя, крича.
Лобсогодой в этом крике нескладном
Заподозрил что-то неладное.
Только делать ему было нечего,
Забоялся сестре перечить.

А сестра осла бессловесного
Привязала к телеге железной,
И стегая кнутом ублюдка,
Помесь лошади и верблюда,
На осла прикрикнула строго
И отправилась в путь-дорогу.

Перевалили они через гору высокую,
Поднялись они на серебряную сопку,
В это время Лобсогодой спохватился:
Как же вышло, что он осла лишился.

Ведь знает же он, что этот осел – не простой,
Что это Абай Гэсэр хан Удалой.
Призывает он четырех баторов крылатых,
Как и сам, мохнатых, кудлатых.
Говорит им, что гостила у него сестра Енхобой,
Но возникло у него подозренье,
Что это вовсе не сестра Енхобой,
А чье-нибудь белое превращенье,
А она ведь труженика-осла,
Привязав к телеге, с собой увела.
Вот какие дела!

– Вы, крылатые мои баторы,
Вы мои четыре опоры,
Мои черные, зоркие вороны,
В небесные поднимитесь просторы,
Поглядите оттуда во все стороны,
Правда ли, сестра моя Енхобой
Едет к себе домой?
Или поднялась она на серебряную сопку,
Или перевалила она через горы высокие?
Или едет она в долину Моорэн,
К великому морю Мухнэ-Манзар,
Где жил во дворце среди прочных стен
Заколдованный нами Абай Гэсэр хан?
Напрягите свое вы зренье,
Поглядите вдаль на дорогу,
Вы рассейте мои подозренья,
Успокойте мою тревогу.
Мне узнать доподлинно надо,
Где тут ложь, а где чистая правда.

Четыре крылатых батора
Вверх взвились,
Оглядывают неба просторы,
Смотрят вниз.
На небе, на воде и на суше
Все выглядывают, все выслушивают.
И видят, что едет там не сестра Енхобой,
А едет Алма-Мэргэн сама собой.
Перевалила она уже горы высокие,
Поднялась она уже на серебряную сопку,
Миновала она уже
Эту сопку серебряную Мунгэше.
Значит, едет она в долину Моорэн,
К великому морю Мухнэ-Манзан,
Где жил во дворце среди прочных стен,
Удалой Абай Гэсэр хан.

Как увидели это издали
Лобсоголдою крылатые изверги,
Полетели скорее назад,
Все хозяину рассказать.
Летят они вдаль, летят в высоту,
Но и Алма-Мэргэн ведь – не дура,
Языки у крылатых баторов во рту
В обратную сторону перевернула.
Все понятия их смешала,
Все слова у них перепутала.
Не поймут, где концы, где начала,
Не поймут, где вечер, где утро.

Встретил их дьявол Лобсоголдой,
Они тараторят наперебой.
Хотят сказать баторы крылатые,
Что Алма-Мэргэн там едет домой,
А на деле сказали баторы крылатые,
Что осла ведет сестра Енхобой.
Успокоился дьявол черный,
Спать пораньше улегся он
На кровати своей просторной
С солнцеликой Урмай-Гоохон.

В это время
Алма-Мэргэн хатан,
Ведя за телегой своей осла,
Из далеких и чуждых восточных стран
До своей прекрасной земли дошла.
На опушке прекраснейших таежных лесов
Она остановку делает,
У истоков девяти прекраснейших родников
Она остановку делает.
Отвязывает она от телеги осла,
Расколдовывать его начала.
Девятью можжевельниками она его окурила,
Из девяти родников она его напоила,
В девяти родниках его купает,
Девятью родниками его омывает.
Вся великая тайга на него дышит,
Чтобы черное колдовство из него вышло.
После этого
Алма-Мэргэн хатан
Правой ладонью осла по морде бьет.
Осел, на передние колени упав,
Вонючей черной жижей блюет.
После этого Алма-Мэргэн хатан
Левой ладонью осла по морде бьет,
Осел, на задние ноги припав,

Поганой черной рекой блюет.
Девяти родников воды светлей
Ничего не бывает на свете,
Великой тайги зеленых ветвей
Ничего нет лучше на свете.
В течение трех дней три раза в день
Осла она очищает,
Заводит его под деревья в тень,
Окуривает и оmyвает.

От этих усилий Алма-Мэргэн
Осел тщедушный и серый,
Осел, испытанный железный плен,
Превратился опять в Гэсэра.
Принимает Гэсэр свой прежний вид,
На двух ногах он опять стоит.
Принимает Гэсэр свой прежний вид,
Языком человеческим говорит,
Принимает Гэсэр прекрасный вид,
Алма-Мэргэн он благодарит.

– Ты, Алма-Мэргэн, солнцеликая,
Совершила ты дело великое,
Ты спасла меня от гибели,
Больше люди меня не увидели б.
Обо мне ты, прекрасная, вспомнила,
И пришла ты ко мне очень вовремя.
Жизнь моя висела на липочке,
А душа была тоньше ниточки.—

После этого Абай Гэсэр
За гибкую, тонкую шею жену обнимает,
В правую щеку целует, гладит, ласкает.
После этого
Поехали они в долину Моорэн,
К великому морю Мухнэ-Манзан,
Где жил всегда среди прочных стен
Удалой Абай Гэсэр хан.
Вернулся Гэсэр к воде,
Которую в детстве пил,
Вернулся Гэсэр к земле,
Которую с детства любил.
Устроили Гэсэр и Алма-Мэргэн
С возвращеньем веселый пир.
Но во время пира
Гэсэр задумался,
Но во время веселья
Гэсэр пригорюнился.
Вспомнил бедную Урмай-Гоохон,

Которую у дьявола оставил он.
Черный дьявол ее ласкает,
Черный дьявол ее щекочет,
Ни на шаг из дома не отпускает,
Издевается и хохочет.

– Почему, – подумал Гэсэр,—
Законная моя жена
В руках у другого находиться должна?
Волосы его поднялись дыбом,
Зубами он заскрипел до дыма.
Муж гуляет в тепле и холе,
А жена его в черной неволе.
Муж такой жены недостоин,
Поведенье его не пристойно.
Коровьи кости
Около дома, поблизости валяться могут,
Батора кости
В далеких краях под дождями мокнут.
Участь волка – ночь и ловитва,
Участь батора – поход и битва.

Баторов своих он зовет
Тридцать трех.
Воевод своих он зовет,
Триста тридцать трех.
Оруженосцев своих он зовет,
Три тысячи триста тридцать трех,
Каждый из них на вид неплох.

– Гей вы, – крикнул Гэсэр, – э, гей!
Для похода готовьте коней,
Все вооруженье мое вы возьмите,
Все снаряженье мое соберите.
Все колющее соберите, все острое,
Все режущее, все сверкающее,
Все черно-желтое, все пестрое,
Врага поражающее.
Все оборванное пришейте,
Все разохшееся прибейте,
Все развязанное свяжите,
Все раскрученное скрутите,
Все ослабшее укрепите,
Затупившееся заострите.
Припасите все, что понадобится.

Тридцать три богатыря,
Триста тридцать три военачальника,
Три тысячи триста тридцать три оруженосца

Слушают, радуются.
Истомилась по битве душа баторов,
Собираются баторы, снаряженьем звеня,
А Гэсэр среди этих шумных сборов,
Вспомнил про Бэлыгэна – огненного коня.
«Где ты путник прекрасный мой,
Где ты друг, мой конь золотой!»
Взял он в руки раздвижную трубу,
Имеющую двенадцать волшебных возможностей,
Можно через нее увидеть судьбу,
И далекие земли увидеть можно.
Встал он там, где коновязь золотая,
Смотрит он в сторону гор Алтая.
Смотрит он, где большая лежит тайга,
Называют ее Хуха.
Одновременно он громкий свист издает,
Своего коня Бэлыгэна зовет.
Раздвигает он трубу, раздвигает,
Призывает он коня, призывает.

В то самое время, когда Гэсэр
В раздвижную трубу на Алтай смотрел,
Его конь
С крепким горячим телом,
С лоснящейся гладкой шерстью,
С легкими прочными костями,
С непоскользающими копытами,
С неутомляющейся спиной,
С туловищем, в тридцать шагов длиной,
С зубами в три пальца, ушами в три четверти,
С хвостом в тридцать локтей,
С гривой в тридцать аршин,
Лежал под сосной пяти вершин.
Грел он на солнце свои бока,
Ветерок его обдувал слегка.
Вдруг беспокойство почувствовал он,
Начал ушами прядать,
Словно голос Гэсэра услышал он,
Словно Гэсэр здесь, рядом.

На ноги Бэлыгэн вскочил стремглав,
Ноздри раздувая, громко заржав.
Одно ухо в сторону неба он наострил,
Другое ухо в сторону земли наострил.
Одно ухо повернул он на юг,
Другое ухо – в сторону севера.
Думает: откуда донесся вдруг
Свист призывный Гэсэра?
Далекого ли, великого врага

Гэсэр встречать собирается,
Близкого ли коварного врага
Сокрушить он намеревается.
Что бы там ни было, этот иль тот,
Лезут враги, грозя,
Но если Гэсэр коня зовет,
Не мчаться на зов нельзя.

Косит Бэлыгэн конским глазом
На тайгу, стоящую тихо.
Говорит Бэлыгэн животным разным,
Изюбрихам и лосихам:
– Вы на склонах Алтая паситесь,
По просторам тайги носитесь.
Надеясь травы, жирейте,
Родниковую воду пейте.
Я же конь Бэлыгэн и от века
Должен я служить человеку.
Должен я совершать походы,
Резвым быть во время охоты.
Должен я участвовать в битвах,
В состязаниях и молитвах
Когда звезды тихонько светятся,
И сиянье идет от месяца.
И сейчас вот меня домой
Призывает хозяин мой.
Мне на зов не идти нельзя,
Такова уж моя стезя.
Но зато меня почитают,
Золотым конем величают,
Конем огненным называют,
В песнях, сказках нас прославляют,
Гладят шею теплом ладони,
В дружбе мы с человеком, кони.

Говорят изюбрихи и лосихи
Ему голосом грустным тихим:
– Не хотим с тобой расставаться,
И тебе нельзя оставаться.
Значит, мы звериной гурьбою
Все пойдем сейчас за тобою.
Куда ты пойдешь,
Туда мы пойдем.
И что ты найдешь,
То и мы найдем.

– Ничего из этого не получится,
Не годитесь вы мне в попутчицы,
Только мы дойдем до долины,

И ее перейти пожелаем,
Как собаки с хвостами длинными
Нам навстречу бросятся с лаем.
Вы – копытные, гладкошерстые,
А у них у всех зубы острые.
Тотчас выбегут и двуногие,
Полетят на вас стрелы многие.
Стрелы меткие, знаменитые,
Упадете вы все убитые.
Нет уж, здесь вы все оставайтесь,
И двуногим не попадайтесь.
На алтайских склонах паситесь,
По тайге просторной носитесь,
Надеясь травы, жирейте,
Родниковую воду пейте.
Знайте,
Если трава зеленая
Высоко здесь у вас растет,
Мимо стрелы летят каленые,
И копьё меня не берет.
Знайте,
Если в ручьях таежных,
Как и прежде вода бурлит,
Я врагом пока не стреножен,
Я в бою пока не убит.
Если ж травы посохнут ваши,
В родниках иссякнет вода,
То считайте меня пропавшим
И не ждите меня сюда.
А теперь, прощаясь с Алтаем,
Я от вас скачу, улетаю.—

Вскинул голову конь высоко
И по ветру расправил хвост,
Чуть повыше таежных сопок,
Чуть пониже небесных звезд.
Далеко ли он скачет, близко ли,
Высоко ли он скачет, низко ли,
Из-под черных крепких копыт,
Кругляшами земля летит.
Если ж камень вдруг попадается,
То огонь из него высекается,
Искры брызгами вылетают,
В клубах пыли гаснут и тают.
Так и в пламени и в дыму,
Конь к Гэсэру летит своему.

Остановился Бэлыгэн усталый
У коновязи серебряной и резной,

С восьмьюдесятьювосьмью драгоценными вставками
Сверху донизу – расписной.
Коновязь конь губой потрогал,
И обнюхав ее, узнал,
Повернулся к дворцу, к порогу,
И призывно, негромко заржал.

Абай Гэсэр выбегает из дому,
Бросается к коню своему гнедому.
Подошел Гэсэр к коню твердо,
Обнял за шею, поцеловал в морду.
В глаза косящие коню глядя,
По спине коня гладит.
Где пройдет по коже его ладонь,
Еще больше лоснится конь.
После этого
Серебряный недоуздок на коня надевает.
После этого
Серебряно-ребристой уздой коня уздает.
После этого
Шелковый потник по коню расстилает.
После этого
Вогнуто-серебряным седлом коня седлает.
Складчато-серебряный надхвостник
Через круп перетягивает,
Из сплошного серебра подгрудник
На лопатки натягивает.
Подпругу с десятью ремешками
Под брюхом затягивает,
Подпругу с двадцатью язычками
Под брюхом застегивает,
Яшмовый красный кнут
Под седло подсовывает —
Прекрасного повода полукруг
На луку седла набрасывает.
Красно-шелковым поводом
К расписной серебряной коновязи
Бэлыгэна привязывает.
После этого
Коня по шее погладил и потрепал.
После этого
Сам одеваться и снаряжаться стал.
Сшитые из семидесяти лосиных кож,
Плотно-черные штаны
Он натягивает.
Сшитые из семидесяти оленьих кож,
Со вставками на икрах из рыбьих кож,
Облегающие унты
Он ступнями растягивает,

Ярко шелковую накидку дабта-дэгэл,
Плечом поведя, на себя надел.
Семьдесят латунных пуговиц и крючков
Силой пальцев своих умело он застегнул,
Серебром и золотом вышитый кушак,
В десять сажень длины,
Вокруг себя туго-натуго обернул.
А его оставшиеся концы
Аккуратно с боков запихнул.
Одевается Гэсэр, снаряжается он,
А сам вспоминает Урмай-Гоохон,
«Какой же я муж, какой же батор,
Если жена моя в плену до сих пор?
Какой же я батор, какой же я хан,
Если в неволе моя хатан?
Все женщины
Вправе меня осуждать.
Все мужчины
Вправе надо мной хохотать».

Одевается Гэсэр, снаряжается,
А злость в груди разгорается.
Волосы у него на голове поднимаются,
Челюсти его до хруста сжимаются.
Волосы у него поднялись дыбом,
Зубами он скрипит – с дымом.
Черно-угольный панцирь
Он на себе укрепил,
Спину прикрыл.
Железно-кремневый панцирь
Он на себя укрепил,
Грудь защитил.
Узорно-узкой долиной измеряем,
Серебряный налучник
На правый бок прицепил,
Косым полем измеряемый,
Красно-серебряный колчан
На левый бок прицепил.
Семьдесят пять стрел
Растопыренно ему спину закрыли.
Девяносто пять стрел
Торчат как крылья.
В летнюю жару тень от них будет,
В зимнюю стужу ледяного ветра не будет.
Похожую на копну травы,
Соболиную шапочку на себя надевает,
Похожую на пучок травы,
Кисточку на шапочке поправляет.
Литой, серебряный шлем надел на голову,

Стал похож на большую гору.
То не солнце сверкает,
То не дуб листвой шелестит,
То Гэсэр в боевых одеждах стоит.
И оделся Гэсэр и обулся,
Перед зеркалом так и сяк повернулся,
Где пылинка – ее сдувает,
Где соринка – ее счищает.
В зеркало,
С расправленный потник величиной,
Гэсэр погляделся,
Хорошо ли он обулся-оделся.
Своим видом Гэсэр удовлетворился.
– Хорошо, – говорит, – я снаряжился.
После этого,
Чтобы голода не чувствовать десять лет,
Рот себе паучьим жиром намазал.
После этого,
Чтобы голода не чувствовать двадцать лет,
Губы себе червячьим жиром смазал.
– Я готов, – говорит Гэсэр, – пора в дорогу.
И степенно пошел к порогу.
Величественным движеньем
Открывая перламутровую хангайскую дверь,
Из дворца он выходит теперь.
Неторопливыми движениями,
Не уронив ни соринки с ног,
Переступает мраморный хангайский порог,
На серебряно-обширное крыльцо попадает,
Со ступеньки на ступеньку переступает.
На ступеньках этих он не запнулся,
На серебряном крыльце не споткнулся,
Ни разу на ступеньках не оступился,
Без оплошности, благополучно спустился.
Медленно и достойно спустился
С серебряно-ступенчатого крыльца,
Идет Гэсэр туда, где стоит коновязь,
Красный повод отвязывает от серебряного кольца.
По крупу глядя,
По шее хлопая звонко,
Бэльгэна он ласкает, как жеребенка.
Вокруг него с любовью похаживает,
Там и сям по шерсти поглаживает.
После этого
Яшмовый красный кнут
На правую руку надевает.
После этого,
Левую ногу, обутую в унт,
В серебряное стремя вдевает.

После этого
В якутское серебряное седло он сел,
Правую ногу в стремя вдел.
После этого,
У поводка правую сторону натянув,
А левую сторону ослабляя,
Морду коня в нужную сторону повернув,
Его по солнышку направляет.

Да,
На северо-восток он идет,
Двигается вслед за солнцем,
И ведет он за собой в эту пору
Тридцать трех баторов,
Триста тридцать трех воевод
И три тысячи триста тридцать трех оруженосцев.
Едет весь этот могучий строй
Туда, где живет Лобсогдой.
Едут они туда, чтобы биться в поле,
Чтобы царицу вызволить из неволи.
А две оставшиеся его жены,
Две молодые красавицы
Между собой во дворце дружны,
И Гэсэр им обеим нравится.
Сидят они обе, тужат,
Разговор между ними идет,
Из всех возможных лучшего мужа
Проводили они в поход.
Друг против дружки сели,
Вспоминают они о Гэсэре.
Угощаясь домашними яствами,
Много раз повторяют за день:
– Не человек он, а ястреб. —
Сокол он, а не всадник.
– Глазом я не успела моргнуть,
А уж он отправился в путь.
– Я мигнула один лишь раз,
А они уж скрылись из глаз.
– Поглядела я где коновязь,
А там только пыль взвилась.
По дороге широкой, по дороге лесистой,
Едут они рысисто.
По гребням высоких гор они мчатся,
Копыта до гор не успевают касаться.
Над лесными верхушками они пролетают,
За верхушки копытами не задевают.
– А я гляжу,
За дальней горой
Что-то молнией просверкнуло.

– А я гляжу,
Над дальней горой
Шапка с кисточкой промелькнула.
– Это он там скакал, не иначе,
– Пожелаем ему удачи.
– Чтобы он с Лобсогодоем сразился,
Чтобы выручил Урмай-Гоохон.
– Чтобы жив и здоров возвратился
В эти стены родные он.
Так они его обе любили,
В путь далекий благословили.
Между тем
Абай Гэсэр и все его оруженосцы, воеводы, баторы
Уезжают все дальше в ночную темь,
Углубляются в земные просторы.
Едут они
По Ханской звонкой дороге,
Мчатся они
По общей торной дороге.
Южные склоны они перескакивают,
Северные склоны они перемахивают.
Мчатся они
Чуть пониже неба высокого.
Мчатся они
Чуть повыше лесов и сопок.
С черным ветром
Наперегонки летят,
С белым ветром
Наравне летят.
И луна, и звезды, и солнце,
Все мелькает, летит, несется.
Все летит вокруг, завихряется,
Все мелькает и удаляется.
Словно беркут парит-пластается,
Словно сокол с небес бросается,
Словно гуси летят, гогочут,
Словно эхо в горах хохочет.
Не стрела шуршит оперением,
Скачут воины с нетерпением.
Уж родная земля
Кончается.
Уж чужая земля
Начинается.

Подъезжают они к владеньям Лобсогодоя,
И видят по всей границе
Колючая чаша стоит стеной,
Ни зверь не проникнет, ни птица.
Нет через чашу никакого пути,

Даже змее не проползти.
Но видят в чаще они проход,
Через который и бык пройдет.
Широкий проход нашелся тут,
Через который пройдет и верблюды.
Тем более хватило простора
Пройти на конях баторам.
Гэсэр особенным знаньем узнал,
Что Заса-Мэргэн проход здесь пробил,
Когда выручать его скакал,
Но с дороги обратно поворотил.
Дальше баторы пошли
В пределы чужой земли.
Лежит на пути у них ров-канавка,
А в ней до краев остывшая лава.
Ничего уж тут не бурлит,
Ничего уж тут не дымит,
Синие огни над лавой не витают,
Огненные брызги до небес не взлетают.
Догадался Гэсэр,
Что Заса-Мэргэн здесь был,
Что огненную лаву он остудил.
Дальше пошли баторы
В чуждой земли просторы.
Перед ними широкое море
Расплеснулось вдруг на просторе,
Но не блестит это море волнами гладкими,
А кишит это море червями гадкими,
Червями желтыми и вонючими,
Червями толстыми и ползучими.
Смотрит Абай Гэсэр поверху,
Возможности пройти не находит.
Смотрит Абай Гэсэр понизу,
Возможности пройти не находит.
Тогда Абай Гэсэр
Двенадцать волшебств своих вынул,
Двадцать три волшебства по ладони раскинул,
По пальцам они пляшут и бегают,
Делают все, что Гэсэр от них требует.
После этого Абай Гэсэр
Волшебной-сандаловой палочкой
Море гладит, над морем водит,
Море чистым, прозрачным стало,
Брод Гэсэр через море находит.
Переправился он на другую сторону
Со своими друзьями-баторами,
Со своими воеводами верными,
С оруженосцами своими примерными.

Дальше смело они пошли,
Показался дворец вдали.
Дворец без окон,
Черный, как уголь,
Железом окован
Каждый угол.
Смотрит Гэсэр на здание,
Железом окованное со всех сторон,
Слышит горестные рыдания,
Это плачет Урмай-Гоохон.

Кровь у Гэсэра взъярилась,
Напряглось могучее тело,
Сердце его забилося,
В глазах у него потемнело.
Великие его думы
В голове закипели,
Белые его зубы
Яростно закрипели.
Очень он рассердился,
Сильно надул он щеки,
Брови его зашевелились,
Торчат, как щетки.
Мысли он сделал волчьими,
Сердце он сделал каменным,
Задушить Лобсогодоя он хочет
Собственными руками.

Разделил он все свое воинство
На три равных отряда,
Рассказал он каждому воину,
Что делать надо.
Первый отряд
Из одиннадцати баторов,
Из ста одиннадцати воевод,
Из тысячи ста одиннадцати оруженосцев-гвардейцев.
Послал он с боевым наказом вперед
Для ответственных, решительных действий.
Должны они напасть на крылатых баторов,
Со сторожами дьявола биться,
Должны они в схватке жестокой и скорой
Победить этих черных рыцарей.

Посылает Гэсэр второй отряд
Не с баторами на жестокий бой,
А поймать одну за другой подряд,
Трех сестер колдующих – Енхобой.
Третий отряд воинства славного
Послать Гэсэру наступила пора.

Разбить войска черного дьявола,
Кишащие, как мошкара.

После этого,
Повод за левую сторону
Гэсэр потянул,
По правому боку коня стегнул.
И поскакал на Бэльтэне туда, где вдали,
Из каменистой черной земли
Поднималось черное здание,
Окованное железом со всех сторон,
Откуда доносились горестные рыдания
Солнцеликой Урмай-Гоохон.

В это время
Своим особенным знанием,
Особенным умом,
Кудлатой своей головой
Догадался и понял в железном здании
Черный дьявол Лобсогоддой,
Что Абай Гэсэр по его душу
Со своими баторами сюда идет,
Что его он зарубит или задушит,
Уж как-нибудь да убьет,
Что выручит он жену-красавицу,
Солнцеликую Урмай-Гоохон,
Что за все отомстит и расправится,
Подошедший с воинством он.

Вот уж дыханье Гэсэра слышится,
Слышится явственно перестук копыт...
Сердце у Лобсогоддой колышется,
Ребра гнутся, печень дрожит.
Думает Лобсогоддой:
«Не умирать же, сидя
В собственном доме, как будто я трус.
Лучше я навстречу противнику выйду,
В чистом поле с Гэсэром сражусь».

Железно-синего коня он седлает,
Топор широкий, черный берет,
Коня он всячески понукает,
Кнутом тяжелым жестоко бьет.
В одежде старой, дырявой,
Черный Лобсогоддой,
Седло под ним деревянное,
А потник – волосяной.
Узду он тянет и дергает,
Коню изорвал он рот,

Пена капает с морды,
Капает с брюха пот.
Торопится он навстречу
Смертельным своим врагам,
Жаждет схватки и сечи,
Бьет коня по бокам.

И вот два врага съезжаются,
Лицом к лицу приближаются.
В земле сухой и пустынной,
В земле глухой и постылой,
В земле, где пыльно и ветрено,
Они наконец-то встретились.

Вихрь на вихрь налетели,
Со стеной столкнулась стена,
Друг за дружку задели
Звонкие стремяна.
Сшиблись противники лбами,
Плечом зацепили плечо,
Друг на друга большими ртами
Дышат они горячо.
Друг с другом они ругаются,
Друг на друга кричат,
Седлом за седло цепляются,
Коней своих горячат.
Кружатся они двое
В пустыне, где сушь и темь,
Гэсэр у Лобсогодоя
Спрашивает между тем:
– Будем ли мы состязаться
Коней своих быстротой?
Будем ли мы сражаться
Мечей и стрел остротой?
Силой ли плеч померяемся,
Чьи руки-ноги сильнее,
Спин упругость проверим,
Крепость жил и костей?

– Конными или пешими
Сражаться будем с тобой,—
Презрительно и с усмешкой
Ответил Лобсогодой.

Друг у друга они
Мясо со спины пальцами выдирают.
Друг у друга они
Мясо с груди зубами выгрызают.
Красные ручьи по земле текут.

Красные горы вокруг растут.
Вороны с юга тут как тут,
Разбросанное мясо жадно клюют.
Сороки с севера прилетают,
Свежее мясо кусками глотают.

Наклевавшись за ночь птицы-вороны
Разлетаются на день в разные стороны.
В течение трех дней
Бойцы друг друга свалить стараются.
В течение восьми дней
Друг за друга руками хватаются.
Из-за равной силы
Они одинаково бьются,
Из-за равной удали
Они не сдаются.
«Зачем же коней нам мучить,
Зачем же мечи тупить?
Разве не будет лучше
Просто тебя удавить?
Этими вот руками
На части тебя разорву.
Будешь ты гнить кусками
В грязном вонючем рву».

Гэсэр отвечает спокойно
Дьяволу Лобсогдою:
– Пожалуй, и правда, лучше
Схватиться вручную нам,
Давно уж я шей не скручивал
Этаким хвастунам.

Тут оба бойца поспешно,
Слов уж не тратя зря,
Седла покинули, спешились,
Опора для них – земля.
Гэсэр движением медленным
Стрелу из колчана взял,
В землю воткнул, Бэлыгэна
К этой стреле привязал.
Две красивых полы халата
За кушак Гэсэр затыкает,
Два красивых рукава у халата
По локти Гэсэр закатывает,
С ноги на ногу он переступает,
За плечи противника схватывает.
Схватил он дьявола крепко,
Держит его он цепко.
Но и дьявол черный силен,

Словно бык упирается он.
Друг за друга борцы схватились,
Затоптались и закружились,
Перетаптываются они по кругу,
Лбами уперлись они друг в друга.
Когда же в небе утреннем, сером,
В девятый раз появилось солнце,
Почувствовал борющийся Гэсэр,
Что сильнее с каждым шагом становится.
Ослабшего дьявола, черного силача
Вскидывает он себе на плеча,
В оборот берет,
В обхват берет,
Веревки он из дьявола вьет.
Под крепкими под мышками сильно жмет,
И наконец, вселенную сотрясая,
На твердую землю его бросает.

С хлестом и стоном,
Как кедр подрубленный,
Брякнулся о землю дьявол погубленный.
Всеми позвонками
Хрястнулось о землю черное тело.
Земля жесткая, каменная,
Долго еще гудела.

В это время в походной пыли,
Воины, разделенные на три отряда,
К Абаю Гэсэру с трех сторон подошли,
Каждый отряд сделал, что надо.

Воины первого доблестного отряда
Крылатых баторов Лобсоголда
Преследовали долго, ибо баторы крылатые
Избегали открытого боя.
Вокруг молодой безгрешной земли
Трижды все они пробежали,
Вокруг юной нежной земли
Четырежды они проскакали.
Хотели крылатые воины
Подняться все как один.
К сорока четверем властелинам достойным,
Сорока четырех восточных небесных долин.
Но одиннадцать славных баторов,
Но сто одиннадцать доблестных воевод,
Но тысяча сто одиннадцать оруженосцев-гвардейцев
Вовремя разгадали этот ход
И опередили их действия.
Свои стрелы

Они в крылатых баторов пустили
И всех четырех насквозь прострелили.
Теперь,
Потрудившись здорово,
Привезли они Гэсэру их головы.

Был послан второй гвардейский отряд
Не с баторами на жестокий бой,
А поймать одну за другой подряд
Трех сестер колдующих – Енхобой.
Гвардейцы всех трех сестер поймали,
Железом их головы оковали,
И, между собой не споря,
Сбросили их в мутное море.

Третий отряд воинства славного,
Провоевав от утра до утра,
Истребил войска черного дьявола,
Кишащие, как мошкара.

Теперь все три боевых отряда,
Сделав все, что им было надо,
Непобедимых врагов победившие,
Непереваливаемый перевал перевалившие,
Заднее наперед загнувшие,
Переднее назад заворотившие,
Неломаемое сломавшие,
Непугаемое спугнувшие
Пришли к Гэсэру и доложили,
Что всех врагов они победили.

В это время Абай Гэсэр
Дьявола черного добивает,
Измочалил его совсем,
Кости ему ломает,
Берцовые кости
Выдернет и отбросит,
Бедренные кости
Выдернет и отбросит.
Но в это время
Своим особенным знанием,
Особенным умом,
Золотой своей головой
Оценил и понял свои деяния
Абай Гэсэр хан Удалой.
Он понял, что дьявола Лобсогодоя
До конца убивать нельзя,
Что черта с кудлатой его головою
Жизни лишать нельзя.

Что вследствие этих действий
На землю обрушатся бедствия.
Реки и родники пересохнут,
Завянет трава, стада передохнут.

Поэтому,
Верещащего, как козленок,
Поэтому,
Брыкающегося, как связанный жеребенок,
Лобсогодоя, дьявола страшного,
Избитым, изорванным ставшего,
Положил на землю Абай Гэсэр Удалой
И придавил сначала скалой.
После этого
Южную великую гору
Он перетащил и на грудь
Лобсогодю поставил.
После этого
Северную великую гору
Он перетащил и на задницу Лобсогодю поставил.
После этого
Бешеного земного силача и батора
С булатным мечом в изголовье поставил,
Сторожить Лобсогодоя заставил.
После этого
Глупого небесного силача и батора
С тяжелым молотом возле ног поставил,
Сторожить Лобсогодоя заставил.

После этого
Заговорные слова произносит,
У великих небожителей просит:
«Веки вечные пусть дьявол здесь лежит,
Время пусть мимо него бежит,
Черный ворон над ним постоянно кружит.
В летнюю пору
Пусть копыта его дробят,
В зимнюю пору
Пусть полозья саней скрипят.
Пусть исшаркивается он, измельчается,
Эта казнь его пусть не кончается».
– Теперь, – говорит Гэсэр, —
Если дьявол сам не ушел от меня,
Нужно убить его коня.

Приводит он коня железно-синего
Рукою правой, рукою сильной,
Словно каменной скалой, его по лбу бьет,
С хозяином рядом коня кладет.

Потник волосяной дырявый
На мелкие клочья он изорвал,
Седло большое, но деревянное,
Ногами он истоптал.

Так покончено было на веки вечные
С хитрым, страшным, бесчеловечным,
Грозящим земле и людям бедою
Лойром Черным Лобсогодоем,
Происшедшим из зада Атай-Улана,
Погибшего от меча Хурмаса, великого Хана,
Атая-Улана победившего,
На семь частей его разрубившего,
По земле разбросавшего эти части,
Жителям земли на большие несчастья.
Если не был бы спущен
На землю
Абай Гэсэр для решительных действий,
Все народы давно бы погибли от бедствий,
Все живое на земле давно бы погибло,
Превратилась бы земля в большую могилу.
Вот почему народы по-праву
Поют Гэсэру громкую славу.

Итак,
Черный дьявол Лобсогодой
Лежать побежденным в пустыне оставлен,
Несдвигаемой тяжелой скалой
И двумя горами придавлен.
С утренним солнцем
Молодость к нему возвращается,
С вечерним солнцем
В старца он превращается.
Темной ночью
Чуть живой лежит, трепыхается.
Два батора,
Которые его сторожат,
В утреннюю пору
От страха дрожат.
В вечернюю пору
От смеха лежат.
В ночную пору
Спокойно спят.
Так говорят.

Если голову Лобсогодой приподнимает,
То бешеный силач меч вынимает.
Вынимает он свой булатный меч,
Заставляет Лобсогодоя на место лечь.

А глупый силач, что в ногах стоит
И дьявола с молотом сторожит,
По голове, как по котлу чугунному, бьет,
Лобсоголдою-дьяволу привстать не дает.

Непобедимого победивший,
Непереваливаемое переваливший,
Заднее наперед загнувший,
Переднее назад заворотивший,
Неломаемое сломавший,
Непугаемое спугнувший
Абай Гэсэр хан Удалой
Все воинство ведет за собой.
Славные баторы,
Умелые воеводы,
Ловкие оруженосцы
За Абаем Гэсэром послушно пошли,
Видят: среди долины просторной
Большой дворец показался вдали.

Дворец без окон,
Черный, как уголь,
Железом окован
Каждый угол.
Подъезжает Гэсэр к этому зданию,
Окованному железом со всех сторон
И тут состоялось у него свидание
С солнцеподобной Урмай-Гоохон.
За белые руки жену он взял,
В правую щеку поцеловал.
Из неволи Урмай-Гоохон освободилась,
Обняла Гэсэра и прослезилась.

Из дворца Лобсоголдоя, ярости полон,
Абай Гэсэр на улицу вышел.
Все что было крышей, сделал он полом,
Все что было полом, сделал он крышей.
Наизнанку он все тут вывернул,
Всю траву вокруг он повыдергал,
Родники он перебаламутил,
Были светлыми, стали мутью.
Серебро белое и красное золото,
Что было Гэсэром захвачено, добыто,
На телеги ящиками грузили
И в свои края увозили.
Всех телят, что в горах паслись,
Гэсэр с собой в дорогу забрал.
Табуны, что в степи носились,
Впереди себя он погнал.

На долину мгла опустилась,
Жизнь в долине остановилась,
Там, где жизнь текла говорливо,
Расплодилась теперь крапива.
Всюду пни торчат, как зазубрины,
Не заходят сюда изюбри.
Даже лоси тех мест избегают,
Даже птицы их облетают.
На одном только старом дереве
Там остался сидеть ворон древний,
Чтобы карканьем он пугал леса,
Да еще одна хромая лиса
Все вынюхивает там что-то, бегаёт,
А убить ее там уж некому...

Абай Гэсэр Удалой
С Урмай-Гоохон, солнцеподобной женой,
Отправились на конях к себе домой,
Ведя все воинство за собой.
По равнине едут
Во всю ширину,
По долине едут
Во всю длину.
А в долине не помещаются,
По горам скакать ухитряются.
Как ни длинна река,
Но до моря все равно добирается,
Как дорога ни далека,
Но цель все равно приближается.
Подъезжают они к долине Моорэн,
Подъезжают к морю Мухнэ-Манзан,
Где живет во дворце среди прочных стен
Предводитель их Абай Гэсэр хан.
Приезжают они к воде,
Которую в детстве пили.
Приезжают они к земле,
Которую с детства любили.
Где глаза впервые открыли,
Где счастливыми были.

Пусть морские волны шумят-шуршат,
Победных криков не заглушат.
Пусть великое море колышется,
А победные крики слышатся.
Пусть свинцовое море о скалы бьется,
А победная песня поется.
Пусть бурлит, гремит море серое,
Не заглушить ему славы Гэсэровой.

Перевод Владимира Солоухина.

Ветвь девятая

Поражение трёх шарагольских ханов

Девять ветвей у священного дерева,
На каждой ветви свеча горит.
Девять сказаний древних,
Каждое о доблести говорит.
Бобра,
Что драгоценнее всех зверей,
Почему не добыть, пустив стрелу?
Великому роду богатырей
Почему не воздать хвалу?

Абай Гэсэр силу злую, черную
В жестоком бою победил, сокрушил,
Возвратился на землю свою просторную,
Где маленьким бегал, где с детства жил.
Возвратил
Из неволи он
И красное солнышко
Урмай Гоохон.
В это время
Живущий в долине Сагаанты,
Имеющий солово-белого коня,
Имеющий седовласо-белую голову,
Имеющий светло-белые мысли,
Имеющий ясно-белые желанья,
Имеющий книгу белых законов,
Имеющий бело-облачные дороги,
Всем доволен, удовлетворен,
Дядя Гэсэра Саргал-Ноен,
В золотые барабаны бьет,
Северный народ собирает.
В серебряные барабаны бьет,
Южный народ собирает.
С двумя младшими братьями властными,
С двумя невестками юными, прекрасными,
На концах десяти пальцев золотые свечи воскуривают,
На концах двадцати пальцев серебряные свечи возжигают.
Силу черную победившего,
Жену домой возвратившего,
Удачливо-счастливого Гэсэра встречают.
Со всеми его баторами,
Со всеми военачальниками,
Со всеми оруженосцами
Гэсэра они величают.

От долины Хара-Далая
Вширь и вдаль вся страна родная.
Великое море синее,тся,
Ходит белыми волнами.
Долина Хатан виднеется,
Цветущими травами полная.
Леса, как шкура бобровая,
Под солнцем переливаются.
Лежит вся земля, как новая,
Реки по ней извиваются.
Лежит земля Булжамурта,
Встречает светлое утро.
Золотые столы накрываются.
Яства редкие расставляются.
Серебряные столы расстилаются,
Напитки крепкие появляются.
Напитки измеряются
Озерами да прудами.
Еда измеряется
Пригорками да холмами.
Мясо-масло горой лежит,
Арза-хорза рекой бежит.

Угощаясь яствами разными,
Друг друга люди целуют,
Восемь дней они празднуют,
Девять дней они пируют.
На десятый день опохмеляются,
По своим домам разъезжаются.

Остается Абай Гэсэр с тремя молодыми женами,
Всем довольными, убаженными.
У себя во дворце Гэсэр прохлаждается,
Тишиной и счастьем он наслаждается.
Однако
Все мышцы его без дела вялыми стали.
Однако
Руки его без дела как бы устали,
Просит тело действия и движенья.
Охоты, если уж не сраженья.
Приказал Гэсэр к началу нового дня
Приготовить Бэлыгэна, гнедого коня,
С костями прочными, с ногами тонкими,
С упругой спиной, с копытами звонкими.
Отложил Гэсэр все дела и заботы.
Решил отправиться на охоту.
Проскакать
По тринадцати алтайским склонам.
Северной стороны держась.

Проскакать
По двадцати трем саянским склонам,
Южной стороны держась.
Промчатся там, где шумит тайга,
Называемая Хуха.

В это время
Скинутого Ханом Хурмасом с высоких небес
Вниз, на землю, в таежный лес
Атая-Улана три крепких сына,
Захватившие на востоке желтую долину,
На берегу восточного желтого моря
Жили себе без нужды и без горя.
Находился в их владении обширнейший край.
А звалось троеханство – Шарадай.

Первым из трех Шарадаев
Был хан Сагаал-Гэрэл,
Многочисленных подданных он имел.
Надо было табун белогривый взять,
Волосы тщательно пересчитать
В косматых гривах у лошадей,
Вот сколько было у хана людей.

Вторым из трех Шарадаев
Был хан Шара-Гэрэл,
Бесчисленных подданных он имел.
Надо было табун соловый взять.
Волосы тщательно пересчитать
В хвостах и в гривах у всех лошадей,
Вот сколько было у хана людей.

Третьим из трех Шарадаев
Был хан Хара-Гэрэл,
Бесчисленнейших подданных он имел.
Надо было – вороной и серый – два табуна взять.
Волосы тщательно пересчитать
В хвостах и в гривах у всех лошадей,
Вот сколько было у хана людей.

В это время
Старший хан Сагаал-Гэрэл,
Который вместе с братьями желтой долиной владел,
Который многочисленных подданных имел.
Надумал своего старшего сына женить.
Чтобы не оборвалась родословная нить.
Призывает он к себе сороку чернохвостую.
Призывает он к себе сороку пеструю.
Сороку ловкую, сороку хитрую,

Все умеющую повсюду высмотреть.
Посылает он ее в чужедальние страны,
Чтобы летала она беспрестанно.
Чтобы выискала она невесту самую лучшую.
Царевну самую выдающуюся,
Со щеками румяными,
Со щеками алыми,
С глазами, как звезды.
С губами-кораллами.
Чтобы можно было ее сравнить с луной,
Чтобы можно было ее сравнить и с солнцем...
Сорока пестрая над землей,
Вниз поглядывая, несется.
Молодую свежую землю
Трижды она облетает,
Юную нежную землю
Четырежды она облетает.
Но не видит она невесты
Со щеками алыми,
Не видит она невесты
С губами-кораллами,
С глазами,
Как звезды горящими,
С зубами,
Как снег слепящими.
Чтобы можно было ее сравнить с луной.
Чтобы можно было ее сравнить и с солнцем.
Сорока пестрая над землей
Дальше несется.

Подлетает сорока к долине Моорэн,
Подлетает она к долине Хатан.
Где живет во дворце, среди крепких стен,
Абай Гэсэр богатырь и хан.
Летает она над белоснежным дворцом.
Летает она над серебристым крыльцом.
Летает она то ниже, то выше.
Вдруг видит – словно солнышко вышло.
Словно месяц выплыл на небосклон.
То появилась царица Урмай-Гоохон.
Ступила она на серебряное крыльцо,
Показала миру свое лицо.
Прекрасна Урмай-Гоохон, без изъяна,
Щеки у нее, как заря румяны.
Губы у нее свежи и алы,
Не сравнятся с ними никакие кораллы.
Правой щекой своей она солнце затмила,
Левой щекой своей она месяц затмила.
Глаза, как звезды сверкают ясно,

Свет разливается от белого тела,
Рассветная заря на востоке погасла,
Закатная заря на западе потускнела.
Сиянье месяца струит направо,
Налево струится сиянье солнца,
Радуются утру цветы и травы,
Радуются утру люди и овцы.
Прячется в норы ночная тень,
И в степь и в горы приходит день.
Сорока-сплетница чернохвостая,
Сорока-разведчица, полосато-пестрая,
Сорока ловкая, сорока хитрая.
Сорока, посланная невесту высмотреть.
Увидев Урмай-Гоохон, даже дышать перестала,
Так Урмай-Гоохон красотой блистала.

Летала сорока вокруг красавицы,
Пока со счету не сбилась,
Разглядывала она красавицу,
Пока сознанием не помутилась.
Оглядывала она ее, не смущаясь,
Помня старшего хана напутствие.
Пока мысли ее все не смешались,
Все понятия не перепутались.

В это время,
Живущий в долине Сагаанты,
Имеющий солово-белого коня,
Имеющий седовласо-белую голову,
Имеющий светло-белые мысли,
Имеющий ясно-белые желанья,
Имеющий книгу белых законов,
Имеющий бело-облачные дороги,
Бело-белой мудростью убелен,
Дядя Гэсэра Саргал-Ноен
Особенным знанием про все узнал,
Умом углубленным, во все проник.
Тридцать трех баторов к себе позвал
И голосом строгим напустился на них.
Он прикрикнул на них, на каждого: —
Лежебоки вы или стражники?
Летает над дворцом
Сорока чернохвостая,
Кружится над крыльцом
Сорока полосато-пестрая.
Откуда она сюда прилетела?
Какое ей нашлось тут дело?
Зачем она кружится тут без времени,
Какого она роду племени?

Какие у нее тут цели-задачи?
Что ее появление значит?

Похоже, что эта сорока сплетница,
Похоже, что она и разведчица.
Хочет она тут что-то выведать,
На чистую воду разбойницу выведите.
Возьмите-ка вы, баторы, в руки
Свои меткие, желтые луки,
Чтобы виноватыми вам потом не быть.
Сороку эту лучше убить,
Чтобы потом самих себя не стыдиться,
Сбейте вы стрелой поганую птицу.
Отвечают баторы Ноену белому: —
Сорока летает – большое дело!
Птичье дело, – говорят баторы,—
В небе летать.
Рыбье дело, – говорят баторы,—
В воде шнырять.
Низко ли сорока летает, высоко ли,
Не пристало баторам сражаться с сороками.
Надоедаешь ты нам мелочами,
Не бежать ли уж нам за копьями, за мечами?
Сорока летает – большое дело!
Да к тому же вон она – улетела.

А и правда,
Сорока чернохвостая,
Черноклювая, полосато-пестрая,
Сорока, тараторка и сплетница.
Сорока, подсланная разведчица,
Сорока коварная, сорока хитрая,
Все что надо ей было высмотрела
И полетела восвояси к востоку.
Прозевали баторы сороку.

Как ни длинна река,
А до моря все равно добирается.
Как земля ни велика.
А цель все равно приближается.
Летела сорока дорогой длинной
И прилетела к желтой долине,
Где находилось троеханство – обширный край,
А звалось троеханство Шарадай.
Властелины этого края
Под названьем Шарадая
Были братьями, ханами явными,
А на деле – черными дьяволами.
До их владений сорока долетела

И на воротах владений села.

В это время
Первый хан Сагаал-Гэрэл,
Что сына своего оженить захотел,
Увидел сороку, увидел вестницу,
Увидел разведчицу, увидел сплетницу.
Он встречает ее как сватью,
Начинает к столу ее звать он,
По обычаю – ей почет,
Мясо – дымится, вино – течет.
Сорока полосато-пестрая,
Своим клювом черным и острым
Хорошо попила и поела,
Переходит сорока к делу.
Клюв о перышки вытирает,
И рассказывать начинает
О том, как летала она беспрестанно,
Озирая сверху чужедальные страны.
Как выискивала она невесту самую лучшую,
Царевну самую выдающуюся.
Со щеками румяными,
Со щеками алыми,
С глазами, как звезды,
С губами-кораллами.
Молодую свежую землю
Трижды она облетела,
Юную нежную землю
Четырежды облетела.
Но не увидела она невесты
Со щеками алыми,
Не обнаружила она невесты
С губами-кораллами,
С глазами,
Как звезды горящими,
С зубами,
Как снег слепящими.
Прилетела сорока к долине Моорэн,
Прилетела она к долине Хатан,
Где живет во дворце, среди прочных стен
Абай Гэсэр, богатырь и хан.
Летала она над белоснежным дворцом,
Летала она над серебристым крыльцом,
Летала она то ниже, то выше,
Вдруг, словно солнышко вышло.
Словно месяц выплыл на небосклон,
То появилась царица Урмай-Гоохон.
Ступила на серебряное крыльцо,
Показала миру свое лицо.

Прекрасная Урмай-Гоохон, без изъяна,
Щеки у нее, как заря румяны,
Губы у нее свежи и алы,
Не сравнятся с ними никакие кораллы.
Правой щекой своей
Она солнце затмила,
Левой щекой своей
Она месяц затмила.
Глаза, как звезды, сверкают ясно,
Свет разливается от белого тела,
Утренняя заря на востоке – погасла,
Вечерняя заря на западе – потускнела.
Как увидела я ее – дышать перестала,
Так Урмай-Гоохон красотой блистала.
Летала я летала вокруг красавицы,
Пока со счету не сбилась,
Разглядывала я красавицу,
Пока сознание не помутилось,
Всматривалась я в нее до помрачения ума,
Не знаю как жива осталась сама.
В это время
Дядя Гэсэра Саргал-Ноён,
Сединами мудрыми убелен,
Особенным знанием про все узнал,
Тридцать трех баторов к себе позвал.
Он прикрикнул на них, на каждого:
– Лежебоки вы или стражники?
Летает над дворцом
Сорока чернохвостая,
Кружится над крыльцом
Сорока полосато-пестрая,
Откуда она сюда прилетела?
Какое ей нашлось тут дело?
Похоже,
Что эта сорока сплетница,
Похоже,
Что она и разведчица.
Хочет она тут что-то выведать,
На чистую воду разбойницу выведите,
Чтобы потом самих себя не стыдиться,
Сбейте вы стрелой поганую птицу.
Но баторы оказались беспечными,
Пропустили мимо ушей эти речи они.
Птичье дело, говорят,
В небе летать.
Рыбье дело, говорят,
В воде шнырять.
С сороками, говорят, воевать – не наше дело,
Так ответили баторы Ноену белому.

А я, услышав Ноёна слова,
Вверх вспорхнула и была такова.

Три брата,
Считавшихся ханами явными,
А на самом деле
Три черных дьявола,
Пославшие пеструю сороку-сплетницу
В страны дальние, как разведчицу,
Высмотреть далекое, высмотреть близкое,
Проверить высокое, проверить низкое.
Найти невесту самую лучшую,
Царицу самую выдающуюся,
Со щеками румяными,
С губами-кораллами,
С глазами,
Как звезды горящими,
С зубами,
Как снег слепящими.
Они выслушали старательно
Сороку-сплетницу,
Они выслушали внимательно
Свою разведчицу.
Поняли, что говорит она правду.
Вестям таким они рады.
Однако напали на них сомненья,
Не принимают они никакого решения.
Переговариваются они, рассуждают,
Все услышанное обсуждают:
– Много нам сорока настрекотала,
Да толку от этого мало.
Много она напророчила
От ума своего сорочьего,
Но ведь взяться-то мы хотим
За то, за что взяться нельзя.
Но ведь напасть-то мы хотим
На кого нападать нельзя.
На ненападаемое не нападают,
Нерешаемое не решают.
Разговаривают ханы медлительно,
Говорят они все по очереди:

– Пусть красавица восхитительна,
Но добыть ее трудно очень...
Между тем
Сын старшего хана молодец и батор,
Из-за которого разгорелся этот сыр-бор,
Которого надумал отец женить,
Дабы не оборвалась родословная нить,

Решился счастья сам попытать,
И невесту своим путем поискать.
Выкликнул он громко на четыре стороны
Имя иссиня-черного ворона,
Того ворона он имя выкликнул,
Который только что оба глаза у падали выключнул.
Говорит он этому ворону: —
Полетай на чужую сторону,
Молодую гладкую землю
Ты трижды вокруг облети.
Юную плавную землю
Ты четырежды облети.
Выгляди мне такую невесту,
Чтобы глядя на нее, не стронуться с места.
Чтобы щеки у нее были горячие,
Чтобы губы у нее были нежные,
Чтобы глаза у нее были горящие,
Чтобы зубы у нее были белоснежные,
Чтобы движения ее были быстры,
Чтобы взглядом она метала искры,
Чтобы не было во всей вселенной
Красавицы столь же совершенной.
Ворон,
Имя которого было громко выкликнуто,
Ворон,
Которым два глаза было выключено,
Иссиня-черный обжора-ворон
Полетел в чужедальнюю сторону.
Через тринадцать горных хребтов он летит,
Зорко вниз на землю глядит.
Через двадцать три хребта он летит,
Пристально на землю глядит.
Из стороны в сторону он бросается,
Нигде не видит красавицы,
Чтобы щеки у нее были горячие,
Чтобы губы у нее были нежные,
Чтобы глаза у нее были горящие,
Чтобы зубы у нее были белоснежные,
Чтобы движения ее были быстры,
Чтобы взглядом она метала искры,
Чтобы не было во всей вселенной
Красавицы столь же совершенной.
Наконец,
Прилетает ворон в долину Моорэн,
Прилетает ворон в долину Хатан,
Где живет во дворце, среди крепких стен,
Абай Гэсэр, богатырь и хан.
Но не стал он летать
Над белоснежным дворцом,

Не стал он витать
Над серебристым крыльцом.
А стал он жадно пададь клевать,
Стал он голод свой утолять.

В это время
Дядя Гэсэра Саргал-Ноен,
Сединами мудрыми убелен,
Особенным знаньем про все узнал.
Тридцать трех баторов к себе позвал.
Он прикрикнул на них на каждого:
– Лежебоки вы или стражники?
Два крыла широко простирая,
Нашу землю всю озирая,
Летает над нашей землей ворон,
Сдается мне, он не друг, а враг.
Замыслы черные он таит,
Что-то выведать норовит.
Он клюет сейчас тухлую пададь,
Но проверить его не надо ль?
Вы, баторы, луки возьмите,
Ворона черного застрелите.
Но баторы оказались беспечными,
Пропустили мимо ушей эти речи они.
– Птичье дело, – говорят, —
В небе летать,
Дело ворона, – говорят, —
Пададь клевать.
С птицами воевать – не наше дело, —
Так ответили баторы Ноёну белому.

А ворон, наслушавшись этих слов,
Будучи от природы умен и толков,
Крылами взмахнул и был таков.
Полетел он назад, к востоку,
Чтоб на место вернуться к сроку.

Как ни длинна река,
Но до моря все равно добирается,
Как земля ни велика,
Но цель все равно приближается.
Летел ворон дорогой длинной
И прилетел он к желтой долине,
До владений трех ханов он долетел,
И на ворота владений сел.
В это время
Старшего хана сын Эрхэ-Тайжа,
Все на небо поглядывал, о невесте тужа.
Увидел он, что иссиня-черный ворон,

Который был послан на чужедальнюю сторону,
Ворон к падали тухлой привыкший,
Ворон два глаза у падали выклевавший,
Уже давно на воротах сидит,
Уже давно на него глядит.

Принял Эрхэ-Тайжа его как свата,
Угостил его, как гостя, вкусно и сладко.
И хоть не сажал он за стол его.
Дал ему на расклеванье бычьей голову.
Тут пришли и три старшие хана
Послушать рассказ про дальние страны.
Ворон
Из головы, которую Эрхэ-Тайжа ему выкинул,
Оба глаза сначала выключил,
А потом и повел без лишних прикрас
О дальних странах свой рассказ.
О том,
Как молодую округлую землю
Он трижды вокруг облетел.
О том,
Как юную плавную землю
Он четырежды облетел.
О том,
Как в далекой долине Моорэн,
О том,
Как в далекой долине Хатан,
Где живет во дворце, среди крепких стен,
Абай Гэсэр, богатырь и хан,
Есть царица Урмай-Гоохон.
Но лично ее не видел он,
Потому что с дороги был очень голоден,
И к наблюденью терпеливому был не годен.
Стал он падаля жадно клевать,
Стал он голод свой утолять.
Но в том краю богатом и золотом,
И стар и мал говорит о том,
Что такой красавицы совершенной
Больше нету во всей вселенной,
Румяней ее и нежнее нет,
Ее мысли струятся, как лунный свет,
Ее добрые чувства такой красоты,
Как весной расцветающие цветы.

Выслушали ханы ворона-птицу,
Своими мыслями стали делиться.
Стали думать, где ложь, где правда,
И решили, что все тут проверить надо,
Нельзя доверять ни сороке вздорной,

Ни этому ворону иссиня-черному.
Решили они,
Владея большим волшебством,
Решили они,
Владея большим колдовством,
Сотворить особую птицу чудную,
Чтобы поручить ей задачу трудную.
В далекую страну ту слетать,
О небывалой красавице всю правду узнать.
Чтобы птица эта свечой взвилась,
Чтобы птица эта Дэбэн звалась.
Старший хан Сагаан-Гэрэл
Для птицы этой под названьем Дэбэн,
Голову отчеканил из белого серебра.
Средний хан Шара-Гэрэл
Для птицы этой под названьем Дэбэн,
Туловище отлил из желтого золота.
Младший хан Хара-Гэрэл
Для птицы этой под названьем Дэбэн,
Крылья выковал из черного железа.
Но была эта птица до тех пор бесполезной.
Пока ханский сын Эрхэ-Тайжа,
Этой птицей больше других дорожа,
Добавил ей мяса, костей и жил,
А потом живую душу вложил.
Вдохнул он живую душу в птицу,
Чтобы могла она вверх и вдаль стремиться.
Сумев сотворить ее и оживить,
Начали ханы птицу кормить.
Мясо быка, отделив от костей,
Дали ханы сначала ей.
Птица клюв один разок раскрыла,
И все что дадено, проглотила.
Мясо взрослого жеребца, отделив от костей,
После этого дали ханы ей.
Птица клюв два раза раскрыла
И все что подано, проглотила.
Мясо большого верблюда, отделив от костей,
На третий раз предложили ей.
Птица клюв три раза раскрыла,
И все до крошечки проглотила.
Понравилась птице мясная еда,
Насытилась птица едва-едва.
Накормив таким образом птицу мясом,
Подступают ханы к птице с наказом,
Чтобы
Молодую круглую землю
Трижды она облетела.
Чтобы

Южную гладкую землю
Четырежды облетела.
Чтобы
Нежную ровную землю
С высоты она оглядела.
Пусть найдет она такую невесту,
Чтобы глядя на нее, не сдвинуться с места,
Чтобы не было во всей вселенной
Невесты более совершенной.
Чтобы щеки и губы были нежны,
Чтобы мысли струились, как свет луны,
Чтобы чувства были такой красоты,
Как весной распускающиеся цветы.
Чтоб движенья ее были быстры,
Чтоб глаза ее рассыпали искры,
Чтобы тело с вечера у неё светилось,
Чтобы в жены царевичу она годилась.
Таким наказом ханы птицу снабдили,
С таким наказом в путь ее проводили.

Огромная птица, что Дэбэном звалась,
Расправила крылья и в небо взвилась.
Загораживая крыльями и луну и солнце,
Над землей огромная птица несется.
Трижды круглую землю она облетает,
По пути всех прочих птиц истребляет,
Истребляя клювом их и когтями,
Пролетает над сушей и над морями.
Но перелетая быстро с места на место,
Не видит она нигде подходящей невесты.
Чтобы щеки и губы были нежны,
Чтобы мысли струились, как свет луны,
Чтобы чувства были такой красоты,
Как весной распускающиеся цветы,
Чтобы движенья ее были быстры,
Чтобы глаза ее рассыпали искры,
Чтобы тело с вечера у нее светилось,
Чтобы в жены царевичу она годилась,
Чтобы не было во всей вселенной
Невесты более совершенной.

Наконец,
Прилетает она в долину Моорэн,
Наконец,
Прибывает она в долину Хатан,
Где живет во дворце среди крепких стен,
Абай Гэсэр, богатырь и хан.

На большую лиственницу птица садится,

Лиственница под ней до земли клонится.
Лиственница под птицей сгибается,
Сучья под птицей ломаются.
Кое-как она все ж уселась,
И вокруг себя огляделась.

В это время
Под серебряной дворцовой крышей
Засияло, словно солнышко вышло,
Словно месяц выплыл на небосклон,
То появилась царица Урмай-Гоохон.
Ступила на серебряное крыльцо,
Показала миру свое лицо.
Прекрасная Урмай-Гоохон, без изъяна,
Щеки у нее как заря румяны,
Губы у нее свежи и алы,
Не сравнятся с ними никакие кораллы.
Правой щекой своей
Она солнце затмила,
Левой щекой своей
Она месяц затмила,
Глаза, как звезды, сверкают ясно,
Свет разливается от белого тела,
Утренняя заря на востоке погасла,
Вечерняя заря на западе потускнела.

Увидела ее птица и дышать перестала,
Так Урмай-Гоохон красотой блистала.
В это время
Дядя Гэсэра Саргал-Ноен,
Сединами мудрыми убелен,
Особенным знаньем про все узнал,
Тридцать трех баторов к себе позвал.
Упрекнул он баторов каждого:
– Лежебоки вы или стражники?
Когда во владения наши издалека
Полосато-пестрая прилетела сорока,
Если б погибла она от ваших стрел,
То черный ворон бы не прилетел.
Если бы ворона вы убили,
Сейчас бы спокойно и мирно жили.
Не прилетела бы сюда эта птица железная,
А задача ее пока неизвестна нам.
Но думаю, что прилетела она не с добром,
Гремя железно-черным пером.
Голова ее серебром сверкает,
Брюхо ее золотом светится.
Наши земли она озирает,
Не иначе она – разведчица.

Свои луки вы скорее, баторы, возьмите,
Серебряную голову ей прострелите,
Своих стрел каленых вы не жалеите,
Золотую грудь вы ее разбейте.
Поточнее стрелы свои пускайте,
По железным крыльям ее стреляйте.

Так кричит баторам Саргал-Ноен,
Сединами мудрыми убелен.
Но у баторов
Дрожат от испуга руки,
Но у баторов
Не натягиваются их луки.
Из колчанов не могут достать они стрелы,
Птица, между тем – улетела.
Полетела она, до воробья уменьшаясь,
Полетела она, в вошь превращаясь,
Полетела она,
Превращаясь в соринку,
Полетела она,
Превращаясь в пылинку.

В это время
Красавица Алма-Мэргэн,
Абая Гэсэра молодая жена,
Отложила пряжу свою с колен,
Которой в тот день занималась она.
Схватила она лук боевой,
– Жалко будет, – Алма-Мэргэн говорит,
– Если золотая птица с серебряной головой
Безнаказанно улетит.
Натянула свой лук Алма-Мэргэн
И вдогонку птице, пылинкой ставшей,
Вдогонку улетевшей птице Дэбэн,
Выпустила стрелу затрепетавшую.
От ее большого пальца
Стрела стремительность получила,
От ее указательного пальца
Стрела направленность получила.
Вверх скользя,
Восемь верхних сфер стрела пронзает,
Вниз скользя,
Восемь нижних сфер стрела пролетает.
Шуршит стрела,
Дребезжит стрела,
Но скрыли ее даль и мгла.
Говорит Алма-Мэргэн баторам сильным,
Говорит Алма-Мэргэн баторам смелым:
– Там, куда я стрелу пустила,

Что-то вроде бы зазвенело.
Вы коней своих оседлайте,
И когда наступит рассвет,
Вы скачите туда, узнайте,
Промахнулась я или нет.

Во всю прыть поскакали баторы,
Через лес, долины и горы.
В направленьи стрелы улетевшей,
Прошуршавшей и просвистевшей.
Мчат они без дороги прямо,
Через рытвины, через ямы.
Вдруг вдали на опушке леса
Увидали перо железное,
Значит, это перо стрела
Метко вышибла из крыла.

Утром, снова сюда приехав,
И людей захватив с собой,
На семидесяти телегах
То перо повезли домой.
Все телеги под ним скрипели,
Кони двигались еле-еле,
Надрывая свое нутро,
Вот какое то было перо.

В это время
Дядя Гэсэра Саргал-Ноен
Сединами мудрыми убелен,
Особенным знаньем наделен,
Тридцать трех баторов к себе призывает,
Тридцать трех баторов в беспечности упрекает.
Говорит он им,
Что Атая-Улана три крепких сына
Захватили на востоке большую долину,
На берегу восточного желтого моря
Живут они себе без нужды и без горя.
Находятся в их владении обширнейший край,
А зовется троеханство Шарайдалай.
А теперь эти три восточные хана
Встают на пути войны и обмана.
Встают они
На дорогу зависти, мщенья,
Встают они
На дорогу ненависти и разбоя,
Это по их коварному наущенью
Прилетела к нам птица с серебряной головою.
Была эта птица – сплетница,
Была эта птица – разведчица.

Выискивала она, над землей кружа,
Невесту для царевича Эрхэ-Тайжа.
Жаль, что промахнулась Алма-Мэргэн,
Стреляя в птицу ту Дэбэн,
Задела стрела лишь ее крыло,
Потеряла птица лишь одно перо.

Ну, а вы-то баторы,
Бойцы или бражники?
Лежебоки вы или стражники?
Когда Абай Гэсэр на охоте,
Слишком вы беспечно живете.
Больше всех я сам виноват,
Но стал, как видно, уж староват.
А теперь эта птица, без одного пера,
Уже долетела до реки Шара.
Парит она и сверкает,
В синем небе кружа.
Как ее приманить не знает
Царевич Эрхэ-Тайжа.

Он зарезал коня спозаранку —
На восемь пальцев подкожный жир.
Эту тушу он как приманку
На виду положил.
Туша жирная кровотоцит,
Аппетитный имея вид,
Но спускаться птица не хочет
В поднебесье она парит.
Эта птица с крылом покалеченным
Не желает конины красной,
А желает она человечины,
Бело-нежного, сладкого мяса.

Тогда взяв одного из подданных,
Перерезали горло-жилы,
На пригорок высокий подняли,
Так чтоб виден был, положили.
Манят птицу криками, знаками,
Поднимая гомон и свист.
Увидавши кусочек лакомый,
Стала птица спускаться вниз.
Вот уселась, клюнула метко,
Кровожадной алчбы полна,
Проклевавши грудную клетку,
Добралась до сердца она.
Ханы черные, Шарайдаи,
Те, что лакомство птице дали,
Смотрят, как она плоть клюет,

Кровь живую из сердца пьет.
А когда ее ублажили,
Накормили и напоили,
Посылавшаяся с наказом
Приступила птица к рассказу.

О том,
Как молодую круглую землю
Трижды она облетела.
О том,
Как юную гладкую землю
Четырежды облетела.
О том,
Как нежную ровную землю
С высоты она оглядела.
О том,
Как летала она беспрестанно,
Озирая сверху дальние страны,
Выискивая такую невесту,
Чтоб взглянув на нее, не сдвинуться с места,
Чтобы не было во всей вселенной
Невесты более совершенной.
Чтобы щеки и губы были нежны,
Чтобы мысли струились, как свет луны,
Чтобы чувства были такой красоты,
Как весной расцветающие цветы,
Чтоб движенья ее были быстры,
Чтоб глаза ее рассыпали искры,
Чтобы тело с вечера у нее светилось,
Чтобы в жены царевичу она годилась.
Но летая быстро с места на место,
Нигде не нашла она такой невесты.
Наконец,
Прилетела она в долину Моорэн,
Наконец,
Прибыла она в долину Хатан,
Где живет во дворце, среди крепких стен,
Абай Гэсэр богатырь и хан.
Жаворонки там с утра поют,
Ручейки там среди травы звенят,
Ключевую воду там люди пьют,
Выращивают ягнят и жеребят.
В благодатную страну Дэбэн прилетела,
На старую лиственницу опустилась,
Но не выдержала лиственница ее тела,
Согнулась лиственница и надломилась.
Но кое-как она все ж уселась
И вокруг себя огляделась.

В это время,
Словно солнце вышло на небосклон,
То появилась царица Урмай-Гоохон.
Ступила на серебряное крыльцо,
Показала миру свое лицо.
Глаза, как звезды, сверкают ясно,
Свет разливается от белого тела,
Утренняя заря на востоке погасла,
Вечерняя заря на западе потускнела,
Там, где плавно она шагает,
Трава зеленая вырастает.
Там, где гибко она идет,
Трава, как яркий ковер, цветет.
Увидев царевну, я дышать перестала,
Такой красотой она блистала.

В это время
Дядя Гэсэра Саргал-Ноен,
Сединами мудрыми убелен,
Особенным знаньем про все узнал,
Тридцать трех баторов к себе позвал,
Упрекнул он батора каждого:
– Лежебоки вы или стражники?
Полосато-пеструю сороку
Вы упустили,
Иссиня-черного ворона
Вы не убили,
А ведь были эти птицы сплетниками,
Были они разведчиками.
Теперь вот птица Дэбэн прилетела,
Все разнюхала, все разглядела.
Прилетела она не с добром,
Гремя железно-черным пером.
Голова ее серебром сверкает,
Брюхо ее золотом светится,
Наши земли она озирает,
Не иначе она – разведчица.
Свои луки вы скорее, баторы, возьмите,
Серебряную голову ей прострелите.
Своих стрел каленых вы не жалейте,
Золотую грудь вы ее разбейте.
Поточнее стрелы свои пускайте,
По железным крыльям ее стреляйте!

Но я, услышав такое дело,
Расправила крылья и улетела.
Летела я,
До воробья уменьшаясь,
Летела я,
В вошь превращаясь,

Летела я,
Превращаясь в соринку,
Летела я,
Превращаясь в пылинку.
В это время
Нашелся у них меткач-стрелок,
В соринку-пылинку он прицелиться смог,
Послал он мне вдогонку стрелу,
Царапнула стрела по моему крылу.
Очень крепкой была стрела,
Вышибла она перо из крыла.
Перо мое на землю упало...
А я, признаться, очень устала.
Пространство было слишком широкое,
Небо было слишком высокое,
Далеко я слишком летала,
И, признаться, очень устала.
Полечу я туда, где вечный холод,
Где море льдами тяжелыми сковано,
В ледовитом краю на три года усну,
В трехгодичном сне хорошо отдохну.

После этого
Крыльями она замахала,
В небо взвилась, из глаз пропала.
Полетела она повыше гор,
Полетела она пониже звезд,
Где лежит во тьме ледяной простор,
Где трещит во мгле костяной мороз.
Улетела черная птица Дэбэн,
Где океан лежит ледовит и бел,
А три хана Шарайдая призадумались,
Закручинились, пригорюнились.
Эта птица у нас всю скотину пожрет,
Эта птица у нас всех людей поклюет.
Полежит она там, сил наберется,
А жрать да клевать сюда вернется.
Опустошит она все наши уголья,
Если не справимся с ней сегодня.
Поручают Эрхэ-Тайжа почтенные ханы
Отправиться к Ледовитому океану,
Чтобы он справился с черной птицей Дэбэн.
Дают ему плетеный белый ремень,
Сжимающийся до четырех вершков,
Растягивающийся на тысячу шагов.
Этим белым ремнем плетеным
Надо сонную птицу связать-скрутить.
Птицу связанную и плененную,
Надо в черную воду под лед спустить.

Сагаан-Гэрэл хана сын Эрхэ-Тайжа
Ищет птицу, среди льдов кружа.
Ремень у него наготове в руке,
Но не видно птицы ни вблизи и ни вдалеке.
Наконец в краю, где живут морозы,
Где, как горы ледяные, торчат торосы,
Между двух торосов, как между стен,
Обнаружил он спящую птицу Дэбэн...

Ремнем,
Сжимающимся до четырех вершков,
Ремнем,
Удлиняющимся на тысячу шагов,
Своим белым ремнем плетеным
Он железную птицу связал-скрутил,
А потом ее, сонную и плененную,
В черную воду под лед спустил.
Спустил он ее на дно глубокого океана,
Как велели ему три старших хана.

После этого
Три хана, долиной желтой владеющие,
Шарайдаи,
Бесчисленных подданных имеющие,
Чтобы старшего сына Эрхэ-Тайжа женить,
Решили
Урмай-Гоохон солнцеликую,
Наидостойнейшую царицу,
Красотой несравненной блистающую,
Свет дневной затмевающую,
Захватить, отобрать, пленить.

Великое множество воинов
С севера они призвали,
Бессчетное множество воинов
На юге они собрали.
Поставлен был во главе войска
Хан Бирууза-Ноен,
Полководец доблестный и геройский,
Искусством воинским наделен.
Стал он готовиться тщательно,
Собираться он стал внимательно.

Направился он с войском к долине Моорэн,
Повел он воинов к долине Хатан,
Где жил во дворце, среди крепких стен,
Абай Гэсэр, богатырь и хан.
Движущимся воинам потерян счет,

Движущееся войско как река течет.
Передние воины травы мнут,
Задние воины по камням идут.

Из долины в долину войско идет,
А людям кажется, что лес растет.
Идет войско и не кончается,
А людям кажется – камыш качается.
Передвигается черное войско ползуче,
А людям кажется – движется туча.
Передвигается войско по горам,
А людям кажется, что буран.
Двинулось войско в наступление,
А людям кажется – наводнение.
Передвигается войско на холм с холма,
А людям кажется – ночь и тьма.

В это время
Тридцать три батора хана Гэсэра
Узнали про это дело.
Узнали, что из далеко-чуждого края,
Из долины Шара-далая,
Оттуда, где на крайне-чуждом востоке
Желтая река берет истоки,
Три хана ведут войска свои,
Кишащие, как в муравейнике муравьи,
Что
Движущимся воинам потерян счет,
Что
Движущееся войско как река течет,
Что
Передние воины травы мнут,
Что
Задние воины по камням идут,
Что
Из долины в долину войско идет,
А людям кажется, будто лес растет.
Что
Идет войско и не кончается,
А людям кажется – камыш качается.
Что
Передвигается войско ползуче,
А людям кажется – черная туча.
Что
Передвигается войско по горам,
А людям кажется – будто буран.
Что
Двинулось войско в наступление,
А людям кажется – наводнение.

Что

Двигается войско на холм с холма,
А людям кажется – ночь и тьма.

Узнали про все про это баторы,
Поднялись, не тратя время на сборы,
Выехали в поле врагов встречать,
Увидали с холма идущую рать.
Саргал-Ноен баторов ведет,
Саргал-Ноен на стремях привстает.
Саргал-Ноен, седовлас и сердит,
Из-под ладони вперед глядит.

Видит, что враги муравьями ползут,
Поднимает большой свой кнут.
– Все, – говорит, – что под кнутом помещается,
В конце концов побивается.
Но не помещаются вражеские войска
Под кнутом седовласого старика.
Тогда он лук боевой берет,
Через лук на войско смотрит вперед.
– Все, – говорит, – что в луке боевом помещается
В конце концов побивается.
Но не помещаются вражеские войска
В луке воина-старика.
Обращается Саргал-Ноен к баторам
С предупреждающим разговором:

– Вышли мы в поход, ждут нас бои,
Но будьте осторожны, дети мои.
Побивали мы всех,
Кто под кнутом помещается,
Побивали мы и тех,
Кто в излучине помещается,
Но войско, идущее против нас,
Ни кнутом, ни луком не измеряется.
Но
Тридцать три отважных батора
Не слушают мудрого разговора.
Словам Саргал-Ноена они не внимают,
Мечи из ножен они вынимают.
– Разве, – говорят, —
Времена года уже перемешались?
Разве, – говорят, —
Местами день и ночь поменялись?
Разве наши мечи уже затупились?
Разве мы ни разу с врагами не бились?
Или мечи наши не железны, не кованы?
Или враги наши от смерти заколдованы?

Пусть же слышится
Звон мечей!
Пусть же слышится
Хруст костей!
Каждый
Славу пусть себе добывает,
Каждый
С маху пусть врагов убивает.
С каждым махом
Пусть врагов убывает!

После этого
Сын Боолуура небожителя,
Батор Буйдан-Улаан
Первым бросился на вражеский стан.
Своего коня,
Пробегающего повыше гор,
Своего коня,
Пробегающего пониже звезд,
За правую сторону повода потянул,
По правому боку кнутом понукнул,
Мордой в сторону врагов повернул.
Мчится, скачет давя-разя,
Остановить его никак нельзя.
Выпустил он стрелу,
Из глаз исчезающую,
Выпустил он стрелу,
Без промаха поражающую.

Задела стрела
За тысячу людей,
Задела стрела
За тысячу лошадей.
Тысяча людей
Мертвыми полегли,
Тысяче лошадей
Не встать с земли.

После этого
Сын Заяна, небожителя,
Бургы-Шуумар батор
Поскакал на врагов во весь опор.
Своего гнедого коня,
Повыше земли пробегающего,
Своего тонконового коня,
Пониже солнца пролетающего,
За левую сторону повода потянул,
По левому крупу кнутом стегнул,
Мордой в сторону врагов повернул.

Врезался он в войска Шарадаев,
Рубит он их и давит.
Стрела им из лука пущена
В войско, в самую гущу.
Тысячу людей стрела поразила,
Тысячу лошадей стрела положила.

Третьим
Сын Ойодола, небожителя,
Батор Эржен-Шуумар
Поскакал нанести врагам удар.
Своего рассветно-синего коня,
Скачущего повыше ночи,
Своего светло-синего коня,
Скачущего пониже утра,
За правую сторону повода он потянул,
По правому гладкому крупу он стеганул,
В сторону вражеского войска повернул.
Наносит он врагам удары свои,
Враги вокруг, как в муравейнике муравьи.
Выпустил он стрелу звездно-белую,
Много его стрела всего наделала.
Тысячу воинов стрела истребила,
Тысячу лошадей стрела повалила.

Четвертым
Сын Будагры, небожителя,
Бала-Буулэн батор
Налетел на врагов, как ветер с гор.
Измерив все измеряемое,
Пересчитав все считаемое,
Направо рубит – налево глядит,
Налево рубит – направо глядит,
Все что видит он – разрубает,
Все что движется – истребляет.
Что приблизится – убивает.
Убитыми лежат – тысяча людей,
Вверх копытами лежат – тысяча лошадей.

Пятый,
С доброй славой живущий,
Очень метким стрелком слывущий,
Нээхэр-Эмшэн батор
Меч обнажил велик и остер.
От замахнувшегося на него,
Защищаясь,
От занесенного над ним,
Заслоняясь,
На остроту меча своего

Полагаясь,
Рубит врагов, как лес валит,
Режет врагов, как камыш косит.
Валяется тысяча убитых людей,
Валяется тысяча лошадей.

Шестой
Батор с особой желтой стрелой,
Пятнадцатилетний Эрхз-Манзан
На врагов налетел как ураган.
Умело
Кроваво-рыжего коня направляя,
Стрелы
С бухарского желтого лука пуская,
Тысячу шараханских воинов истребил,
Тысячу боевых лошадей убил.

За шестью баторами-воинами
Девять кузнецов
По одному
На поле битвы вступают,
Стрелы свои спокойно
Во вражеское войско пускают.
Каждая стрела убивает
Тысячу людей,
Каждая стрела поражает
Тысячу лошадей.
За кузнецами
Поспешают верхом
Девять баторов – раздувальщиков мехов.
За раздувальщиками-меховщиками
Следуют девять молотобойцев.
О силе их можно не беспокоиться,
Как махнет молотобоец рукой,
Тысяча человек – долой,
Как махнет молотобой другой,
Тысяча лошадей долой...

Но не уменьшается вражеское войско.
В завершение всего
Сам Саргал-Ноен,
Сединами мудрыми убелен,
Припав на гриву
Слоново-солового коня,
Скачет неторопливо, светлее дня.
С лука золотого, гибкого
Он хангайскую стрелу пустил,
Две тысячи воинов гибнут,
Две тысячи лошадей, как добычу он захватил.

Но овладевает им беспокойство:
Не уменьшается вражеское войско.

В это время
Хара-Зотан,
С черной душой, как известно, хан,
Оказался в поле вместе со всеми,
Кричит, задором и завистью обуян:
– Дайте-ка и мне немножечко посражаться,
Дайте-ка и мне немножечко пострелять,
Дайте-ка и мне за убегающими погнаться,
Дайте-ка и мне мечом помахать.

Садится он на стрельчато-синего жеребца,
Лук муравлено-черный закидывает за плечи.
Скачет с видом героя и молодца
В самую гущу сечи.
Увидел его Саргал-Ноен,
Сединами мудрыми убелен,
Вспомнил он проявившиеся когда-то
Коварство и хитрость младшего брата,
Вспомнил он его двоедушие,
Вспомнил все клятвы, им нарушенные,
Вспомнил его мстительность, его злобу,
Кричит баторам: «Смотрите в оба!
В припадке этой отваги и храбрости,
Как бы он нам же и не напакостил.
Душа его мелкая, душа его черная,
Смотрите за ним молодцы-батыры.
К своей лишь выгоде всегда он стремится,
Может, лучше не пускать его биться».

Загалдели дружно доблестные баторы,
Пошли у них споры, пошли раздоры.
Одни говорят: пусть идет и бьется,
Другие твердят: на месте пусть остается.
Продолжают баторы неустанно
Спорить и препираться,
А хану Хара-Зутану
Хочется посражаться.
Баторов он всячески умягчает,
Сражаться доблестно обещает.
Погоняет он стрельчато-синего жеребца,
Лук боевой закидывает за плечи,
Скачет с видом героя и молодца
В самую гущу сечи.

Но овладело им беспокойство,
Оказался он среди черного войска.

Огляделся – со всех сторон не свои,
Кишащие, как в муравейнике муравьи.
Вражеское войско идет,
Как лес растет,
Идет войско и не кончается,
Словно камыш качается.
Передвигается войско ползуче,
Как черная туча.
Передвигается войско по горам,
Будто дует буран.
Идут войска в наступленье,
Как наводнение.
Передвигается войско на холм с холма,
Будто – ночь и тьма.

Как увидел все это Хара-Зутан,
Чуть с лошади не упал,
– Ну, – думает двоедушный хан, —
Совсем я пропал. —
Сердце его стало
Биться и трепыхаться,
Ребра его стали
Гнуться и размягчаться.
Испугался Хара-Зутан очень,
Кое-как он дождался ночи,
Где уж тут сражаться с врагами,
Отсюда убраться бы поскорей.
Но чтобы не возвращаться с пустыми руками,
Решил угнать он сто лошадей.

Подполз, поводья перерезает,
Но среди ночи не знает он,
Что за ним внимательно наблюдает
Военачальник Бирууза-Ноен.
Думает Бирууза-Ноен: «Странно,
В темноте лошадей воровать,
Поступок, недостойный благородного хана,
Ведь не разбойник же он, не тать. —
Выбрал он двух хороших бойцов,
Дал он им двух выносливых жеребцов, —
Вора этого догоните,
И ко мне его приведите».

Удирает Хара-Зутан без оглядки,
Но погоня наступает на пятки.
С двух сторон его сжали плотно,
Бег коня его укоротили.
А потом вся эта охота
Потонула в облаке пыли.

Выпрыгнул Хара-Зутан из седла,
Голая степь вокруг была,
Чтобы спрятаться, чтобы скрыться,
Чтоб до времени притаиться,
Нет ни ямки, ни бугорка,
Спрятался Хара-Зутан в нору сурка.
Забился он в нору поглубже,
Ждет, чтобы не было хуже.
Баторы,
Что Хара-Зутана преследовали,
Голую степь вокруг обследуют,
Оглядели они нору тарбагана,
Догадались, что она – убежище хана.

Собрали они гнилушек, чтобы сильнее дымили,
У входа в нору костер разложили,
Начали они Хара-Зутана выкуривать,
Из глубокой норы вытуривать.
От дыма у Хара-Зутана глаза дерет,
Дым ему дышать не дает,
Забыл он свое достоинство, свое имя,
Жалким предстал перед врагами своими.
Предстал он
Вылезшим из черной дыры,
Предстал он
Вылезшим из грязной норы,
Предстал он
Не в славе, не в доблести,
А предстал он
Весь в саже и копоти.
Как только
Хара-Зутан из норы показался,
Батор больно
За седые волосы его взялся.
Другой за колени схватился тоже,
Вытащили они его на свет божий.
Раскачали они его, на землю бросили,
Хара-Зутан у них слезно просит:

– Вы, баторы, меня не губите,
Вы, баторы, меня спасите.—
Он в ногах у баторов ползает,
– Не хочу, – говорит, – погибать без пользы,
У животного убиваемого,
Кровь выливают.
Человеку умертвляемому,
Высказаться позволяют.

Поглядели баторы на того, кто в ногах лежит:

– Если высказаться хочешь – скажи.
– Видите, ползаю я у ваших ног,
Видите, пыль лижу я с ваших сапог.
Погибать без времени не хочу,
За спасенье вам отплачу.
Ведь бываю я во дворце, в котором
Живет Абай Гэсэр и его баторы,
Как свой, как родственник я бываю там,
Расскажу я вам много важных тайн,
Наших людей достоинство
В жертву я вам отдам,
Родного края спокойствие
К ногам положу я вам.

Абая Гэсэра, как водится,
Нет дома пока,
Уехал Гэсэр охотиться
На Алтай, где шумит тайга.
А его тридцать три батора
Без толку не лежат,
Родной стороны просторы
Всечасно они сторожат.
Никто не проскочит мимо,
Никто не войдет туда.
Баторы непобедимы
И даже неуязвимы.
Вот в чем ваша беда.
Вы батора пораните,
А кровь из него не льется.
Вы его топорами,
А он над вами смеется.
Меч булатный в бою сломается,
Батор ладонью рубит вместо меча,
У лука тетива обрывается,
Батор стреляет силой плеча.
Абая Гэсэра опора,
Их не сломать, не согнуть.
Нельзя победить баторов,
Но можно их обмануть.

Налетают они ураганом,
Стреляя, рубя на скаку.
Но вы их возьмете обманом
И в этом я вам помогу.
Если от вас живым я выйду,
А не сложу свою голову здесь —
Есть у меня кое-какие обиды,
Счеты кое-какие есть.
За кое-что отплачу им, за прежнее,

Узнают они характер мой.
Сто кляч мне дайте самых заезженных,
Я с этими клячами вернусь домой.
Расскажу я им, что вы в походе
Лошадей заездили, измотались сами,
Что вы поворачиваете и уходите
Со своими бесчисленными войсками,
Что наступает мирное время,
Что стрелы и луки уже не нужны.
Что можно вынуть ногу из стремени,
Можно мечи убрать в ножны.
Можно панцири снять и шлемы,
Коней на пастбище отпустить,
Будем гулять, веселиться все мы,
Будем настойки и вина пить.
Арза и хорза рекой польются,
И все могучие богатыри,
Так в конце-то концов напьются —
Голыми руками приходи и бери.

Как дети сделаются герои,
Приходите, вооружены от пят и до головы.
Я сам ворота для вас открою,
Всех баторов уничтожите вы.

Видите, ползаю я у ваших ног,
Пыль лижу я с ваших сапог,
Погибать без времени не хочу,
За спасение вам отплачу.

Баторы поднимают Хара-Зутана с брюха,
На котором ползал перед ними он,
Ведут его за два оттопыренных уха,
Где ждет их хан Бирууза-Ноен.
К восседающему Ноену строгому
Хитреца коварного привели,
За уши вниз его дергают,
Чтобы кланялся до земли.

Покорно Хара-Зутан кланяется
Восседающему хану огромному.
Все, что сделать намеревается,
Пересказывает подробно.
Как обманет он баторов, будто враги в походе,
Лошадей заморили, измотались сами,
Что поворачивают они и уходят
Со своими бесчисленными войсками.
Что наступило мирное время,
Что стрелы и луки уже не нужны,

Что можно вынуть ногу из стремени,
Можно мечи вложить в ножны.
Что панцири и шлемы снять нужно,
Коней на пастбище отпустить,
А самим гулять, веселиться дружно,
Крепкие настойки и вина пить.
Арза и хорза рекой польются,
Тогда все могучие богатыри
До того, в конце-то концов, напьются,
Голыми руками приходи и бери.
Беспомощными сделаются герои
Против вооруженных от пят и до головы,
Я сам ворота для вас открою,
Всех баторов уничтожите вы.
Так я баторам отплачу за прежнее,
Узнают баторы характер мой...
Только дайте сто кляч мне самых заезженных,
Я с этими клячами вернусь домой.

Однако
Мой брат Саргал-Ноен,
Сединами мудрыми убелен,
Может рассказням моим не поверить,
Захочет все по книге проверить.
Будет он
Священную желтую книгу листать,
Будет он
Священную желтую книгу читать.
Узнает он по книге, что не уходите вы,
А наоборот,
Стоите с войском у самых ворот.

Тогда вы седла задом наперед поверните,
Сами в седлах спиной вперед сидите.
Саргал-Ноен,
Хоть и мудр и седовлас,
Со спины, а не спереди увидев вас,
Подумает, что вы не на нас нападаете
А и вправду к себе домой уезжаете.

Хан Бирууза, восседающий и огромный,
Выслушал весь это план подробный.
Одобрительно он головой закивал
И своим приближенным так сказал: —
Этот план его вниманья достоин,
Хара-Зутан, как видно, опытный воин,
Хочет отплатить он баторам за прежнее,
Хочет показать им характер свой.
Дайте сто кляч ему самых заезженных,

Чтобы с этими клячами он вернулся домой.

Снабдили Хара-Зутана лошадьми усталыми,
С шерстью свалявшейся, с боками впалыми,
Лошадьми заезженными, лошадьми замороженными,
С шерстью вылезшей, запаленными,
С мордами до земли опущенными,
С ногами едва бредущими,
С губами вяло отвисшими,
С ушами уныло поникшими.
Набрали ему не сто коней,
А сто от бывших коней теней.
Ногами за землю они задевают,
А куда бредут и сами не знают.
Вот каких лошадей, ухмылку тая,
Привел Хара-Зутан в родные края.

Всем баторам и Саргалу-Ноену
Лошадей этих Хара-Зутан показывает,
Своим сородичам удивленным
Хитроумно и коварно рассказывает,
Что враги в тяжелом походе
Лошадей заморили, измотались сами,
Что они поворачивают и уходят
Со своими бесчисленными войсками,
Что винят они свои слабые руки,
Что винят они свои неметкие луки,
Все побросали на поле боя,
Ничего не берут с собою.

А для нас наступило мирное время,
Ни стрелы, ни луки уже не нужны,
Можно вынуть ногу из стремени,
Можно мечи вложить в ножны.
Можно панцири снять и шлемы,
Коней на пастбище отпустить.
Будем гулять, веселиться все мы,
Хорзу и арзу мы будем пить.

Тогда досточтимый Саргал-Ноен,
Сединами мудрыми убелен,
Выслушав внимательно Хара-Зутана
И, подумав, сказал: «Все это странно.
Шарайдаи, долиной Шара владеющие,
Мечту о победе над нами лелеющие,
Ханы,
Двери войны открывшие,
Ханы,
В наши края прибывшие

Со своими бесчисленными войсками,
Добровольно домой не вернутся сами.
Черную собаку с рысью не спутаешь,
А ты, Хара-Зутан, что-то путаешь».

Хара-Зутан обиделся, чуть не плачет:
– Если мои слова ничего не значат,
Открой священную желтую книгу,
Тогда всю правду узнаешь мигом.

Священную желтую книгу
Саргал-Ноен открывает,
Священную желтую книгу
Саргал-Ноен листает.
Всматривается он в ее страницы,
Показывает книга ему картины:
Вражеское войско вдали теснится,
Но видны у врагов одни лишь спины.
Как будто враги не нападают,
А, действительно, домой уезжают.

Ведь не знал он,
Что седла они задом наперед повернули,
Не догадался Саргал-Ноен,
Что враги его обманули.
После этого
Тридцать три батора
Пустились в громкие разговоры:

– Если наши враги в тяжелом походе
Лошадей заморили, измотались сами,
Если они поворачиваются и уходят
Со своими бесчисленными войсками,
Зачем же мы будем натягивать луки,
Зачем же мы будем мечами махать,
Не лучше ли взять нам чарки в руки,
А коней на пастбище – отдыхать.

Ведя подобные разговоры,
К Саргал-Ноену подступили баторы.
Седовласый и мудрый Саргал-Ноен
Разговорами этими удивлен.
В хангайской голове его брезжит прозренье,
В хангайской груди его – подозренье.
Крепко задумался Саргал-Ноен,
Не поймет он, что б это значило,
Большим удивлением он удивлен,
Задачей большой озадачен.

Мало ли что проглянуло с книжных страниц,
Человеческая злоба не имеет границ,
Коварству человеческому нет предела,
Недаром голова его поседела.
Сами себе мы творим судьбу,
Сами потом клянем судьбу.
Сами мы бываем во всем виноваты,
А валим вину на брата или на свата.

Но баторы не слушают мудреца,
Не хотят они мечами махать,
А хотят они, напившись винца,
Веселиться и отдыхать.
Шумя, не сдерживаемые никем,
Все тридцать три, молодец к молодцу,
Пошли они к ханше Алма-Мэргэн,
К ее серебряному крыльцу.
Пришли они к ханше шумной гурьбой,
Рассказывают ханше наперебой,
Что все враги в тяжелом походе
Лошадей заморили, измотались сами,
Коней поворачивают и уходят
Со всеми бесчисленными войсками.
Теперь можно панцири снять и шлемы,
Коней на пастбище отпустить,
Будем гулять, веселиться все мы,
Арзу и хорзу мы будем пить.

Теперь можно вынуть ногу из стремени,
Можно мечи вложить в ножны,
Для нас наступило мирное время,
Ни стрелы, ни луки уже не нужны.

Алма-Мэргэн на радостях золотые столы накрывает,
Яства редкие ставит,
Алма-Мэргэн для гостей серебряные столы расстилает
Напитки крепкие ставит.
Собирает она людей с юга,
Собирает она людей с севера,
Любимая жена и подруга
Великого хана Абая Гэсэра.

Мясо меряется пригорками,
Вина меряются прудами,
Вина сладкие рядом с горькими,
Всюду выставлены рядами.
Восемь суток гости пируют,
А веселье все не кончается.
Девять суток они пируют,

А веселье лишь начинается.

С каждым часом баторы хмелеют,
Бог весть что языками мелют,
У них головы тяжелеют,
У них руки-ноги немеют.
А от крепкого злого курева
Их мозги пеленает дурью.

В это время дядя Саргал-Ноен,
Сединами мудрыми убелен,
С речью к пьяницам обращается,
К мыслям давешним возвращается:

– Бесконечна людская злоба,
Вы, баторы, смотрите в оба!
Неужели вам пьянство нравится,
Вы бойцы или горькие пьяницы?
Подождите, остепенитесь,
Протрезвейте, остановитесь!

Но баторы черпают ведрами,
Да лопочут языками нетвердыми.
Над Ноеном они изголяются,
Под столами они валяются.
Шевелятся они еле-еле,
Окончательно одурели,
Спят вповалку богатыри,
Голыми руками приходи и бери.

Седовласый и мудрый Саргал-Ноен
Поведеньем воинов удивлен.
В хангайской голове его брезжит прозренье,
В хангайской груди его – подозренье.
Чует его сердце недоброе,
Видя пьяным войско хороброе.
Призывает он пятнадцатилетнего батора.
Смышленного и ловкого Эрхэ-Манзана,
Единственно трезвого в эту пору,
На войско пьяное показал ему.

– На них надеяться нам нельзя,
Ты скачи теперь, как тень скользя.
Как доскачешь до стана врага,
Погляди на его войска.
Правда ли,
Что измучились они в походе.
Правда ли,
Что домой они уходят.

Ты скачи туда на своем коне,
Что увидишь там, все расскажешь мне.

Пятнадцатилетний Эрхэ-Манзан,
Ни словечка поперек не сказав.
На кроваво-рыжего коня садится,
Куда велено ему, быстро мчится.
Поднимается он на песчаную гору,
Все оттуда видно батору.
В даль туманную он зорко вглядывается,
Ко всему, что видит, присматривается.
Смотрит он далеко ли, близко ли,
Что бы еще увидеть выискивает.

Видит он,
Что три хана, долиной желтой владеющие,
Шарайдаи,
Бесчисленных подданных имеющие,
Ведут к границам войска свои,
Кишащие как в муравейнике муравьи.
Песчаную гору
Они у подножия огибают,
Как будто море
Ее со всех сторон обтекает.

Как увидел это Эрхэ-Манзан,
Не сразу он повернул назад.
Сердце его забилось часто,
Остановил он коня гривастого.
Во враждебное войско,
Как в ползущую мглу
Из лука геройского
Пустил он стрелу.
Тысячу
Шарайдайских воинов истребил.
Тысячу
Боевых лошадей убил.

После этого
Повернул к родному порогу.
Чтобы поднять тревогу.
Но хан Бируза-Ноен
Ведущий шарайдаев войска.
Воскликнул, обеспокоен и удивлен:
– Кто это там на коне поскакал?
Кто это нашелся смелый и рьяный?
Ведь все баторы сейчас должны быть пьяны.
Ну-ка, ты,
Бухэ Сагаан Мангилай,

И ты,
Зургаадай Мэргэн,
Всадника этого догоните,
Пополам его разрубите,
Стрелой навывлет его прострелите,
Или возьмите в плен.

Два огромных богатыря
Приказанье исполнить рады,
Поскакали, глазами горя.
Убегающий уже – рядом.
С двух сторон его сжали плотно.
Бег коня его укротили,
А потом эта вся охота
Потонула в облаке пыли.
В пыльном вихре всадники кружат,
Вся долина пыли полна.
Только стучаясь друг о дружку,
Громко звякают стремяна.
Перекрещены пики грозно,
О побеге тут думать поздно.
Шумно дышат потные кони,
Пыль редет, конец погони.

Два батора, огромные, страшные,
У отважного юноши спрашивают:
– Ты откуда тут взялся, юноша,
Ты чего по горам тут рыскаешь?
Или что-нибудь ты вынюхиваешь.
Или что-нибудь ты выискиваешь?
Ты чьего будешь роду-племени,
Что ведешь себя по-геройски?
И зачем среди ночи-темени
Ты подкрался к нашему войску?

Не тобой положенное – хватаешь.
Не тобой закрытое – открываешь,
Не тобой разорванное – сшиваешь,
Не тобой устроенное – ломаешь,
Не тобой придуманное – рассказываешь,
Не тобой завязанное – развязываешь.—
Так они кричат и ругаются,
Кто такой он, узнать стараются.

Пятнадцатилетний батор и воин
Отвечает врагам достойно:
– Дверь войны, что вами открыта,
Разве вами была закрыта?
Разве вами было положено

Все, за что вы хвататься пытаетесь?
Разве вами было умножено,
Все, что вы разделить пытаетесь?
А я, как и вы, такой же воин,
Своих родителей и предков достоин.

– Если ты достойный мужчина.
Пререкаться нам нет причины.
Была бы охота, да время было бы,
Можем мы помериться силами.
Если каждый из нас отважен,
Пусть искусство свое покажет.

Вдруг один, поглядевший в сторону,
Закричал: «Глядите-ка – вороны!»
Был неопытен и честен юный батор,
Бросил он в сторону быстрый взор.
Но этого мгновенья достаточно было,
Чтобы стрела его насквозь прострелила.
Прострелили его злоумышленники
От под мышки и до под мышки.
А сами – оба батора – коней своих вздыбили.
Только этих баторов и видели.

Однако юный батор
Стрелу его разившую,
От под мышки и до под мышки пронзившую.
Схватил за развилку, положил на лук,
Заговорил над ней, не выпуская из рук.

– Ты, стрела, меня поразившая,
Ты, насквозь меня прострелившая,
Ты лети, стрела, трепещи, свищи,
Своего хозяина отыщи.
Ты найди его широкое тело,
Ты найди его черное сердце...

Стрела послушная полетела
И батора намертво срезала.
Не успел он двинуть и бровью.
Полетел с коня, обливаясь кровью.
А раненый батор Эрхэ-Манзан
Камень, величиной с жеребенка взял,
В руках его так и сяк повернул,
Рану под правой под мышкой заткнул.

Потом,
Наклонившись с коня опять.
Камень с овцу сумел он поднять,

Так и сяк его в руках повернул,
Под левой под мышкой рану заткнул.
Шелковым кушаком обе раны перевязал,
В ослабевшие руки повод взял.
Направил коня к родной стороне,
Кровь запеклась на рыжем коне,
Конь в крови и седло в крови,
А помощи нет, зови не зови.

Едет воин, вперед глядит,
Видит воин – сорока летит,
Сорока трескуча и говорлива,
А он объясняет ей торопливо:
– Ты лети, сорока, в долину Мэргэн,
Ты лети, сорока, в долину Хатан,
Где живет во дворце, среди крепких стен,
Абай Гэсэр, великий хан.
Расскажи ты тридцати трем баторам,
Несущим стражу,
Что на нашу милую сторону
Враг надвигается страшный.
Шарайдаи,
Желтой долиной владеющие,
Шарайдаи,
Бесчисленных подданных имеющие,
Ведут на нашу землю войска свои,
Кишащие, как муравьи,
Скажи им, что я Эрхэ-Манзан,
По своей оплошности умираю от ран,
Насквозь простреленный, у песчаной горы лежу,
Кровью истек, едва дышу.

Коварно-черными злоумышленниками
Прострелен я навывлет под мышками.
Пусть баторы там поторопятся,
К битве яростной приготовятся,
Чтобы встретить врагов у песчаных гор,
Чтобы дать врагам жестокий отпор.
А Нээхэр-Эмшэн на быстром коне
Пусть скорее скачет ко мне...

Сорока пестрая, послушав батора,
На языке сорочьем затараторила:
– Некогда мне летать туда-сюда,
Я еще себе не свила гнезда,
А время пришло – яйца нести... —
Улетела сорока хвостом трясти.

Пролетал тут, каркая, ворон,

Обратился к нему батор:
– Ты слетал бы в родную сторону
У подножья песчаных гор,
Расскажи там баторам нашим,
Враг на нас надвигается страшный,
Шарайдаи,
Желтой долиной владеющие,
Шарайдаи,
Бесчисленных подданных имеющие,
Двигают на нас войска свои,
Кишащие, как муравьи,
Пусть баторы там поторопятся,
К битве яростной приготовятся,
Чтобы встать стеной у песчаных гор,
Чтобы дать врагам удалой отпор.
А Нээхэр-Эмшэн на быстром коне
Пусть скорее скачет ко мне.

Скажи ему, что я Эрхэ-Манзан
По своей оплошности умираю от ран,
Насквозь простреленный у горы лежу,
Кровью истек, едва дышу.
Коварно – черными злоумышленниками
Прострелен я навывлет подмышками.

Слышит батор карканье черного ворона:
«Ладно, слетаю в родную сторону.
Собирался я накормить двоих воронят,
Да ладно уж, денек голодными посидят.
А начнется битва – мы попируем,
На убитых воинах – пожируем».

Раненый батор птицу благословляет,
Всяческой удачи он ей желает,
Чтобы взгляд у нее с высоты был ясным,
Чтоб не прозевала она ни кусочка мяса,
Чтобы своими зоркими сверху взглядами,
Не прозевала она ни кусочка падали.
Чтоб ни косточки мимо не пропустил он,
Чтоб детенышей падалью угостил он.

Прилетает ворон в долину Мэргэн,
Прилетает, черный, в долину Хатан,
Где в дворце из бело-сахарных стен,
Живет Гэсэр, богатырь и хан,
Покружился ворон, огляделся,
На золотые ворота уселся.

Спят баторы пьяные, жарко им,

А ворон над ними каркает:
– Эй, баторы,
Лежебоки вы или стражники?
Враги на вас надвигаются страшные.
Шарайдаи,
Долиной желтой владеющие,
Шарайдаи,
Бесчисленных подданных имеющие,
Ведут сюда войска свои,
Кишащие, как муравьи.
А юный батор Эрхэ-Манзан
Истекает кровью, умирает от ран,
Лежит, умирая, отважный батор
У подножья песчаных гор.
Он сражался храбро, как подобает,
Но коварство иногда побеждает.
Хитро-черными злоумышленниками
Он прострелен насквозь под мышками.
В вашей помощи он нуждается,
Вашей помощи дожидается.

Остальные баторы берите оружие,
Защищать свою землю нужно,
Становитесь стеной у подножья гор,
Окажите врагу удалой отпор.
Сидит ворон, каркает, надрывается,
А баторы пьяные кувыркаются.
Тридцать три батора – все пьяные,
Триста тридцать три военачальника – пьяные,
Три тысячи триста тридцать три оруженосца —
На ноги встать никому не удастся.
Наконец,
Друг за дружку держась,
Обнимаясь, шатаясь,
Не одевшись и не вооружась,
Под громкие крики, под пьяный гам
Направились навстречу врагам.

Безоружные,
Но все же – богатыри,
Бьются они от зари до зари.
Сила на силу стеной идет,
Сила силу ломит и бьет,
У подножья горы песчаной
Кровь течет большими ручьями.
Из костей холмы поднимаются,
Черно-желтый туман расстилается.
Черно-желтая пыль клубится,
Продолжают баторы биться.

Там, где они упираются,
Возникают ямы глубокие,
Там, где они напрягаются,
Возникают овраги широкие,
Высокое, просторное небо
До краев содрогается,
Низкая просторная земля
До глубин сотрясается,
Красные ручьи по земле текут,
Красные горы вокруг растут
Вороны с юга тут как тут,
Разбросанное мясо жадно клюют,
Вороны с севера прилетают,
Свежее мясо кусками глотают,
– Хоть бы вечно, – думают, – бойцы эти бились
Мы бы вечно свежим мясом кормились.—
Наклевавшись за ночь птицы-вороны,
Разлетаются на день в разные стороны.

Но войска, как муравьи в муравейнике,
Ты попробуй всех перебей-ка их,
В крови они плавают, задыхаются,
Но битва страшная продолжается.

Между тем баторов с похмелья
Стала жажда одолевать,
Руки-ноги у них ослабели,
Нету сил мечами махать,
Побежали они к реке,
Протекавшей невдалеке,
Но вода оказалась там
С кровью смешанной пополам.
Напились баторы жижи кровавой,
Повалились кто налево, а кто направо,
Словно острой косой подкосили их,
Окончательно они обессилели.
Неподвижно валяются на берегу,
А над ними враги вперед бегут.
Лежат баторы – к бойцу боец,
А враги окружили большой дворец.

Дворец высокий и белоснежный,
По кирпичику выстроенный прилежно,
С золоченой крышей, с серебряным крыльцом,
Окружили враги сплошным кольцом.
Стрелы свистят и шуршат, летая,
А хан Гэсэр охотится на Алтае.

Оказалась защитницей дворцовых стен
Молодая ханша Алма-Мэргэн.
Взяла она лук самого Гэсэра,
С дворцовой стены пускает стрелы.
Одну стрелу она выпускает,
Дорога широкая пролегает,
Вторую стрелу она выпускает,
Пустырь обширнейший возникает.

Вражеские полководцы, целы пока,
Назад поворачивают свои войска.
«Как видно обманул нас Хара-Зутан,
Будто на охоту уехал великий хан,
Только из лука Абая Гэсэра
Могут лететь такие стрелы.
Где пролетела одна стрела,
Дорога широкая пролегла,
Где вторая стрела пролетела,
Вмиг
Широченный пустырь возник.
Воевать с Гэсэром – плохая шутка,
Перестреляет он нас, как уток.
Нет, давайте, целы пока,
Назад повернем свои войска».

Хара-Зутан про это узнал,
Всполошился, засуетился,
Стрельчато-синего жеребца оседлал,
Вдогонку за отступающими пустился.
Черные мысли его бурлят,
Грязные чувства его кипят.
Догоняет он вражеское войско,
Принимает он позу геройскую,
Загораживает он войскам дорогу,
На полководцев кричит он строго:
«Вы настолько, – кричит он, – слабы,
Что от одной убегаете бабы!»

У Бухэ-Сагаан Мангилая
Голова огромная и седая,
Волосы его встали дыбом,
Зубами он заскрипел с дымом.

– Ты зачем нам наврал, болтая,
Что Гэсэр охотится на Алтае?
Самой черной души обладатель,
Ты союзник или предатель?
Очень ловко ты и умело
Нас подставил под ханские стрелы.

Рассердился Бухэ-Сагаан Мангилай,
Сильно надул он щеки,
Вздыбилась голова его седая,
Брови топорщатся, словно щетки.
Схватил он Хара-Зутана поперек живота,
А хватка у него крепка и крута.
Дышать Хара-Зутану уж нечем,
И сердце его, и печень,
И легкие у него вот-вот
Наружу выскочат через рот.

Корчится Хара-Зутан, извивается,
Оправдывается, извиняется: —
Меня убьете – ничего не добьетесь,
Меня послушаете – ума наберетесь,
Не Гэсэр в вас стрелял с высоких стен,
А жена Гэсэра Алма-Мэргэн.
Обмануты вы обманывающими,
Подкошены вы подкашивающими.
Обман откроется,
Простой она женщиной обернется,
Стрелы кончатся,
Слабой женщиной обернется.
Неужели женщины вы побоитесь,
К дворцу Гэсэра не возвратитесь?

Бухэ-Сагаан Мангалай
Пальцы крепкие чуть ослабил,
Хара-Зутана великан Мангалай
Чуть живого на землю поставил.
Приказывает он войскам
Остановиться,
Приказывает он войскам
Назад возвратиться.

Черной тучей они дворец обложили,
Тройным кольцом они дворец окружили.
С трех сторон они на дворец наступают,
Их сердца пощады не знают.
Ясное небо омрачается и мутнеет,
Зелено-яркая земля обугливается и чернеет.
Стрелы свистят и шуршат, летая,
А сам Гэсэр охотится на Алтае.

Оказалась защитницей дворцовых стен
Молодая ханша Алма-Мэргэн.
Взяла она лук самого Гэсэра,
С дворцовой стены пускает стрелы.

Одну стрелу она выпускает,
Дорога широкая пролегает,
Вторую стрелу она выпускает,
Пустырь обширнейший возникает.
Войска, как муравьи в муравейнике кишашие,
Оказываются разбросанными и лежащими,
Как трава под косой
Ложатся они валками.
Как камыш речной
Валятся они рядами.
Как на ветру сено
Ключьями они разлетаются...

Но у Алма-Мэргэн стрелы
Уже кончаются.
Окружена она тройным кольцом,
Поймают ее в конце концов.

Тогда
Выпускает Алма-Мэргэн на ладонь
Двенадцать своих волшебств,
Заставляет плясать по пальцам
Двадцать три своих волшебства,
Произносит заклинающие слова.
После этого
Золотой сверкающий дворец
Взяла она, словно полог за задний конец,
Приподняла его, отогнула,
И под край его проскользнула.
И оказалась она в мгновение ока,
Вместе с врагами захваченного дворца,
В подводном царстве глубоком
Уса-Лосона, собственного отца.

А войска шарайдаев,
Как муравьи в муравейнике кишашие,
Снующие, лезущие, кричащие,
Поняв, что ускользнула от них Алма-Мэргэн
Из золоченых дворцовых стен,
Окружили покои
Прекраснейшей из гэсэровых жен,
Белоснежной, достойной
Солнцеликой Урмай-Гоохон.

Урмай-Гоохон достойной ханшей была,
Меч Гэсэра в руки она взяла,
Обращалась она умело и просто
С мечем булатным, кованым, острым.

Над головой она меч вращает,
Порог серебряный защищает.
Зазвенела сталь,
Захрустели крепкие кости.
Валиться стали
Незванные гости.

Только на порог он вступить собирается,
А голова его уже на полу валяется.
Только пяткой на порог он встал,
А меч уже просвистал.
Только он ногой ступил на порог,
А меч его пополам рассек,
Только порог переступить хотел он,
На две части разваливается тело.

Свистит и сверкает хангайский меч,
Головы слетают с вражеских плеч.
В это время
Сагаан-Гэрэна сын,
Царевич Эрхэ-Тайжа,
Кому и предназначалась в расцвете красы
Урмай-Гоохон – госпожа,
Два шелковых рукава халата
До локтей завернув,
Две шелковых полы халата
За кушак заткнув,
Широкой, развернутой грудью вперед
На хангайский порог он прямо идет.

Схватить, полонить надеется он
Солнцелико-великую Урмай-Гоохон.
Но только пяткой на порог он встал,
Меч над его головой просвистал,
Только он ногой ступил на порог,
А меч его крепкую шею рассек.
Порог перешагнуть он старается,
А голова уже на полу валяется.

Да, голова у царевича с плеч слетела.
Полководцы, видя такое дело,
Сами живы и целы пока,
Назад поворачивают войска.

Видят они, что их ряды поредели,
Чувствуют они, что их тела ослабели,
Нет прежних сил, нет и натиска,
А меч свистит то прямо, то наискось,
А головы на землю продолжают катиться.

«Нет уж, – думают полководцы, —
Лучше домой возвратиться».

Со своими войсками кишачими, муравьиными,
Повернулись они ко дворцу широкими спинами.

Хара-Зутан про это узнал,
Всполошился, засуетился,
Стрельчато-синего жеребца оседлал,
Вдогонку за отступающими пустился.
Черные мысли его бурлят,
Грязные чувства его кишат.

Догоняет он вражеское войско,
Принимает он позу геройскую,
Загораживает он войскам дорогу,
На полководцев кричит он строго:

– Вы настолько, – кричит он, – слабы,
Что от одной убегаете бабы!
Обмануты вы обманывающими,
Подкошены вы подкашивающими,
Неужели женщины вы побоитесь,
К дворцу Гэсэра не возвратитесь?

Кобыла
Во время скачек отстанет,
Женщина
Во время битвы – устанет.
Она во дворце своем затворилась,
Но кроме силы бывает хитрость.
Зачем же на меч открыто лезть,
Ведь задние двери во дворце есть.
Нападите на дворец с двух сторон,
Будет ваша Урмай-Гоохон.

Полководцы Хара-Зутану поверили,
Показал он им все задние двери.
Дружно они на дворец напали,
Урмай-Гоохон полонили, взяли.

После этого
Шарайдаи, желтой долиной владеющие,
Треханы,
Бесчисленных подданных имеющие,
Обрадовались,
Что достигли цели.
Развеселились,
Что сами остались целы.

Запрягли они трех иноходцев
В телегу серебряно-зеркальную,
Под руки ведут, подобную солнцу
Царицу прекрасную, но печальную.
Посадили ее, всячески обласкали
И к себе домой поскакали.

В это время Хара-Зутан
С черной душой, как известно, хан,
Понял,
Что он один теперь остается.
Понял,
Что за все ему отвечать придется.
Понял он,
Что наступит расплата скоро,
Что Саргал-Ноен
И тридцать три батора
Измены черной ему не простят,
И его по-своему угостят.

Бежит он
Вслед войскам отступающим.
Кричит он
Вслед его одного оставляющим,
Восвояси
К себе домой уходящим,
Без боязни
Царицу прекрасную увозящим.

– Вы бросаете меня, – он кричит, —
Чуть не голого,
Чурбаны у вас, – кричит, —
А не головы.
Рады вы, что нашу ханшу
В плен увозите,
А о том, что будет дальше,
Вы не спросите.

На то, что случится, и скоро,
Вы не смотрите,
Тридцать трех великих баторов
Вы считаете мертвыми,
А они лежат,
Отнюдь не убиты,
У них только глаза
До поры закрыты,
Пока мой старший брат
Саргал-Ноен,
Что сединами мудрыми убелен,

Жив
И дышит,
И произносит слова,
В каждом баторе душа жива.

Вечером вам сдается,
Что они убиты валяются,
Но утром, с восходом солнца
Они опять просыпаются.
Встанут они, проснутся,
За мечи и луки возьмутся,
Полетят вам вслед хангайские стрелы,
Никто из вас не вернется целым.

Убьете меня
Ничего не добьетесь,
Послушаете меня,
Ума наберетесь.

Мой старший брат
Саргал-Ноен,
Сединами мудрыми убелен,
У большого озера лежит в камышах,
Затаившись и не дыша.

Выберите вы рысака
Самого редкого,
Выберите вы стрелка
Самого меткого.
Пусть он до озера белого доскачет,
Коня своего надежно спрячет,
Если крадучись он в камыши проберется,
Саргал-Ноен не проснется.

Стрелой железной стрелок Ноена погубит,
Голову и руку ему отрубит.
Из головы надо сделать кубок,
Вино пить сладкое,
А правой руки обрубок,
Для кнута – рукоятка.

Шарайдаев полководец хан Бирууза,
Выслушал предателя и приказал,
Чтобы выбрали рысака
Самого редкого,
Чтобы выбрали стрелка
Самого меткого.
Чтоб туда, где озерная ширь,
Доскакал он, добрался,

Чтоб в озерные камыши
Он неслышно прокрался,
Чтоб Саргала-Ноена он стрелой погубил,
Чтобы голову и руку ему отрубил,
Чтобы из головы он сделал прекрасный кубок,
Вино пить сладкое,
А правой руки обрубок
Для кнута – рукоятка.

Был послан для этого Мангелай-великан,
Все он сделал, как велел командир и хан,
До озера белого доскакал,
Саргала-Ноена в камышах отыскал,
Стрелой железной его убил,
Руку и голову ему отрубил.
Голова пошла на прекрасный кубок,
В кнут превратился руки обрубок.

В это время
Урмай-Гоохон, солнцеликая красавица,
Что на зеркальной телеге на чужбину скачет,
Вверх на небо посмотрит – печалится,
Вниз на землю посмотрит – плачет:

«Хара-Зутан, душа его черная,
Меня несчастную погубил,
На веки вечные опозорена я,
Белый свет мне теперь не мил,
Но, так и быть, куда вы хотите
Меня от родины увозите,
Все мученья приму не глядя,
Жаждой-голодом уморенная,
Лишь отдайте мне голову дяди,
Бело-мудрого Саргала-Ноена».

Между тремя шарайдайскими ханами
Пошли споры-раздоры выпренье.
Кто говорит, что слова у нее обманье,
Кто говорит, что слова у нее искренние.
Один скажет веское слово,
А другой в ответ скажет пять,
Кто говорит: «Надо отдать ей голову».
Кто говорит: «Нельзя ее отдавать».
Кто говорит: «А что случится?»
Голове на место не воротиться.
Мы уж держали ее в руках,
Мы уж ее, между прочим,
У наших воинов на глазах
Ремнями к седлу приторочили.

Саргалу-Ноену
Урмай-Гоохон невестка,
В руках у нее
Голове этой самое место.
Пусть она немного потешится,
В пути тяжелом – развеселится.
А нам тут бояться нечего,
Голове на место не воротиться».

Поспорили они еще немножко,
Еще немножко они побурчали,
И пленнице, похожей на красное солнышко,
Голову Саргала-Ноена отдали.
Как взяла Урмай-Гоохон голову дяди в руки,
На лице ее отразились муки.
Очень дядю она жалела,
И тотчас же взялась за дело.
Водой
Из девяти живых родников
Голову она тотчас же омыла.
Дымом
От девяти можжевельных кустов
Голову она окурила.
Произносит она заклинательные слова,
Чтобы летела омытая и окуренная голова
К бабушке,
Сидящей с серебряной чашей в руках.
К бабушке,
Следящей за всеми звездами в небесах.
К бабушке,
Опирающейся на множество небесных вершин.
К бабушке,
Обозревающей множество небесных долин.
К бабушке,
Звездные книги читающей.
К бабушке,
Все швы во вселенной сшивающей.
К бабушке,
Держащей все тайны в уме,
К великой бабушке Манзан-Гурмэ.

После этого
Урмай-Гоохон на глазах у всех
Бросила оживленную голову вверх,
Полетела голова, зашуршала,
Полетела голова, засвистела.
Ни одна рука ее не достала,
Ни одна стрела за ней не успела.

А та стрела, что успела,
Пролетела мимо и не задела.

Бойцы-лихачи,
Стрелки-меткачи,
Израсходовав все стрелы железные,
Опустили луки свои бесполезные.
А голова,
Поднимаясь со свистом вверх,
А голова,
Пролетев через тридцать небесных сфер,
Оказалась на коленях у бабушки Манзан-Гурмэ,
У которой вся сила в ее уме.

От неожиданности бабушка вскрикнула, она
Не поймет, что бы это значило
Большим удивленьем удивлена,
Задачей большой озадачена.
Движеньем властной правой руки
Материнскую книгу она открывает,
Прекрасными пальцами правой руки
Священнейшую книгу она листает.
Смотрит она в книгу при солнечном свете,
Каждая буковка на примете.
Смотрит она в книгу при свете луны,
Все буковки до одной видны.
С первой страницы прочитывает до середины,
С середины прочитывает до конца.
Все через эту книгу ей видно,
Удивленье не сходит с ее лица.

Видит она,
Что в долине Моорэн,
Видит она,
Что в долине Хатан,
Где живет во дворце среди крепких стен
Абай Гэсэр, богатырь и хан,
Там где песенки жаворонков
Слышатся спозаранку,
Там ручьи текут от крови красны.
Там у дальней горы и у ближней
То ли спят, то ли стрелами сражены,
Тридцать три батора лежат неподвижно.
Бывшие всадниками и стрелками
Лежат они изваяниями каменными.
Видит она разоренье от края до края,
А сам Гэсэр охотится на Алтае.
Видит она,
Что шарайдаи,

Желтой долиной владеющие,
Видит она,
Что троеханы,
Бесчисленных подданных имеющие,
Огромны, всеильны, разъярены
Открыли двери войны.
Привели они в долину войска свои,
Кишащие, как муравьи.
Видит она
Через книгу, как через окошко,
Что похожую на красное солнышко,
Совершенную от сияющих глаз до округлых колен,
Урмай-Гоохон увозят в плен.

Тогда,
Сидящая с серебряной чашей в руках,
Тогда,
Следящая за всеми звездами в небесах,
Тогда,
Опирающаяся на множество небесных вершин,
Тогда,
Обозревающая множество небесных долин,
Тогда,
Звездную книгу читающая,
Тогда,
Все швы во вселенной сшивающая,
Тогда,
Держащая все тайны в уме,
Великая бабушка Манзан-Гурмз,
Происшедшему на земле удивилась,
Происшедшим на земле возмутилась.

Характер у нее был крут, а ум был остер,
Призывает она к себе трех Абая Гэсэра сестер.
Призывает сестер, сажает их рядом,
Рассказывает сестрам, что делать надо.
Чтобы преобразились они в трех проворных птиц,
И полетели скорее на землю вниз,
Да, чтобы в виде трех птиц Онголи
Полетели они в пределы земли.
В трех птиц Онголи три сестры превращаются,
На землю вниз они убтремляютя.

Прилетают они на Алтай,
В благословенный зеленый край,
Где при помощи метких стрел
Охотится брат их родной, Гэсэр.
Встретились они на десяти зеленых холмах,
Увиделись они в двадцати зеленых лесах.

Обрадовался Гэсэр трем птицам,
Трем милым, родным сестрицам.
А сестры ему все рассказывают,
Все завязанное развязывают,
Рассказывают они от вершины и до корней,
Про землю Гэсэра и что происходит на ней.

Рассказывают они, что в долине Моорэн,
В благословенно цветущей долине Хатан,
Где живет во дворце, среди прочных стен
Братец их Абай Гэсэр хан,
Там ручьи текут от крови красны,
Там у дальней горы и у ближней,
То ли спят, то ли стрелами сражены
Тридцать три батора лежат неподвижно,
Бывшие всадниками и стрелками
Лежат они изваяньями каменными.

Рассказывают они,
Что шарайдаи,
Желтой долиной владеющие,
Что троеханы,
Бесчисленных подданных имеющие,
Огромны, всеильны, разъярены,
Открыли двери войны,
Привели они в долину войска свои,
Кишащие, как муравьи,
Рассказывают они,
Что царицу великую,
Луно-звездную, солнцеликую,
Совершенную
От сияющих глаз до округлых колен,
Урмай-Гоохон захватили в плен.
Рассказывают они
Как там дело было,
Сколько голов Урмай-Гоохон срубила,
Не даром она далась им в руки,
Но теперь ее повезли на муки.

И Алма-Мэргэн там тоже была,
Достойный отпор врагам дала,
Но когда увидела, что плохи дела,
Задний угол дворцовый приподняла
И ускользнула из захваченного дворца
Во владенья Уса-Лосона, отца.

А дядя наш Саргал-Ноен,
Сединами мудрыми убелен,
У большого озера лежал в камышах,

Затаившись и не дыша.

Выбрали шараидаи
Рысака самого редкого,
Выбрали шараидаи
Стрелка самого меткого,
Стрелой железной дядю стрелок погубил,
Голову и руку ему отрубил,
Из головы они сделали кубок,
Вино пить сладкое,
А правой руки обрубок
Для кнута – рукоятка.

А всех этих действий изобретатель,
Коварный изменник и злой предатель,
Твой черный дядя Хара-Зутан,
От мести весел, от крови пьян.

Пока ты охотился на Алтае,
Разорили твою землю от края до края,
Табуны-стада твои истребили,
Твоих подданных перебили,
Из костей там холмы растут,
Ручьи от крови красны текут.
Была твоя земля зеленая, золотая,
А стала земля испепеленная и пустая.

После этого
Три сестры крылышками махать стали,
И в небе летнем,
В светло-синем небе растаяли.

Когда услышал Гэсэр про такое дело,
Лицо у него побелело.
Вспомнил он Урмай-Гоохон свою красавицу,
Вспомнил он, что в плен она скачет.
Вверх на небо посмотрит он – печалится,
Вниз на землю посмотрит он – плачет.
От левой слезы
Потекла Лена-река,
Раздольна и широка.
От правой слезы
Между лесистых скал
Образовался глубокий Байкал.

После этого Гэсэр, усмехаясь зло,
Садится на Бэлыгэна, в серебряное седло.
За правую сторону повода потянув,
В нужную сторону коня повернув,

От десяти лесистых холмов Алтая,
От двадцати дремучих лесов Хухи,
Скачет в сторону родимого края,
Где теперь пустыня да лопухи.

Едет он, тихонько рысит,
Комья с чашку разбрасывает из-под копыт.
Скачет он, птицей летит,
Комья с котел разбрасывает из-под копыт.
Скачет он
Повыше облаков проплывающих,
Скачет он
Пониже звезд сверкающих,
Парит он беркутом над горами,
Мелькает он ястребом над холмами.
Бросается он соколом с неба высокого,
Остановился он, где песчаная сопка.
Тут река Хатан, тут край родной,
Для коня усталого – водопой.

Видит он,
Что пока охотился на Алтае,
Разорена страна от края до края,
Все разрушено тут, все вытоптано,
А людей тут нигде не видно.

Лишь ручьи текут от крови красны,
А у дальней горы и у ближней
То ли спят, то ли стрелами сражены,
Все баторы лежат неподвижно,
Бывшие всадниками и стрелками,
Лежат они изваяньями каменными.
А с ними
Триста тридцать три воеводы,
А с ними
Три тысячи триста тридцать три оруженосца.

В большой печали Гэсэр к ним подходит,
Сердце его красное меж ребрами бьется.
Ребра его упругие изгибаются,
Мышцы его могучие напрягаются.
И не видно нигде его красавицы,
Урмай-Гоохон, в полон она скачет.
Вверх посмотрит Гэсэр – печалится,
Вниз посмотрит Гэсэр – плачет.

Увидел Гэсэр, поднимаясь в гору,
Двух любимых своих баторов,
Упал он на изваянья каменные,

Обняв их живыми руками.
От тепла человеческой кожи
Два батора мгновенно ожили.
Встали на ноги баторы, а вслед за ними,
Дружно ожили и остальные.
Ожили
Триста тридцать три воеводы,
Ожили
Три тысячи триста тридцать три оруженосца,
Готовы они к любому походу,
Готовы сражаться с кем придется.

Абаю Гэсэру все это нравится,
Сияет он, словно солнце,
Вверх на небо поглядит – улыбается,
Вниз на землю поглядит – смеется.
К каждому батору он подошел,
Каждому батору руку пожал.
Для каждого батора слово нашел,
Каждому батору что-нибудь да сказал.

Потом они все – боец к бойцу,
Двинулись к Абая Гэсэра дворцу.
Но тут
Тридцать три батора,
Триста тридцать три воеводы,
Три тысячи триста тридцать три оруженосца,
А все они молодцы и гвардейцы,
Во дворце расположившись после похода
Начали роптать:
«Да что же это на свете делается.
Всех несчастий для края изобретатель,
Черный изменник, коварный предатель
Хара-Зутан-Ноен,
Жив, здоров, где-то прячется он.

С первого взгляда его – убить,
С первого шага его – прострелить,
Как только поймает его – повесить,
Как только покажется – к земле пригвоздить».

Вскакивают они на своих коней,
Едут они Хара-Зутана искать.
А Хара-Зутан, смерти бледней,
С испугу начал даже икать,
Тоже вскакивает на коня,
На стрельчато-синего жеребца,
Да где же спрячешься среди дня,
Нигде не спрячешься кроме дворца.

Поняв, что ничто уж ему не поможет,
Как бы ни был он и хитер и умен,
Прибежал в Гэсэру с душою ложной,
Упал перед ним на колени он.

– Пожалей, – Гэсэру он говорит,—
Пощади, – Гэсэру он говорит.—
Дай мне еще на свете пожить,
Верой, правдой буду тебе служить.
Не гони меня, а спаси меня,
Ведь мы с тобой как-никак – родня.

Поглядел Гэсэр на Хара-Зутана,
Поглядел он в окно из дворца, а там
Все тридцать три батора дружным станом,
Все воеводы и оруженосцы
За предателем гонятся по пятам.
Ворвались они в покои своего хана,
Требуют выдачи Хара-Зутана.

– Мы, – говорят,—
За ним по пятам гнались,
Негде, – говорят,—
Было ему спастись,
Все селенья, – говорят,—
Мы обшарили,
Все окрестности, – говорят,—
Обыскали,
По его следам мы направились,
И сюда теперь прискакали.
Спрятался он где-то здесь во дворце,
Его следы мы видели на крыльце.

Очень баторы сердятся,
Зубами баторы скрежещут,
Перед ханом своим Гэсэром
Глазами вращают зловеще. —
Ты предателя, – говорят, —
Спрятать стараешься,
Ты изменника, – говорят,—
Укрыть собираешься,
Вместо того, чтобы его убить,
Ты зачем-то его спасаешь,
Вместо того, чтобы на куски изрубить,
Ты зачем-то его выручаешь.
Делать так нам, хан, не годится,
Сами будем с тобой мы биться.
Наши стрелы твоих не тупее,

Постоять за правду сумеем.
Наступают они на великого хана,
Требуют выдачи Хара-Зутана.

Абай Гэсэр, не произнося ни звука,
Показывает баторам правую руку,
Свою правую, свою верную
Показывает им ладонью кверху.
Глядят баторы и каждый из них дивится,
Спрятался Хара-Зутан у Гэсэра в мизинце.
То сидит он там, то бегаёт, скачет,
То кланяется, то ползает и плачет.
Бегаёт он там человечком черненьким,
В мизинце Гэсэра ему просторненько.

Баторы,
Не зная как быть,
Вокруг толпятся,
Но палец Абаю Гэсэру отрубить
Они никак не решатся.
Зубами они сильно скрежещут,
Глазами они вращают зловеще,
Кричат, ругаются, а между тем,
Уходят от Гэсэра ни с чем.

После этого
Хара-Зутан-Ноем,
Гэсэром от рассерженных баторов спасен,
С душой двойной, с душой своей черной,
Из мизинца убежал и прикинулся мертвым.

Весть об этом разнеслась, разбежалась,
Почувствовал Гэсэр к умершему жалость.
Пошел он на покойного поглядеть,
О похоронах его порадеть.
– В путь последний, – думает, – его провожу,
На предназначенное место его положу.

Заплел Гэсэр к Хара-Зутану в покои,
И не поймет – что там такое.
Пар виднеется,
Как будто чай только сейчас пили.
Дым виднеется,
Как будто табак только сейчас курили.
Но сам хозяин покоев
Лежит у стены, притворившись покойником.

Один глаз у него открыт,
Одна рука вдоль тела протянута,

Одна нога к животу подтянута.
Можно подумать, что он был кривой,
Можно подумать, что он был хромой,
Что сустав на руке у него не сгибался,
Вот каким Гэсэру Хара-Зутан показался.

– Как же так? – подумал Абай,
Ведь отправляется он к предкам
В извечный край,
Как он некрасиво мертвым лежит:
Один глаз открыт, а один закрыт,
Нельзя с одним глазом на тот свет идти,
Доброго не будет пути.

Взял он из очага серой золы,
Взял он из-под ноги черной земли,
Золу с землей перемешал, перетряс
И залепил незакрытый глаз
– Будем, – говорит, —
Исправлять покойника понемногу,
Возьмемся теперь за согнутую ногу,
Нельзя со скрюченной ногой на тот свет идти,
Доброго не будет пути.
И рука не должна быть вытянутой,
Ногу сейчас мы выпрямим,
А руку, напротив, сейчас сложим,
И на грудь ее смиренно положим.

Взял он саблю свою железную,
Сухожилья, где надо, надрезал,
Руку согнул, а ногу выпрямил,
Хорошо он покойника выправил.

– Вот теперь, – говорит великий хан, —
Передо мной настоящий Хара-Зутан.
– Отвезу, – говорит, – покойника теперь я
На место вычисленное,
На место отмерянное,
Положу его на бобры-соболя,
Будет пухом ему земля.

Стрельчато-синего жеребца-коня
В похоронную запрягли телегу,
За повод ведя жеребца-коня,
Потихоньку в тайгу поехали.
В непроходимую заехали чащу,
Место нашли подходящее,
Пятиглавые у сосен вершины,
Лиственницы-исполины.

Поставил он усопшего
Как и надо – стоймя,
Подпер деревьями сохлыми,
Сначала тремя,
А потом деревьями мелкими окружил,
Сучками и хворостом обложил,
При помощи кресала и трута
Огонь добывает он,
Сухие деревья тут же
Поджигает с четырех сторон,
Раздувает пламя, старается,
Постепенно костер разгорается.

Вдруг
Крик из огня,
А потом еще:
– Спасите меня,
Горячо! Горячо!—
Хара-Зутан с душой черной
Выскакивает из огня живой, а не мертвый.
– Нет, – говорит Гэсэр, —
Мертвые не воскресают, —
И опять притворщика в огонь бросает.
Подпаленный и подгоревший
Выскочил Хара-Зутан быстрее прежнего.

– Нет, – говорит Гэсэр, —
Дважды не воскресают, —
И опять хитреца в огонь бросает.
Подгоревший,
Скорчившийся, искривившийся,
Мертвецом из хитрости притворившийся,
Выскочил из огня Хара-Зутан,
Перед Гэсэром на землю, в ноги упал.

– Подожди, – кричит, – подожди.
Пощади, – кричит, – пощади.
Больше не буду душой кривить,
Больше не буду зла творить.
Пощади меня,
Ты не жги меня,
Все же мы, как-никак – родня.

У Гэсэра вся злость ослабла.
Говорит он дяде: «Ну, ладно,
Только если еще узнаю
Про тебя я...
Душа родная...»

Убирайся!
Я мстить не стану».
Отпустил он Хара-Зутана.
Вновь Хара-Зутан на свободе.
Так рассказывают в народе.

После этого Абай Гэсэр Удалой
Возвратился к себе домой.
Золотой он стол накрывает,
Редкие яства ставит.
Серебряный стол расстилает,
Крепкие напитки ставит.
Угощает себя арзой,
Угощает себя хорзой.

После этой арзы-хорзы
Повторяет он все азы,
Вспоминает он прошлое, дальнее,
Вспоминает дела недавние,
Начинает он от корней,
Добирается до ветвей,
Начинает он от ветвей,
Добирается до корней.

Мужчина, родившись,
Думает, кого ему захватить.
Женщина, родившись,
Думает, кем захваченной быть.

Вспомнив все, восклицает в горести он:
– А где же моя Урмай-Гоохон?
Я тут вкусно ем,
Я тут сладко пью,
Почему же я не еду
Жену выручать свою?
Я тут сладким вкусное запиваю,
А жена в плену сидит, изнывая.

Сильно Абай Гэсэр рассердился,
Сильно надул он щеки,
Кровью красной налился,
Брови торчат, как щетки.
Встал, поднялся могучий витязь,
Ну, шараидай, теперь держитесь
Отложил Гэсэр все заботы домашние,
Стал готовиться он на битву страшную.

Приказал Гэсэр первым делом,
С гладкой шерстью и крепким телом,

С ногами тонкими,
С костями звонкими,
С сухожилиями упругими,
С копытами круглыми,
Привести гнедого, под цвет огня,
Бэлыгэна – любимейшего коня.

Потник шелковый по спине коня Гэсэр расстилает,
Седлом из якутского серебра коня седлает,
Складчато-серебряный надхвостник,
Чтобы седло вперед не скользило,
Через круп перебрасывает,
Пластинчато-серебряный нагрудник,
Чтобы седло назад не скользило.
Через грудь перетягивает,
Десятиремешковую подпругу застегивает,
Двадцатипряжковую подпругу прилаживает,
По крупу коня похлопывает,
По крутой шее коня поглаживает.
Красный повод к луке седла привязывает,
Красное кнутовище за подушку седла затыкает,
Так коня он в путь собирает.

Мнется красный конь, серебром рябя...
Теперь остается приготовить себя.
Красивое снаряжение коню пристало,
Надо чтобы и на Гэсэре оно заблистало.
После этого,
Сшитые из семидесяти изюбровых кож,
Плотно-черные штаны
Гэсэр натягивает,
После этого,
Со вставками из рыбьих кож,
Свободно-черные унты
Ступнями своими растягивает,
Ярко-шелковую накидку
На плечи накидывает.
Семьдесят сверкающих медных пуговиц
Силой пальцев своих застегивает.
Серебряно-винтовой кушак
Вокруг себя опоясывает,
Его оставшиеся концы
Аккуратно с боков запихивает.

И оделся Гэсэр и обулся,
Перед зеркалом так и сяк повернулся,
Где пылинка – ее сдувает,
Где соринка – ее счищает.
В зеркало, с дверь величиной,

Гэсэр погляделся:
Хорошо ли он обулся-оделся.

После этого,
Под семидневым дождем
Не промокаемый,
Семидесяти стрел острием
Не пробиваемый,
Угольно-черный панцирь
На спине закрепил,
После этого,
О белые крепкие кости не тупящийся,
В горячей крови не размягчающийся,
Державно-булатный меч
На левом боку укрепил.
После этого,
Величиной с речную долину,
Узко-серебряный колчан
Куда нужно привесил.
После этого,
Величиной с поле длинное,
Узорно-серебряный налучник
На нужное место подвесил.
После этого,
Сделанный из рогов
Семидесяти горных козлов,
Державно-хангайский лук
В налучник он положил.
После этого
Семьдесят пять стрел
Веером за спиной расположил,
Так, что в холод от них теплее будет,
А в жару от них тенистее будет.
После этого,
Похожую на косину травы,
Соболиную шапочку на себя надевает,
Похожую на пучок травы,
Кисточку на шапочке поправляет.
После этого
Звездно-белый шлем надел он на голову.

Стал похож Гэсэр на большую гору,
Как солнце сверкает,
Как дуб шелестит,
Так Гэсэр Абай
В боевых одеждах стоит.
После этого,
Чтобы десять лет не голодать,
Рот себе паучьим жиром он смазал,

После этого,
Чтобы двадцать лет не голодать,
Губы себе червячьим жиром намазал.

После этого,
Величественным движеньем
Открывая перламутровую дверь,
Наружу он выходит теперь.
Неторопливыми движениями,
Не уронив ни пылинки с ног,
Перешагивает мраморный порог,
С достойным и красивым лицом
Выходит на серебряное крыльцо.
Крыльцо это так устроено,
Что не слышно его под пятками,
Крыльцо это так просторно,
Что бегать бы там кобылицам с жеребятками.

Медленными движениями,
Без суеты,
По ступенькам серебряным с высоты,
Ни разу на лестнице не оступясь,
Идет он туда,
Где стоит серебряная коновязь.
К коновязи он идет с серебряного крыльца,
Красный повод отвязывает от серебряного кольца,
По крупу глядя,
По шее хлопая звонко,
Своего коня он ласкает, как жеребенка.
Красный шелковый повод
Он от коновязи отвязал,
Конец этого повода
Он в правую руку взял,
Ногу в чисто серебряное стремя он вдел,
В якутско-серебряное седло он прочно сел.

После этого,
У повода правую сторону натянув,
А левую сторону ослабляя,
Морду коня в нужную сторону повернув,
Он его по солнышку скакать заставляет.
В восточную сторону направляется он,
Чтобы освободить солнцеликую Урмай-Гоохон.

Конь его, как на крыльях несет,
Абай Гэсэр песню поет:
«Лук мой военный, лук мой желтый
Не разохся, не искривился,
Меч мой железный, меч мой твердый

Не погнулся, не затупился,
Стрелы мои оперенные,
С четырех углов заостренные
Неизменными пребывают,
Сабля моя блестящая,
Сабля моя разящая,
Наповал убивает».

Едет Гэсэр по ханской звонкой дороге,
Едет Гэсэр по общей торной дороге.
По дороге широкой,
По дороге лесистой
Едет Гэсэр рысисто.

Перескакивает он через тридцать вершин,
Как через одну вершину,
Перемахивает он через тридцать долин,
Как через одну долину,
Над лесными верхушками пролетает,
За верхушки копытами не задевает.

Хоть длинна река,
Но до моря все равно добирается.
Хоть дорога и далека,
Но цель все равно приближается.
Вот родная земля
Уж кончается,
Вот чужая земля
Начинается.

То по траве, то степью
Доскакал Гэсэр куда нужно.
Среди просторного чистого поля,
Где долину пятиглавая сосна осенила,
Красные натянул Гэсэр поводья,
И Бэльгэна-коня осадил он.

После этого,
Тринадцать его великих волшебств
По широкой ладони бегают,
Двадцать три великих его волшебства
По пальцам пляшут и скачут,
Превратили они Бэльгэна в жалкую, пегую
Кривоногую, вислоухую клячу.

На лошаденку пегую, дрянненькую,
Накинул Гэсэр потник дырявенький,
Приладил седло деревянненькое.
Сам он сделался седеньким старичком,

Сморщился весь, согнулся крючком.
На седельце уселся, тронул поводья,
Лошаденка трусит, ушами поводит,
Но дорога все равно сокращается,
Цель далекая приближается.

В это время
Шарайдаи, долиной желтой владеющие,
Троеханы,
Бесчисленных подданных имеющие,
Начали укреплять свои границы,
Чтобы ни зверь не проник, ни птица,
Чтобы не было здесь никому пути,
Чтобы даже змея не могла проползти.

Воздвигли они каменные скалы,
Которые друг о дружку как зубами скрежещут,
А на случай, если и этого мало,
Пламенем, как из пасти плещут.
Кто мимо идет, эти скалы сжирают,
Кто близко подойдет, эти скалы сжигают.

На лошаденке пегой и дрянненькой,
Потником покрытой дырявеньким,
На седельце плохом деревянненьком
Приехал сюда старичок-сморчок,
Скрюченный, как сухой стрючок,
Тринадцать волшебств его на ладони скачут,
Двадцать три волшебства забегали, заплясали,
Превратил он пегую, жалкую клячу
В старенькое, стесанное кресало.
Кресало он положил в карман,
А сам пошел бродить по холмам,
Как будто бы бедняк спозаранку
Ищет и выкапывает саранку.
Вид у этого бедняка несчастен,
Никому такой бедняк не опасен.

Но саранку бедняк, выкапывая,
На поверхность камни выкатывает,
Землю роет он, словно крот,
И проделал в горе проход.
Скалы,
Как зубами скрежещут,
Скалы
Пламенем жарким плещут,
Но под ними Гэсэр прошел,
Опираясь на посошок.
Опираясь на палку кривую,

Он препятствия все минует,
В виде бедного старичка
Отдыхает у родничка.

Семьдесят три девицы,
Шарайдаев ханов служанки,
К роднику пришли за водицей —
Старичок-сморчок на лужайке.
Начали они тут резвиться.
Старичок на лужайке – видано ли,
Семьдесят две девицы
Через старичка перепрыгнули,
Через старичка они перешагнули,
Воды ни капли не расплеснули.

А семьдесят третья
Постарше подруг была.
Семьдесят третья
Старичка стороной обошла.
Была она девицей серьезной,
Обо всем рассуждала трезво:
– Что вы скачете, словно козы! —
Упрекнула подружек резвых.
– Разве совесть у вас уснула.
Где вы видели, чтобы женщина
Через мужчину перешагнула?

Старичок на девицу поглядел в упор,
И завел он с девицей разговор.
Он сначала девицу похвалил,
А потом подступил с вопросами:
– Для чего вам столько воды? – спросил,—
Вы куда эту воду носите?

Девушка забыла,
Что где старая стоянка, там ямы,
Охотно заговорила.
На все отвечает прямо.
– Наши ханы, наши правители,
У Гэсэра жену похитили.
Привезли Урмай-Гоохон – солнышко красное,
Но привезли ее, оказалось, напрасно.
Хотели на ней молодого хана женить,
А она сказала – лучше не жить.
Оказалась она упорной,
Оказалась она непокорной.
Посадили ее в темницу,
Голодом ее там морят.
Только этой вот чистой водицей

Каждый день бедняжку поят.
Всячески над ней издеваются,
Всячески ее притесняют,
Но перед упорством ее теряются,
Что с ней дальше делать, не знают.

Как услышал Гэсэр о жене несчастной,
Сердце его забилося сильно и часто.
Но виду он не хочет показывать,
Просит девицу дальше рассказывать.
Кто же пленницу этой водой поит,
Кто видит ее, кто с ней говорит?
– Чтобы никто никогда ее видеть не мог,
В темницу к ней провели желобок.
По этому желобу вода течет,
Воду эту бедняжка пьет.

Тогда Абай Гэсэр девице в ведрце
Незаметно положил золотое свое кольцо.
Девушка эта проворна была,
Быстро подружек своих догнала.
Старичок глядит ей вслед, улыбается,
Теперь недолго пленнице маяться.

Льется вода по желобку в темницу,
А вместе с этой водою
Из ведерка семьдесят третьей девицы
Покатилось кольцо золотое.
В ладони Урмай-Гоохон кольцо упало,
В темнице, как солнышко засверкало,
Засияло в темнице и посветлело,
А на сердце у пленницы потеплело.
Радуетя Урмай-Гоохон, улыбается,
Недолго осталось ей маяться.

Колечко к сердцу она прижала,
Заговорила, запричитала: —
Это мой Гэсэр, повелитель мой,
Спасать меня сюда прибыл.
Великий Абай Гэсэр Удалой
Отомстить за меня сюда прибыл.
Шарайдаев царство черное, злое
Разгромить, уничтожить прибыл,
Шарайдаев царство развеять золой,
По ветру пустить сюда прибыл.
Это мой Гэсэр, мой муж золотой,
За верной женой сюда прибыл.

Абай Гэсэр между тем в облике старика

Еще три дня просидел у светлого родника.
Изучал он расположење дворцов и зданий,
Как спереди к ним подойти, как сзади.
Изучал он порядки этого царства,
В чем его сила, в чем коварство.
Все узнал и во все проник,
Около родника сидящий старик.

После этого
Тринадцать своих великих волшебств
Выпустил Гэсэр по ладони гулять,
Двадцать три своих великих волшебства
Выпустил он по пальцам плясать.
Волшебства на ладони пляшут,
Волшебства по ладони бегают,
Все, что Гэсэр им скажет,
Они моментально сделают.

Оказался Гэсэр
На задворках большого дворца.
Оказался Гэсэр
Около запасного крыльца.
Он, заранее все предвидевший,
Обернулся мальчонкой-подкидышем.
Лежит, ножонками дрыгает,
Пищит, ручонками машет.
Ждет, когда кто-нибудь выглянет,
И хану о нем расскажет.

Вышел на задворки старший хан,
Видит – лежит на земле мальчуган.
Ножками, ручками дрыгает он,
Пузыри пускает и плачет.
Большим удивлением хан удивлен,
Задачей большой озадачен.
Поглядел на мальчонку так и сяк,
Крепыш мальчонка и здоровяк.
Очень подкидыш хану нравится,
А в народе не зря идет разговор:
Девочка в люльке – уже красавица,
Мальчик в люльке – уже батор.

Взял ребенка он во дворец
И стал воспитывать, как отец.
Стал ребенок расти не по дням,
Стал ребенок расти по часам.
Поглядят на ребенка утром,
Глазам не верят и удивляются.
Вчера помещался в баранью шкуру,

Нынче в бычью уже не вмещается.
Он растет румян да пригож собой,
Нощно растет и денно.
Назвали мальчика – Олзобой,
Что значит сынок-найденш.

Тогда
Шарайдаи,
Желтой долиной владеющие,
Тогда
Троеханы,
Бесчисленных подданных имеющие,
В золотой бубен бьют,
Северный народ собирают,
В серебряный бубен бьют,
Южный народ собирают.
Пир затевают.

Мяса ставят пригорки,
Напитков озеро ставят,
Напитками сладкими и горькими
Сынка-найденшпа славят.
Пьют-гуляют напропалую,
Угощаясь яствами разными,
В течение восьми дней они пируют,
В течение девяти дней они празднуют.

В это время
Начальник шарайдайских войск
Силач Сагаан Мангилай,
Грудь выпячивая по-геройски,
Хвастаться начинает.
Будто, когда похищали Урмай-Гоохон,
В ту самую славную пору,
Из этого желтого лука он
Перестрелял тридцать трех баторов.
«Всех баторов перестрелял», —
Сагаан-силач уверял.

Пошел гулять его желтый лук
Среди пирующих в руки из рук.
Лук батора под стать, огромный,
Поглядишь и объемлет жуть.
Каждый хочет его попробовать.
Тетиву оттянув, согнуть.
Все согнуть они лук хотят,
От досады зубами скрипят,
Покраснели все от натуги,
Но слабы у баторов руки.

Лук нисколько не поддается,
Лук нисколько у них не гнется.

С любопытством глядит народ,
Как силачи состязаются меж собой.
Вдруг подходит и лук берет
Мальчик найденный – Олзобой.
В наступившей большой тишине
Говорит он: «Дайте-ка мне».

Тут раздался веселый смех,
На пиру смеяться не грех.
Не могли силачи согнуть,
А мальчонка уж тут как тут.
– Эй, тyani, тyani, тyani, —
Восклицают, —
Эй, согни, согни, согни, —
Поощряют.

Но кто понимает дело,
Перестает смеяться,
Тянет парень умело
Силой плеча и пальца.
Тянет толково малый
Силой плеча и рук,
Понемногу, мало-помалу
Начинает сгибаться лук.

– Эй, тyani, тyani, тyani,—
Зрители восклицают.—
Эй, согни, согни, согни,—
Зрители поощряют.

Лук все сильнее гнется
До звона тонкой струны,
Никто уже не смеется,
Все зрелищем заражены.
А парень как будто вырос,
Стал молодцом молодец,
Любуются парнем зрители,
Любуется парнем отец.
Парень прибавил силы,
Поощряемый возгласами,
Лук уже перекосило,
Расходятся пестрые полосы.

– Эй, тyani, тyani, тyani,—
Зрители радостно восклицают,—
Эй, согни, согни, согни,—

Зрители яростно поощряют.
Тянет упорный мальчик,
Раздался тут треск и звон,
Лук богатырский сломался,
На три части распался он.

Силач Сагаан Мангилай
Глядит и глазам не верит,
Обломки лука перебирает,
Но их теперь уж не склеить.
Сильно Мангилай рассердился,
Сильно надул он щеки,
Красной кровью налился,
Брови торчат, как щетки.

«Лук у меня был вечный,
Где же другой мне взять?
Чем же врагов я встречу,
Из чего я буду стрелять?»
Схватил он мальчишку яростно,
Мертвой схватил его хваткой,
А зрители хохочут радостно
В предвкушеньи борьбы и схватки.

– Эй, сынок, не поддавайся,—
Зрители восклицают.—
Эй, малыш, не сдавайся,
Зрители поощряют.
– Тяни его за поджилки,
Дерни его за пятки.
Толкни его что есть силы,
Положи его на лопатки.

Борцы,
Изгибаясь, друг с другом схватываются.
Схватившись на месте кружатся,
Пригибаясь, они приглядываются,
Кружась, они поднауживаются.
Мускулы у них разогреваются,
Сердца у них разъяряются.

Напрягает Мангилай все мышцы,
Пот с него льется обильно,
Злостью Мангилай так и пышет,
Но злоба его бессильна.
Попался мальчонка крепкий,
Не играет мальчонка в прятки,
Налетает на Мангилая, как беркут,
Хватает Мангилая за пятки,

Налетает излюбрем-оленем,
Тянет соперника за колени.
Потом, собравши что было сил,
Сагаана Мангилая схватил-скрутил.
Огромного злобного силача
Вскинул он к себе на плечи,
Вверх поднимая, крикнул,
И о землю с размаха брякнул.

У силача из земли только уши торчат,
У силача из земли лишь мизинцы торчат,
А люди вокруг шумят-кричат.
– Какой молодец у нас народился,—
Говорят люди.
– Какой боец у нас появился,—
Восхищаются люди.
– Прославится он на все соседние страны,
Люди предполагают.
– Победит он самого Абай Гэсэр хана,—
Малышу предрекают.

В это время,
После команды шарайдаями отданной,
Их бесчисленные подданные,
Кто с острыми кольями, кто с лопатами,
Бегут силача из земли откапывать.
Копают они копают,
Ковыряют они, ковыряют,
Стоит у них гомон и гогот,
А откопать силача не могут.
На руках набили мозоли.
Зовут они Олзобоя.
Дают ему в руки веревку,
Дают ему в руки лопату,
Чтобы он со своей сноровкой
Помог силача откапывать,
Из ямы глубокой вытащить.
Олзобой отвечает: «Вот еще!
Пристало ли батору сильному, ловкому,
Путаться с лопатами да веревками».

Подошел он к закопанному силачу, поглядел,
Носком сапога его поддел,
Да и выбросил он его из земли,
Люди вокруг в удивленье пришли.

Гэсэр же,
Мыслями, никому не показанными,
Словами, вслух никому не сказанными,

Приказами, никем не услышанными,
Приказал своим баторам, чтобы в поход они вышли.

Тридцать три батора,
Триста тридцать три воеводы,
Три тысячи триста тридцать три,
Оруженосца-гвардейца,
Приготовились к дальнему походу,
Поняли, что от них требуется.
Поняли они мысли, никому не показанные,
Услышали они слова, никому не сказанные.
Исполнили они приказ, никем не услышанный,
В поход немедленно вышли.

Затуманилось небо высокое,
Закачалась земля широкая,
Красный туман в небесах расплывается,
Желтая пыль по земле расстилается,
Вселенная содрогается.
От стремян и от панцирей звоны,
Копыта гулко стучат,
Только сами баторы воины
Сурово и хмуро молчат.
Едут они к шарайдаям,
Долиной желтой владеющим,
Едут они к троеханам,
Бесчисленных подданных имеющим.

Шарайдаи о том слышали,
На дворцовую крышу вышли,
Дальнозорким волшебным глазом
Все им видно наверняка.
Отдают шарайдаи приказы,
Собирают свои войска.

Олзобоя, себя проявившего,
Олзобоя, силача победившего,
Его лук боевой сломавшего,
Из земли силача откопавшего,
Полководцем они назначают,
Боевое знамя ему вручают.

Выезжает он с ним вперед,
Все войска за собой ведет.
Передние ряды зеленую траву приминают,
Задние ряды по голой земле шагают.
По небу туман расстилается,
Над землей пыль поднимается.
Вселенная гудит и качается,

Две стороны встречаются.

Но как только
Первые стрелы полетели,
Но как только
Первые стрелы засвистели,
Принял Гэсэр свой настоящий вид,
На своем Бэлыгэне горой сидит.
На Бэлыгэне с белыми костями,
На Бэлыгэне с крепкими ногами,
На Бэлыгэне с круглыми копытами,
На Бэлыгэне гнедом, испытанном.

Сидит на Бэлыгэне Гэсэр, похожий на гору,
Шелестит, как дуб, сверкая, как солнце.
Увидали его тридцать три батора,
Триста тридцать три воеводы,
Три тысячи триста тридцать три оруженосца.
Как почали они шарайдайские войска громить,
Кишащие, словно муравьи в муравейнике,
Как почали они стрелять, кромсать, давить, рубить,
Кровь течет по самые наколенники.
Костей они нагромоздили горы,
От кровищи некуда деться.
Всех врагов перебили баторы,
Воеводы и оруженосцы-гвардейцы.

Тогда
Шарайдаи,
Желтой, долиной владеющие,
Троеханы,
Бесчисленных подданных имеющие,
Узнав, что войска их истреблены,
Не понимают, что бы это значило.
Большим удивленьем удивлены,
Задачей большой озадачены.

Не имея других надежных средств,
На поляну, где не вытоптана трава,
Выпускают они тринадцать своих волшебств,
Выпускают они двадцать три своих волшебства.
Волшебства забегали, заплясали,
Шарайдаям точно все рассказали,
Что обманул их Абай Гэсэр Удалой,
Что был это вовсе не Олзобой,
Не подкидыш это был и не мальчуган,
А могучий, великий хан.

Шарайдаи себя ругают,

Шарайдаи себя проклинаят,
Называют себя простаками,
Называют себя дураками.

Ударили они в золотой бубен,
Собрали всех северных подданных,
Ударили они в серебряный бубен,
Собрали всех южных подданных.
И под водительством Хана Бирууза-Ноена,
Выдав ему боевые знамена,
Двинули на Гэсэра войска свои,
Кишащие, как в муравейнике муравьи.

То не лес шумит,
То идут войска.
То не камыш шуршит,
То идут войска.
То не ветер свистит,
То идут войска.
То не снег валит,
То идут войска.
То не река разлилась в наводнение,
То войска идут в наступление.
Идут они, похожие на ураган,
Приблизились они к низине Ужаргай.
Над этой низиной гора поднимается,
А над этой горой заря занимается.
Там не заря занимается, не солнце горит,
Там Абай Гэсэр Удалой стоит,
Как дуб, шелестит, сверкает, как солнце.
С ним баторы его,
Воеводы его
И гвардейцы-оруженосцы.

Как начали они шарайдайские войска громить,
Кишащие, словно муравьи в муравейнике,
Как начали они стрелять, кромсать, давить, рубить,
Кровь течет по самые наколенники,
Костей они нагромоздили – горы,
От кровищи – некуда деться,
Всех врагов перебили баторы,
Воеводы и оруженосцы-гвардейцы.

Заставили они их
Козлами кричать.
Заставили они их
Козлятами верещать.
Целые сутки они их рубили,
До единого истребили.

Абая Гэсэра батор
Буйдан-Улаан,
Да шарайдайский батор
Мангилай-Сагаан,
Схватились между собой,
Закипел у них жаркий бой.

Но недолго продолжалось сражение,
Потерпел Мангилай поражение,
Силы Сагаана Мангилая ослабли,
Буйдан-Улаан зарубил его саблей.
Зарубил его саблей острой, булатной:
Вот тебе, изверг, за все расплата.

После этого
Повел Гэсэр свое войско,
Богатырское и геройское,
Ко дворцу шарайдаев,
Желтой долиной владеющих,
Ко дворцу троеханов,
Бесчисленных подданных имеющих.
Конь к коню и боец к бойцу.
Едут они, приближаются ко дворцу.

Когда во главе с Абаем Гэсэром,
Баторы сильные, баторы смелые,
А также воеводы и оруженосцы-гвардейцы
У дворца шарайдаев завершили поход.
Настала пора для решительных действий,
Абай Гэсэр выехал на Бэлыгэне вперед.
Выехав вперед, для начала
Громче громкого закричал он.
Тысячи изюбрей голоса в один соединив,
Оглушительно закричал,
Десяти тысяч изюбрей голоса объединив,
Сотрясающе закричал.

Вселенная начала качаться,
Земля начала содрогаться,
Море Сун взволновалось и задрожало,
Гора Сумбэр задрезжала.
Стоящие камни – вниз упали,
Лежащие камни – пылью стали.

В это самое время
Шарайдаи,
Долиной желтой владеющие,
Троеханы,
Бесчисленных подданных имеющие,

Поняли,
Что приходит для них расплата.
Поняли,
Что спасать свои шкуры надо,
Поняли,
Что Гэсэру и баторам его железным
Сопротивляться бесполезно.
Душа у них ушла в пятки,
Хоть беги без оглядки.

Но пустились они на хитрость,
Рассчитывая на доброту Гэсэра и милость.
Не стали они с ним биться,
А стали они молиться.
Лежат они и стенают,
Что дальше делать не знают.
Каждый жить из них хочет,
А Гэсэр над ними грохочет:

– Не вы ли,
Шарайдаи,
Желтой долиной владеющие,
Не вы ли, троеханы,
Бесчисленных подданных имеющие,
Не вы ли,
Коварны, разъярены,
Открыли двери войны?
Привели к нам в долину войска свои
Бесчисленные, как муравьи?
Не вы ли,
Пока я охотился на Алтае,
Разорили мою землю от края до края?
Табуны-стада мои истребили,
Моих подданных перебили?
Из костей да из мяса там холмы росли,
Ручьи от крови красны текли.
Была моя земля зеленая, золотая,
А стала земля испепеленная и пустая.

Не вы ли
Царицу мою великую,
Лунно-звездную, солнцеликую,
Совершенную,
От сияющих глаз до округлых колен,
Захватили и увезли на телеге в плен?
Не вы ли,
Когда дядя мой Саргал-Ноен,
Сединами мудрыми убелен,
У большого озера лежал в камышах,

Затаившись и не дыша,
Не вы ли
Выбрали рысака самого редкого,
Не вы ли
Выбрали стрелка самого меткого,
Чтобы дядю моего он стрелой погубил,
Чтобы голову и руку ему отрубил?

Не вы ли
Из головы его сделали кубок
Вино пить сладкое,
А из правой руки обрубка
Сделали для кнута рукоятку?—
Чем громче говорил Гэсэр, чем резче,
Тем шарайдаи становились меньше и меньше.

В пыли они перед Гэсэром ползают,
В грязи перед ним пресмыкаются,
Не надеясь на удачу и пользу,
Плачут они и каются.
Становятся они все ниже и ниже,
Сапоги Абаю Гэсэру лижут.
Цепляются за него руками,
Превратились они в мох на камне.
Превратились они в песок и пыль.
Так повествует об этом быль.

– Вот так-то, – говорит Гэсэр,—
Будете знать,
Как копьями да мечами махать,
Как земли цветущие разорять,
Болезни и бедствия распространять.
Это время пройдет,
И еще двойное время пройдет,
Не будете вы обижать народ.

Такое заклятье на них Гэсэр наложил,
После этого меч свой в ножны вложил.
Сделав все это, Абай Гэсэр Удалой
Начал собираться домой.
Но, конечно, тотчас же встретился он
С солнцеликой своей Урмай-Гоохон.
Обнимались они —
К голове голова,
Говорили они
Красивые, ласковые слова.
Запряг Гэсэр трех иноходцев
В телегу серебряно-зеркальную,
Посадил царицу, подобную солнцу,

Но уж радостную, а не печальную,
Посадил ее, всячески обласкал,
Домой отправил и сам домой поскакал.

Так,
Сильнейшего врага победив,
Так,
Непереваливаемые горы перевалив,
Так,
Неразвязываемое развязав,
Так,
Несказываемое сказав,
Народы от бедствий освободив,
Быстрейшего из жеребят перегнав,
Переднее назад заворотив,
Неседлаемого жеребца оседлав,
Заднее наперед загнув,
Неломаемое сломав,
Непугаемое спугнув,
Говорит Гэсэр своим баторам,
Обращается он к своим воеводам
И гвардейцам-оруженосцам:
«Нам домой собираться впору,
Готовьте коней к походу,
Выйдем с восходом солнца.

Лосиная берцовая кость в котел не вмещается,
Сердце не перестанет домой стремиться.
Эвенки к старому кочевью возвращаются,
Жеребенок тянется к матери-кобылице.
Возвращается человек к воде,
Которую в детстве пил,
Возвращается человек к земле,
На которой маленьким жил,
Собирайтесь-ка все в дорогу,
Мы поедем к родному порогу».

Едут они,
Где сыро и холодно,
Едут они,
Где сухо и жарко,
Едут они
Через землю воронов,
Едут они
Через землю жаворонков,
Хотя реки бывают длинными,
Но до моря все равно добираются.
Хотя родная земля за горами-долинами,
Но все равно приближается.

Доезжают они
До вечного моря Манзан,
Которое Абай Гэсэр водопоем сделал.
Доезжают они
До великой долины Моорэн,
Которую Абай Гэсэр пастбищем сделал.
Доезжают они
До великой реки Хатан,
Доезжают они
До дворца Абая Гэсэра.

Угощаясь яствами разными,
Друг друга люди целуют,
Восемь дней они празднуют,
Девять дней они пируют.

Возвращается прекрасное время,
Да забудет нога про стремя,
Да забудут глаза и руки
Про каленые стрелы и луки.
На просторы алтайских пастбищ
Коней пастись отпустили,
На раздолье саянских пастбищ
Коней гулять отпустили.

Две его красивых жены,
Две его золотых жены
Алма-Мэргэн и Тумэн-Жаргалан,
Встречать возвращающихся должны
Из дальнего похода, из чуждых стран.

В золотой они бубен бьют,
Северные народы собирают,
В серебряный бубен бьют,
Южные народы собирают.
На берегу великого моря Манзан,
На краю великой долины Моорэн,
У истоков реки Хатан,
Где трава растет выше колен,
Всех они встречают и привечают.

Золотые столы накрыли,
Редкие яства на них поставили.
Серебряные столы расстелили,
Крепкие напитки на них расставили.
Мяса-масла поставили – горы,
Архи-арзи поднесли – озера.

Под защитой дворцовых стен
Все оружие спрятали в сундуки,
Посреди великой долины Моорэн,
На берегу Хатан – великой реки.

Там,
Коней своих в детстве пасший,
Там,
Народы свои от бедствий спасший,
От всех несчастий их защитивший,
Мир и покой земле возвративший,
У реки,
Из которой он в детстве пил,
На земле,
На которой он в детстве жил,
С тремя золотыми солнцеликими женами,
С тридцатью тремя верными баторами,
С триста тридцатью тремя воеводами,
С три тысячи триста тридцатью тремя
Гвардейцами-оруженосцами,
Под родным отеческим солнцем,
Три раза на дню питаюсь,
Три раза в году наслаждаюсь,
Продолжает жить наш великий герой
Абай Гэсэр Удалой.

Быстрых-быстрых лисиц
Мы, погнавшись, поймали,
Черных-черных бобров,
Мы, стрельнув, поразили,
Много славных страниц
Мы перелистали,
Наслаждаясь старинной и красочной былью.
Все туго завязанное,
Мы развязали.
Все не рассказанное,
Мы рассказали.
Одобренья и отдых мы теперь заслужили.

Перевод Владимира Солоухина.

Эпилог

После всех своих подвигов и деяний,
Породивших девять этих сказаний,
Избавивши народы от несчастий и бедствий
Путем великих и решительных действий.
Очистивши свое дорогое царство
От всякой нечисти и злого коварства,
Со своими золотыми, солнцеликими женами,
Со своими верными, несокрушимыми баторами,
Со своими воеводами и оруженосцами,
Под родным отеческим солнцем,
Три раза на дню питающийся,
Три раза в году наслаждающийся,
Жил наш герой Абай Гэсэр...

Однажды сидел он и песню пел.
«Высокое солнце, скажите, красиво ли?
Но Тумэн-Жаргалан – красивее!
На рассвете солнце, скажите, красиво ли?
Но Урмай-Гоохон – красивее!
На закате солнце, скажите, красиво ли?
Но Алма-Мэргэн – красивее!»

Так Абай Гэсэр наш герой сидел,
Так о женах своих он пел.
Вдруг раздался небесный гром,
Вдруг увиделся молнии блеск,
Задрожала земля кругом,
Закачались горы окрест.
Зашумел многоглавый лес,
И при молнии, в тот же миг
Эрлиг-хан, посланец небес,
Перед входом в дворец возник.

Удивился хозяин дворца,
Увидав такого гонца.
Гость небесный, но гость непрошенный,
Он встречает его вопросами.

– Для тебя все открыты двери,
Но зачем ты на землю спустился?
Ты случайно или с намереньем
У моих дверей очутился?
Мы приветим тебя заслуженно,
Угостим тебя со старанием,
Но, если в гости, то почему же

Не сказать об этом заранее?

Эрлиг-хан торжественно начал,
Хлебосольства дары приемля:
– Ты исполнил свою задачу,
Для которой послан на землю,
А послан ты, чтобы решительно действуя,
Избавить народы от несчастий и бедствий.
Когда
Внезапно травы начали сохнуть,
А быки и лошади сталидохнуть.
Когда
Реки начали от истоков мелеть,
Солнце начало от восхода тускнеть,
С неба ни дождевки не капало,
Все живое захирело, ослабло.

Когда
Распространились холод, голод и тьма.
Когда
Распространились язва, оспа, чума.
Когда
Распространились распри, слезы и кровь.
Когда
Забыли люди жалость, любовь,
Спустили тебя на землю
Для решительных действий,
Чтобы избавить народ от бедствий.

С указанием из пяти священнейших книг
Тебя спустили,
Превратить вечность в единый миг
Тебя спустили,
С заданьем благополучие возвратить
Тебя спустили,
С заданием порядок восстановить
Тебя спустили,
С желанием веселие возродить
Тебя спустили,
С мечтаньем всю нечисть истребить
Тебя спустили,
С надеждой успокоить людей
Тебя спустили,
С решеньем счастливыми сделать их
Тебя спустили,
С мудростью для семидесяти мудрецов
Тебя спустили
С основой для семидесяти языков
Тебя спустили.

Должен был ты людей защитить-спасти,
Чтобы могли они мирно свой скот пасти,
Чтоб могли они опять веселиться,
Чтоб могли они опять расплодиться,
Козней дьявольских не бояться,
Красотой земли наслаждаться.

А теперь,
Когда на земле порядок и мир царят,
Пора тебе возвращаться назад.
Достиг ты меры своих годов,
Землю ты покинуть готов.
На рассвете,
Пока не взойдет еще солнце,
Мы с тобой с земли навсегда унесемся.

Без тебя
Они будут рассвет встречать,
Без тебя
Они будут детей качать,
Без тебя
Они будут есть и пить,
Без тебя
Они будут жен любить,
Без тебя
Они будут скот пасти,
Без тебя
Они будут жизнь вести.

У Абая Гэсэра
Сердце часто-часто забилося,
У Абая Гэсэра
В глазах помутилось.
Дрожью он начал дрожать,
Посыльному внемля,
Не хочет он покидать
Прекрасную землю.
Но виду не подает,
А спокойную речь ведет.

– Гость дорогой,
Зачем же стоять на пороге?
Заходите в дом,
Промочите горло с дороги.—
За руку он Эрлиг-хана берет
И во дворец ведет.
А там,
Золотой стол накрывают,

Редкие кушанья ставят.
Серебряный стол накрывают,
Крепкие напитки ставят.
Мясо-масло подали бугорком,
Арзу-Хорзу подали озерком.
К вечеру небесный гонец
Объелся и упился вконец.
Напился гонец тот в стельку,
Уложили его на постельку.
Не проснулся он на рассвете,
Не проснулся он к нужному сроку.
Он проснулся, а день уж светел,
Он проснулся, а солнце уже высоко,
Куда уж тут на небо возноситься,
Не лучше ли – опохмелиться...

– Ладно, – сказал он Гэсэру, —
Для меня невозможного нет.
Опять молодым тебя сделаю,
Живи ты еще сто лет.—
Арзой-хорзой он опохмелился,
И на небо один возвратился.

А Гэсэр,
Возвратившись к молодости,
Возвратившись к силе и бодрости,
На любимой земле цветущей,
И людей и зверей кормящей,
Табуны и стада пасущей,
Родниковой водой поящей,
Стал по-прежнему мирно жить,
Для народа защитой быть.

Восходит ясное солнце,
Земля им обогревается.
Вверх посмотрит Гэсэр – смеется,
Вниз посмотрит Гэсэр – улыбается.
И он и народы рады,
Что на небо ему – не надо.
Своим женам милым, прекрасным
Говорит он твердо и ясно:
– В золотой бубен стучите,
Северных людей собирайте,
В серебряный бубен стучите,
Южных людей собирайте.
Мясо-масло на стол несите,
Вина крепкие наливайте!
Веселиться и пить мы будем крепко,
А жить мы будем до скончания века!

Перевод Владимира Солоухина.